

5

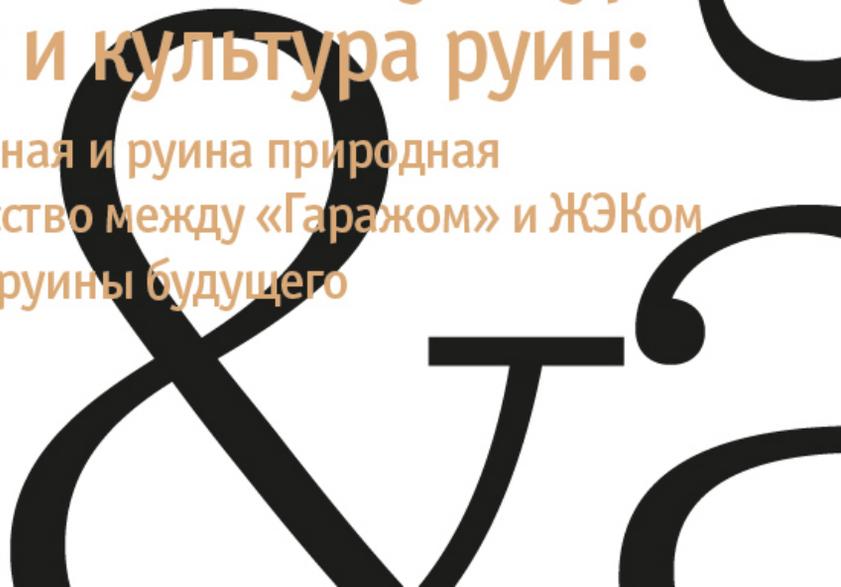
неприкосновенный
запас

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ

145 ²⁰²²

руины политики и культуры / политика и культура руин:

- * руина культурная и руина природная
- * уличное искусство между «Гаражом» и ЖЭКом
- * африканские руины будущего

неприкосновенный запас 5 [145] 2022

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ | выходит шесть раз в год | издается с сентября 1998 года

ИМПЕРСКИЕ ХРОНИКИ	003	Крах «всея Руси» <i>Страницы</i> Владислава Иноземцева
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА	009	Руина-22 <i>Страницы</i> Алексея Левинсона
ПОЛИТИКА КУЛЬТУРЫ	014	Владислав Дегтярев. Руина культурная и руина природная
CASE STUDY	030	Борис Соколов. Соцреалист во стане белых воинов?
ПОЛИТИКА КУЛЬТУРЫ	067	Игорь Кобылин. «Déjà vu и конец истории»: возможности и действительность
УЛИЧНОЕ ИСКУССТВО МЕЖДУ «ГАРАЖОМ» И ЖЭКОМ	078	Мария Удовыдченко. Культура граффити-зинов. Неиндексированные граффити-журналы Санкт-Петербурга 2000–2010-х годов
	096	Антон Маке Польский. Жилищно-коммунальное искусство
	110	Наталья Каш. Практики солидарной экономики в уличном искусстве: пример пространства «10.203»
ПОЛИТИКА ЗВУКА	119	Иэн Пенман. Было ли ему хорошо? Грандиозная карьера и жизнь Джеймса Брауна
АФРИКАНСКИЕ РУИНЫ БУДУЩЕГО	134	Алиса Шишкина, Егор Файн. «Похищенные революции»: феномен куволуций в Африке южнее Сахары
	148	Леонид Исаев, Дарья Бобарыкина. «Курды Африки», или Как туареги остались без собственного государства
	165	Наталья Жерлицына. Буркина-Фасо и террористический кризис в Сахеле
	178	Андрей Захаров. Федерация Родезии и Ньясаленда в исторической перспективе: белые начинают и проигрывают
ПРЕВРАТНОСТИ МЕТОДА	204	Закат бразильской «Новой республики» <i>Страницы</i> Татьяны Ворожейкиной

ОБЗОР ЖУРНАЛОВ**222 АЛЕКСАНДР ПИСАРЕВ.** Темные антропологии
и история во тьме: обзор российских
интеллектуальных журналов**НОВЫЕ КНИГИ****230 Полина Колозарики.** Из России, из России,
из России
239 Рецензии**SUMMARY****257**

Главный редактор
Ирина Прохорова

Шеф-редактор
Кирилл Кобрин

Редакторы
АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
АНТОН ЗОЛОТОВ
ИГОРЬ КОБЫЛИН

Дизайн
ДМИТРИЙ ЧЕРНОГАЕВ
АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Корректор
МАРИНА АЛХАЗОВА

Маркетинг, PR и реклама
АЛЕКСАНДР СУСЛОВ
Тел. +7 (495) 229 91 03
e-mail: alexandersuslov@
nlobooks.ru

Почтовый адрес редакции
123104, Москва,
Тверской бульвар, д. 13, стр. 1.
тел./факс: +7 (495) 229 91 03
в Санкт-Петербурге:
тел./факс: +7 (812) 579 50 04

e-mail:
nz@nlobooks.ru
электронная версия
журнала:
www.nlobooks.ru/nz

member of
the eurozine network
www.eurozine.com

Подписка по России:
Агентство «Роспечать»:
подписной индекс 45683

Зарубежная подписка:
Kubon & Sagner,
Hesstr. 39/41,
80798, München, Germany
Tel.: +49-89-54-218-130
Fax: +49-89-54-218-218
e-mail:
postmaster@kubon-sagner.de
www.kubon-sagner.de

ISSN 1815-7912
ISBN 5-86793-053-x
«Неприкосновенный запас»
Лицензия на издательскую
деятельность:
серия ЛР № 061083
от 6 мая 1997 г.

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации:

Серия ПИ № 77-7546 от
5 марта 2001 г.

Периодичность: 6 раз в год.
[18+]

© 000 Редакция журнала
«Новое литературное
обозрение»

Москва, 2022

Последние годы в российской политике прошли под знаком борьбы за «русский мир», в основе которого, по мнению Кремля, находились языковые («русский мир – это сетевая структура больших и малых сообществ, думающих и говорящих на русском языке»¹), религиозные («к [русскому] миру могут принадлежать люди, которые вообще не относятся к славянскому миру, но которые восприняли культурную и духовную составляющую этого мира как свою собственную»²) и даже расовые особенности («русский мир» сплочен «не только нашим общим культурным кодом, но и исключительно мощным генетическим кодом»³) управляемого ими народа. Вторую колонку

- 1 Островский Е., Щедровицкий П. *Россия: страна, которой не было* // Русский архипелаг. 1999 (www.archipelag.ru/ru_mir/history/history99-00/shedrovicky-rossia-no/).
- 2 Святейший ПАТРИАРХ КИРИЛЛ. *Русский мир – особая цивилизация, которую необходимо сберечь*. 2014. 8 сентября (www.patriarchia.ru/db/text/3730705.html).
- 3 *Прямая линия с Владимиром Путиным, 17 апреля 2014 года* (www.kremlin.ru/events/president/news/20796).

ИМПЕРСКИЕ ХРОНИКИ

«Имперских хроник» я хотел бы посвящать религиозной составляющей российской имперскости – так как сегодня эта ее основа претерпевает, вероятно, самые радикальные изменения.

* * *

Вряд ли кто-то решится поспорить с тем, что роль православия в становлении и формировании российской имперской доктрины огромна. Религиозная идентичность Руси стала формироваться после принятия христианства в конце X века – в период, предшествовавший великой схизме 1054 года, – однако уже тогда было ясно, что киевские князья предпочли именно византийскую версию христианства. Можно по-разному оценивать достоинства и недостатки православия и католицизма, однако нельзя не заметить два важных следствия «константинопольской христианизации». С одной стороны, русская письменность была разработана на основе греческого, а не латинского алфавита; богослужение велось на греческом языке, и русские земли оказались практически отрезанными от европейской культуры и европейских нововведений. (Хотя константинопольский Пандидактерион и может считаться первым европейским университетом, он пришел в упадок к XII веку, тогда как в западной части Европы образование начало быстро распространяться.) С другой стороны, расцвет Древней Руси пришелся на период после церковного раскола, а возвышение Московии – на время, когда Византия не то чтобы пришла в упадок, но доживала последние десятилетия. Иначе говоря, приняв православную версию христианства, Русь оказалась последовательницей гибнущей цивилизации и, соответствен-

но, восприняла ее крах как открывающуюся возможность «наследования». В дополнение ко всему этому события 1054-го, 1204-го и 1431–1449 годов формировали в московском правящем классе понимание не просто различности, а скорее враждебности двух ветвей христианства и, следовательно, неприимости Руси и Европы.

Обретение русскими землями православной идентичности стало одним из фундаментальных факторов, определивших исторический путь сначала Московии, а потом и России – причем даже более значимым, чем последствия монгольского ига. Московское самодержавие, лежавшее в основе имперскости, в значительной мере основывалось на отсутствии тех «сдержек», которыми для европейских монархов были папские установления. «Приватизация» светской властью власти церковной, начавшаяся с переезда киевских митрополитов сначала во Владимир, а потом и в Москву в конце XIII – начале XIV веков, исключала возможность влияния церкви на политику. В русских землях были изначально невозможны аналогии путешествия Генриха IV в Каноссу к Григорию VII, вмешательства церкви в геополитические вопросы (вроде того, что было порождено знаменитыми буллами Александра VI) или относительно «травоядных» дебатов о судьбах колонизированных народов наподобие ведшихся в Вальядолиде. При этом крайне важным моментом является и то, что по мере упадка Византии и происходившего параллельно с этим превращения Московии, одного из русских княжеств, в царство, которое определяло судьбы всех русских народов, русская церковь стала претендовать на доминирующую роль во всем мировом православии. Родившаяся в начале XVI века доктрина, определявшая

Москву как «третий Рим», стала основой для установления на Руси патриаршества – и, учитывая, что к этому времени за пределами русских земель не существовало государств, управлявшихся православными монархами (Литва приняла католичество в 1386 году, а Сербия была завоевана османами в 1459-м), православие обрело в Московии не просто статус государственной религии, а характер главного элемента национальной идентичности. Если в Европе в это время начинали зарождаться национальные государства (*nation-states*), то в Московии возникло церковное государство (*state-church*) – причем именно церковное, а не религиозное, так как в его основе лежала не принадлежность к сообществу веры, а включенность в организационные структуры церкви и тождественного ей государства.

* * *

Подобное положение вещей распространилось с Московии на Россию по мере того, как она начала формироваться в XVI–XVII веках в ходе консолидации исторических русских земель; после захвата Новгорода и Пскова последовало дальнейшее расширение на Запад и Восток. Именно прочность православного элемента государственной идентичности, на мой взгляд, заставила новгородских и владимирских князей более последовательно бороться с западными крестоносцами, чем с монгольскими ханами, так как первые стремились распространять в русских землях католицизм, тогда как вторые были вполне веротерпимы. Причем я далек от того, чтобы утверждать полную тождественность церкви и государства в российском сознании – я лишь утверждаю, что защита православной веры и защита

страны порой сливались воедино без всякого принуждения со стороны власти, как то, например, имело место в Смуту начала XVII столетия, когда католичество поляков сделало их доминирование неприемлемым для значительных масс народа, хотя элиты были вполне готовы к компромиссам.

Так или иначе, Российская империя формировалась и развивалась как государство не только с четко выраженной религиозной идентичностью, но и с явной подчиненностью духовной власти светской – что разительно проявилось в упразднении патриаршества при Петре I и создании Синода как одной из бюрократических организаций. Стоит заметить, что православие в это время стало рассматриваться не столько как религия, сколько как элемент социального статуса, обеспечивающего права и обязанности подданного российской короны. Хорошо известно, что жившие на окраинах империи инородцы чаще всего освобождались от ряда податей и повинностей, в то время как, например, евреи, протестанты и католики могли рассчитывать на карьеру в тогдашнем обществе только после перехода в православную веру (что практиковалось в огромных масштабах). По сути, Россия стала одной из немногих европейских стран XVIII–XIX веков, где религиозная принадлежность была важной основой гражданства – и потому сотни православных немцев, французов и голландцев в ранге офицеров и генералов десятилетие за десятилетие вели русские армии в бой со своими бывшими соотечественниками.

Однако, что намного более важно, Россия начиная с XVIII века стала не только руководствоваться религиозными основаниями в отношении к своим подданным, но и учитывать их во взаимоотношениях с соседями. Если

в Европе в тот период религиозные войны ушли в историю, то в России они как раз только и начались: власти в Санкт-Петербурге активно поддерживали борьбу православных народов против османского ига, смело обосновывали свои притязания на новые территории религиозными факторами (тут стоит вспомнить, что именно с требования об установлении протектората над Валахией началась Крымская война 1853–1856 годов), а также активно поддерживали православные страны даже тогда, когда для этого не существовало никаких рациональных причин (один из таких случаев, относящийся к 1914 году, привел несколько позже к крушению самой Российской империи).

В то же время идентификация православия в имперский период с принадлежностью к русскому народу («всея Руси», или одной из трех «Россий») имела еще одно важное и печальное следствие: по мере имперской консолидации России и углубляющегося понимания ее отличий от присоединенных колоний и владений власти начали усиленную русификацию православных на всех своих землях. В XIX веке российское правительство последовательно искореняло использование украинского и белорусского языков и отрицало культуру православных славянских народов настолько, что литературный украинский язык сохранялся в основном в австро-венгерских владениях, а самая фундаментальная «История Украины-Руси» была написана в Вене. Таким образом, православие, с одной стороны, культурно и геополитически объединяло Россию с теми странами, где оно также исповедовалось как общенациональная религия, но, с другой стороны, порождало искусственные разломы внутри собственно империи, где оно пыталось отрицать существовавшее

культурное многообразие именно из-за своей сращенности с государственным аппаратом.

* * *

Советский период принес страшные испытания православным клирикам и мирянам, но, судя по всему, не изменил традиционного для православия стремления пресмыкаться перед светской властью. Однако, как мы сейчас видим, не менее проблематичным для русской церкви стало приспособление к постсоветским реалиям – которые, казалось бы, должны были стать временем религиозной свободы и православного возрождения.

После распада Советского Союза сложилась ситуация, с которой Русская церковь никогда ранее не сталкивалась. Она оставалась, без всякого сомнения, основной и самой влиятельной православной конфессией, к которой по состоянию на середину 2010-х, относили себя около 90 миллионов человек (тогда же в Румынской православной церкви насчитывалось 15,5 миллиона, а греческой – 8,5 миллиона). Если значимые православные церкви тогда действовали в пределах собственных национальных границ (такими, в частности, были Греческая, Сербская, Румынская, Болгарская церкви), то Русская православная церковь оказалась единственной, распространившей свою юрисдикцию на четыре суверенных государства: Российскую Федерацию, Украину, Беларусь и Молдову. В каждом из них православные выступают доминирующей религиозной группой, а в подчиняющиеся РПЦ структуры включена подавляющая часть мирян. Пребывание первоиерархов Украинской, Белорусской и Молдавской церквей

в Священном синоде в статусе постоянных членов подчеркивает эту особенность. Однако события, последовавшие за распадом СССР, свидетельствуют о том, что религиозное самоопределение православных на территории бывшей Российской империи приходит во все большее противоречие и даже конфликт с государственным характером Русской церкви.

Оценивая нынешнюю ситуацию, я указал бы на то, что текущие процессы прежде всего свидетельствуют о несовершенстве православия с точки зрения его политического «самоопределения». То, что сейчас делается с Русской церковью, крайне напоминает происходившее с Римской церковью полторы тысячелетия назад. Тогда она, пострадав от императоров не меньше, чем Русская церковь от коммунистов, стала в 380 году государственной конфессией империи – но всего через сто с небольшим лет Западная империя распалась, и римские епископы вынуждены были распространять свою веру в странах, образовавшихся на ее осколках. Они несли именно христианское слово, а не политический интерес, но при этом всего через триста лет именно римский первосвященник короновал Карла как нового императора всей Европы. Потеряв своего «начальника», западное христианство возродилось как наднациональная, а по сути, мировая религия – общая для черни и монархов десятков европейских государств. В какой-то мере крах Советского Союза открывал такой же шанс и перед православной конфессией, однако ее погубила государственно-националистическая природа. Если после распада Российской империи большевики оказались достаточно умны, чтобы выстроить свою империю, не упоминая о доминирующей нации и лишь встроив

российскую республику в новый союз в качестве одного из многих элементов, то Русская церковь не нашла в себе сил предпочесть православие «русскости» и собственными руками создала коллизию, разрешить которую сегодня никто не в состоянии. И удивительно не то, что сейчас в Украине образована собственная поместная православная церковь или что местные структуры Московского патриархата пытаются подчеркнуть свою независимость, а то, что Русская православная церковь вообще смогла просуществовать все эти тридцать лет в странах, национальная идентичность которых естественным образом формировалась на преодолении «русскости».

* * *

История православной церкви в том виде, в каком она сформировалась в Восточной Римской империи, была неразрывно связана с государственной политикой. Начиная с V века от Константинопольского патриархата стали отпочковываться самоуправляемые церкви, так или иначе связанные с народами отдельных частей империи или отпадавших от нее фрагментов. С течением времени этот тренд только усилился: даже в землях, население которых принимало христианство византийского уклада, практически сразу возникали самостоятельные церкви – как в Болгарии в IX, в Грузии в XI или в Сербии в XIII веках. Сегодня ни одна из признанных православных церквей, кроме Русской, не окормляет население стран, независимых от правительства ее собственной страны (даже на Кипре, населенном этническими греками, имеется своя, Кипрская, церковь). И это выглядит столь естественным, что судьба РПЦ кажется предрешенной.

Идея «русского мира», с которой мы начали этот очерк, показалась современным российским вождям привлекательной по нескольким причинам. Во-первых, после краха Советского Союза новой России нужна была собственная идентичность, и ее, как казалось, проще всего было строить через эксплуатацию образа великого русского народа и великой русской истории. Во-вторых, все последние годы прошли в выстраивании связи государства и церкви (причем Русской церкви) как наиболее консервативного социального института. В-третьих, идея «русскости» отчасти соответствовала концепту «национального примирения» между Россией и представителями диаспоры, в том числе тех людей, которые бежали от коммунистических властей, и их потомков. Можно согласиться даже с тем, что «русский мир» был способен указать на принадлежность русскоязычных меньшинств, существующих во многих странах, к большой и значимой общности. Однако в то же время идея «русского мира» была изначально проигрышной в случае применения ее для обоснования имперских притязаний любого рода. Современный мир вовсе не враждебен многонациональным образованиям и интеграционным экспериментам (и об этом я подробно поговорю в следующей колонке), однако он очень чувствителен к попыткам организовывать межэтническое имперское строительство на этнических началах.

Русская православная церковь оказалась в мире XXI века проектом более русским, чем христианским – и это, вполне вероятно, приведет ее к коллапсу. Московская патриархия не осознала, что после 1991 года не существует ни Советского Союза как наследника той империи, в рамках которой она создавалась, ни той «всая Руси», которой она до сих пор стремится управлять. В Кремле, на мой взгляд, совершили ошибку, сделав на РПЦ серьезную ставку в обосновании собственных геополитических притязаний. В отличие от католичества, где войны между отдельными католическими странами велись десятки раз на протяжении веков, не уничтожая церковного единства, православие всегда раскалывалось на части, как только дело доходило до попыток создания империи из относительно отдельных или обособившихся народов (достаточно вспомнить византийско-болгарские войны X–XI веков). «Русский мир», как и Русскую церковь, невозможно создать за пределами политически организованной России – и неизбежное крушение предпринятой Москвой попытки будет иметь для российского народа и русской культуры не менее тяжелые последствия, чем распады российской и советской империй. Вполне вероятно, что, стремясь исправить последствия «величайшей геополитической катастрофы XX века», российские власти неминуемо и быстро приближают величайший этносоциальный кризис XXI столетия...

Мы, оглядываясь, видим лишь руины.

Иосиф Бродский

Можно ли говорить о руине, не думая о том, что именно рушится на наших глазах? Разрушены тысячи жизней, украинские города, русско-украинские отношения, отношение к России на Западе. Разрушен слой либеральной общественности, той, которой адресован этот журнал и эти заметки. Разрушены. Но это еще свежо, болит и в этом смысле живо. Это развалины, и травмы, но это еще не руины.

Определим руину как вещь, суть которой состоит в том, что она потеряла значение. Зиммель говорил о соединении в руине времени прошедшего и нынешнего, то есть того, чего нет, с тем, что есть, – как память и след. Надвигается новая эпоха, она эту память сотрет. Этих руин уже не станет. Будут новые.

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА**

Вокруг нас очень много (слишком много) того, чего нет. Мода на твердый знак и ять – где к месту, а где и нет – вползла в политику. Мы наследуем Российской империи и считаем, что у нас есть права на Финляндию, Польшу, Аляску. Эта империя – руина. «Страна, которую мы потеряли», «страна, которой нет» – СССР, – это, безусловно, руина.

В нашем определении не присутствуют слова «разрушенное, разрушившееся, но не до конца», но для многих это – первое значение слова «руина». И Российская империя, и Советский Союз *были разрушены*, как считают большинство наших современников (остальные используют слова «разрушилась», «разрушился»). Многие мечтают, чтобы Украина стала руиной, и полагают, что если часто говорить «Малороссия», то эта руинизация будет казаться уже свершившейся.

Предмет этих заметок – социальные руины. Размерность поменьше, чем целая страна, но такой величины, что утрата социального субъекта или его социальных продуктов имеет значение для истории страны в целом. Удобная единица рассмотрения – социальный класс. Марксистское определение класса опирает на собственность, мы же имеем в виду прежде всего сходство социальных обстоятельств, в которых существуют те, кого мы относим (или кто себя относит) к определенному классу, а также единство норм и ценностей, разделяемых ими.

Разрушение империи Романовых привело к утрате социального класса – русского дворянства. Что нам досталось от этого класса, через сколько рук оно прошло? Особенно интересно инвентаризовать то, что не имеет вещественной формы, то есть не особняки и мебель, картины и фарфор, а нечто из культуры – дворянской субкультуры, если угодно.

Нечто осталось, и мы привязываем это к нашему образу данного класса. Образ есть – класса больше нет. Это руина.

После октября 1917-го началось уничтожение другого класса – российской буржуазии. Кажется, от ее культуры к сегодняшнему дню осталось существенно меньше, чем от дворянской. Что-то связанное с прогрессивными взглядами крупных промышленников, с их благотворительностью. Еще осталось убеждение, что революция 1917-го – это победа рабочих над «буржуями».

Вспомним формулу 1920–1930-х: «уничтожить как класс». Действительно, оба класса – дворянство и буржуазия – были уничтожены как социальные агрегаты. Марксисты считают главным в этом процессе то, что эти классы были лишены собственности и возможности эксплуатировать крестьян и рабочих. Другие историки скажут, что эти классы исчезли в значительной части за счет физического уничтожения дворян, заводчиков, фабрикантов, купцов и за счет их эмиграции из России. Так же были разрушены их социальные связи и поддерживаемая этими связями идентичность. Демонстративный эгалитаризм («у нас все равны»), замена любого звания на «гражданин» были для выживших и продолжавших жить в России представителей обоих классов равны потере своей идентичности. Стоит вдуматься в ходившее тогда выражение «бывшие люди». Его можно прочесть и так: были людьми, а теперь уже не люди. Руина.

На очереди еще один класс – российская буржуазия-2, нэпманы. Век их был недолог, но память они оставили прочную. Правда, помнят всего три вещи: быстрый расцвет легкой промышленности и торговли, «угар нэпа», а потом экспроприацию собственности нэпманов чекистами.

Из важных социальных маркеров, которые сохранились в нашей коллективной памяти, надо назвать два: «частники» и «мешочники». Их никто не зовет «классом». Скорее – «сборище деклассированных элементов», говоря по-тогдашнему. В оба понятия встроена интонация легкого презрения. Между тем городскую Россию от голода спасли именно они, десятками тысяч носившие, перевозившие и продававшие товары при полном параличе государственного снабжения. Показательно, что их «правнуками» оказались «челноки» 1990-х, которые, кажется, совсем не руина – напротив, они возрождаются и сейчас снова берутся за дело, спасая наш потребительский рынок в обход санкций и контрсанкций.

Самая крупная из социальных руин, самый крупный класс – российское крестьянство. Сколько всего, с ним связанного, осталось в памяти, литературе, кинематографе, менталитете – не счесть. Но того крестьянства, которое в основном и образовывало историческую Россию, уже нет совсем: коллективизация, полупринудительная урбанизация, войны... Есть старушки, живущие своим огородом и козой/свиньей, есть горожане, продолжающие что-то выращивать на своих шести сотках. Это сфера тяжелого ручного труда и малых объемов производства. Правда, это их «картоха» спасала города в послевоенную голодуху и в другие кризисные годы. Есть немного фермеров, но «архангельский мужик» как социальный тип не состоялся. И есть разрастающиеся агрохолдинги – высокоиндустриализованные производства, зачастую с привозной рабочей силой. Так что деревня есть – а крестьянства нет. Руина.

Теперь о новой буржуазии – новой, но уже успевшей сгинуть. О ней заговорили как о «среднем классе» именно

тогда, когда ее не стало. Пионерами, появившимися после перестройки, в ходе реформ, стали «новые русские» – героическое, дикое племя. Они первыми стали жить по-новому, хотя не знали, как надо жить. Над их малиновыми пиджаками смеялось общество, продолжавшее одеваться в темно-серое и светло-черное. Да, в их среде нравы и вкусы были жесткими, как в бандах. Их *business culture* была самодельной. Ее регуляторами, помимо насилия и угрозы насилия, были водка, баня и секс. Они ушли с исторической сцены, многие – в могилу в свои неполные сорок. В нашей памяти остались «голды» на шее, пиджаки и несколько смешных анекдотов. Затем явились «предприниматели», иногда говорят «бизнесмены», но никогда – «буржуазия». А ведь это, правда, наши буржуа. Причин тому несколько.

Французское слово «буржуа», как и немецкое «бюргер», изначально значило просто «горожанин», по-русски «мещанин». Как самоназвание отрицательного смысла оно не несло. Пушкин не менее трех раз с гордостью называл себя мещанином. Но в той традиции, к которой присоединились российские социал-демократы, а потом советские коммунисты, слово «буржуазный» стало политическим обвинением и ругательством, а у слова «мещанский» появился унижающий смысл, указывающий на «безвкусоность», «дурной вкус» и «пошлость».

Буржуазия, как учили преподаватели «основ марксизма», бывает крупной и мелкой. И крупная хуже мелкой, потому что она эксплуататорский класс. Но в Марксовых текстах иногда можно почувствовать некоторое уважение к крупной буржуазии. Об этом говорит, например, его выражение «капитаны капиталистического производства». Крупная буржуазия – для Маркса враг, но

враг серьезный. С мелкой буржуазией много боролся Ленин. Он ее ненавидел и боялся – ввиду ее живучести. Слово «мелкобуржуазный» в советском политическом обиходе надолго сделалось обвинением. При Сталине мелкобуржуазные взгляды, привычки еще появлялись – их выявляли, за них наказывали.

Русская интеллигенция, родившись на исходе XIX века – частью из дворян, частью из разночинцев, – была ровесницей восходящей русской буржуазии, но не была с ней в родстве. Служилый класс и интеллигенция росли из дворянского, не купеческого корня. Бессребреничество, презрение к деньгам, к поиску выгоды, расчетливости – это черты не купеческие, не буржуазные. Кое-что из этого антибуржуазного пафоса донеслось до гораздо более поздних дней, войдя в этос советской интеллигенции. Внимательно послушайте Окуджаву, Галича, Высоцкого и других бардов-кумиров: там эти ноты презрения к богатству, накопительству, расчету звучат очень сильно.

Советские интеллигенты водились со «спекулянтами», покупали у них то, чего нельзя было «достать», но отношения с ними были, как у пушкинского рыцаря с жидом. Примерно так же они относились к работникам «торговой сети». Все «торгаши», как считалось, были нечисты на руку (работа такая!); туда шли те, для кого деньги были важнее всего. Совсем социально далекими представлялись «цеховики», теневые предприниматели. Но советская интеллигенция обрадовалась, узнав, что бывает «честное предпринимательство», когда открывавшиеся артели по производству каких-то нужных вещей – рам для парников, замков – направляли прибыли, как уверялось, в кассу своей организации. Хорошие предприниматели – и при этом не спекулянты, а порядочные люди.

Называть их «капиталистами», «буржуа» в голову не приходило.

Началось кооперативное движение. Я встречался с кооператорами первой волны, брал у них интервью и был удивлен «социальной близостью» моих собеседников. Интеллигентные люди, не барыги, не торгоши, не спекулянты. Люди с благородной гражданской позицией. Один мой респондент налаживал производство детской обуви: «хорошей, крепкой, недорогой; чтобы любая семья, у которой ребенок в школу идет, могла купить». Этих кооператоров довольно быстро «съели» те, кто начал привозить китайскую дешевку.

Я встречался с предпринимателями следующей волны. Они явно были уже покруче кооператоров. Это были люди какой-то новой, неизвестной мне социальной породы. Крепкие, уверенные и довольные собой – потому, что к своим сорока достигли всего, чего должен добиться, как считается, настоящий мужик. Есть семья, которая всем обеспечена. Есть дом, дача, машина-иномарка. Они говорили: мы, как и «новые русские», имеем то, что хотят иметь все, но не имеют. Но мы так же, как «все», заработали это своими руками, в отличие от «новых русских», которые получили все даром, потому что были в нужном месте в нужное время. У такого предпринимателя свое производство. Там он хозяин, и у него все в порядке. Работники трудятся в хороших условиях, своя столовая, свои врачи, свой транспорт развозит по поселкам. «Я государству говорю: отойди, все сделаю сам». Хозяева жизни.

Я благодарен судьбе за то, что видел этих достойных людей. Людей с таким чувством достоинства я видел еще только раз. Это были не капиталисты, а пролетарии. Это были рабочие Кузбасса, поднявшиеся на забастовку. Когда несколько смен нескольких шахт вышли

на площадь «в грязном», то есть в робах, в которых полагается быть только под землей, администрация этого шахтерского города поняла, что дело серьезное, и просто удрала. Шахтеры взяли власть в свои руки и несколько дней город жил как коммуна. Они между прочим ввели сухой закон и патрулировали улицы. Тоже хозяева жизни. Такой свежести воздуха и такой ясности лиц я больше не видел.

Эти социальные типы исчезали по мере того, как 1990-е заменялись на 2000-е.

И два слова про современную интеллигенцию. О том, что ее нет, Дмитрий Гудков и Борис Дубин заговорили много лет назад. Они чувствовали, куда идет дело. Но до недавнего времени продолжали функционировать институты, где интеллигенция могла если не воспроизводиться, то хотя бы сохраняться – школа, средняя и высшая, наука, искусство. Однако теперь доносящиеся оттуда вести говорят, что больше так не будет. Интеллигенты пока остаются – в России ли или уже нет, – но такого социального феномена больше не будет. Руина.

ВЛАДИСЛАВ
ДЕГТЯРЕВ

Руина культурная и руина природная

Владислав Владимирович
Дегтярев (р. 1974) –
культуролог, препода-
ватель Факультета
свободных искусств
и наук СПбГУ.

Строительство искусственных руин в европейских пейзажных парках, примерами которых могут служить Башня-руина Юрия Фельтена в Екатерининском парке Царского Села (1771–1773) или «La colonne brisée» Франсуа Барбье (1774–1784) в парке Дезер де Рец в Марли близ Парижа, не просто совпадает по времени с попытками вывести архитектуру из природы – это явления одного порядка, взаимосвязанные феномены эпохи Просвещения.

Фальшивые руины можно трактовать как своего рода обманку, *trompe l'oeil*. Этим термином принято называть плоскостные живописные имитации трехмерных объектов, популярные в XVIII веке, но почему бы не распространить его на другие имитации, скрывающие от нашего глаза свой возраст или сущность? Тогда мы обнаружим, что подобной обманкой может быть также и машина – особенно, если она притворяется живой, как притворялись живыми «Утка» Жака Вокансона, «Турок» Вольфганга фон Кемпелена и другие автоматы XVIII века. В историческом смысле их судьба не завидна: будучи в свое время объектом размышления для лучших умов, сейчас они проходят по разряду курьезов. Точно так же и о традиции живописных обманок можно вкратце сказать, что она тихо угасала в течение XIX века, чтобы возродиться как часть массовой культуры уже в наше время. Фальшивые же руины окончательно и беспово-

ПОЛИТИКА
КУЛЬТУРЫ

ротно исчезли с приходом романтизма и историзма, когда культура стала по-настоящему интересоваться прошлым и памятниками истории, а не просто их местом в сегодняшнем мире. Тогда, кстати, подлинные руины начали достраивать до состояния идеальной завершенности. Правда, это касалось только средневековых руин – возможно, сказывался пиетет перед античностью или развалин средневековых замков и церквей было попросту больше. Фальшивые же руины могли быть как готическими, так и классическими.

«Должны руины быть готическими или античными?» – спрашивал в «Основаниях критики» (1762) шотландский философ Генри Хоум, лорд Кеймс, имея в виду искусственные парковые руины. Ответ был для него ясен: «Я высказываюсь за первые; ибо они олицетворяют торжество времени над силой – мысль меланхолическая, но не лишенная приятности; античные руины говорят скорее о торжестве варварства над цивилизацией – мысль, мрачная и рождающая уныние»¹. При этом разница между подлинными руинами и их имитацией для Хоума несущественна.

Как утверждает исследователь автоматов Джессика Рискин, культура, не различавшая искусственное и естественное, существовала между 1730-ми и 1790-ми, а к началу XIX века, то есть к пришествию эпохи Романтизма, полностью угасла:

«Инженеры XVIII столетия стремились воспроизвести текстуру живых существ и вещества, из которых они состоят, делая автоматы этого периода очень отличающимися от автоматов предшествующего и последующего времени. [...] Период между 1730-ми и 1790-ми годами был периодом воспроизведения [*simulation*], когда механики честно старались устранить разрыв между одушевленной и искусственной машинерией. [...]

Проекты XVIII века в области искусственной жизни порождали машины с мягкой кожей, подвижными губами и тонкими, суставчатыми пальцами. Эти машины не только писали, рисовали и играли на музыкальных инструментах, но также дышали, ели и испражнялись. Другими словами, они осуществляли функции, которые их создатели выбрали в качестве воплощения одушевленного и органического»².

Рассуждая в духе Мишеля Фуко, можно допустить, что неразличение искусственного и естественного представляет собой основную черту интеллектуальной парадигмы эпохи Просвещения. Тогда логично будет предположить, что строительство искусственных руин и существование теории о происхождении архитектуры из природных форм должны укладываться

1 Хоум Г. *Основания критики*. М., 1977. С. 522.

2 RISKIN J. *Eighteenth-Century Wetware* // *Representations*. 2003. Vol. 83. № 1. P. 100–101, 104.

во временной промежуток, условно говоря, от создания Вокансоном своей «Утки» (1738) до воцарения королевы Виктории (1837).

Кажется, так оно и есть. Во всяком случае закат жанра, объединяющего природные структуры и постройки человека, можно точно датировать. По-видимому, последний пример обращения к идее возникновения архитектурных форм из природных объектов представляет собой акварель английского архитектора Джозефа Гэнди (1771–1843) «Происхождение архитектуры», выполненная в 1838 году. Что характерно, Гэнди, как наследник мыслителей Просвещения, видит в природе исключительно классические формы – колонны, своды и арки. Однако к этому времени в Англии уже процветала архитектура историзма, полностью отменившая легитимацию античных форм через их предполагаемую связь с природой и/или богом. Для историзма все архитектурные стили есть не более чем порождение человеческого разума в определенных исторических условиях. Стоит еще заметить, что в это же время появляется «инженерная» архитектура (железные мосты и так далее), подчиняющаяся совершенно другим принципам формообразования. Чувствуя это, архитекторы XIX века выводят технику за пределы культуры и прячут железные фермы за фасадами, выдержанными в исторических формах. Если Гюстав Эйфель в конце того столетия мог сблизить конструкцию своей башни со строением каких-то биологических объектов, это значит, что техника и природа в его сознании одинаково противостояли культуре, понимаемой как каталог форм прошлого, собрание увражей с архитектурными деталями.

Возвращаясь к культуре Просвещения, мы сможем увидеть еще одну интересную особенность: она не делала различия между человеческим и животным. Например, Мишель Фуко в «Словах и вещах» цитирует швейцарского натуралиста Шарля Бонне (1720–1793), изображавшего в работе «Философская палингенезия» некое будущее состояние вселенной, в котором низшие формы жизни вследствие сдвига лестницы творения заместят высшие, заново воссоздав привычное мироустройство из себя самих и даже – как ни странно это звучит для нас – отыскав для разума другой органический носитель:

«Будет происходить непрерывное и более или менее медленное развитие всех видов в направлении дальнейшего совершенства, так что все ступени лестницы [творения] будут непрерывно изменяться в определенном и постоянном отношении. [...] Перемещенный в сферу пребывания, более соответствующего превосходству его способностей, человек оставит обезьяне и слону то первое место, которое он сам занимал среди животных нашей планеты. [...] И среди обезьян найдутся Ньютоны и среди бобров –

Вобаны. По отношению к более высокостоящим видам устрицы и полипы будут тем же, чем птицы и четвероногие для человека»³.

ВЛАДИСЛАВ ДЕГТЯРЕВ
РУИНА КУЛЬТУРНАЯ
И РУИНА ПРИРОДНАЯ

Приведенная нами (и Фуко) цитата из Шарля Бонне аналогична по смыслу завершению стихотворения Осипа Мандельштама «Ламарк»⁴, хотя и с противоположным знаком, ведь натурфилософ говорит о восхождении, а не о смирении и добровольной деградации:

Если все живое лишь помарка
За короткий выморочный день,
На подвижной лестнице Ламарка
Я займу последнюю ступень.
К кольцецам спущусь и к усоногим,
Прошуршав среди ящериц и змей,
По упругим сходням, по излогам
Сокращусь, исчезну, как Протей.
Роговую мантию надену,
От горячей крови откажусь,
Обрасту присосками и в пену
Океана завитком вопьюсь.

Старый зоолог выступает у Мандельштама как некий гофмановский волшебник, властелин повседневной действительности и принц другого мира, подобный Линдгорсту из «Золотого горшка». Однако Мандельштам действует намного тоньше, чем Гофман, воспользовавшийся в «Повелителе блох» именами давно умерших к тому времени естествоиспытателей Левенгука и Сваммердама. Мандельштамовский Ламарк совмещает в себе черты исторического Жана-Батиста Ламарка (1744–1829) с чертами других ученых XVIII века, в частности – того же Шарля Бонне, к которому отсылают слова о «подвижной лестнице». При этом все, что происходит с протагонистом, словно попавшим в другое измерение, как Ансельм в зимнем саду Линдгорста, –

Мы прошли разряды насекомых
С наливными рюмочками глаз.
Он сказал: природа вся в разломах,
Зренья нет – ты зришь в последний раз.
Он сказал: довольно полнозвучья –
Ты напрасно Моцарта любил:
Наступает глухота паучья,
Здесь провал сильнее наших сил...

3 Цит. по: Фуко М. *Слова и вещи*. СПб., 1994. С. 181. Себастьян Ле Претр, маркиз де Вобан (1633–1707) – военный инженер, маршал Франции, строитель множества крепостей.

4 Эта параллель, насколько нам известно, не привлекала внимания исследователей. Библиографию литературоведческих истолкований «Ламарка» см., например: Жолковский А. К. *Еще раз о мандельштамовском «Ламарке»*. *Так как же он сделан?* // Вопросы литературы. 2010. № 2. С. 150–182.

– происходит ради защиты чести самой природы («Кто за честь природы фехтовальщик? / Ну, конечно, пламенный Ламарк»), от мудрых установлений которой человечество, по видимому, отступило – и, как выясняется, с фатальными для себя последствиями. Тем самым Ламарк справедливо помещается в контекст романтической культуры, разведившей природное и человеческое по разным логическим и нравственным полюсам.

Но вернемся из XX века обратно, в XVIII, когда до всяких фатальных последствий было еще далеко.

Термин «палингенезия», который швейцарский натурфилософ поставил в название процитированной нами книги, не имеет точного определения и используется в контексте реинкарнации или, что интереснее, повторяющегося творения. Заметим, однако, что к упомянутым Бонне разумным существам, которых приходится рекрутировать из обезьян и бобров, есть многочисленные параллели в греческих мифах. Так, кентавры вообще считаются потомством горделивого фессалийского царя Иксиона и облака-Нефелы, которой придали облик Геры, но при этом мудрый кентавр Хирон родился от союза Кронаса в облике коня и океаниды Филиры. Что же касается людей, то их родословные еще запутаннее: кто-то произошел из брошенного камня или из посеянных в землю зубов дракона, а кого-то непосредственно сотворили боги.

Вообще-то внешнее сходство не должно означать генеалогического родства. Предваряя рассуждение о классификации и номенклатуре, которое мы не будем пересказывать, Фуко свидетельствует:

«Ламарк отвергал даже для низших животных принцип классификации, который опирался бы лишь на видимую форму. [...] Таким образом, классифицировать уже не значит соотносить видимое с самим собою, заставляя один из его элементов представлять другое, – это значит уже в исходном побуждении к анализу связывать видимое с невидимым»⁵.

Интереснее, однако, что генеалогия, никак не соотносящаяся с типологическим сходством, в XVIII веке могла находить свое обоснование в принципе изобилия, сформулированном Артуром Лавджоем в книге «Великая цепь бытия». Этот принцип гласит, что в совершенном мире должны существовать все возможные переходы между категориями, которые мы используем для классификации объектов окружающей нас реальности, так что оппозиции живого и неживого, человеческого и животного, искусственного и естественного сами оказываются

5 Фуко М. *Указ. соч.* С. 254–255.

ся искусственными, точнее – существующими исключительно в области языка, а не в реальности.

ВЛАДИСЛАВ ДЕГТЯРЕВ

РУИНА КУЛЬТУРНАЯ
И РУИНА ПРИРОДНАЯ

«Я [...] буду обозначать этим понятием не только тезис о том, что вселенная *plenum formarum* [преисполнена форм], в которых исчерпывающе представлено все мыслимое множество разнообразия типов живущего, но также и любые другие умозаключения из предположения о том, что никакая подлинная потенция бытия не может остаться неисполнившейся»⁶.

По своей сути принцип изобилия соответствует учению номинализма, поскольку подразумевает искусственность границ и произвольность групп, которые отражают не устройство мира, а устройство нашей логики и языка.

О поисках «недостающих звеньев», долженствующих заполнить лакуну между человеком и животными (как «*Homo troglodytes*» у Карла Линнея), подробно рассказывает Лавджой. Мы же заметим, что идея о возможности перехода гегемонии разума от человека к другим видам аналогична средневековой теории о *translatio imperii* – переходе цивилизации (и власти над цивилизованным миром) от одних народов к другим. Жак Ле Гофф писал об этом:

«Путеводной нитью средневековой философии истории была... идея преемственности империй, передачи власти от вавилонян к мидянам и персам, затем к македонянам, а от них к грекам и римлянам. Преемственность эта осуществляется на двойном уровне: власти и цивилизации. Передача власти [*translatio imperii*] означает прежде всего передачу знания и культуры [*translatio studii*]. [...] Оттон Фрейзингенский видел завершение мировой истории в Священной Римской империи германской нации. Высшая власть перешла “от римлян к грекам (византийцам), от греков к франкам, от франков к лангобардам, от лангобардов к германцам”. Кретъен де Труа перемещал ее во Францию»⁷.

И так же, как *translatio imperii* не есть история, сдвиг лестницы творения с одновременным перемещением всех существующих форм жизни вверх не представляет собой эволюции, то есть развития.

Архитектура, выводимая из природы, представляет собой следствие принципа изобилия, согласно которому должен существовать бесконечный ряд форм, заполняющих разрыв между постройкой и природным образованием. Согласно принципу изобилия должны также существовать и все переходы между сохранным и разрушенным, как и между существующим и несуществующим – но такие градации, способные воспламе-

⁶ Лавджой А. *Великая цепь бытия*. М., 2001. С. 55.

⁷ Ле Гофф Ж. *Цивилизация средневекового Запада*. Екатеринбург, 2005. С. 209.

нить фантазию Борхеса, кажется, не вдохновляли мыслителей Просвещения, за исключением доктора Сэмюэля Джонсона (1709–1784), оспаривавшего сам этот принцип:

«Не может существовать лестница бытия, которая тянулась бы от бесконечности до ничто. В этом промежутке между конечным и бесконечным всегда будет место для бесконечной последовательности ускользающих от понимания сущностей. В промежутке между самым нижним уровнем положительно существующего и ничто, где бы мы ни располагали этот нижний уровень, существует еще одна бесконечно глубокая пропасть; и там опять-таки будет место для бесчисленного количества нисходящих порядков, спускающихся все ниже и ниже и между тем все-таки бесконечно превосходящих несуществующее. [...] Так что на этой шкале, где бы она ни брала начало и ни заканчивалась, есть бесконечное количество пустот. На каком удалении от человека мы ни располагали бы следующий порядок существ, в промежутке между ними может быть расположен промежуточный порядок, а там, где может быть один промежуточный порядок, может поместиться и бесконечное их количество. Ибо каждая вещь, могущая быть больше или меньше, и, следовательно, каждая ее часть могут быть делимы бесконечно. Так мы должны были бы заключить, что в пустотах между двумя любыми ступенями лестницы должно существовать место для бесчисленных проявлений бесконечного могущества Всевышнего»⁸.

Если же наш мир несовершенен, в чем мы способны убедить каждую минуту, то перед философами встает задача спасения явлений. Можно предположить, что полнота всех органических форм и логических возможностей осуществляется не в одном мире, а в нескольких, как считал Лейбниц, или же неизвестные нам катаклизмы время от времени уничтожают часть обитателей Земли. Но этот логический шаг требует введения категории времени, причем это время должно быть не просто измерительной шкалой, но актором, активно формирующим облик мироздания. Лавджой пишет:

«Одним из главнейших событий мысли восемнадцатого столетия стала “темпорализация” цепи бытия. *Plenum formarum* все больше стал восприниматься не как инвентарный перечень всего существующего, а как программа природы, постепенно и чрезвычайно неспешно совершающаяся в космической истории. Да, все возможности требуют своей реализации, но такая реализация не предоставляется сразу всем им. Некоторые обрели ее в прошлом, а потом утратили; многое воплощено в созданиях, существующих ныне; но бесконечно большее число получит дар актуального существования в грядущие эпохи. Принцип изобилия имеет силу только в отношении универсума на всем его временном протяжении»⁹.

8 Цит. по: Лавджой А. Указ. соч. С. 261.

9 Там же. С. 251–252.

Из этого положения, отмечает Лавджой, есть интересные следствия, и приводит пример «пользовавшегося среди современников репутацией великого ученого» французского математика и естествоиспытателя Пьера Луи Моро де Мопертюи (1698–1759):

«[Он] предложил [...] довольно надуманный довод в пользу исходной полноты последовательности форм. Многие когда-то существовавшие виды уничтожил некий катаклизм, например, падение кометы. Природа, какой мы ее видим ныне, подобна строению, разрушенному молнией: “Она представляет нашему взору только руины, в которых мы не можем различить более ни соразмерности частей, ни замысла архитектора”»¹⁰.

О последовательных катастрофах, уничтожавших прежних обитателей нашей планеты, писал и Шарль Бонне. Лавджой пересказывает его мысли так:

«По данным геологии и астрономии, мы [...] точно знаем, что наша планета прошла через длинную череду эпох, каждая из которых заканчивалась “революцией”, то есть катаклизмом, в котором погибали все существовавшие тогда органические структуры»¹¹.

Получается, что мы видим вокруг себя не просто руины, а руины, которые много раз восстанавливались, перестраивались и снова разрушались, утратив всякое сходство с первоначальным проектом, как таинственный город в рассказе Хорхе Луиса Борхеса «Бессмертный». Странник, оказавшийся в этом городе, описывает его как утомительный и бессмысленный кошмар, воплощенный в камне:

«Куда ни глянь, коридоры-тупики, окна, до которых не дотянуться, роскошные двери, ведущие в крошечную каморку или в глухой подземный лаз, невероятные лестницы с вывернутыми наружу ступенями и перилами. А были и такие, что лепились в воздухе к монументальной стене и умирали через несколько витков, никуда не приведя в навалившемся на купола мраке»¹².

Но, если Мопертюи прав и мир действительно представляет собой руину первоначальной целостности, тогда наша способность классифицировать что-либо, как и сами единицы классификации, могла появиться лишь в результате катастрофы. Логика, язык и само знание становятся возможными только вследствие катаклизма, лишаящего мир первоначального единства; но та же утрата единства и связности делает наше знание принципиально неполным, то есть подобным руине,

10 Там же. С. 262.

11 Там же. С. 293.

12 Борхес Х.Л. *Бессмертный* // Он же. *Новые расследования*. СПб., 2000. С. 213.

как и весь мир в целом. Знание оказывается изоморфным миру в своей принципиальной неполноте, но это тем не менее не снимает вопроса о его адекватности познаваемой реальности.

Нас, однако, интересует не точное знание, а его символы. Так, уже упоминавшийся парк в Дезер де Рец, по предположению Марии Нащокиной, воспроизводил сценарий масонской инициации, эмблемой которой «является дом, возведенный в виде огромной разрушенной колонны – многозначный символ разрушенного храма Соломона и незавершенности и недостижимости полного знания»¹³.

По своей сути принцип изобилия подразумевает искусственность границ и произвольность групп, которые отражают не устройство мира, а устройство нашей логики и языка.

Разрушенный храм может оказаться и разрушенным миром. Но разве первоначальная целостность мироздания, лишнего внутренних границ, не противоречит библейской истории о наречении Адамом имен всему творению, поскольку присваивать имена можно только отдельным сущностям?

Итак, деятельность человека и подобна работе природы, и противоположна ей. Последовательное применение принципа изобилия приводит к необходимости противопоставить человеческое мышление устройству мира.

* * *

Вернемся на шаг назад. Явный отголосок просвещенческих идей в том их изводе, который не знает противопоставления человека и природы, можно услышать в словах Алоиза Ригля:

«Вся созидательная деятельность человека есть не что иное, как соединение некоторого числа элементов, рассеянных в природе или растворенных в ее всеобщности, в единое целое, ограниченное формой и цветом. В своем творчестве человек действует подобно самой природе: и он, и она производят обособленных индивидов»¹⁴.

Барочный же мир чудовищ представляет собой мир универсальной грамматики, свободно переставляющей части речи. Это мир, устроенный как механизм, но предполагающий при-

13 Нащокина М. В. *Португальская усадьба Резалеира и типология масонских сооружений в западноевропейских «садах инициации»* // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2015. № 5. С. 355.

14 Ригль А. *Современный культ памятников: его сущность и возникновение*. М.: ЦЭМ; V-A-C press, 2018. С. 38.

сутствие и постоянное вмешательство механика. Поскольку материя пассивна, то приводить ее в движение должен разумный агент, находящийся вне материального мира. Но если мы говорим о свободном перемещении элементов и пересборке их в новых конфигурациях, то мы имеем дело не с руинами, а со споллиями (хотя они невозможны без руин).

Архитектурная практика споллий, своего рода строительного секунд-хенда, то есть использования элементов старых зданий для возведения новых, которую обычно связывают с ранним Средневековьем, с так называемыми «темными веками» и общим упадком искусств и ремесел в это время, берет свое начало еще в императорском Риме. Подрядчики, ремонтирующие те или иные значимые здания, не стеснялись демонтировать хорошо сохранившиеся элементы декора, заменяя их новыми с тем, чтобы выгодно продать старые архитектурные детали своим коллегам-строителям. Власти пытались бороться с такими злоупотреблениями, но заметного осуждения, тем более – основанного на представлении о подлинности старой постройки, они не встречали. Так, Цицерон, выступая с речью против коррупционера Гая Верреса, обвиняет его в том, что он при ремонте храма Кастора и Поллукса на римском форуме (73 год до нашей эры), многократно завысив стоимость работ, не стал заменять старые колонны новоделами¹⁵. Но, если бы Веррес снял старые колонны и продал их на сторону, как это обычно и делалось, Цицерон его не осуждал бы.

Начиная с Константина Великого применение споллий становится настоящей эпидемией, захлестнувшей всю Европу и закончившейся лишь с концом Средневековья. Появляются даже здания, архитектурное оформление которых полностью состояло из споллий. Первым примером такого памятника считается триумфальная арка Константина в Риме, построенная в 315 году. На ее фасадах соседствуют статуи времен правления Траяна (98–117), медальоны эпохи Адриана (117–138) и барельефы, заимствованные у неизвестной постройки времен Марка Аврелия (161–180). Колонны, капители и архитравы арки так же были взяты с каких-то старых сооружений. Джорджо Вазари во вступлении к своим «Жизнеописаниям» упоминает арку Константина как пример упадка искусства в поздние годы Римской империи.

«Ясным свидетельством этого [упадка] могут служить произведения скульптуры и архитектуры, созданные в Риме во времена Константина, и в особенности – триумфальная арка, воздвигнутая в его честь римским народом у Колизея, где мы видим, что из-за

15 МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН. *Речь против Г. Верреса, назначенная к произнесению во второй сессии* // Он же. *Полное собрание речей в русском переводе*. СПб., 1901. Т. 1 (<http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1267351006>).

недостатка хороших мастеров использовали не только мраморные истории, выполненные во времена Траяна, но также и обломки, свезенные в Рим из разных мест»¹⁶.

Сполии были использованы и при строительстве старого собора св. Петра (около 318–360 годов), и судьба некоторых из их крайне интересна. Позволим себе снова процитировать Вазари. По его мнению, архитектура поздней Римской империи, хотя и клонилась к упадку, все же делала это медленнее, чем другие искусства, и именно потому, что у архитекторов была возможность использовать высококачественные споллии:

«Поскольку почти все большие постройки воздвигались из обломков, то архитектору нетрудно было при сооружении новых подражать в большей части старым, которые постоянно были перед глазами. [...] Истинность же этого очевидна по храму главы апостолов в Ватикане, богатому лишь колоннами, базами, капителями, архитравами, карнизами, дверями и прочими инкрустациями и украшениями, взятыми целиком из разных мест и построек, воздвигнутых ранее весьма великолепно»¹⁷.

Проследить, что стало со всеми упомянутыми фрагментами, в которых Вазари видел единственные художественные достоинства старого собора св. Петра, пожалуй, уже не удастся. Несмотря на то, что Антонио да Сангалло (1484–1546), возглавивший строительство нового собора в 1520 году, постарался сохранить от первоначальной постройки все, что было возможно, большинство архитектурных деталей, о которых говорит Вазари, сохранились только на рисунках и в текстах. Тем не менее самые причудливые и необычные из этих споллий счастливым образом дошли до наших дней¹⁸.

Собор св. Петра был возведен над могилой апостола Петра. Его надгробие первоначально было украшено четырьмя витыми «Соломоновыми» колоннами, которые, согласно легенде, были привезены откуда-то из Греции самим императором Константином. Их спиралевидные фусты (стволы) были выполнены из полупрозрачного розового мрамора и покрыты сложным декором, сочетающим в себе листья аканта с виноградными листьями и гроздьями. Форма этих колонн, практически уникальная для античной традиции, стала пользоваться большой популярностью в эпоху барокко. Происхождение колонн неизвестно, но, по предположениям некоторых историков, они могли происходить из какого-нибудь храма Диониса, находив-

16 ВАЗАРИ Д. *Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих*. М., 2008. С. 66.

17 Там же. С. 66–67.

18 Позднякова М.И. *Витые колонны и ордер французской поздней готики. Часть 1 // Вопросы всеобщей истории архитектуры*. 2020. № 1(14). С. 81–109.

шегоса в Малой Азии, чем объясняется и их неканоническая форма, и растительный декор, счастливым образом совпадающий с символикой евхаристии. В VIII веке к четырем колоннам добавились еще шесть, якобы подаренных папе Григорию III экзархом Равенны, однако они идентичны старым, «константиновским». Лоренцо Бернини, завершая строительство нового собора св. Петра, перенес четыре колонны, связанные с именем Константина, в лоджии капеллы св. Вероники, где они находятся и по сей день. И именно они, по-видимому, послужили ему источником вдохновения при создании знаменитого балдахина в соборе св. Петра. Однако Бернини в соответствии с принципами барочной эстетики, ориентированной на грандиозное и поражающее воображение, радикально увеличил размеры колонн балдахина по сравнению с прототипами: их высота составляет двадцать метров, в то время как высота старых, «Соломоновых», колонн не достигает пяти метров. Как справедливо замечает Марина Позднякова, «витая форма при увеличенных размерах колонн создает у зрителя чувство психологического дискомфорта – от колонны ожидается устойчивость и способность нести нагрузку»¹⁹. Очевидно, что Бернини заранее рассчитал этот психологический эффект, который должны производить необычные и нефункциональные формы.

Сполии (преимущественно колонны и капители, выполненные из высококачественного мрамора) можно рассматривать как архитектурные формы в чистом виде, формы, освобожденные от функции, как пишет о руинах Роберт Гинзберг:

«Смерть функции в руине пробуждает форму к жизни. [...] Свежая форма могла и не существовать заметным образом в своем предыдущем воплощении, будучи функцией или частью фасадного декора. Она была деталью или элементом, но не настоящей формой.

Руина, убрав прежний сценарий, дает формам возможность говорить свою правду. Форма есть артикуляция, независимая от измерения. Освободившись от архитектурного, форма остается чисто формальной»²⁰.

И эти чистые формы, способные перемещаться с места на место, оказываются более фундаментальными и долговечными, нежели их временное пристанище – здания, всегда отягощенные функцией.

Так же, как сполнии соединяются, образуя новое здание, соединяются и части организмов у Эмпедокла, после чего нежизнеспособные сочетания выбраковываются. Но как заранее узнать, какие именно сочетания нежизнеспособны, если всем правит случайность?

19 Там же. С. 91.

20 GINSBERG R. *The Aesthetics of Ruins*. Amsterdam; New York, 2004. P. 151.

Закия Ханафи говорит о чудовищах как об аномальных телах с неупорядоченным количеством частей – чрезмерным или (что встречается намного реже) недостаточным²¹. С руинами можно сопоставить лишь второй тип чудовищ, да и то, если предположить, что их (чудовищ, не руин) недостающие члены находятся где-то в ином мире.

Чудовища, проникающие в наш мир откуда-то извне, оказываются, по канонам жанра ужасов, более жизнеспособными, чем мы с вами, старательно обживающие единственную знакомую реальность. Эту сюжетную схему постоянно разрабатывал Говард Филлипс Лавкрафт, ей же сохраняют верность современные голливудские сценаристы. Однако точно так же выглядит Парфенон в описании Ле Корбюзье: несмотря на все повреждения, он оказывается могучим пришельцем из какого-то другого мира, сплошь населенного ницшеанскими персонажами:

«Невероятная машина Парфенона размалывает и властвует. [...] Его обращенный к морю куб приобретает доминирующее положение, [...] странно возвышается скала с плоской вершиной, в правой стороне которой желтеет куб. Парфенон и Акрополь!.. [Фасад], который, как блок гигантской мраморной призмы, обработан до самого верха с очевидной математической точностью и чистотой, какую привносит в свою работу механик. [...] Все фронтоны отменены, кроме Парфенона, этой глыбы из другого мира»²².

Руины у Корбюзье вообще не связаны с идеей какого бы то ни было прошлого. Парфенон представлен как выдающееся явление, абсолютно чуждое истории и среде, причем чуждое в намного большей степени, чем, например, дорическая Валгалла (1830–1842), построенная Лео фон Кленце на берегу Дуная. Ле Корбюзье в своих проектах разрушает среду, психологически или физически (как в пресловутом «Плане Вуазен», предусматривавшем разрушение большей части исторического Парижа ради постройки восемнадцати 60-этажных башен); и то же самое свойство он с одобрением отмечает в Парфеноне. Словно бы оспаривая аргументацию не написанной еще книги Винсента Скалли²³, в которой храмы рассматриваются как часть пейзажа, Ле Корбюзье в своем тексте превращает в руину не постройку, а окружающий ее природный ландшафт, чуждый ей до враждебности.

Руины, особенно в традиционной культуре, всегда выступают как немые, вырванные из контекста объекты. Предельный случай этой немоты, чуждости и агрессивности (здесь эти сло-

21 HANAFI Z. *The Monster in the Machine: Magic, Medicine and the Marvelous in the Time of Scientific Revolution*. Durham; London, 2000.

22 ЛЕ КОРБЮЗЬЕ. *Путешествие на Восток*. М., 1991. С. 103–113.

23 SCULLY V. *The Earth, the Temple and the Gods. Greek Sacred Architecture*. New York, 1969.

ва оказываются синонимами) – описание жутких нечеловеческих руин в «Хребтах безумия» Говарда Филлипса Лавкрафта:

ВЛАДИСЛАВ ДЕГТЯРЕВ

РУИНА КУЛЬТУРНАЯ
И РУИНА ПРИРОДНАЯ

«Казалось, перед нами раскинулся гигантский город, построенный по законам неведомой человечеству архитектуры, где пропорции темных, как ночь, конструкций говорили о чудовищном надругательстве над основами геометрии. Усеченные конусы с зазубренными краями увенчивались цилиндрическими колоннами, кое-где вздутыми и прикрытыми тончайшими зубчатыми дисками; с ними соседствовали странные плоские фигуры, как бы составленные из множества прямоугольных плит, или из круглых пластин, или пятиконечных звезд, перекрывавших друг друга. Там были также составные конусы и пирамиды, некоторые переходили в цилиндры, кубы или усеченные конусы и пирамиды, а иногда даже в остроконечные шпили, сбитые в отдельные группы – по пять в каждой. Все эти отдельные композиции, как бы порожденные бредом, соединялись воедино на головокружительной высоте трубчатыми мостиками. Зрелище подавляло и ужасало своими гигантскими размерами»²⁴.

«Низшие формы органического бытия – ад для человека»²⁵, – писал Мандельштам в своем «Путешествии в Армению». Лавкрафтовские твари не только служат воплощением этого ада, но и противоречат нашей логике, будучи одновременно и неизмеримо могущественнее человека, и ниже его в эволюционном отношении.

Чистые формы, способные перемещаться с места на место, оказываются более фундаментальными и долговечными, нежели их временное пристанище – здания, всегда отягощенные функцией.

Палеонтолог из «Хребтов безумия» при описании ископаемых останков одного из строителей чудовищных руин теряет в догадках относительно систематической принадлежности своей находки. В его тексте странным образом смешиваются термины, относящиеся к живым существам различных уровней организации:

«Бочкообразное пятискладочное тело. [...] Семифутовые перепончатые “крылья” [...] идут из борозд между складками. [...] В центре тела, на каждой из пяти вертикальных [...] складок – светло-серые гибкие лапы-щупальца. [...] Венчает торс – [...] раздутая, как от жабр, шея, на которой сидит желтая пятиконечная, похожая на морскую звезду, головка»²⁶.

24 ЛАВКРАФТ Г.Ф. *Хребты безумия* // Он же. *Зов Ктулху*. СПб., 2012. С. 275–276.

25 МАНДЕЛЬШТАМ О. *Путешествие в Армению* // Он же. *Полное собрание сочинений и писем*. М., 2010. Т. 2. С. 330.

26 ЛАВКРАФТ Г.Ф. *Хребты безумия*. С. 262.

И далее в тексте содержится очень важное замечание, словно иллюстрирующее концепцию лиминальности антрополога Виктора Тёрнера:

«Будучи в некоторых отношениях чрезвычайно примитивной и архаичной, эта тварь имела систему ганглиев и нервных волокон, свойственных высоко развитому организму. [...] Причислить ее куда-либо было невозможно. [...] Обладая признаками растения, она на три четверти принадлежала к животному миру»²⁷.

Само по себе понятие лиминальности основано на предположении о реальном, а не иллюзорном характере классификаций, однако лиминальные сущности кажутся сконструированными специально для того, чтобы противоречить всем основаниям классификации. Обладая признаками противоположных классов, они проскальзывают сквозь ячейки таксономий и поэтому оказываются «ненаходимыми» для обыденного сознания. Тёрнер писал в этой связи:

«Свойства лиминальности или лиминальных *personae* [“пороговых людей”] непременно двойственны, поскольку и сама лиминальность, и ее носители увертываются или выскальзывают из сети классификаций, которые обычно размещают “состояния” и положения в культурном пространстве. Лиминальные существа ни здесь ни там, ни то ни се; они – в промежутке между положениями, предписанными и распределенными законом, обычаем, условностями и церемониалом. Поэтому их двусмысленные и неопределенные свойства выражаются большим разнообразием символов. [...] Так, лиминальность часто уподобляется смерти, утробному существованию, невидимости, темноте, двуполости, пустыне, затмению солнца или луны.

Лиминальные существа – например, неофиты в обрядах инициации или совершеннолетия – могут представляться как ничем не владеющие. Они могут наряжаться чудовищами, носить только лохмотья или даже ходить голыми»²⁸.

Ключевое слово произнесено: чудовища. Представление о чудовищном создается в культуре с той же целью, что и лиминальность – для того, чтобы обозначить границу, отделяющую правильную и упорядоченную часть мироздания от хаоса. Закия Ханафи поясняет:

«Чудовище – есть “не человек”, и оно явным образом сигнализирует об этом посредством своего тела. [...] Я знаю, что я человек, потому что я – не это. Чудовище служит для того, чтобы утвердить границы человеческого сразу на “нижнем” и на “верхнем” их пределе: полуживотное или полубог, все прочее – чудовищно»²⁹.

27 Там же. С. 268.

28 ТЭРНЕР В. *Ритуальный процесс. Структура и антиструктура* // Он же. *Символ и ритуал*. М., 1983. С. 169.

29 HANAFI Z. *Op. cit.* P. 2.

Тогда архетипом всех лиминальных существ оказывается описанная Гомером Химера, коей порода была от богов – не от смертных:

ВЛАДИСЛАВ ДЕГТЯРЕВ
РУИНА КУЛЬТУРНАЯ
И РУИНА ПРИРОДНАЯ

Лев головою, задом дракон и коза серединой,
Страшно дышала она пожирающим пламенем бурным³⁰.

Боги, будучи, в отличие от людей, совершенными, способны преодолевать границы классификационных схем, зато люди обладают свободной волей.

В европейской культуре чудовища возникают как следствие новых открытий, как побочный результат освоения нового. И это новое первоначально связано с границами ойкумены, с маргинальностью, с лиминальными сущностями: недаром Новое время началось с Великих географических открытий.

Хрестоматийно известная гравюра из серии «*Americae relectio*», выполненная по рисунку Яна ван дер Страта (1523–1605), изображает «Фердинанда Магеллана, лузитанца» на борту корабля, плывущего через океан. Корабль изображен таким образом, чтобы зритель почувствовал себя стоящим на палубе, но не это самое интересное. Отрешенный Магеллан погружен в астрономические расчеты и не замечает того удивительного мира, который развертывается вокруг него. А посмотреть здесь есть на что. В море плавают весьма декоративные киты и сирены, жители далеких стран предаются своим загадочным занятиям, в небесах парит птица со слоном в когтях, и вдобавок на корабль спускается лучезарный Аполлон, словно предлагая мореплавателю свое покровительство. Горизонты внезапно раскрылись, вселенная меняется на глазах, и средневековое «*Nic sunt dracones*» из предостережения пилигримам становится обещанием новых возможностей и неожиданных открытий.

Если руина в определенный момент становится констатацией ограниченности наших интеллектуальных способностей, то чудовища несут совсем другие смыслы. Похоже, что в мире раннего модерна, в противоположность известной сентенции Гойи, чудовища порождаются не сном, но чутким бодрствованием разума для того, чтобы с их символической помощью исследовать мир.

30 *Илиада*. VI. 180–182 (перев. Н.И. Гнедича).

БОРИС
СОКОЛОВ

Соцреалист во стане белых воинов?¹

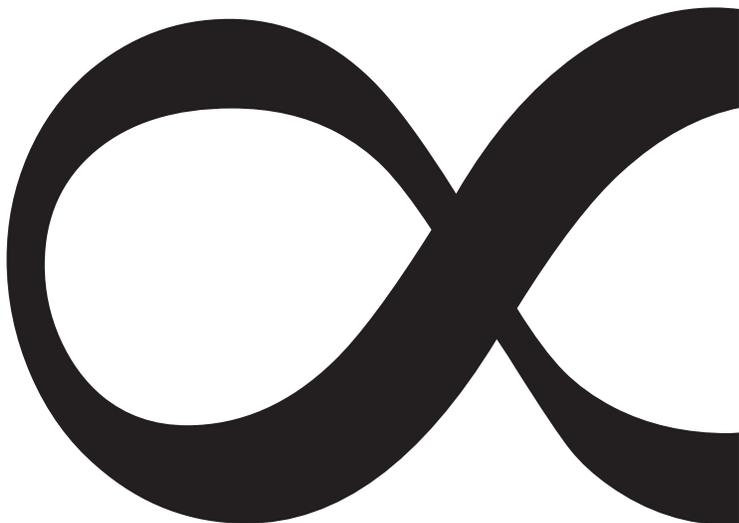

*Борис Вадимович
Соколов (р. 1957) –
историк, филолог, член
ассоциации ПЭН-Москва.*

В данной статье речь идет о судьбе поэта Николая Тихонова в годы гражданской войны. Впоследствии он стал видным представителем социалистического реализма и занимал высокие номенклатурные должности. В СССР считались классикой его поэмы «Сами», «Киров с нами» и «Слово о 28 гвардейцах», а также «Ленинградские рассказы». Тихонов возглавлял Ленинградскую писательскую организацию, был главным редактором журнала «Звезда» и председателем Союза писателей СССР, а в 1949 году достиг вершины номенклатурной карьеры, став председателем Советского комитета защиты мира. Николай Тихонов был увенчан всеми возможными государственными регалиями, первым из советских писателей став Героем Социалистического Труда. Он был одним из двух деятелей, наряду с Леонидом Брежневым, удостоенных как Ленинской премии, так и Международной Ленинской премии за укрепление мира между народами. Я постараюсь показать, как опыт службы у белых отразился в «красной» судьбе и творчестве Тихонова.

1 Это первая статья из двух, посвященных гипотезам – и уже установленным фактам – участия писателей-классиков соцреализма в гражданской войне в рядах белых армий. Следующая планируется к публикации в шестом номере «НЗ» за 2022 год (№ 146). – *Примеч. ред.*

CASE
STUDY

1. АТАКА ПОД РОДЕНПОЙСОМ

БОРИС СОКОЛОВ
СОЦРЕАЛИСТ ВО СТАНЕ
БЕЛЫХ ВОИНОВ?

Начнем со стихотворения «Атака под Роденпойсом»:

Последний длинный луч заката
Я помню до их пор
Мы дрались, как во времена Мюрата,
Рубя в упор.

И с каждым взмахом становились злее,
Жестоким был тот час,
И враг, спеша нас перебить скорее,
Шел на плечах у нас.

Дышало небо звездными красами,
Безмолвию маня,
Под выстрелами долгими часами
Я не слезал с коня.

И там, где лес снаряды гнули,
Я придержал коня.
Других кругом искали пули,
Но не меня.

В покое смутном сердце билось,
Был час, как образ сна,
Я знаю: за меня молилась
На Севере – одна!²

Стихотворение впервые опубликовано в сборнике «Стихи и проза» в 1945 году³. О самой атаке под Роденпойсом Тихонов рассказал уже в своей первой автобиографии (1922): «Участвовал в большой кавалерийской атаке у мызы Роденпойс, спасал броневой поезд, чуть не зарубил командира Батальона Смерти»⁴. Из контекста понятно, что эта атака случилась во время Первой мировой войны. В собраниях сочинений Тихонов датировал «Атаку под Роденпойсом» 1916-м или 1917 годом.

Отмечу, что 1916 год здесь сразу же исключается. Роденпойс (ныне Ропаж) располагается в 32 километрах юго-восточнее Риги. Бои там происходили только в сентябре 1917-го, во время германского наступления на Ригу, когда Роденпойс и был взят немцами. В 1916-м боев под Роденпойсом не было, и Тихонов, воевавший в тех местах, об этом прекрасно знал. Во время

2 В первой редакции после третьей строфы была еще одна: «Я чутко чувствовал тревогу, / Но разум спал – / В душе я не молился богу / И не дремал» (Тихонов Н.С. *Стихотворения и поэмы*. Ленинград: Советский писатель, 1981. С. 706).

3 Он же. *Стихи и проза*. М.: Гослитиздат, 1945.

4 Литературные записки. 1922. № 3. С. 29.

Рижской операции, как отмечают историки, русская кавалерия действовала в спешном виде. В частности, 21–24 августа (3–6 сентября) при беспорядочном отступлении частей 12-й армии от Риги к Вендену, когда немцами и был захвачен защищаемый 2-й Латышской бригадой Роденпойс, «противника сдерживали только части спешенной кавалерии, отряд партизан имени П.Н. Пунина под командованием капитана И.М. Ставского и Ударный полк подполковника П.В. Глазенапа»⁵. В литературе и мемуарах нет никаких упоминаний о русской кавалерийской атаке, тем более большой, под Роденпойсом в сентябре 1917 года.

Но кавалерийская атака под Роденпойсом все-таки была. Только не в 1917-м, а в 1919 году. Вот как ее описывал светлейший князь Анатолий Павлович Ливен – командир отряда своего же имени:

«24 мая я с частью отряда покинул Ригу для преследования большевиков, отходивших по Псковскому шоссе. Задача наша состояла в обходе лесными дорогами станции Роденпойс для содействия отряду Эйленбурга, направившемуся туда же по шоссе. Недалеко от станции Роденпойс коммунистическая рота, засев в густом лесу, произвела неожиданное нападение на продвигавшуюся по гати колонну. Несмотря на своевременное предупреждение дозорами, часть не успела примениться к местным условиям и вовремя вернуться и имела сравнительно значительные потери убитыми и ранеными. Убит был командир эскадрона ротмистр Родкевич, и я выбыл из строя вследствие ранения, одновременно со своим адъютантом поручиком Зейберлихом. Но бой благодаря доблести батареи, стрелявшей прямой наводкой под градом пуль, окончился в нашу пользу, и большевики, прекратив огонь, бежали. Вскоре к нам подоспели подкрепления из латышских частей, по шоссе продвинулся Эйленбург, и станция Роденпойс к вечеру была в наших руках»⁶.

Штабс-капитан фон Зауэр, старший офицер батареи Ливенского отряда, описал бой под Роденпойсом подробнее и не столь оптимистично, как командир отряда:

«Переправившись на пароме у Мюльграбена, около 3 часов дня отряд захватил заставу красных, указавшую на нахождение вправо от нас батальона коммунистов и отряда коммунисток, а впереди нас двух красных рот. [...] Отряд продолжал движение. Батарея шла все время рекою непосредственно за эскадроном. Около 4 часов вечера в лесу, в 1 км от “Рикуль” (3 км к северу от станции Роденпойс), отряд наткнулся на засаду красных, состоящую из 15 коммунисток и 250 стрелков при нескольких пулеметах.

5 Кавтарадзе А.Г. *Рижская операция 1917 года* // Военно-исторический журнал. 1967. № 9. С. 122.

6 Ливен А.А. *Основание отряда* // *Белая борьба на Северо-Западе России* / Сост., науч. ред., предисл., коммент. С.В. Волкова. М.: Центрполиграф, 2003. С. 41. Впервые эти, как и другие цитируемые ниже мемуары, вышли в сборнике: *Памятка Ливенца. 1919–1929*. Рига, 1929.

Встреча произошла в густом строевом лесу, на гати, обнесенной глубокими канавами. Красные открыли неожиданно по нашей колонне сильный пулеметный и ружейный огонь с близкой дистанции. Конница, неся потери, смешалась и отошла. Оба орудия, снявшись с передков и стоя друг другу в затылок, несмотря на невозможные для артиллерийской стрельбы условия и убийственный огонь противника, открыли по нему сильный огонь. Многие снаряды, задевая за толстые деревья, рвались у самых орудий или у нашей цепи. Противник начал нас обходить и справа и слева. Батарейный пулемет, выдвинутый вправо и вперед, своим огнем поддерживал нашу жидкую цепь (30 шашек, 10 офицеров, 20 артиллеристов). Огонь батарейного пулемета ликвидировал обход справа. Обход слева был ликвидирован огнем орудий. Орудия были спешно выдвинуты на опушку леса. Красные, не зная наших сил, спешно переправились через Аа Лифляндскую и сожгли за собой мост. С наступлением темноты подошла 1-я пулеметная рота, и отряд пошел на станцию. Со станции открыл огонь бронепоезд противника, на наши сигнальные ракеты никто не отвечал, люди крайне устали, осталось лишь 10 шрапнелей. Отряд отошел на 1 км и занял позицию у имения Холлерсгоф. Батарея потеряла 30 процентов своего состава. Ранены: поручик Недзведский, подпоручик Бергман, Кергаль, Кононов. Убиты: добровольцы Шулиц, Цукурс, Цирульс. Убито 6 лошадей и ранено 7. На позиции батареи тяжело ранен начальник отряда светлейший князь Ливен и его адъютант Зейберлих и убит командир эскадрона ротмистр Родзевич. На следующий день, 25 мая, Роденпойс был занят балтийским ландесвером»⁷.

Капитан, барон Николай Анатольевич Будберг (1894–1971), старший адъютант штаба Ливенского отряда, тоже участвовал в бою под Роденпойсом и оставил его описание:

«Мы переправились через Красную Двину и вытянулись на подводах вдоль дороги. Впереди – князь Ливен со своим адъютантом, поручиком Зейберлихом. Тут же наш эскадрон – несколько десятков сабель. За эскадром – легкая батарея из двух орудий под командою штабс-капитана Зауэра и, наконец, наша офицерская рота, человек двадцать, во главе с полковником Пясецким.

Эскадрон поскакал вперед. Позади двигалась батарея, везя за собой на обывательских подводах снаряды.

Местность была открытая. Солнце пекло немилосердно. Ни ветерка, ни тучки. [...] Болтая с приятелями, мы не заметили, как отъехали порядочное расстояние. Города уже не было видно. Впереди мелькали деревья, а за ними густой стеной стоял лес. Было

7 ЗАУЭР ФОН. *Дневник военных действий 1-й батареи 5-го отдельного легкого артиллерийского дивизиона // Белая борьба на Северо-Западе России*. С. 82–83. Возможно, это Александр Владимирович фон Зауэр (умер в 1972 году), штабс-капитан Дроздовской артиллерийской бригады, участник похода Яссы–Дон, в 1920 году эвакуировавшийся с армией Петра Врангеля в Галлиполи: *Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997* / Сост. В.Н. Чураков. М.: Пашков дом, 1999. Т. 2. С. 588.

около четырех или пяти часов, когда нас охватил аромат соснового леса. [...] Так проехали еще час. Все было спокойно. Вдруг впереди раздались выстрелы, и сейчас же затрещал пулемет.

Засвистали пули, и слышались крики. В один миг все изменилось. До сих пор спокойные и сонные подводчики пришли в себя, и через секунду большинство из них лежало в канаве. Только подводцы со снарядами остались стоять.

Мы сначала не знали, что подумать, но потом поняли, что навалились на противника, засевавшего в лесу. Густой лес прекрасно скрывал красных. Князь вместе с эскадронам первым попал под огонь. Командир эскадрона был убит.

Мимо нас стали пробегать отдельные кавалерийские офицеры, уводившие назад лошадей. Офицерская рота рассыпалась вправо от дороги. Оба орудия стояли друг за другом. Свернуть и поставить их рядом было невозможно: мешали глубокие канавы.

Стрельба противника усиливалась. Трещало уже несколько пулеметов, и пули то и дело жужжали мимо ушей. Ни холма, ни бугра, и только отдельные пни и высокие деревья представляли некоторую защиту.

Наконец раздался первый орудийный выстрел – это наша пушка стреляла по неизвестному противнику. Потом второй, третий... В лесу стоял невообразимый гул. Наши орудия стреляли одно через другое. Несколько артиллеристов было уже ранено и убито; их тащили назад, клали на повозки и увозили. Помню, я подошел к полковнику Пясецкому, стоявшему вправо от дороги. В руках у меня был чей-то карабин, затвор которого не действовал, столько в нем набилось песку. Рота лежала. На дороге находилась высокая фигура капитана 2-го ранга, барона Остен-Сакена, который помогал артиллеристам. [...] Пулеметы противника трещали по-прежнему. Офицерская рота и кавалеристы несколько раз кричали “Ура!” и пытались пройти вперед, но безуспешно, так как огонь противника был слишком жесток, а нас до смешного мало.

Я уверен, будь большевики немного смелее, они могли бы великолепно нас окружить и никто бы не ушел. Мысль о том, что положение наше скверно и что каждую минуту может произойти жестокая развязка, а с нею и конец, заставила поручика Зейберлиха и меня попытаться вынести из огня светлейшего князя. [...] Как долго продолжался этот ад, этот гул орудий и вой пуль – затрудняюсь сказать. Может быть, час, а возможно, и меньше. [...] Горло пересохло, говорить было трудно. Мы снова крикнули “Ура” и бросились вперед. Противник замолк, дрогнул и, наконец, побежал. Густой лес позволил ему отойти незаметно»⁸.

Из всех этих рассказов выстраивается картина боя у Роденпойса, происшедшего 24 мая 1919 года. Она совпадает с той, которая дана в стихотворении Тихонова. Бой закончился около 7 часов вечера, то есть на закате. Происходил он в сосновом

8 Будберг Н.А. *Бой под Роденпойсом у Риги и ранение светлейшего князя Ливена (из памятной книжки участника)* // *Белая борьба на Северо-Западе России*. С. 90–91.

лесу. Эскадрон Ливенского отряда, насчитывавший 30–40 сабель, двигался в конном строю. Когда колонна ливенцев подверглась неожиданному обстрелу и атаке со стороны красных, кавалеристы попытались атаковать, но под огнем неприятеля вынуждены были спешиться и под натиском превосходящих сил противника отступить. У красных кавалерии не было, а пехоту ливенцы вполне могли рубить в упор, если бы дошли до ее позиции (конных сабельных схваток в Первую мировую и гражданскую войну практически не было). Ливенцев спасла двухорудийная батарея, которая своим огнем остановила красных. Упоминается и участвовавший в бою бронепоезд – правда, на стороне красных. Судя по тому, что в стихотворении Тихонова совпадают многие детали с боем 24 мая 1919 года, сам поэт был участником этого боя на стороне ливенцев, то есть белых. Попытаемся выяснить, как он мог попасть туда.

Выше уже отмечалось, что в автобиографии 1922 года Тихонов упомянул в контексте событий Первой мировой войны участие в кавалерийской атаке у мызы Роденпойс. Между тем стихотворение «Атака под Роденпойсом» он опубликовал только в 1945-м, а потом – в 1947 году⁹. Но постарался «легализовать» этот сюжет 25 годами ранее.

В той же автобиографии Тихонов писал о своей жизни после революции и участия в гражданской войне следующим образом:

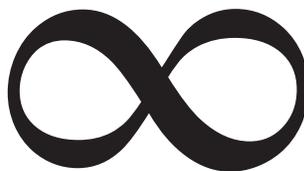
«После того гнул себя на разных работах: рубил дрова, плотничал, по всеобучу работал, играл “комических стариков” в некоей труппе, защищал Петроград от Юденича. Сто часов дежурил без смены, на сто четвертом свалился. До сих пор не умер»¹⁰.

Работы до обороны Петрограда от Юденича, перечисленные Тихоновым, хороши тем, что их невозможно проверить по документам. Во Всеобуче – системе обязательной военной подготовки граждан – к концу 1918 года работали около 50 000 инструкторов. И, вероятно, не меньше, если не больше, было во Всеобуче канцелярских работников. Но в Москве и Петрограде бюро и отделов Всеобуча не было, военная подготовка по этой программе проходила в территориальных воинских частях. Здесь тоже речь должна была идти о десятках тысяч сотрудников¹¹. Отыскать в этой массе следы Тихонова было бы совсем не просто. Точно так же не было никакой возможности установить анонимную театральную труппу, которой в 1922 году наверняка уже не существовало (а может, и никогда не существовало). Ну и, конечно, рубку дров и плотничьи работы проверить не

⁹ Тихонов Н.С. *Стихи и проза*. М.: ОГИЗ, 1947. С. 148.

¹⁰ Литературные записки. 1922. № 3. С. 29.

¹¹ *Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия* / Гл. ред. С.С. Хромов. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 123–124.

было смысла. Часто такие неопределимые сведения приводились в советских анкетах тогда, когда надо было что-то скрыть в прошлом. Вениамин Каверин, друживший с Тихоновым, пишет в мемуарах применительно к 1932 году:

«Из человека, который говорит то, что он думает, Тихонов так же, как десятки и сотни других людей искусства (и не только искусства), превращался в человека, который думает одно, а говорит другое. Как ни странно, его жизненной задачей стала необходимость убедить себя в том, что он думает действительно то, что он говорит»¹².

Но на самом деле Тихонов в такого человека превратился еще в 1920 году, когда оказался в Советской России, где необходимо было тщательно скрывать белогвардейское прошлое. А для того, чтобы сокрытие было максимально эффективным, требовалось убедить себя, что он действительно верит в революцию и большевиков. И он убедил себя в этом. Еще в автобиографии 1922 года поэт писал, что «с комиссарами разными ругался и буду ругаться»¹³. Но не мог же он в самом деле в советском подцензурном журнале написать: «Я комиссаров рубал под Роденпойсом и рубать буду!».

В автобиографии 1926 года, где Тихонов фигурирует в третьем лице, о гражданской войне сказано чуть подробнее:

«1918 год. Фронт прорван. Немец у Нарвы. В Петрограде Совнарком. Люди живут с удесятеренной энергией. Его лучший друг Витольд Арцишевский является в Смольный и говорит: “Я знаю четыре языка, я молод и здоров, дайте мне работу”. Товарищ Троцкий направляет его в распоряжение товарища Иоффе, в Наркоминдел. Он работает за двоих. Н.С. Тихонов в Красной армии, в первой Советской роте имени товарища Либкнехта. [...] Дальше идут: Первый Стрелковый полк имени тов. Калинина, наступление Юденича, бой под Петроградом и потом – передышка»¹⁴.

Тут много неясного. Почему вдруг возникает друг Тихонова Арцишевский? Не по его же протекции поэт попал в Красную армию! Думаю, что Арцишевский, служивший в Наркоминделе, понадобился для того, чтобы вывести на сцену в тот момент уже опального, но еще не запрещенного к упоминанию Троцко-

12 КАВЕРИН В.А. *Эпизод*. М.: Вагриус, 2006. С. 291.

13 Литературные записки. 1922. № 3. С. 29.

14 Тихонов Н.С. *Из могилы стола* / Сост. И.А. ЧЕПИК-ЮРЕНЕВА. М.: Издательство имени Сабашниковых, 2005. С. 53–54. Возможно, имеется в виду Витольд Казимирович Арцишевский, в 1908–1912 годах – контролер Управления Северных железных дорог (<https://forum.vgd.ru/post/1139/22487/p2834231.htm>). Впервые эта автобиография была опубликована в журнале «Красная панорама» (1926. № 41). Название «первой Советской роты имени товарища Либкнехта» Тихонов, возможно, выдумал, использовав место жительства своего друга Вениамина Каверина, который в начале 1920-х жил в Петрограде по адресу проспект Карла Либкнехта, дом 32, квартира 18 (КАВЕРИН В.А. *Литератор*. М.: Советский писатель, 1988. С. 38).

го. А отнесение поступления Тихонова в Красную армию к началу 1918 года должно было указывать на то, что он был добровольцем. Однако в позднейшей автобиографии поэт утверждал обратное: «Меня демобилизовали весной 1918 года. Осенью этого же года я вступил добровольцем в Красную армию, принимал участие в разгроме Юденича под Петроградом»¹⁵.

Если предположить, что в мае 1919 года Тихонов оказался в рядах Ливенского отряда под Роденпойсом, можно попытаться реконструировать его путь в гражданской войне. Скорее всего он действительно поступил добровольцем в Красную армию, только произошло это не осенью, а весной 1918 года. Но поступил он в одну весьма специфическую часть Красной армии, поскольку только из нее он мог попасть в дальнейшем в Ливенский отряд. Речь идет о Лужском партизанском (1-м конном) полку Красной армии, сформированном Станиславом Никодимовичем Булак-Балаховичем на базе отряда Особой важности (партизанского) имени атамана Пунина. В феврале 1918 года, после начала германского наступления отряд Булак-Балаховича оказался одной из немногочисленных частей Северного фронта, которая оказала реальное сопротивление немцам. После заключения в марте Брестского мира Троцкий, назначенный 14 марта наркомом по военным делам, а ранее являвшийся наркомом иностранных дел, лично одобрил формирование полка Булак-Балаховича. Поэтому Троцкий появился в тихоновской автобиографии 1926 года, но для маскировки – в связи с Арцишевским. Признаваться в службе в полку Булак-Балаховича поэту было никак нельзя, поскольку было хорошо известно, что в начале ноября 1918 года Булак-Балахович со своим полком в количестве 446 человек, включая 42 офицеров и 6 классных чиновников, перешел на сторону белогвардейского Псковского корпуса¹⁶. Многие офицеры вступали в полк Балаховича только потому, что рассчитывали вместе с ним перейти к белым. Сам Булак-Балахович признавался в узком кругу: «Троцкий – шеф, а в карманах у молодых и господ офицеров до сих пор царские вензеля лежат!»¹⁷. Часть офицеров и добровольцев из полка Балаховича в январе 1919-го отправились в Латвию и вступили в отряд Ливена, который в составе состоявшего преимущественно из немцев балтийского ландсвера сражался с красными, захватившими Ригу. Вероятно, в составе тех балаховцев, что подались к Ливену, был Тихонов. И он в тот момент уже был офицером – скорее

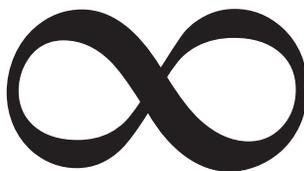
БОРИС СОКОЛОВ

СОЦРЕАЛИСТ ВО СТАНЕ
БЕЛЫХ ВОИНОВ?

15 Тихонов Н.С. *Стихотворения и поэмы*. С. 48.

16 Машко В.В. *Станислав Никодимович Булак-Балахович* // Новый исторический вестник. 2002. № 2(7) (www.nivestnik.ru/2002_2/8.shtml).

17 Кручинин А.С. *Генералы С.Н. и И.Н. Балаховичи* // *Исторические портреты: А.В. Колчак, Н.Н. Юденич, Г.М. Семенов*. М.: Астрель; АСТ, 2004. С. 472.

всего еще с 1916 года. Сам Тихонов утверждал, что в его роду были латышские корни¹⁸.

Доказательство того, что Тихонов стал офицером еще до революции и что к большевикам он никаких симпатий не испытывал, можно найти в его ранних стихах и прозе, которые публиковались в петроградском журнале «Нива» в 1918 году, вплоть до его закрытия властями 28 сентября. Эти произведения при его жизни никогда не переиздавались, а проза не переиздана до сих пор. В дебютном стихотворении, появившемся в № 13, датированном 30 (17) марта, можно угадать реакцию поэта на Брестский мир:

На шее упавших величий
Петля потемневшего дня –
И злоба без устали кличет,
И мрак душит искры огня.
Как часты занозы на прутьях
В тиши окровавленных мест,
Кто ставит на наших распустьях
Большой окровавленный крест?
Душа! Ты живешь, пламенея –
Смотри же, как в рокоте слов
Над станом смущенных пигмеев
Лик солнца безжалостно нов!¹⁹

«Нива», как и вся пресса в Советской России, выходила в жестких цензурных условиях, но нет сомнений, что «смущенные пигмеи» – это большевики, творцы сепаратного Брестского мира, отобравшего у России все ее западные территории, мира, которого патриот Тихонов принять не мог. В № 15 на обложке журнала Тихонов опубликовал стихотворение «Голгофа» о крестных страданиях Иисуса Христа²⁰. Символический смысл стихотворения заключался в том, что Россия сейчас на Голгофе революции и она оставлена Богом. В последнем четверостишии читаем:

Дробясь, упали обелиски,
Погасли в грохотах огни,
И снова призрачно и близко
Звучит: «Ламá Савахфанí!»

Последняя фраза на арамейском в Евангелии от Матфея звучит так: «Или́, Или́! ламá савахфанí?» – то есть: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. XXVII, 46).

18 Писатели современной эпохи. Био-библиографический словарь русских писателей XX века / Под ред. Б.П. Козьмина. М.: ДЭМ, 1991. Т. 1. С. 246.

19 Нива. 1918. № 13. 30 (17) марта. С. 208.

20 Нива. 1918. № 15. 13 апреля (31 марта). С. 226.

В том же номере Тихонов поместил еще одно стихотворение с красноречивым названием «В Страстные дни. Предательство»²¹. Здесь евангельский сюжет тоже служил намеком на предательский, с точки зрения поэта, Брестский мир. И этот намек подкреплялся вполне российским пейзажем и прямым указанием на то, что действие происходит отнюдь не в Гефсиманском саду:

Не в садах Гефсиманских – в краю позабытом,
Посреди обездоленных сел,
Где дороги затоптаны острым копытом,
Лес оборван, безжизнен и гол.
Он стоял обреченный, измученный снами,
И в путях, чрез поля и кусты,
Вырастали под ветром, клубясь над полями,
Занесенные снегом кресты...

Кресты среди поля, а не на обычном кладбище символизируют погибших в войне, которых и предали большевики, заключив позорный мир.

В том же номере было опубликовано и третье тихоновское стихотворение «Дни Страстей»²². В нем есть такие строки:

Твой крик восторга, стон разлуки,
Когда сомненьем жалким смят,
Умыл изнеженные руки
Тех дней чудовищный Пилат!

Тут был явный намек на «Пилата» современности, под которым подразумевался вождь большевиков Ленин, по требованию которого Брестский мир был подписан, несмотря на оппозицию в партии. Характерно, что в те дни, когда Тихонов публиковал свои стихи, Страстная неделя еще не началась.

В следующем номере (№ 16) Тихонов поместил цикл пасхальных стихов «Воскресение»²³. Из них наиболее интересно стихотворение «Три пасхи». Первая Пасха – во времена Ивана Грозного, которому на Пасху «Хочется смириться: плакать и молиться, / Или встать, озлобясь, все вокруг круша». Вторая Пасха – это Пасха Петра Великого, при котором «ведет на Запад, гордо розовея, / Солнце воскресенья Северной Страны». Третья Пасха – это Пасха 1917 года, пришедшая на 15 (2) апреля, первая после февральской революции. Временное правительство старалось использовать этот праздник в своих целях, в частности, подчеркивая сходство красного революционного и пасхального цветов. Поэт передает впечатление от первой пасхи в революционной России:

21 Там же. С. 228.

22 Там же. С. 233.

23 Нива. 1918. № 16. 20 (7) апреля. С. 244.

Прошумели крылья древнего преданья,
Призраки былого множат тени сна,
Снова близко утро, в звонах ожиданья,
И мечты всемирной юная весна...
Страшен мрак последний, но в рассветных тучах
Гром повис великий непрожитых дней,
Дерзкий, беспощадный, грозно неминуемый –
Создающий царство радостных огней!

В «Октябрьских рассказах», которые Тихонов написал в 1957 году, действие первого рассказа под названием «Апрельский вечер» происходит как раз в начале Пасхальной недели 1917 года: «Поздним весенним вечером третьего апреля тысяча девятьсот семнадцатого года, на второй день Пасхи, студент Петроградского университета Анатолий Оршевский шел из гостей – от приятеля своего, тоже студента, Василия Шахова, с которым он спорил весь вечер»²⁴. Прототипом Анатолия Оршевского, очевидно, послужил Витольд Арцишевский, а прототипом Василия Шахова – сам Тихонов. И если Оршевский восхищенно наблюдает выступление Ленина с броневика у Финляндского вокзала (в этот день, 16 (3) апреля, тот вернулся в Петроград из эмиграции) и переходит на сторону большевиков, чтобы в 1918 году погибнуть на фронте в рядах Красной армии (прототип, по словам Тихонова, в том же году «умер большевиком на боевом посту в Торошино»)²⁵, то Шахов как будто готов отстаивать завоевания февральской революции. Он спорит с Оршевским и утверждает: «Ждали мы, ждали, чтобы Романовых свергнуть. Свергли. Народный праздник – все ликовали, от мала до велика. Есть у нас Временное правительство, и с ним согласен и Совет рабочих и солдат. Власть есть, значит, будет и порядок»²⁶. Можно предположить, что в первые месяцы после февральской революции Тихонов действительно верил, что революционная власть приведет к установлению нового порядка и поможет победоносно завершить войну.

В рассказе же «Счастливая улица», посвященном отражению наступления Юденича на Петроград, вообще нет героя, которого можно было счесть автобиографическим. На эту роль в какой-то мере претендуют двое. Это комиссар Иван Филиппович Глебов, по профессии электромонтер, одетый в потрепанную кавалерийскую шинель, и «совсем юный красноармеец»²⁷ Алексей Дымов, бывший конторщик маленького кирпичного завода под Шлиссельбургом. Но Тихонов точно не был ни комиссаром, ни электромонтером, ни конторщиком кирпичного

24 Тихонов Н.С. *Октябрьские рассказы*. М.: Современник, 1987. С. 1.

25 Он же. *Из могилы стола*. С. 54.

26 Он же. *Октябрьские рассказы*. С. 1.

27 Там же. С. 16.

завода. Да и «совсем юным красноармейцем» его назвать было сложно – все-таки ветеран Первой мировой войны! По всей вероятности, отсутствие по-настоящему автобиографического героя в рассказе, посвященном борьбе с Юденичем (хотя собственно боев в рассказе нет), объясняется тем, что, как мы увидим далее, в этих боях Тихонов участвовал на стороне Юденича.

В № 20 «Нивы», датированном 18 (5) мая 1918 года, Тихонов опубликовал стихотворение «Ожидание»²⁸. Там запечатлен сельский пейзаж, а завершается «Ожидание» такой тирадой лирического героя:

За визгом хриплых балалаек
Я жду: ударит тяжкий звон!
Вонзится белый луч сполоха
В крыло ночного упыря,
Под пестрой рванью скomorоха
Блеснет броня богатыря!

Ассоциация с богатырем и сельская местность могут указывать, что не позднее мая 1918 года Тихонов уже находился в рядах отряда (полка) Булак-Балаховича в Лужском уезде.

В следующем номере (№ 21) Тихонов опубликовал рассказ «Чудо»²⁹, главный герой которого Семен Иванович Клокачев явно списан с отца поэта – Семена Сергеевича Тихонова. О нем в автобиографии 1922 года поэт писал: «Дед у меня латыш, отец – Тульской губернии»³⁰. В автобиографии 1926 года об отце говорится следующее: «Мать его – крестьянка Петербургской губернии, отец – мещанин города Богородицка, Тульской губернии»³¹. Там же он отметил, что в 1918 году умирают и отец, и бабушка. До этого говорилось, что «в Петроград входит голод»³². Поэтому читатель должен был понять, что отец поэта умер от голода. В последнем варианте своей автобиографии, опубликованном в 1973 году, Тихонов писал об отце более подробно:

«[Родился] в семье ремесленника. Дом, где я родился, стоит и сейчас на углу улицы Герцена и улицы Дзержинского. [...] Все были заняты скромной работой ремесленников. Заработка едва хватало на содержание семьи; жили в тесных, маленьких, темных квартирах, с керосиновым освещением, с трудом, по грошам собирая средства, чтобы дать детям хоть среднее образование».

Относительную бедность своей семьи Тихонов подчеркивает тем, что после окончания Торговой школы «пришлось посту-

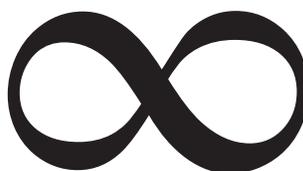
28 Нива. 1918. № 20. 18 (5) мая. С. 317.

29 Нива. 1918. № 21. 25 (12) мая. С. 333–335.

30 Литературные записки. 1922. № 3. С. 29.

31 Тихонов Н.С. *Из могилы стола*. С. 50.

32 Там же. С. 54.

пить на службу в Военно-морское хозяйственное управление, чтобы начать зарабатывать кусок хлеба, в помощь семье»³³. Что показательно, ни в одной автобиографии Тихонов не называет отца по имени и отчеству. Ну, положим, имя отца, Семен, легко определяется по отчеству сына – Семенович. А вот для установления отчества отца придется заглянуть в справочник «Весь Петербург на 1913 год». Там числится Семен Сергеевич Тихонов, проживавший по указанному поэтом адресу: Гороховая, 11³⁴. Замечу, что помещение адреса в этом справочнике уже говорит об определенном социальном статусе. Вряд ли бы это стал делать ремесленник, едва сводивший концы с концами. К тому же в автобиографии 1926 года Тихонов признается, что у него в детстве было «2000 бумажных, деревянных, оловянных солдат, пушек, лошадей, паровозов и кораблей»³⁵. Вряд ли бы родители, вынужденные откладывать каждую копейку на образование сына, стали бы так заваливать его игрушками. Друживший с Тихоновым Вениамин Каверин писал, что «он был сыном и братом парикмахера и принадлежал к среднемецанскому сословию»³⁶. В автобиографии 1959 года Тихонов утверждал:

«Мой отец был цирюльником, мужским парикмахером, мать – портнихой. Жили мы в тесной, маленькой квартире, где были всего две комнаты и кухня, в доме такой старины, что все двери покосились, потому что дом за полтора года своего существования сильно осел. Я не знал ничего о своих далеких предках, потому что след их начисто исчез»³⁷.

В автобиографических заметках, сохранившихся в архиве Тихонова, поэт отмечал:

«Отец – строгий, суровый человек. Любил порядок. Дети его боялись. Был очень хороший мастер своего дела – парикмахер. Делал прекрасные парики, накладки генералам и др. Участвовал во всемирной выставке в Париже в 1900 году. К нему однажды пришла девушка – еврейка, работница фабрики. Ее длинные волосы – косы затынуло в барабан и сняло скальп. Отец сделал ей два прекрасных парика. Она потом вышла замуж.

Мать – очень хорошо шила. Сохранились фотографии дам, которые шили у нее, в ее платьях – очень красивых, в оборках с турнюрками»³⁸.

33 Он же. *Стихотворения и поэмы*. С. 47.

34 *Весь Петербург на 1913 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга*. [СПб.]: Издание А.С. Суворина, [1913]. С. 630.

35 Тихонов Н.С. *Из могилы стола*. С. 51.

36 Каверин В.А. *Эпизод*. С. 280.

37 *Советские писатели. Автобиографии: В 2 т. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 2* (www.detskiysad.ru/raznilit/avtobiografia_tihonov.html).

38 Тихонов Н.С. *Из могилы стола*. С. 484.

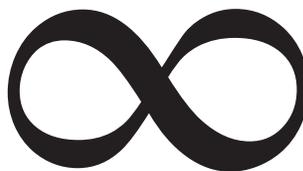
Согласимся, что парикмахер, который участвует в парижской выставке, никак не может быть бедным ремесленником. По всей вероятности, отец Тихонова был не просто парикмахером, а владельцем модного салона-парикмахерской, обслуживающего богатую публику. Да и жена его обшивала явно не фабричных работниц, а дам высшего света. Наверняка Тихонов-старший был довольно состоятельным человеком, и у него скорее всего были наемные работники, то есть, по советской терминологии, он был эксплуататор. Но, естественно, писать об этом в автобиографии классика соцреализма не стоило.

В «Чуде» Семен Иванович Клокачев становится жертвой самосуда революционных матросов, которые расстреливают его, ошибочно приняв за вора-карманника. Вполне вероятно, что в действительности отец Тихонова мог стать одной из первых жертв «красного террора» еще до его объявления, о чем в цензурном журнале Тихонов в любом случае писать не мог. Дать списанному с отца героя фамилию Клокачев, по принципу противоположности, Тихонову, возможно, подсказал эпизод, о котором он рассказал в автобиографии 1926 года: «Когда он [Тихонов. – Б.С.] учится в Алексеевской торговой школе, инспектор зовет его родителей и просит их переменить фамилию сына, назвав его Бойцовым. Родители не согласны»³⁹. В рассказе профессия Клокачева прямо не названа, но можно понять, что скорее всего он мелкий чиновник. Кстати сказать, он имеет прислугу, но, в отличие от отца Тихонова, изображен одиноким человеком. «Чудо» позволяет предположить, что не позднее мая 1918 года Семен Сергеевич Тихонов погиб в Петрограде и что Николая Семеновича в это время в городе не было.

В № 22–24 «Нивы» Тихонов опубликовал повесть «Стратегели», имеющую подзаголовок «Повесть недавних дней», – одно из лучших своих прозаических произведений. Главный герой Мирцев, член полкового комитета драгунского полка, явно автобиографичен. Действие повести происходит в июле 1917 года. Воинское звание Мирцева не называется прямо, но подчеркивается, что он единственный обладатель френча среди всех членов комитета. Френч же тогда в русской армии полагался только офицерам. Одна из сюжетных линий повести как раз и связана с тем, что председатель комитета, «товарищ Зейман» – личность довольно малоприятная, – одалживает у Мирцева френч, чтобы на совещании в штабе дивизии, где будет главным образом офицеры, походить на офицера, а также на главу Временного правительства Александра Федоровича Керенского. Также беседа Мирцева с Шестовым в 9-й главе повести ясно показывает, что оба они офицеры⁴⁰.

39 Там же. С. 51.

40 Нива. 1918. № 24. 15 (2) июня. С. 378, 380.

Кстати сказать, «зейман» (от голландского *Zee-man* – морской человек, мореплаватель) – это самоназвание кадетов и гардемарин Морского кадетского корпуса, выпускники которого всю последующую жизнь называли себя «зейманами». Это наводит на мысль, что Тихонов окончил Морской кадетский корпус – или по крайней мере учился в нем. Обычно оканчивали его в возрасте 18 лет. Если поэт действительно окончил его, то это должно было произойти в 1914 году. Только в советское время Тихонов вряд ли рисковал именоваться «зейманом», поскольку тщательно скрывал в советское время факт учебы в Морском кадетском корпусе. Окончивших училище отправляли в годовое плавание в качестве корабельных гардемарин, после которого у них принимали практические экзамены и производили в мичманы, что соответствовало армейскому поручику. Не сдавшие практических экзаменов и показавшие низкие морские качества и неподготовленность к военно-морской службе увольнялись с присвоением чина подпоручика по адмиралтейству или же получали гражданский чин 10 класса. Как мы уже отмечали выше, в автобиографии 1973 года Тихонов писал:

«[После окончания Торговой школы] пришлось поступить на службу в Военно-морское хозяйственное управление, чтобы начать зарабатывать кусок хлеба, в помощь семье. Общение с моряками, их рассказы о путешествиях, о разных странах, куда они плавали, производили на меня большое впечатление. Во время ночных дежурств я много беседовал с людьми, близко принимавшими к сердцу трагедию русского военно-морского флота, говорившими о революционных традициях Свеаборга и Кронштадта, о броненосце “Потемкин” и лейтенанте Шмидте, о прошлом и будущем флота. Некоторые мои собеседники были людьми передовых взглядов, и их смелые суждения о судьбе России сильно мне запомнились. Конечно, далеко не со всеми я мог говорить так откровенно и находить взаимное понимание»⁴¹.

Трудно себе представить, чтобы сотрудники Морского министерства, офицеры и чиновники, рассказывали Тихонову «о революционных традициях Свеаборга и Кронштадта». Здесь поэт отдавал дань революционной риторике. Есть основания подозревать, что в действительности Тихонов в Морском министерстве не служил, а версия об этой службе понадобилась для того, чтобы прикрыть учебу в Морском кадетском корпусе и объяснить свой интерес к морской тематике и знание морских реалий. Кстати сказать, учеба в Морском корпусе объясняет относительно неплохое знание Тихоновым английского языка – там его преподавали, в отличие от гимназий и торговых школ. Вполне возможно, что он начал учить английский еще там, а

41 Тихонов Н.С. *Стихотворения и поэмы*. С. 47–48.

не позднее; и уже после революции выучил самостоятельно, чтобы читать любимого Киплинга, как Тихонов утверждал впоследствии. А Виктор Шкловский, например, верил, что Тихонов начал учить английский язык только после возвращения в Петроград в конце 1920 года: «Он растет, изменяется, читает историю морских войн и учится английскому языку»⁴².

Можно предположить, что Тихонов, окончивший корпус в 1914 году, из-за войны не имел возможности пройти годичную морскую практику, необходимую для получения офицерского звания, и предпочел пойти добровольцем на фронт на правах вольноопределяющегося – кандидата в офицеры. Уже в автобиографии 1922 года Тихонов сообщал, что служил гусаром, не уточняя, в каком звании: «Учился, думал коммерсантом буду, а вышел гусар»⁴³. Судя по сведениям, приводимым в повести «Старатели», в 1917 году Тихонов служил в 17-й кавалерийской дивизии, располагавшейся вблизи Риги. Гусарским в этой дивизии считался носивший гусарскую форму полк офицерской кавалерийской школы. Кроме него, в состав 17-й дивизии входили 20-й драгунский Финляндский полк (до конца 1916 года вместе с полком офицерской школы входил в состав 4-й отдельной кавалерийской бригады), а также полки из пограничников: 5-й Горждинский и 10-й Рыпинский пограничные конные полки. Имелся и 17-й стрелковый полк. Мирцев служит в драгунском полку, которому и приходится заниматься неприятным делом – разоружать взбунтовавшийся пехотный батальон. Тут могут быть два варианта: либо Тихонов служил в полку офицерской школы, а в 1917 году перешел в драгунский полк, либо поэт перенес автобиографического героя в драгунский полк волей художественной фантазии – возможно, для того, чтобы не ассоциировать родной для себя гусарский полк с полицейской акцией. Не известно, участвовали ли в действительности полки 17-й кавалерийской дивизии в разоружении взбунтовавшихся пехотинцев. Но в таких акциях точно участвовал отряд имени атамана Пунина, и, служа в полку Булак-Балаховича, Тихонов наверняка слышал рассказы о таких событиях.

То, что Тихонов был офицером еще в царской армии, доказывает также эпизод, рассказанный им в статье «Сержанты Красной армии»:

«Я помню, как занимался самообразованием унтер-офицера своего взвода, носил ему учебники и занимался с ним. Он хотел сдать экзамен на вольноопределяющегося второго разряда, чтобы иметь право пойти в школу прапорщиков. Но это был единичный случай, и другого у себя в полку я не помню».

42 Шкловский В.Б. *Гамбургский счет: статьи – воспоминания – эссе (1914–1933)*. М.: Советский писатель, 1990. С. 373.

43 Литературные записки. 1922. № 3. С. 29.

Не приходится сомневаться, что самообразованием унтер-офицера, собиравшегося поступать в школу прапорщиков, мог заниматься только офицер. Скорее всего Тихонов, будучи младшим офицером, командовал взводом, в котором служил тянувшийся к знаниям унтер-офицер. В той же статье Тихонов упоминал, что «в прошлую мировую войну русский унтер-офицер показал свою хорошую подготовленность и управлялся в бою даже лучше младшего офицера из вольноопределяющихся, спешно окончившего школу прапорщиков». Поэт, несомненно, был вольноопределяющимся, и офицером стал, либо окончив школу прапорщиков, либо, подобно Николаю Гумилеву, сдав экзамен. Поскольку образовательный ценз у Тихонова был высоким (либо законченное торговое училище, либо незаконченный Морской кадетский корпус), вполне вероятно, что он стал офицером без окончания школы прапорщиков, просто сдав экзамен на офицерский чин. Также в статье о сержантах поэт подчеркивал:

«Советский сержант продолжает лучшие традиции русского воина. Как и в старину, он должен уметь командовать подчиненными, довести боевое задание до конца, проявить доблесть и настойчивость, заменить выбывшего из строя младшего офицера, показать героический пример, поддерживая новые традиции Великой Отечественной войны. [...] Сержанты – это костяк армии. Современный бой требует отчетливой отработанности от самых мелких подразделений, и боевая задача отделения или взвода бывает чрезвычайно ответственна. Борьба мелкими группами, несмотря на всю насыщенность поля боя техникой, танками, артиллерийским огнем, искусственными препятствиями, имеет огромное значение, и в этом столкновении мелких подразделений сержантам отводится ответственная роль»⁴⁴.

Здесь Тихонов фактически повторил мысль Троцкого, высказанную на XI съезде партии:

«Одна из важнейших задач нашей партии: воспитать подлинный кадр отделенных командиров, которые представят основу всего командного звания Красной армии. Если мы будем иметь отделенного командира, который политически воспитан в пределах своих задач и подготовлен в военном отношении, то он будет представлять собой законченного низшего руководителя. Этим самым воспитание крестьянской и рабочей молодежи в армии получит незаменимый рычаг»⁴⁵.

Вероятно, Тихонов испытывал к бывшему председателю Реввоенсовета определенную симпатию не только как к достойному противнику на поле боя, но и как к создателю новой – совет-

⁴⁴ Тихонов Н. *Сержанты Красной армии* // Красная звезда. 1943. № 194. 18 августа.

⁴⁵ *Одиннадцатый съезд РКП(б). Май–апрель 1922 г. Протоколы.* М.: Партиздат, 1936. С. 306.

ской – русской армии взамен разложившейся царской. Тихонов армию уважал и ценил, и, наверное, неслучайно он упомянул Троцкого в автобиографии 1926 года. А в стихотворении «Бой» (1939), входящем в цикл, посвященный 20-летию боев с войсками Юденича в 1919 году, есть такая строфа, после смерти Сталина исключенная из публикаций⁴⁶:

У Красной Горки мужеству
Не Сталин ли учил?
О белое хорунжество
Штыки пообточил.

Тихонов, предположительно сражавшийся в рядах Северо-Западной армии Юденича, а потом изучавший историю борьбы за Петроград в 1919 году, прекрасно знал, что никакого «хорунжества» со стороны белых во время боев у форта Красная Горка в июне 1919-го не было и быть не могло. Хорунжий – это младший офицерский чин в казачьих частях, соответствующий корнету в регулярной русской кавалерии. Хорунжих под Красной Горкой не могло быть, так как в Северо-Западной армии вообще не было казачьих частей. Точно так же Сталин непосредственного участия в боевых действиях ни под Царицыном, ни под Петроградом, ни в других местах не принимал и, соответственно, никого мужеству не учил. Под фортом Красная Горка, гарнизон которого восстал против советской власти, Сталин при всем желании никого не мог поднять в атаку, так как после обстрела корабельными орудиями гарнизон, не дожидаясь атаки, покинул форт и ушел к белым.

В указанной строфе Тихонов сознательно сообщал читателям заведомую неправду как насчет «хорунжества», так и насчет Сталина. Те из читателей, кто был знаком с реальным ходом боев за Петроград, должны были воспринять упоминанием мифического «хорунжества» как скрытое указание на то, что столь же мифологично и упоминание о Сталине в данном контексте. Зато сама строфа должна была напомнить ветеранам петроградских боев о подвиге, который действительно совершил Троцкий, когда под Петроградом 18 октября 1919 года остановил бегущий пехотный полк, а затем лично повел его в атаку. 20 ноября он был удостоен ордена Красного Знамени, в том числе за то, что «личным мужеством вдохновлял красноармейские части на фронте под боевым огнем»⁴⁷. Троцкий описал этот случай в мемуарах:

«В этом небольшом эпизоде мне пришлось в первый и единственный раз за всю войну играть роль полкового командира. Когда отступающие цепи почти вплотную навалились на штаб дивизии

⁴⁶ Тихонов Н.С. *Стихи и проза*. М.: ОГИЗ, 1947. С. 40.

⁴⁷ Краснов В.Г., Дайнес В.О. *Неизвестный Троцкий: красный Бонапарт*. М.: Олма-Пресс, 2000. С. 275.

в Александровке, я сел на первую попавшуюся лошадь и повернул цепи кругом. В первые минуты было замешательство, не все понимали, в чем дело, некоторые продолжали отступать. Но я на лошади заворачивал всех поодиночке. Тут только я заметил, что за мной по пятам мчится мой ординарец Козлов, подмосковный крестьянин, из бывших солдат. Он был в полном опьянении. С наганом в руке он метался по цепи, повторял мои призывы, потрясал револьвером и вопил изо всех сил: “Не робей, ребята, товарищ Троцкий вас ведет”... Наступление шло теперь таким же темпом, как раньше отступление. Ни один красноармеец не отстал. Верстах в двух началось сладенькое и гнусное посвистывание пуль, свалились первые раненые. Командир полка стал неузнаваем. Он показывался на наиболее тревожных участках, и, пока полк вернул покинутые перед тем позиции, командир был ранен в обе ноги»⁴⁸.

Самый симпатичный герой повести «Старатели» – генерал-майор Растягин, начальник пехотной дивизии, в которой взбунтовался один из батальонов. Генерал очень переживает в связи с этим и в финале кончает жизнь самоубийством. Незадолго до смерти Растягин рассуждает о происходящем с одним из членов комитета:

«Что вы с ними сделали, а? – он захлебнулся, и следующие слова вырвались почти со стоном: Ведь я не могу на них смотреть. Ведь я плачу... душой плачу. Ведь любил я их, чертей косматых, грязь эту серую, непромешанную... А теперь? Что им сказали про меня? Зачем нас разъединили, зачем никто правды не скажет!.. О том, что у меня погоны с зигзагами – это запомнили, что я лампасы красные ношу – тоже запомнили, а что я душу имею – забыли? Кричат, что их дело – свобода, гордость, чистота, а что это: тоже гордость, тоже чистота? Какой ложью вы оправдаетесь, какими словами очиститесь? Как изворачиваться будете? Воевать не хотят? Изменники! Врете, все врете, – закричал он, – они дрались, как львы, как герои, как мученики, кому хотите скажу, Богу в глаза скажу, меня от смерти спасли, гибли, ах, как они гибли! А под Шавлями, под Августовом, под Праснышом, что они делали... как они были велики! Я жизни с ними не пожалею... И все... все с ними... А теперь? Обманом, предательством их покрыли, а ведь на них пыль только, пот и кровь их... да как же пыли не быть – столько верст они проходили в неделю, сколько другой во всю жизнь свою не сделает, да как же не вспотеть от труда – третий год, третий год – и каждый такой год стоит двадцати–тридцати лет, – работают без отдыха, а кровь – кровь всегда дорога, а их кровь бесценна, как жертва, понимаете ли, как жертва – их кровью другие спасутся... Да, да... не смейтесь вы»⁴⁹.

Не приходится сомневаться, что в данном случае Тихонов излагает собственное отношение к развалу армии после фев-

48 Троцкий Л. Д. *Моя жизнь*. М.: Панорама, 1991. С. 409.

49 Нива. 1918. № 24. 15 (2) июня. С. 383–384.

ральской революции, да еще скрыто цитируя стихотворение своего любимого Редьярда Киплинга «Сапоги. Пехотные колонны недавней войны» (1903)⁵⁰.

«Старателями» Тихонов иронически называет членов комитета, которые потворствуют солдатским массам, а также противостоящего Растягину командира корпуса, генерал-лейтенанта Седлецкого, который благодаря тому, что ладит с комитетами, в финале становится командующим Особой армией. В том же номере газеты, где сообщалось о самоубийстве Растягина, «был опубликован приказ о том, что командование Особой армией поручается генерал-лейтенанту Седлецкому»⁵¹. Прототип Седлецкого легко высчитывается: это генерал от инфантерии Станислав Феликсович Стельницкий (1854 – после 1917); в 1915–1917 годах он командовал 39-м армейским корпусом, который, правда, входил в состав Юго-Западного, а не Северного фронта. 27 (14) сентября 1917 года он принял командование Особой армией Юго-Западного фронта. Его назначили после провала мятежа генерала Лавра Корнилова, поскольку Седлецкий был в хороших отношениях с фронтовым и армейским комитетами. Среди «старателей» оказывается Мирцев – как один из членов полкового комитета. Тихонов, как и его герой, был членом полкового комитета. В автобиографии 1951 года он с гордостью отмечал, что на выборах полкового комитета семьсот гусарских сабель были подняты за него, не уточнив правда, что комитет полка офицерской кавалерийской школы, как и другие комитеты Северного фронта, находился тогда под влиянием эсеров и меньшевиков и выступал за продолжение войны до победного конца⁵². Судя по повести «Старатели», в середине 1918 года, после Брестского мира, Тихонов считал, что Корнилов был прав в своей борьбе против большевиков и разложения армии, что и толкнуло поэта к переходу на сторону белых вместе с полком Булак-Балаховича.

В № 29 «Нивы» от 20 июля Тихонов опубликовал стихотворение «Возвращение», где присутствует сельский пейзаж с «бесконечными полями», «рекой под досками парома» и «лес в цвету»⁵³. Можно предположить, что к этому времени автор находился вместе с полком Булак-Балаховича за пределами

БОРИС СОКОЛОВ

СОЦРЕАЛИСТ ВО СТАНЕ
БЕЛЫХ ВОИНОВ?

50 «Boots. Infantry Columns of the Earlier War» (<https://allpoetry.com/poem/8445289-Boots-by-Rudyard-Kipling>). Тихонов ввел мотив пыли, отсутствующий у Киплинга, но зато появившийся в наиболее известном русском переводе этого стихотворения, принадлежащем Аде Ивановне Оношкович-Яцына (1897–1935), – так и названном «Пыль». Впервые он был опубликован в 1922-м, но точно не известно, когда перевод был написан. Тут возможны две версии: либо не позднее первой половины 1918 года, и Тихонов имел возможность с ним ознакомиться, либо Оношкович-Яцына перед созданием перевода прочитала повесть Тихонова. Вторая версия кажется более вероятной. Оношкович-Яцына была ученицей Николая Гумилева и почти наверняка была знакома с Тихоновым.

51 Нива. 1918. № 24. 15 (2) июня. С. 384.

52 Тихонов Н.С. *Автобиография // Он же. Избранные произведения: В 2 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1951. Т. 1. С. 10.*

53 Нива. 1918. № 29. 20 июля. С. 464.

Петрограда. Аналогичные мотивы – в последних двух тихоновских стихотворениях, опубликованных в «Ниве»: «Равнина»⁵⁴ и «Дорога»⁵⁵. В «Равнине» читаем:

Улеглась без края сизая равнина,
Путь по ней безбрежен, горек и уныл, –
Точно полотенце из холстины длинной,
Кто-то с гор полночных к морю расстелил.

Много жизней жил я в суетной дремоте,
Много жизней сжег на трепетных кострах,
Разве не лежал я в горе и заботе
В пыль равнины сонно брошенных шатрах?

Разве не узнал я полевые храмы,
Чары чернозема, курьей слепоты?
На лице суровом холодеют шрамы,
След привольной жизни, бури и мечты...

Разве теплой ночью, когда пахнет гарью,
Не следил с волками в поле табуны?
В час, когда ты мучишь сухотью и жарью,
Разве мне не снились золотые сны?

.....
И до гор полночных путь я твой измерю
И вернусь к морю – к синим берегам,
Чтоб узнать, что нужно людям, птице, зверю,
А что нужно Богу – Бог мне скажет сам!

В этом стихотворении поэт возвращается к походно-полевой жизни в шатрах (палатках) и собирается держать путь к морю – вероятно, к границе с Эстонией, – вверяя свою судьбу Богу, а затем надеясь опять вернуться к морю – в Петроград. Полк Булак-Балаховича базировался в Луге, далеко от моря. В «Дороге» же прямо говорится, что лирический герой – вновь кавалерист:

Я еду, темный, грустный, злой и вялый,
С тоскливой злостью бью ногой коня...

При этом перед героем предстает довольно мрачный пейзаж:

Гнилая нищета страны унынья,
Без света солнце, дали без смерчей,
В седое небо тучи вбили клинья
Туманно-сломанных мечей...

54 Нива. 1918. № 35. 31 августа. С. 560.

55 Нива. 1918. № 37. 14 сентября. С. 592.

Герой – военный и кавалерист, а переживающая революцию страна явно не вызывает у него восторга.

Очевидно, после взятия Риги и Роденпойса Тихонов с основной частью отряда Ливена отправился в Северо-Западную армию, наступавшую на Петроград, куда и прибыл в июле 1919 года. Здесь ливенцы составили костяк 5-й пехотной дивизии, которой стал командовать князь Ливен. Скорее всего Тихонов служил в составе этой дивизии. Также не исключено, что он как кавалерист служил в конно-егерском полку, наступавшем на Петроград, или в танковых частях армии Юденича – отдельной танковой роте (в дальнейшем – батальоне) и приданном ей для поддержки танковым ударном батальоне. Служба в конно-егерском полку представляется маловероятной, так как не только имя Тихонова отсутствует в списке офицеров этого полка (правда, неполном), но и формировался он из подразделений, не имевших отношения к Ливенскому отряду, и раньше, чем ливенцы вошли в состав Северо-Западной армии⁵⁶. В ходе наступления ливенцы дошли до Гатчины и Пулково. Писатель Александр Куприн, редактировавший газету Северо-Западной армии «Приневский край», в мемуарной повести «Купол св. Исаакия Далматского» так охарактеризовал офицеров-северо-западников:

«В офицерском составе уживались лишь люди чрезмерно высоких боевых качеств. В этой армии нельзя было услышать про офицера таких определений, как храбрый, смелый, отважный, геройский и так далее. Было два определения: “хороший офицер” или, изредка, – “да, если в руках”. Там генералы Родзянко и Пален, оба высоченные гиганты, в светлых шинелях офицерского сукна, с оружием, которое в их руках казалось игрушечным, ходили в атаку, впереди цепей, посылая большевикам оглушительные угрозы. Там Пермикин ездил впереди танка, показывая ему путь, под огнем из бронепоездов, под перекрестной пальбой красных цепей, сидя на светлой серой лошади»⁵⁷.

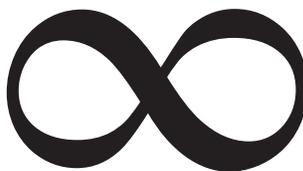
Характерно, что в стихах, посвященных боям под Петроградом, Тихонов дает взгляд на события преимущественно с белой, а не с красной стороны. В стихотворении «Враги» (1939) читаем⁵⁸:

Это к городу шла разгуляться
Длинноусого вора орда,
Это шли на российских хлебах отъедаться
Иноземной орды господа,
.....

56 http://russianestonia.eu/index.php?title=Конно-Егерский_полк.

57 Куприн А. И. *Купол св. Исаакия Далматского*. Рига: Литература, 1928. С. 41.

58 Тихонов Н. С. *Стихотворения и поэмы*. С. 398.

Им гранитного города снились палаты,
Над Невой разукрашенный сад,
Когда в лоб им ударил над пулковским скатом
Петроградских орудий раскат.

Где шатается нынче, не знаю, Родзянко,
Но тогда он сказал сгоряча:
«Завтра буду по Невскому шпорами звякать –
Что глядеть мне на город сейчас!»

В комментарии к этому стихотворению в «Библиотеке поэта» ошибочно утверждается, что упомянутый здесь Родзянко – это председатель Государственной Думы Михаил Владимирович Родзянко (1859–1924)⁵⁹. Очевидно, характеристику «длинноусый вор» комментатор отнес именно к нему. Однако на самом деле Тихонов имел в виду не Михаила Родзянко, а его племянника Александра Павловича Родзянко (1879–1970), генерал-лейтенанта и командующего Северо-Западной армией до 2 октября 1919 года, когда его сменил сам Юденич, а Родзянко стал заместителем командующего. Александр Родзянко был очень хорошо знаком Тихонову, так как с мая 1916-го по апрель 1917-го был в чине полковника командиром полка Офицерской кавалерийской школы, в котором служил поэт. Затем Родзянко возглавлял 1-ю бригаду 17-й кавалерийской дивизии, в которую входил полк Офицерской кавалерийской школы, а в октябре 1917 года временно командовал 17-й кавдивизией. В момент, когда Тихонов писал свое стихотворение, Родзянко находился в Америке. А его дядя, бывший председатель Думы, умер еще в 1924 году, что было широко известно. Эпизод с отказом Родзянко смотреть в бинокль на Петроград скорее всего не выдуман Тихоновым, а либо отражает реальный факт, либо слухи о таком происшествии, распространявшиеся среди бойцов и командиров Северо-Западной армии. Можно допустить, что Тихонов сам слышал соответствующее высказывание Родзянко. Интересно, что этот эпизод воспроизведен в романе Всеволода Кочетова «Угол падения» (1967)⁶⁰, а затем повторен в его одноименной экранизации режиссера Геннадия Казанского (1970) – и он, вероятно, был заимствован из стихотворения Тихонова. Характеристика же «длинноусый вор» относится не к Родзянко, а к самому Юденичу. Ветераны Северо-Западной армии подозревали его в том, что он присвоил значительную часть средств, выделенных державами Антанты на содержание армии. Историки до сих пор спорят, основательны ли обвинения такого рода против Юденича, который единственный из белых генералов в эмиграции жил совершенно безбедно.

59 Там же. С. 743. Комментарий В.А. Шошина.

60 Кочетов В.А. *Собрание сочинений: В 6 т.* М.: Художественная литература, 1975. Т. 5. С. 414–415.

В 1960 году в конспекте для очерка о городе Пушкин (Царское Село) Тихонов записал:

БОРИС СОКОЛОВ
СОЦРЕАЛИСТ ВО СТАНЕ
БЕЛЫХ ВОИНОВ?

«Прогулки в Царском Селе.
Во время гражд. войны. Юденич
Родзянко: зачем мне смотреть. Я сам завтра буду гулять по Невскому.
Бой с танками».

Поскольку сделаны эти записи под заглавием «Впечатления ранней юности»⁶¹, можно предположить, что слова Родзянко относятся к личным впечатлениям поэта. А это говорит в пользу того, что в то время Тихонов находился в рядах Северо-Западной армии и лично слышал высказывание генерала. Упомянутый же в конспекте бой с танками – это бой танков армии Юденича с красноармейцами. У Тихонова есть стихотворение «Танки», явно навеянное знакомством с танками Северо-Западной армии⁶²:

Танк за танком били, как тараны,
Стены гнезд, обложенных врагом.
Кости, черепа, ружья, барабаны
Раздавили ржавым каблуком.

Гномы в танках жили, с кожей цвета хаки,
Пили с пивом виски, пели – тру-ля-ля,
Тоши, как сосиски, злобны, как собаки,
Точно раки, в танках ползали, пыля.

Чудища безноги, чудища безруки
Проползли все страны, сталью заплевав,
Пожелтев от солнца, посерев от скуки,
Даже не хромая, даже не устав.

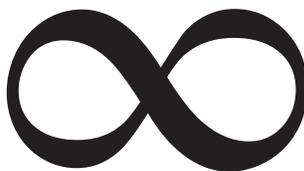
Раки в сером хаки с ловкостью макаки
Тело нарядили в полосатый тик,
За мячом гонялись, жадные до драки
Танки побежали – к голу напрямик,

Среди танков – танк был большой и первый
Прогудел он клич на танкском языке.
Задрожали зубы, заходили нервы,
Заиграло брюхо плоское в песке.

И без жалких хаки в полосатом тике
Поползли зверюги к морю прямо вниз,
Где подводный ястреб точно пикой
Их глотал как приз.

61 Тихонов Н.С. *Из могилы стола*. С. 493.

62 Там же. С. 73.

Здесь танки, уподобленные диковинным зверям, увидены глазами белых, а не красных (последние никак не могли видеть, как «гномы в танках» пили виски с пивом, и слышать, как они пели «тру-ля-ля»). К «гномам»-англичанам поэт, как и все ветераны Северо-Западной армии, относится без какого-либо почтения.

2. «Гвозди б делать из этих людей...» СОВЕТСКИЙ ПОЭТ О ПОДВИГЕ БРИТАНСКИХ МОРЯКОВ И БОЙЦОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ И РУССКОЙ АРМИИ

Если взять самое знаменитое стихотворение Тихонова – «Балладу о гвоздях», – то оно написано не о каких-то абстрактных моряках, как часто думают, имея в виду его заключительные строки⁶³:

Адмиральским ушам простукал рассвет:
«Приказ исполнен. Спасенных нет».
Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.

Как установил пользователь «Живого журнала» под ником *strannik17*, баллада Тихонова посвящена подвигу британских моряков, совершивших рейд на торпедных катерах на Кронштадт в ночь с 17-го на 18 августа 1919 года. В результате была потоплена плавучая база подводных лодок «Память Азова» и тяжело поврежден линкор «Андрей Первозванный» (в 1923-м он был отправлен на металлолом). Также были повреждены несколько советских вспомогательных судов. Возглавлял атаку отряда лично им подобранных неженатых добровольцев 29-летний лейтенант Огастус («Гус») Эгар. В атаке, длившейся чуть более 20 минут, англичане потеряли четыре из восьми катеров, девять моряков погибшими и столько же пленными⁶⁴. Торпедные катера действительно шли на восток, вот почему у Тихонова капитан командует: «С якоря в восемь. Курс – ост»⁶⁵.

В Северо-Западной армии были хорошо осведомлены о британском рейде на Кронштадт. Князь Анатолий Ливен, по горячим следам подготовивший доклад о действиях Северо-Западной армии, отметил в нем, что «англичане удивительно лихим налетом быстроходными моторными лодками атаковали стоявшие на Кронштадтском рейде суда русского большевистского

63 Он же. *Стихотворения и поэмы*. С. 116.

64 См.: STRANNIK17. *Баллада о гвоздях. Часть 1. Десятилетия под спудом ложных версий*. 2015. 2 июля (<https://strannik17.livejournal.com/11069.html>); Он же. *Баллада о гвоздях. Часть 2. Курс – ост. Кронштадтский кегельбан*. 2015. 15 августа (<https://strannik17.livejournal.com/11333.html>).

65 Тихонов Н.С. *Стихотворения и поэмы*. С. 115.

флота и попытались его уничтожить»⁶⁶. В тот момент англичане были союзниками Северо-Западной армии, и для Тихонова было вполне естественно восхищаться их подвигом в борьбе с большевиками. Скорее всего «Баллада о гвоздях» была создана по горячим следам, в августе или сентябре 1919 года.

По всей видимости, после поражения армии Юденича Тихонов отступил вместе с ней в Эстонию. Что с ним происходило дальше, можно только гадать. Значительная часть военнослужащих Северо-Западной армии перебралась в Польшу и составила 3-ю Русскую армию, подчиненную находившемуся в Крыму барону Врангелю. Часть северо-западников из Польши смогла кружным путем через французские порты уйти к Врангелю в Крым⁶⁷. Можно предположить три варианта того, что Тихонов делал дальше. Он мог каким-то образом перебраться из Эстонии в Советскую Россию. Он также мог уйти из Польши в Советскую Украину или Советскую Белоруссию. Но это могло произойти либо до начала активной фазы советско-польской войны в марте–апреля 1920 года, либо после заключения советско-польского перемирия в середине октября 1920-го. Наконец, Тихонов мог попасть в плен к красным или добровольно остаться в Крыму при эвакуации войск Врангеля (вариант: вынужден был, подобно Валентину Катаеву и Михаилу Булгакову, остаться из-за болезни, например, заболев тифом). В мемуарах Тихонов упоминает, что в конце 1920-го – начале 1921 года находился в Петрограде «по болезни в отпуску из армии» – разумеется, в Красной⁶⁸. Но по-иному он не мог сказать в подцензурных мемуарах. При этом во всех трех случаях Тихонову каким-то образом удалось утаить свою прошлую службу у белых, а также офицерство, поскольку он в дальнейшем никогда не состоял на учете в этом качестве, что резко повысило бы вероятность последующих репрессий⁶⁹. В то же время уже в конце 1920 года Тихонов оказался в Петрограде. В мемуарах он вспоминает, что поселился в петроградском Доме искусств вместе с поэтом Всеволодом Рождественским, когда «только что кончилась гражданская война»⁷⁰. Значит, речь идет о времени после изгнания Врангеля из Крыма, то есть о конце ноября или декабре. Он также упоминает, что они с Рождественским служили «в опытно-

БОРИС СОКОЛОВ

СОЦРЕАЛИСТ ВО СТАНЕ
БЕЛЫХ ВОИНОВ?

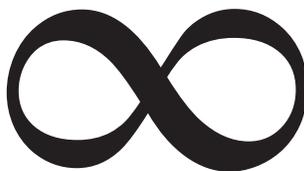
66 Ливен А.А. *Основание отряда*. С. 54. Впервые опубликовано анонимно (без согласия автора) под названием: *Из секретного доклада. О причинах неудачи борьбы с большевиками на Северо-Западном фронте // Архив Русской революции*. Берлин: Издательство И.В. Гессена, 1921. Т. 2. С. 165.

67 Ливен А.А. *Ливенцы и Северо-Западная армия // Белая борьба на Северо-Западе России*. С. 454.

68 Тихонов Н.С. *Из могилы стола*. С. 366.

69 В базе офицеров Северо-Западной армии имя Николая Тихонова не встречается (http://russianestonia.eu/index.php?title=Северо-Западная_армия). Однако в эту базу попали почти исключительно те офицеры, которые либо погибли в боях, либо остались в эмиграции. Поэтому у Тихонова, оказавшегося в конечном счете на советской территории, было мало шансов быть туда вписанным.

70 Он же. *Из могилы стола*. С. 350–351.

подрывном минном дивизионе и вместе писали стихи на одном столе»⁷¹. Не исключено, что Тихонову здесь помогла учеба в Морском кадетском корпусе (кадетов знакомили с основами минного дела). Рождественский с января 1917 года был прапорщиком инженерных войск, чин получил по экзамену, служил в запасном электротехническом батальоне, а после прихода к власти большевиков служил в учебно-опытном минном дивизионе командиром взвода. Несомненно, именно он устроил туда Тихонова, что косвенно доказывает, что ранее Николай Семенович в Красной армии не служил, иначе его командировали бы после госпиталя служить в ту или иную часть и протекции Рождественского не понадобилось бы.

В автобиографии 1926 года Тихонов относит отсылку своих стихов в комиссию Союза поэтов, равно как и пребывание с Всеволодом Рождественским в Доме искусств, к 1921 году⁷². Это делает возможным его прибытие в Петроград в самом конце 1920-го или в самом начале 1921 года. Николай Чуковский свидетельствует: «На нашем горизонте Тихонов появился впервые, по-видимому, в самом конце двадцатого года. “Открыл” его Всеволод Рождественский и, “открыв”, стал водить в Дом искусств»⁷³.

Нельзя исключить, что Тихонов успел повоевать у Врангеля в Крыму. Во всяком случае в его стихотворении «Перекоп» (1922) присутствует не только красный, но и белый взгляд на заключительное сражение гражданской войны в европейской части России:

Красным волкам –
За капканом капкан
Захлебнулся штык, приклад пополам,
На шее свищет аркан.
За море, за горы, за звезды спор,
Каждый шаг – наш и не наш,
Волкодавы крылатые бросились с гор,
Живыми мостами мостят Сиваш!⁷⁴

В издании же текста в «Библиотеке поэта» сделана совершенно дикая цензурная правка, обесмысливающая текст – помещены в кавычки две первые строчки⁷⁵:

71 Там же. С. 351.

72 Там же. С. 54.

73 Чуковский Н.К. *О том, что видел. Воспоминания. Письма*. М.: Молодая гвардия, 2005 (<https://coollib.net/b/279382/read?ysclid=l484gc84xi644628603>).

74 Тихонов Н.С. *Из могилы стола*. С. 205. Здесь текст дан по сборнику «Брага» (1922). Тот же текст см.: Он же. *Двенадцать баллад*. Ленинград: Госиздат, 1925. С. 8; и в издании 1947 года: Он же. *Стихи и проза*. С. 89.

75 Он же. *Стихотворения и поэмы*. С. 108.

«Красным полкам –
За капканом капкан...»
...Захлебнулся штык, приклад пополам,
На шее свищет аркан.
За море, за горы, за звезды спор,
Каждый шаг – наш и не наш,
Волкодавы крылатые бросились с гор,
Живыми мостами мостят Сиваш!

БОРИС СОКОЛОВ
СОЦРЕАЛИСТ ВО СТАНЕ
БЕЛЫХ ВОИНОВ?

Изначально под «волкодавами крылатыми» имеются в виду самолеты армии Врангеля, которые, в частности, сыграли большую роль в разгроме красного 1-го конного корпуса Дмитрия Жлобы в июне–июле 1920 года и также оказывали поддержку своим войскам в последних боях на Перекопе. Цензоров, слишком поздно обнаруживших крамолу, очевидно, испугало отождествление красных с волками, а кавычки понадобились для того, чтобы сделать пассаж про «крылатых волкодавов» относящимся к красному, а не белому взгляду на сражение: в цензорской версии стихотворения «крылатым волкодавам» уподобляются красные, а не белые летчики на их машинах.

В наградном листе Тихонова при награждении его орденом Отечественной войны 2-й степени (по этому представлению он был 26 мая 1943 года удостоен ордена Отечественной войны 1-й степени), составленном 18 февраля 1943 года, в графе «Участие в боях (где и когда)» со слов Тихонова сообщалось: «В гражданской войне под Петроградом при наступлении Юденича»⁷⁶. Строго говоря, поэт не грешил против истины. В момент разгрома Северо-Западной армии он действительно находился в ее рядах и, таким образом, *был участником* ее разгрома, будучи среди тех, кто этому разгрому подвергся. Проверить же его службу в частях 7-й армии, отражавших наступление Юденича, не было никакой возможности. Во время второго похода Северо-Западной армии на Петроград на советской стороне было сформировано множество временных отрядов из рабочих, матросов и сотрудников армейских тыловых учреждений, которые были брошены на борьбу с Юденичем. Когда опасность миновала, эти отряды в большинстве своем были расформированы. Из-за краткости их существования проверить, состоял ли в каком-нибудь отряде Тихонов, было практически невозможно.

А вот если Тихонов действительно сражался в рядах Русской армии в Крыму, то заявлять о том, будто он сражался с Врангелем и брал Перекоп, было бы слишком рискованно. Перечень советских дивизий, бригад и полков, участвовавших в боях с Русской армией, был хорошо известен, причем большинство

76 См.: <http://podvignaroda.ru/?id=22400177&tab=navDetailDocument>.

из них сохранились и после гражданской войны, а ветераны поддерживали контакты друг с другом. В этом случае ложь была бы легко разоблачена.

В автобиографии 1922 года Тихонов признавался, что «сидел в Чека»⁷⁷. До этого времени попасть в ЧК поэт мог либо тогда, когда переходил от белых на советскую территорию в 1920 году, либо как причастный к «заговору Таганцева» в Петрограде в 1921-м. Второе предположение проверить сейчас не представляется возможным, так как до сих пор нет списков всех арестованных по этому делу (а их было около трехсот): из 253 томов дела к 2011 году были рассекречены только три⁷⁸, и с тех пор, насколько известно, нового рассекречивания не проводилось. Если Тихонов участвовал в заговоре, то, вероятно, входил в десятку, которую возглавлял Гумилев (ее состав Николай Степанович так и не раскрыл на следствии). Первое же предположение представляется более вероятным, поскольку все военнослужащие, попадавшие в Советскую Россию с территорий, ранее занимавшихся белыми, проходили проверку в ЧК. Если Тихонов действительно попал в Советскую Россию после эвакуации армии Врангеля из Крыма, то в ЧК он должен был пробыть лишь очень короткое время. Известно, что почти все бывшие военнослужащие Русской армии выпускались из Крыма только после фильтрационной проверки; известно, что десятки тысяч офицеров и солдат армии Врангеля, а также гражданских беженцев были расстреляны в ходе «красного террора» в Крыму. Чтобы быстро и благополучно пройти фильтрацию, требовалось содействие кого-то из достаточно авторитетных военных, партийных или чекистских деятелей. Наверное, для Тихонова такой человек нашелся. Скорее всего это был кто-то из прежних петроградских знакомых.

По всей вероятности, сообщение Тихонова в автобиографии 1922 года о том, что он арестовывался ЧК, привлекло внимание чекистов только в 1939-м. В июле 1939-го секретарь ЦК ВКП(б) Андрей Андреев составил проект письма Сталину, где сообщал: «Направляю Вам проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении советских писателей, внесенных в ЦК т.т. Фадеевым и Павленко. Список представленных к награждению писателей был просмотрен т. Берия. В распоряжении НКВД имеются компрометирующие в той или иной степени материалы на следующих писателей». Далее был приведен список писателей, на которых имелся компромат, и там была фамилия Тихонова. Но против Николая Семеновича, в отличие от

77 Литературные записки. 1922. № 3. С. 29.

78 Толстой И. *Таганцевский заговор: к 90-летию нерассекреченного дела* // Радио Свобода. 2011. 8 ноября (www.svoboda.org/a/24385412.html). («Радио Свобода» внесено Министерством юстиции Российской Федерации в реестр СМИ, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*)

некоторых других, Андреев не предлагал принять каких-либо мер⁷⁹. Было широко известно, что Тихонов является любимым поэтом Сталина, и он благополучно получил, как и предлагалось изначально, орден Ленина. По всей вероятности, никаких материалов, связанных с арестом Тихонова, в архивах найти не удалось, а одно только признание в автобиографии было слишком шатким основанием даже для допроса Тихонова.

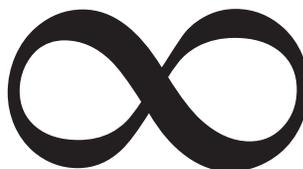
В 1927 году Тихонов опубликовал поэму «Выра», посвященную жизни и гибели комиссара Александра Семеновича Ракова (1885–1919), павшего 29 мая 1919 года в деревне Выра, вблизи Гатчины, во время восстания 3-го пехотного полка (бывшего Семеновского лейб-гвардейского – также он назывался полком Внутренней Петроградской охраны) 2-й Петроградской отдельной стрелковой бригады особого назначения, комиссаром которой и был Раков (по официальной версии, он застрелился). Семеновцы перешли на сторону Северо-Западной армии. В дальнейшем тело Ракова было захоронено на Марсовом поле в Петрограде. В сентябре 1918 года Раков был назначен военным комиссаром Спасского района Петрограда. И Тихонов знакомит автобиографического героя с Раковым⁸⁰:

Изведавшее прелести годов несчетных,
Развесистое дерево взидало на столы,
В саду за музеем на месте почетном
Пестрая очередь топтала палый лист.
Дождь струился по людям незнакомым,
Плечам и фуражкам теряя счет, –
Спасского Совдепа военкомом,
Товарищем Раковым, веден переучет.
Комсостав, окутанный паром
Осени дряблой и жирной, как
Борщ переваренный, – шел недаром
В списки резервного полка.
Всем ли довериться этим бывшим
Корнетам, капитанам, подпрапорщикам?
На месте погон были дырки, а выше –
Сентябрьская слякоть стекала по щекам.
Одни были напуганы, как сада ветви,
Жалобно трещавшие под сапогом,
Иным безразлично было все на свете,
А третьи говорили: «Товарищ военком».
Очередь курила, таинственно крякала,
Как будто она продавалась на вес.

.....

79 «Литературный фронт». История политической цензуры 1932–1946 гг. Сборник документов / Сост. Д.Л. Бабиченко. М.: Энциклопедия российских деревень, 1994. С. 38–39.

80 Тихонов Н.С. Стихотворения и поэмы. С. 601, 603.

БОРИС СОКОЛОВ
СОЦРЕАЛИСТ ВО СТАНЕ
БЕЛЫХ ВОИНОВ?

Телефонист молодой
Перехмурил брови –
Он сидит как под водой
Иль витает с крышей вровень.
Страна полна такими,
Привычными, что крик,
Красноармеец – имя им,
А век их невелик.
И Раков смотрит: вот из тех –
Телефонист,
Кому отдать сейчас не грех –
Своей лепешки лист.
«Товарищ, ешьте!»
– «Военком, я сят.
Я из гусаров спешен,
Я даже сбрил усы.
Из роты Карла Либкнехта,
В войне четвертый год,
Пишу стихи, отвыкнуть чтоб
От всяческих забот».

В действительности Тихонов с Раковым никогда не встречался, а в тот момент, когда второй стал военкомом Спасского района⁸¹, первый скорее всего уже был в рядах полка Булак-Балаховича. Совершенно не понятно, каким образом автобиографический герой переквалифицировался из гусар в телефонисты, а Раков, наряду с аттестацией комсостава, заодно занялся телефонистами. Зато понятно, зачем это понадобилось Тихонову. Поэт не хотел, чтобы автобиографический герой был прямо назван офицером, поскольку тогда публика могла бы принять за офицера его самого. А процедуру регистрации Тихонов скорее всего проходил, когда поступал в полк Булак-Балаховича. Можно предположить, что один из названных в поэме «Выра» офицерских чинов Тихонов имел перед поступлением в Красную армию в 1918 году. Он ни в коем случае не мог успеть стать капитаном в 21 год – столь стремительная карьера наверняка принесла бы ему орден Св. Георгия и отразилась бы в газетах. Но точно так же он не мог быть и подпрапорщиком. В подпрапорщики производили фельдфебелей, занимавших офицерские должности, но не имевших достаточного образовательного ценза для поступления в школу прапорщиков или сдачи экзамена на офицерский чин. Кроме того, подпрапорщики обычно имели несколько Георгиевских крестов. Тихонова, имевшего достаточно высокий образовательный ценз, проще было про-

81 Все сведения о Ракове он почерпнул из: Шидловский Г.Л. *Товарищ Раков. Очерк жизни и деятельности Александра Семеновича Ракова. С прил. воспоминаний А.С. Ракова о Гражд. войне 1917–1918 г.г. в Финляндии, статей и предсмертных писем его и документов о нем.* Ленинград: Прибой, 1926.

известии в прапорщики по экзамену или в крайнем случае направить в школу прапорщиков. Неизвестно, имел ли Тихонов Георгиевский крест. Борис Фрезинский, не ссылаясь на источник, утверждает: «Старших и младших Серапионов разделяла мировая война, в которой двадцатилетними участвовали Груздев, Зоценко, Слонимский, Тихонов, Шкловский (все получили Георгиевские кресты)»⁸². Относительно Михаила Зоценко это утверждение неверно, поскольку он прибыл на фронт уже прапорщиком после окончания Павловского военного училища и Георгиевский крест никак не мог получить по статуту. А еще перед февральской революцией из-за болезни сердца Зоценко был отчислен в тыл и на фронт больше не вернулся⁸³. Поэтому разрешенное после февральской революции награждение офицеров солдатскими Георгиевскими крестами его никак не могло коснуться. Что же касается Тихонова, то пока что нельзя быть уверенным, получил он Георгиевский крест или нет. Орденом Св. Георгия или Георгиевского оружия он не был удостоен, так как его имя отсутствует в соответствующем справочнике⁸⁴. Что же касается награждения Георгиевским крестом, то в базе данных награжденных Георгиевским крестом 4-й степени числится по крайней мере один Николай Тихонов, награжденный крестом № 319 050⁸⁵. С одной стороны, имеющаяся база данных далеко не полна, с другой стороны, нельзя утверждать, что награжденный крестом № 319 050 и поэт Тихонов – это одно и то же лицо. Если поэт действительно был удостоен Георгиевского креста 4-й степени, то вполне возможно, что за подвиг, описанный в стихотворении «Котелок меня по боку хлопал...», написанном в годы Первой мировой войны⁸⁶:

Я рукой загорелой винтовку
На вечернее небо навел.

И толчок чуть заметной отдачи
Проводил мою пулю в полет.
Там метался в обстреле горячем
Окружаемый смертью пилот.

И, салютом тяжелым оплакан,
Серый «таубе» в гулком аду
Опрокинулся навзничь, как факел,
Зарываясь в огонь на ходу.

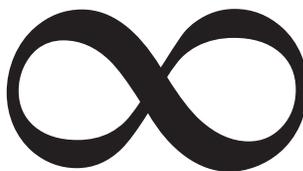
82 ФРЕЗИНСКИЙ Б.Я. *Судьбы Серапионов. Портреты и сюжеты*. СПб.: Академический проект, 2003. С. 28.

83 *Лицо и маска Михаила Зоценко. Сборник* / Сост. и публ. Ю.В. Томашевского. М.: Олимп, 1994. С. 340–365.

84 *Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Библиографический справочник* / Отв. сост. В.М. ШАБАНОВ. М.: Русский мир, 2004.

85 *Российский государственный исторический архив*. Ф. 496. Оп. 3. Д. 914 (<https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/06/1ce26e6cea7580a1fb2984f34cb245a5caa503a9.pdf>).

86 Тихонов Н.С. *Стихотворения и поэмы*. С. 63.

Здесь лирический герой из винтовки сбивает германский аэроплан.

Теоретически Тихонов мог иметь два производства в офицерские чины в старой русской армии. Например, в 1916 году – и за бои под Ригой в сентябре 1917-го. Тогда он перед октябрьской революцией мог быть корнетом. В белой Северо-Западной армии Тихонов тоже теоретически мог получить два офицерских производства в 1919 году: первое по итогам майских боев за Ригу и второе – за бои в петроградских пригородах. Таким образом, к концу гражданской войны Тихонов мог иметь чин от прапорщика до штабс-ротмистра. Наиболее вероятно, что он был корнетом или поручиком. Бывшие офицеры и генералы Северо-Западной армии в своих мемуарах имени Тихонова не называют. Это может свидетельствовать о незначительности должности, которую он занимал – вероятно, на уровне младшего офицера или командира взвода в эскадроне или роте. Однако отсутствие имени Тихонова в мемуарах может быть и следствием самоцензуры их авторов. Сослуживцы поэта могли знать или подозревать, что он остался в Советской России (может быть, даже читали его стихи, изданные в СССР), и, чтобы не навредить, предпочитали не называть его имени.

Судя по всему, весь боевой опыт в гражданской войне Тихонов приобрел в рядах белых, а в Красной армии он не сражался ни дня. И только этот опыт, равно как и опыт Первой мировой войны, отразился в лучших тихоновских стихах 1920–1930-х, включая сборники «Орда» и «Брага».

Одно из стихотворений «Орды», «Над зеленою гимнастеркой...», судя по всему, прямо навеяно пребыванием в рядах Северо-Западной армии⁸⁷:

Над зеленою гимнастеркой
Черных пуговиц литые львы,
Трубка, выжженная махоркой,
И глаза стальной синевы.

Он расскажет своей невесте
О забавной, живой игре,
Как громил он дома предместий
С бронепоездных батарей.

Как пленительные полячки
Присылали письма ему,
Как вагоны и водокачки
Умирали в красном дыму.

87 Там же. С. 91.

Как прожектор играл штыками,
На разбитых рельсах звеня,
Как бежал он три дня полями
И лесами – четыре дня.

Лишь глазами девушка скажет,
Кто ей ближе, чем друг и брат, –
Даже радость и гордость даже
Нынче громко не говорят.

БОРИС СОКОЛОВ
СОЦРЕАЛИСТ ВО СТАНЕ
БЕЛЫХ ВОИНОВ?

Комментаторы гадали, откуда взялись львы на пуговицах у безвестного солдата или офицера и к какой армии он принадлежит. Между тем многое станет понятным, если мы обратимся к мемуарам северо-западников. Ливенец, поручик Г.Ф. Галактионов, вспоминал о боях в Латвии:

«Здесь уже красовался эстонский бронепоезд, а по станции путались эстонские офицеры и солдаты. Все свои политические обвинения по отношению к нам, русским, они выражали довольно наивно и узко:

– Какие же вы русские, если у вас немецкое обмундирование?

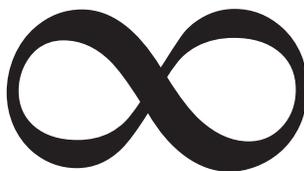
Что можно было возразить на такое замечание? Как будто с переменной цвета сукна и костюма должно безусловно измениться и наше русское чувство и убеждение на немецкое, хотя у нас и были отличительные знаки: национальные ленточки на рукаве, погоны и кокарды»⁸⁸.

Герб Эстонии – три льва. Отсюда львы на пуговицах гимнастерки героя стихотворения. Эти львы появились еще на пуговицах униформы эстонских национальных частей русской армии в 1917-м, а потом на погонных звездочках офицеров армии Эстонии в 1919–1920 годах⁸⁹. В этом тихоновском стихотворении опять сказалась общая для офицеров Северо-Западной армии нелюбовь к эстонцам. Но намек про львов был понятен только немногим.

Бойцы Северо-Западной армии помнили и неласковый прием в Эстонии после отступления от Петрограда, когда многим из них пришлось голодать в лагерях для интернированных. Это отношение выразилось и в стихах Тихонова 1920-х. Хорошо известна его антиколониальная и антианглийская поэма «Сами», полемичная по отношению к Кипплингу. Гораздо менее известно тихоновское антиэстонское стихотворение «Ночь президента» (1926), о перводекабрьском коммунистическом восстании в Таллинне в 1924 году, инспирированном Москвой. Главный герой стихотворения – Фридрих Акель (у Тихонова ошибочно

88 Галактионов Г.Ф. *Первое движение из Риги на Венден // Белая борьба на Северо-Западе России*. С. 100–101.

89 См.: *Знаки различия армии в период формирования национальной эстонской армии после 1917 года* (<http://severyukhin-oleg.ru/pages/eston.html>).

Аккель) (1871–1941), президент (государственный старейшина) Эстонии в 1924-м, после советской оккупации Эстонии расстрелянный в Таллинне 3 августа 1941 года. Во время восстания коммунисты пытались захватить или убить Акеля, но ему удалось бежать из своей резиденции. У Тихонова читаем⁹⁰:

И в теплой постели, как в бархатной луже,
Спит цезарь Эстонии – Аккель.
Не звезды, а доллары льют небеса,
Картофеля преют громады на складе,
Покорней турнепса эстонцы, он сам
Богатые лысины ласково гладит.
Как тихи семейные ночи Эстонии,
Проснулся, и в спальне – покой огорода,
Но гулко у дома растут спросонья
Шаги неизвестной породы.
И к дому спешит небывалый народ,
Одетый не для парада,
И громко поет дверной переплет
Под теплыми лбами прикладов.
Не все ли равно – в сиянье ль, во мраке ль –
Приветствовать край родной?
Так выйди ж к этой Эстонии, Аккель,
Раскланяйся с ней заодно.

.....

Но вот тишина, точно жидкое пиво,
Шипит, пригорев на огне,
И Аккель – подмерзшая синяя слива –
Маячит в чердачном окне.
И видит: опять у камней на ладони,
Сжимая тюремный кулак,
Проходит, как лаком облитый, Лайдонер
Со сворой вспотевших собак.
И свора играет, и Аккель, рыдая,
Зовет ее стуком руки,
И доги, маститые морды вздымая,
Слюняво трясут языки.

Йоханнес Лайдонер был главнокомандующим эстонской армии как во время похода Юденича на Петроград в 1919-м, так и во время коммунистического восстания 1 декабря 1924 года, подавлением которого он руководил. После советской оккупации Эстонии (1940) Лайдонер был арестован, но только в 1952-м приговорен Особым совещанием к 25 годам тюрьмы. Он умер 13 марта 1953 года во Владимирской тюрьме, по официальной версии, от сердечной недостаточности. Поскольку в тот же

90 Тихонов Н.С. *Стихотворения и поэмы*. С. 135–137.

день в той же тюрьме и по той же причине умер бывший вице-премьер польского эмигрантского правительства Ян Станислав Янковский, у которого через две недели истекал срок заключения, есть основания предполагать, что оба они отравлены сотрудниками органов госбезопасности.

Эстонцы здесь «покорней турнепса», их президент уподоблен «подмерзшей синей сливе», а подавивший восстание Лайдонер – псарю со сворой «вспотевших собак» со слюнявыми языками.

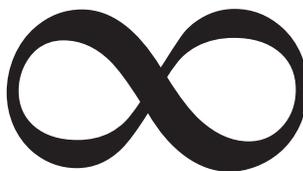
А в 1939 году в стихотворении «Англичане», входящем в цикл к 20-летию защиты Петрограда от Юденича, Тихонов взглянул на подвиг британских моряков уже с советской точки зрения⁹¹:

Что за флаги блещут на закате,
Чей эсминец разводит волну? –
То британский предательский катер,
Захлебнувшись, уходит ко дну.
Чья мелькнула стальная обводка,
Чернотой поднялась глубина? –
То британская серая лодка...
В вечный сон погрузилась она.
«Почему мы погибли без славы,
Моряки океанского льва?» –
Вы спросите того, кто отправил
Из далекого Лондона вас!

Тихонов к моменту возвращения в Петроград, по всей вероятности, уже разочаровался в белом движении и собирался остаться на стороне победителей. Тут сыграло свою роль разочарование в союзниках – англичанах и эстонцах, – на которых многие белогвардейцы списывали неудачу похода Северо-Западной армии на Петроград.

Пребывание Тихонова в рядах белогвардейцев также наиболее правдоподобным образом объясняет, почему он, будучи высокопоставленным литературным функционером, так и не вступил в партию. Положим, после Великой Отечественной в этом уже не было нужды. В 1949 году Тихонов стал председателем Советского комитета защиты мира, а на этом посту предпочтительнее было иметь как раз беспартийного. Но до войны членство в партии могло бы только укрепить его положение. Однако Тихонов не стремился стать коммунистом. Судя по стихам 1918 года, он был человеком верующим. Это обстоятельство могло послужить одной из причин, почему Тихонов так и не вступил в ряды КПСС. Однако, думается, более существенной была другая причина. При вступлении в партию неизбежна

91 Там же. С. 399.

была дополнительная проверка фактов биографии. И тогда могло выясниться, например, что в царской армии поэт был офицером и что в разгроме Юденича он участвовал, находясь в рядах «разгромленных», то есть Северо-Западной армии. Кроме того, член партии, занимающий высокую номенклатурную должность, нередко становился объектом доносов по партийной линии. Так, бывший заместитель заведующего Отделом печати при ЦК ВКП(б) и бывший глава издательства «Земля и фабрика» поэт Владимир Иванович Нарбут (1888–1938) в 1928-м был исключен из партии за сокрытие обстоятельств своего пребывания на белом Юге в конце 1919-го – начале 1920 года⁹². Элементарная осторожность диктовала Тихонову воздержаться от вступления в ВКП(б).

Мнимое участие в борьбе с Юденичем потребовалось Тихонову для того, чтобы легализовать свои воспоминания о боях под Петроградом. Иначе мог ненароком проговориться и навлечь на себя подозрение, что сражался против красных. Вячеслав Всеволодович Иванов писал: «Тихонов в стихах не выразил ни себя, ни своего времени. Под киплинго-гумилевской мужественной солдатской маской ранних стихов скрывался человек несерьезный, слабый и перепуганный (хотя скорее всего и с недурными задатками)»⁹³. Иванов не знал, что Тихонову было чего бояться – причем в большей мере, чем другим «серапионам».

Разумеется, осуществленная мной реконструкция ранней биографии Николая Тихонова является гипотетической. Дальнейшие поиски документов могут ее подтвердить или опровергнуть. Имел Тихонов одно или два производства в офицеры в царской армии и в армии Временного правительства, а также был ли он награжден орденами, можно установить по Высочайшим призам по военному ведомству за 1914–1917 годы⁹⁴. К сожалению, эта база пока что не снабжена необходимой навигацией, а фронтальный просмотр всех приказов, даже если взять только 1916–1917 годы, то есть то время, когда было наиболее вероятно производство Тихонова в офицеры, требует очень значительного времени. Возможно, быстрее эту задачу можно решить, если обратиться к фонду полка офицерской кавалерийской школы в Российском государственном военно-историческом архиве. Также возможны поиски в архиве Северо-Западной армии, часть которого хранится в Российском государственном военном архиве.

92 См.: Киянская О.И., Фельдман Д.М. *Очерки истории русской советской литературы и журналистики 1920-х – 1930-х годов. Портреты и скандалы*. М.: Форум, 2015. С. 57–103.

93 Иванов В.В. *Судьбы Серапионовых братьев и путь Всеволода Иванова // Литературная группа «Серапионовы братья»: истоки, поиски, традиции, международный контекст. Тезисы докладов международной конференции*. СПб., [1995]. С. 19.

94 См.: www.ria1914.info/index.php/Высочайшие_приказы.

«*Déjà vu* и конец истории»: ВОЗМОЖНОСТИ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ¹

ИГОРЬ
КОБЫЛИН

ГЕНЕЗИС ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Нынешняя завроженность «дезертирством» истории стала предметом недавнего исследования Паоло Вирно². Поставив себе задачей проследить концептуальную связь между теорией памяти и философией истории, Вирно обращается ко всем известному феномену *déjà vu* – опыту ложного узнавания. Прежде, чем по необходимости кратко изложить довольно сложную аргументацию, представленную в его работе, надо отметить, что индивидуальная память трактуется здесь в «сверхличном» и предельно непсихологическом смысле. В самом начале книги Вирно предупреждает, что читатель не найдет тут ни приевшихся прустовских «мадленок», ни рассуждений – в духе, добавим мы, все еще модных *memory studies* – о том, как люди запоминают «исторические события» и благодаря каким коммеморативным практикам хранят эти ненадежные во всех отношениях воспоминания. Речь в книге Вирно идет о совершенно

Игорь Игоревич Кобылин
(р. 1973) – редактор
журнала «Неприкосновенный запас».

- ¹ Статья является продолжением работы, опубликованной в предыдущем номере «НЗ»: Кобылин И. «Подъем переворотом»: история в чрезвычайном положении // *Неприкосновенный запас*. 2022. № 4(144). С. 7–27.
- ² См.: VIRNO P. *Déjà Vu and the End of History*. London; New York: Verso, 2015.

ПОЛИТИКА
КУЛЬТУРЫ

другом: память – это не столько контейнер для уже готового исторического содержания (не важно, только биографически или уже и общественно значимого), сколько способность, в принципе делающая нас историческими существами. И, соответственно, если мы сумеем разобраться с тем, как устроена эта способность, нам станет понятнее и смысл историчности, которой отмечен наш опыт. В этом плане, согласно Вирно, индивидуальная память с ее всегда партикулярным содержанием может послужить инструментом «онтогенетического переосмотра» исторического бытия в целом и его теоретических концептуализаций в частности.

Что же такое *déjà vu* и почему именно его Вирно берет в качестве отправного пункта своего исследования? Чем так важен этот странный сбой восприятия, в результате которого новый опыт предстает в качестве уже бывшего, то есть в качестве воспоминания? Очевидный ответ: *déjà vu* – это ключ к пониманию пост(пост)модернистской культуры³, способной лишь обсессивно коллажировать фрагменты прошлого, так что любой *новый* культурный продукт вызывает у взрослого потребителя тоскливое чувство *уже-знакомое* – ну, или ретроманское удовольствие (лже)узнавания, если само навязчивое повторение этого удовольствия кому-то еще не наскучило. Ответ менее очевидный можно найти у Анри Бергсона, которого Вирно выбирает в качестве своего главного собеседника для первой части книги.

Для Бергсона феномен *déjà vu* не является патологией. Напротив, он настолько естествен, что возникает вопрос, почему ложное узнавание вспыхивает довольно редко, а не «происходит каждый момент»⁴. Именно в опыте *déjà vu* мы сталкиваемся с «обнажением приема» – мгновение, когда приоткрываются истинные механизмы работы памяти и восприятия. Дело в том, что, по Бергсону, память не следует за восприятием – ее нельзя рассматривать в качестве отпечатка, призрачной копии воспринятого, по определению, более слабой, чем это последнее. Память и восприятие действуют одновременно, различаясь при этом не по интенсивности, а по природе. Они фиксируют один и тот же момент настоящего, но делают это различными способами. Воспоминание – это всегда воспоминание настоящего, синхронное его восприятию:

«По мере того, как создается восприятие, его воспоминание вырисовывается возле него, как тень рядом с предметом. Но сознание

3 См.: Павлов А. *Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019; см. также рецензию на эту работу: Кобылин И. *Великий пост- и другие префиксы, или Буксующая история нашего времени* // Неприкосновенный запас. 2020. № 3(131). С. 318–324.

4 БЕРГСОН А. *Воспоминание настоящего* // Он же. *Творческая эволюция. Материя и память*. Минск: Харвест, 1999. С. 1025.

не замечает его в нормальном состоянии, подобно тому, как глаз не замечал бы нашей тени, если бы он освещал ее всякий раз, как поворачивался к ней»⁵.

ИГОРЬ КОБЫЛИН
«DÉJÀ VU И КОНЕЦ
ИСТОРИИ»: ВОЗМОЖНОСТИ
И РЕАЛЬНОСТЬ

Практический импульс к действию, «общее внимание к жизни», характерное не только для индивида, но для вида в целом, оттесняют воспоминание о настоящем на второй план. И только когда это внимание ослабевает – а это и есть момент *déjà vu*, – настоящее предстает перед нами сразу в двух своих гетерогенных аспектах: перцептивном и мнезическом.

***Déjà vu* – это ключ к пониманию пост(пост)модернистской культуры, способной лишь обсессивно коллажировать фрагменты прошлого, так что любой **новый** культурный продукт вызывает у взрослого потребителя тоскливое чувство *уже-знакомо* или ретроманское удовольствие (лже)узнавания.**

Соглашаясь с анализом Бергсона в целом, Вирно ставит под вопрос этот последний тезис: *déjà vu* действительно сопровождается ощущением безнадежности и апатии, но что здесь является причиной, а что следствием? Ничто не мешает перевернуть утверждение Бергсона и объявить ложное узнавание причиной апатичного безразличия к будущему. Чтобы выйти из порочного круга, необходимо подробнее рассмотреть то «различие по природе» между памятью и восприятием, о котором говорит Бергсон. Все в том же эссе он вскользь определяет это различие как *модальное*:

«Наше актуальное существование, по мере того, как оно развертывается во времени, удваивается существованием виртуальным, изображением в зеркале. Каждое мгновение нашей жизни дает, следовательно, две стороны: оно актуально и виртуально, восприятие, с одной стороны, и воспоминание, – с другой. Оно расщепляется в то время, как наступает или, лучше сказать, оно состоит в самом этом расщеплении, ибо мгновение настоящего, будучи всегда переходом, неуловимой границей между непосредственным прошлым, которого уже нет, и непосредственным будущим, которое еще не наступило, обратилось бы в простую абстракцию, если бы именно не существовало подвижного зеркала, непрерывно отражающего восприятие в виде воспоминания»⁶.

5 Там же. С. 1026.

6 Там же. С. 1033.

Итак, восприятие отсылает к актуальному, память – к виртуальному или потенциальному. И опыт *déjà vu* – это парадоксальный опыт их одновременного переживания. Реальное (именно этого возможного) и возможное (именно этого реального) накладываются друг на друга, вызывая тягостное, почти депрессивное чувство уже-бывшего.

Вирно обращает наше внимание на странность распределения способностей и модальностей в этом фрагменте бергсоновского эссе. Действительно, разве память не является фиксацией того, что уже свершилось? Почему модальность виртуального/потенциального закрепляется именно за ней? Не логичнее ли было бы соотнести возможное с чем-то, еще не реализованным, то есть – если мы возьмем темпоральный план – с измерением будущего? В «Воспоминании настоящего» нет ответов на эти вопросы – Бергсон, высказав продуктивное предположение, не стал разрабатывать его дальше. Однако в небольшой статье «Возможное и действительное», формально не связанной с темой *déjà vu*, можно найти рассуждения, позволяющее разобраться с этой загадочной связкой памяти и виртуальности. Бергсон пишет:

«По мере того, как создается действительность, непредвидимая и новая, ее образ отражается позади нее в безграничном прошлом; так обнаруживается, что она испокон веку была возможна; но именно в этот момент она и делается таковой – потому я и сказал, что ее возможность, которая не предшествует действительности, будет ей предшествовать, как только действительность появится»⁷.

Последняя фраза о возможности, которая *будет предшествовать* действительности в момент осуществления последней, обнажает парадокс, лежащий в основе бергсоновской концепции темпоральности. Как будто, помимо «датированного» прошлого как череды свершившихся событий (ставших «историческими фактами»), есть еще и некое виртуальное «предшествование», прошлое-вообще, прошлое как таковое или *форма прошлого (past-form)*. И теперь становится понятно, что подразумевается под различием «не по степени, а по природе»: хотя память и восприятие одновременно запечатлевают один и тот же «квант» настоящего, но модально они отделены друг от друга непроходимой стеной. В итоге, как поясняет Вирно, мы сталкиваемся здесь с систематическим анахронизмом, который в феномене *déjà vu* приобретает ложную, инвертированную форму – вместо того, чтобы придавать актуально случающемуся ауру потенциальности как всегда уже существовавшей возможности (это – в терминологии Вирно –

7 Он же. *Возможное и действительное* // Он же. *Избранное: сознание и жизнь*. М.: РОССПЭН, 2010. С. 159–160.

правильный, «трансцендентальный» тип анахронизма), *déjà vu* одевает само это актуальное в форму прошлого, выводя потенциальное из игры (это неправильный, «фактический» анахронизм).

Итак, связанное с возможностью/способностью прошлое-вообще, или чистая форма прошлого, структурированная как память, – это некое априорное, нехронологическое «до», вписанное в каждый акт восприятия. Вирно демонстрирует это на примере языка, вступая в полемику с лингвистической концепцией де Соссюра. Для Вирно язык – это не только система знаков (соссюрковский *langue*), но и лингвистическая компетенция в целом, способность к артикулированному высказыванию, которая именно в качестве способности/возможности проявляется в каждом конкретном речевом акте.

«Язык сам по себе является чистым предыдущим – неопределенным “другим-тогда” [*other-then*]. Языковая способность – это никогда не существовавшее “тогда”, которое появляется “позади” моего актуального высказывания, в самый момент произнесения этого последнего. Язык – это прошлое-вообще [*past-in-general*] актов речи, недатируемое “до” любого единичного, неповторимого высказывания»⁸.

Однако, согласно Вирно, не только языковая, но любая другая способность – к мышлению, к получению удовольствия, к труду – должна рассматриваться в качестве такой виртуальной «формы прошлого» по отношению к единичным актам мышления, испытываемым удовольствиям или конкретным трудовым операциям. Но что еще важнее – это сложное отношение между памятью, возможностью/способностью и прошлым-вообще, с одной стороны, и восприятием, действительностью и актуальным настоящим, – с другой, наглядно демонстрирует нам потайной *генезис исторического времени*. История – как нечто отличное от телеологического разворачивания «ойкономии», неважно, разворачивается она по таинственному плану божественного провидения или согласно рационально постижимым законам экономического развития, – возможна только потому, что все фактически осуществленное тут же окутывается мощью потенциального. И это потенциальное неисчерпаемо – язык как «прошлое-вообще» сингулярного речевого события не исчерпывается ни самим этим событием, ни их бесконечной совокупностью.

«История существует потому, что необратимый поток настоящего в каждой точке пересекается тем, что мы называем “прошлым-вообще”: сингулярное “сейчас”, которому предшествуют другие син-

8 VIRNO P. *Op. cit.* P. 25.

ИГОРЬ КОБЫЛИН
«DÉJÀ VU И КОНЕЦ
ИСТОРИИ»: ВОЗМОЖНОСТИ
И ДЕЙТЕЛЬНОСТЬ

гулярные “сейчас”, само в себе таит темпоральную (но не хронологическую) связь между “до” предрасположения (прошлое настоящего) и “после” реализации»⁹.

«НЕ-ТЕПЕРЬ» И ВРЕМЕННАЯ ТОТАЛЬНОСТЬ

Во второй части книги Вирно развивает и усложняет свой анализ, опираясь преимущественно уже не на Бергсона, а на Аристотеля и Канта. Основной вопрос, который здесь разбирается – и разбирается куда более нюансированно, чем в первой части, – можно сформулировать так: каковы же все-таки взаимоотношения между модальностями потенциального и актуального, с одной стороны, и времени, – с другой? Или еще точнее: вписаны эти модальности в уже существующий темпоральный порядок или они являются структурными условиями его возможности, то есть элементами механизма темпорализации?

История – как нечто отличное от телеологического разворачивания «ойкономии» – возможна только потому, что все фактически осуществленное тут же окутывается мощью потенциального.

Действительно, несмотря на уверения Бергсона, всегда существует соблазн представить потенциальность как звено в фактической событийной цепи: железо нагрелось и – потенциально – может расплавиться; кусок мрамора, лежащий перед скульптором, потенциально может превратиться в статую. Однако, замечает Вирно, потенциальность как таковая никогда не представлена в эмпирико-фактической последовательности событий: нагревшееся железо и кусок мрамора – это действительность сейчас так же, как позже действительностью будут расплавленное железо и статуя: сдвинувшись по хронологической шкале, они станут другими «сейчас». Потенциальность же без того, чтобы перестать быть самой собою, не в силах занять на этой шкале место: возможное – это то, что принципиально не способно явить себя ни в каком фактическом «теперь»; это «не-теперь», которое тем не менее каким-то образом существует и сохраняется в своей вечной «несейчасности».

Если пропустить тонкости дальнейших модально-онтологических спекуляций Вирно и сразу перейти к первому выводу, то окажется, что для него «не-сейчас» потенциальности и является тотальностью времени, или временем-как-целым, –

9 Ibid. P. 29.

странным измерением, которое ни явлено ни в одном отдельном моменте, ни в их совокупности. Это нехронологическое время, не делящееся на части, неисчерпаемое (именно потому, что как вечно не-актуальное оно не подвержено даже малейшей актуализации) и само в себе неизменное.

Итак, потенциальное – это время-вообще. Но верно и обратное: время-как-целое потенциально, а это значит, что его тотальность является незавершенной. Вирно так формулирует это парадоксальное положение:

«Мы должны рассматривать как единое целое то, что само по себе сущностно неполно. [...] Время может быть определено в качестве целого в той мере, в какой оно остается не-актуализированным (и наоборот – оно не актуализуемо в той мере, в какой является целым). Но в каком смысле что-то незавершенное – то, что и не может быть завершено, – квалифицируется как целое? Мы можем назвать это нечто целым только при одном условии: его незавершенность не должна быть относительной и временной, напротив – она должна носить абсолютный и постоянный характер»¹⁰.

Тотальное, но принципиально незавершаемое время является, по Вирно, точно такой же способностью/возможностью, как язык или труд. Как способность-сказать или рабочую силу нельзя разделить на части, некоторые из которых актуализируются, а оставшиеся дожидаются своей очереди, так и тотальное время не-присутствует только в своем открытом целом. И основная функция памяти – помнить об этом не-присутствии.

Теперь мы можем попробовать представить себе структуру темпоральности во всей ее сложности. В этой структуре пересекаются два плана: план диахронии (каждому «сейчас» априорно предшествует «не-сейчас» тотального времени) и синхронии (это виртуальное «не-сейчас» появляется вместе с актуальным «сейчас»). Кроме того, необходимо помнить, что, кроме прошлого-вообще, каждому «сейчас» хронологической прогрессии предшествует и фактическое прошлое – другие «сейчас», ставшие историческими фактами. И напряжение между временным порядком, который сам по себе не хронологичен, и хронологической прогрессией является истоком исторического:

«Мгновение, которое я проживаю – понимаемое как мгновение, в котором одновременно сосуществуют действительность и возможность, произносимое слово и языковая способность, выполняемая работа и рабочая сила, – будет отныне называться “историческим моментом”. [...] Безусловно, исторический момент есть не что иное, как настоящее в его генезисе – “после”, неотделимое от “до”»¹¹.

10 Ibid. P. 87.

11 Ibid. P. 123.

Именно в этом контексте, полагает Вирно, идея Эрнста Блоха об «одновременности неодновременного» (*die Gleichzeitigkeit des Ungleichzeitigen*) получает свой полный смысл. Эта одновременность – уже не просто сосуществование различных социокультурных укладов в рамках одной условной «современности», как это было в концепции Блоха¹². Одновременность неодновременного (или современность несовременного) становится нередуцируемым, трансцендентальным условием историчности вообще.

DÉJÀ VU КАПИТАЛИЗМА, РАБОЧАЯ СИЛА И МЕТАИСТОРИЯ

Если в нашей индивидуальной психической жизни опыт *déjà vu* – то есть опыт ложного, «фактического» анахронизма – случается сравнительно редко, то коллективное ощущение исчерпанности истории становится сегодня практически постоянным. В чем же тут дело? Почему беспримерная историзация всего и вся, неуклонно нарастающая в европейской культуре в течение последних 150–200 лет, привела к коллапсу исторического сознания? Как будто история парадоксальным образом историзировала саму себя и саму же себя оставила в прошлом – вернее, все вокруг превратила в «уже-прошлое».

Отвечая на этот вопрос в третьей части работы, Вирно обращается к той способности/возможности, которую он до этого упоминал лишь вскользь. Речь, конечно, идет о рабочей силе, проблему которой – как с горечью об этом пишет Вирно – философы до недавнего времени обходили стороной.

Действительно, капитализм, который если и не запускает историю впервые, то уж во всяком случае придает ей неслыханное ускорение, выведя ее на прямую линию прогресса¹³, построен на свободной купле-продаже рабочей силы. Последняя, будучи чистой потенциальностью, отличается от актуальных трудовых операций и их результатов. Таким образом, капитализм – это единственная общественно-экономическая формация, которая превращает в товар возможность как таковую.

12 См.: ВЛОСН Е. *Heritage of Our Time*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1991.

13 Комментируя «Grundrisse» Маркса, Клод Лефор্ত так пишет о привносимом капитализмом историческом разрыве: «Отметим, что именно по отношению к капитализму все остальные общественные формации обнаруживают свое родство. Вместе с ним начинается кумулятивная история, условиями которой является двойное разделение труда и денег и средств производства» (ЛЕФОРТ К. *Формы истории. Очерки политической антропологии*. СПб.: Наука, 2007. С. 206. Курсив мой). Но даже если остановиться на более раннем «Манифесте», то и там мы увидим, что с приходом капитализма «из самого сердца Великой Истории с ее медленным ритмом – где конфликты вызревают столетиями, а иногда тысячелетиями, всегда оставаясь неразрешенными, не приводящими непосредственно к какому-либо высшему способу производства, – появляется как ее порождение история, движущаяся с ускорением, история едва переводящего дух мира, увлекаемого потоком созидания и разрушения» (Там же. С. 192. Курсив мой).

Именно эта коммодифицированная потенциальность (чистая способность к труду) становится, как показал Маркс, источником прибавочной стоимости, а значит, в конечном счете, и загадкой тайны капиталистического накопления. В этом контексте становится понятным рождение нового диспозитива власти, которому Мишель Фуко дал имя биополитики. Фуко, как известно, скептически относился к причинным объяснениям, предпочитая действовать как «новый архивариус» (Делёз), то есть демонстрируя «дела» истории в их специфичности и редкости. Как архивариус Фуко подходит и к биополитике: ему важнее было зафиксировать этот диспозитив в его отличии от (и связи с) дисциплинарными(ми) техниками(ами) наблюдения и контроля и по возможности точно описать совокупность биополитических стратегий и тактик – в диапазоне от статистического учета населения до внедрения систем социальной медицины. Вирно же видит причинную связь между становлением капитализма и биополитикой. Уже в «Грамматике множеств» (2001) он пишет о «двусмысленной» концепции Фуко:

«Капиталист интересуется жизнью рабочего и его тело только по косвенной причине: это жизнь и это тело являются тем, что содержит способность, потенцию, *dynamis*. Живое тело становится управляемым не из-за его собственной ценности, но потому что оно является субстратом одной лишь вещи, которая действительно вызывает интерес, – рабочей силы как суммы всех разнообразных способностей человека (потенция говорить, думать, помнить, действовать и т.п.). Жизнь размещается в центре политики, когда ставкой в игре становится нематериальная (и сама по себе неприходящая) рабочая сила. Поэтому и только поэтому правомочно говорить о “биополитике”. Живое тело, к которому обращаются административные аппараты Государства, – это осязаемый знак еще не реализованной потенции, образ еще не овеществленного труда или, как замечательно выражается Маркс, “труд как субъективность”. [...] Можно было бы сказать, что если деньги – это универсальный представитель меновой стоимости или же самой обменяемости продуктов, то жизнь замещает, представляет саму потенцию производить, невидимый *dynamis*»¹⁴.

Однако если в «Грамматике множеств» рассуждения о рабочей силе как об апроприированной капиталом потенциальности были встроены в исследование нового исторического субъекта – «множества», – то в «Déjà Vu and the End of History» речь уже идет о возможности истории как таковой. Действительно, если, как стало ясно из предыдущего анализа Вирно, «нераздельность и неслиянность» потенции и акта – это исток историчности, то капитализм, трансформируя трансцендентальные,

14 Вирно П. *Грамматика множеств: к анализу форм современной жизни*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. С. 101.

ИГОРЬ КОБЫЛИН

«DÉJÀ VU И КОНЕЦ
ИСТОРИИ»: ВОЗМОЖНОСТИ
И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

метаисторические условия возможности истории в фактические элементы исторически определенного способа производства, историзирует сам исток и тем самым подрывает его производительную мощь (*potentia*). Историческое время больше не генерируется, поскольку объемная структура темпоральности, отвечавшая за его генезис, становится «плоской»: больше нет ничего, что не располагалось бы на шкале хронологической прогрессии. А это значит, что из момента, который мог бы с полным правом называться историческим, уходит потенциальность, делавшая его неполным и поэтому (вечно) стремившимся к невозможному насыщению. Эти моменты теперь просто повторяют друг друга, порождая чувство всеобщего *déjà vu*.

Капитализм – это единственная общественно-экономическая формация, которая превращает в товар возможность как таковую. Эта коммодифицированная потенциальность становится источником прибавочной стоимости, а значит, в конечном счете, и разгадкой тайны капиталистического накопления.

Маркс, как известно, критиковал натуралистические «робинзонады» буржуазной политэкономии, выдававшей исторически преходящие законы капиталистической экономики за естественные и вечные. С его точки зрения, сами концепции «естественного состояния» могли появиться только на весьма поздней стадии исторического развития:

«Лишь в XVIII веке, в “гражданском обществе”, различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности как всего лишь средство для ее частных целей, как внешняя необходимость. Однако эпоха, порождающая эту точку зрения – точки зрения обособленного одиночки, – есть как раз эпоха наиболее развитых общественных (с этой точки зрения, всеобщих) отношений. Человек есть в самом буквальном смысле *δύον πολιτικός*, не только животное, которому свойственно общение, но животное, которое только в обществе [...] и может обособляться»¹⁵.

Но Вирно показывает, что в определенном смысле капитализм действительно приоткрывает нам «вечные» законы (мета)-истории, присваивая себе антропологически универсальную способность к труду как совокупность всех остальных способностей. Рассматривать это присвоение можно по-разному. Мож-

15 Маркс К. *Экономические рукописи 1857–1859 годов* // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. М.: Издательство политической литературы, 1968. Т. 46. С. 28.

но сконцентрировать внимание на специфических, исторически конкретных способах присвоения. А можно – на неограниченном характере универсальной способности, потенциально относящейся к любой эпохе и любому обществу. В последнем случае иллюзии буржуазных политэкономов по поводу естественности законов рынка (в том числе и рынка рабочей силы) окажутся необходимыми иллюзиями. Однако подлинный исторический материализм способен прочесть в капиталистических гимнах «концу истории» – одновременно ликующих и депрессивных – симптомы конца самого капитализма: коммодификация чистой возможности и ее идеологическое сокрытие не отменяет ее «чистоты», а значит, история не просто не заканчивается – она все еще способна историзировать своего могильщика.

ИГОРЬ КОБЫЛИН
«DÉJÀ VU И КОНЕЦ
ИСТОРИИ»: ВОЗМОЖНОСТИ
И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

МАРИЯ
УДОВЫДЧЕНКО

Культура граффити-зинов. Неиндексированные граффити-журналы Санкт- Петербурга 2000–2010-х годов

Мария Удовыдченко
(р. 1983) – исследова-
тель уличного искусства,
архивист, хранитель
архива Музея современ-
ного искусства «Гараж»
в Санкт-Петербурге.

ПОЯВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГРАФФИТИ-ЖУРНАЛОВ В США И ЕВРОПЕ

Субкультура граффити в ее современном понимании появляется в США в середине 1960-х. В 1965 году в Филадельфии двенадцатилетний Дэррил Маккрей – в будущем первый всемирно признанный граффити-художник – начинает распространять свой никнейм *Cornbread*. Вдохновением к написанию своего имени на городских стенах послужил опыт пребывания подростка в местном центре заключения, где Маккрей получил свой никнейм и впервые написал его рядом с именами участников криминальных группировок¹. Начиная с 1967 года Маккрей использовал краску-спрей, бесконечно курсируя по городу в поисках все новых локаций для рисования. Однажды он даже проник в зоопарк и, перепрыгнув через забор, написал свое имя на боку слона². В то время на-

- 1 *Godfather of Graffiti. Tagging Pioneer Darryl "Cornbread" McCray Has Made Philadelphia His Canvas for Decades* // Philadelphia Weekly. 2020. July 2 (<https://philadelphiaweekly.com/godfather-of-graffiti>).
- 2 См.: *A History of Graffiti – The 60-s and 70-s* (www.sprayplanet.com/blogs/news/a-history-of-graffiti-the-60s-and-70s).

УЛИЧНОЕ
ИСКУССТВО
МЕЖДУ
«ГАРАЖОМ»
И ЖЭКОМ

писание имен было принято в криминальной среде как способ маркирования городских территорий и то, что Маккрей начал писать на улицах свой псевдоним без всякого смысла, стало настоящим вызовом. «Участники группировок писали на стенах, чтобы обозначить свою территорию, – сказал Маккрей. – Моей единственной целью было создать репутацию»³. Соревновательный дух, столь характерный для субкультуры граффити, уже витал в воздухе. В 1960-е многие чернокожие подростки, не желавшие связываться с устоявшимся уголовным миром, объединялись в собственные банды, которые соревновались между собой не только в граффити, но и в оригинальности речитатива и ловкости танцевальных движений. В дальнейшем соревновательный дух останется одной из ярких черт граффити, породив такие формы, как граффити-батлы⁴.

Примерно в это же время новое граффити-движение начинает развиваться в Нью-Йорке. Главным героем нью-йоркской граффити-сцены становится подросток Деметриус, который в 1969 году придумывает объединить свое имя с номером улицы, создав оригинальный никнейм *Taki183*. Сама идея объединить имя и цифры не была оригинальна. Но именно *Taki* столь усердно распространял свой никнейм по городу, что привлек внимание журналистов, и в 1971 году в газете «The New York Times» о нем вышел репортаж⁵. С этого момента стратегия *Taki*, заключающая в максимальном тиражировании своего имени и выборе для нанесения граффити наиболее просматриваемых точек, стала основным правилом субкультурного граффити. В какой-то момент статичных поверхностей становится недостаточно, и атаке граффити-райтеров⁶ подвергается городской общественный транспорт Нью-Йорка. Больше всего рисунками покрываются вагоны в метро, что приводит к открытому конфликту с городскими властями.

Новая субкультура привлекает все больше внимания, и в начале 1980-х информация о граффити быстро распространяется по всему миру. Происходит формирование «правил игры», позволяющих отделить субкультурное граффити от других городских текстов. В основе его лежит тиражирование собственного имени или названия команды. Из-за стремления оставить след на самых видных локациях, в том числе и городском общественном транспорте, граффити становится нелегальным

3 Цит. по: *Godfather of Graffiti...*

4 Граффити-батл (от англ. *battle* – сражение) – соревнование граффити-художников, где компетентное жюри определяет победителя. Основные критерии – скорость нанесения рисунка, композиция, работа со шрифтом, качество исполнения.

5 “*Taki183*” *Spawns Pen Pals* // New York Times. 1971. July 21 (www.nytimes.com/1971/07/21/archives/taki-183-spawns-pen-pals.html).

6 Субкультурное обозначение граффити-художников, происходящее от английского слова *write* (писать), что подчеркивает работу с шрифтовыми композициями.

и опасным занятием, что приводит к формированию закрытого самодостаточного сообщества, внутри которого постепенно формируется свой сленг, определенные правила поведения и узнаваемая визуальная эстетика. Эта автономность, с одной стороны, и стремление к самоидентификации и саморепрезентации – с другой, послужили залогом появления таких явлений, как граффити-фото, а впоследствии и видео-документации, предназначенных для обмена и распространения информации. До популяризации интернета⁷ фотографии в основном публиковались в различных печатных граффити-журналах, выпускаемых инсайдерами, и многие из этих журналов носили черты самиздата.

Одним из первых изданий, репрезентирующих граффити, стала книга «Subway Art» фотографов Марты Купер и Генри Чэлфанта, вышедшая в Соединенных Штатах в 1984 году. В доцифровую эпоху это издание, посвященное ранней истории граффити-движения в Нью-Йорке, долгое время оставалось наиболее важным источником информации о граффити-культуре⁸. Книга представляла читателю 230 фотографий, сверстаных плотной сеткой. Можно предположить, что знакомство с таким форматом подачи материала повлияло на последующих субкультурных издателей, поскольку подобная верстка встречается во многих граффити-журналах.

Однако первый номер американского граффити-зина «International Graffiti Times»⁹ («IGTimes») выходит на год раньше – в 1983-м. Его редактор и издатель – художник Дэвид Шмидлапп¹⁰ – занимался выпуском этого журнала вплоть до начала 1990-х.

В Европе одним из первых граффити-журналов становится испанский «Barcelona Game Over Magazine», который в начале 1990-х начали издавать райтеры *Moockie* и *Kari*, несколько лет до того собиравшие фотоархивы и пожелавшие распространить их таким образом среди сообщества. Первый черно-белый офсетный номер «Barcelona Game Over Magazine» вышел в 1992 году тиражом в 200 экземпляров. Год спустя его создатели начинают сотрудничать с локальным испанским брендом «Felton», производящим краску-спрей, что позволило

7 Первый сайт о граффити «Art Crimes: The Writing on the Wall» появляется в 1994 году.

8 О важности этого издания говорит определение «Библия граффити», которое закрепилось за ним благодаря участникам граффити-сообщества, многократно сославшихся на эту книгу в интервью и автобиографических текстах.

9 Архив «International Graffiti Times» сегодня находится в Отделе редких и рукописных коллекций Библиотеки Корнельского университета. Архив включает в себя оригинальные, созданные вручную макеты, с которых впоследствии печатались выпуски «IGTimes»; рукописные, машинописные и печатные текстовые документы, содержащие материалы для статей; более 4000 оригинальных фотографий граффити, предоставленных международным сообществом и читателями для публикации в журнале.

10 Американский фотограф и художник, персональный сайт lapphoto.com.

им выпустить первый европейский цветной журнал о граффити. В дальнейшем подобное сотрудничество будет общераспространенной практикой.

МАРИЯ УДОВЫДЧЕНКО
КУЛЬТУРА ГРАФФИТИ-
ЗИНОВ...

Постепенно периодических граффити-изданий становится все больше и выходят они все чаще, в том числе благодаря спонсорской поддержке; они начинают напоминать глянцевые журналы по формату, качеству бумаги и печати. Их выпуском занимаются сами граффити-художники, материалы для публикаций отбираются из частных архивов. Сегодня можно выделить несколько журналов-долгожителей, публикации в которых считаются престижными для участников граффити-сообщества. К таким изданиям следует отнести европейские журналы «Bomber Magazine» (выходит с 1992 года), шведский «UNDERGROUND PRODUCTIONS» (выходит с 1992 года), немецкий «Backjumps» (выходит с 1994 года). В начале 2000-х к ним добавляются издания о европейском граффити «новой волны» «Incognito» (выходит с 2003 года), журнал «Concrete» (Польша), посвященный граффити Восточной Европы, и многие другие. Если в начале 1990-х еще встречаются журналы, посвященные граффити-сцене отдельных городов – например, берлинский «GraffitiArt», – то ближе к 2000-м издания все чаще публикуют материалы, присланные из разных городов и стран, или выпускают специальные тематические номера. Возможно, это связано с развитием граффити-туризма и желанием делиться собранным во время таких поездок материалом. Большинство изданий имеют схожую верстку, разделы, связанные с разными направлениями граффити, интервью с известными граффити-художниками.

Журналы, посвященные граффити и уличному искусству, можно поделить на более субкультурные и те, что ориентированы на массового читателя, интересующегося этими модным явлением. К последним относится американское издание «GraffitiArt», на страницах которого публикуется информация не только о граффити, но и о разных формах уличного искусства и паблик-арта¹¹.

РОССИЙСКИЕ ИЗДАНИЯ

С момента первого появления субкультуры граффити в Советском Союзе (середина 1980-х) и далее до начала 2000-х граффити-журналы стали для российских художников ключевым источником информации. Поскольку интерес профессионального искусствоведческого сообщества появился гораздо поз-

11 Паблик-арт (англ. *Public art* – искусство в общественном пространстве) – объекты искусства, создаваемые в общественном пространстве санкционированно и при финансовой поддержке государства или частных компаний.

же, издателями российских граффити-журналов были сами художники. Они – с оглядкой на американских и европейских коллег – разрабатывали макеты верстки, отбирали и систематизировали фотоматериалы, писали первые теоретические и критические тексты, брали интервью.

Первый российский граффити-журнал под названием «Outline» вышел в 1999 году в Москве. Его выпустил Антон *Make* Польский – художник, участник одной из первых московских граффити-команд *RUS Crew*. Это время сами деятели субкультуры обозначают как начало третьей волны российского граффити¹². Тогда в Россию уже попадали иностранные журналы – например, специальный выпуск журнала «Rap Pages», посвященный граффити. Также в конце 1990-х в Москве начинает выходить журнал «Hip-Hop Info»¹³, где публиковались материалы о зарубежных звездах граффити и первых российских фестивальных проектах. Отдельные статьи о локальной граффити-сцене можно было найти в таких журналах, как «Птюч», «Бумеранг» и «Ровесник».

Первым полноценным московским изданием, посвященным граффити, становится «Улица» (2003–2005). Его редактором был художник Юрий *Yuka* Каданцев, который в 2005 году совместно с Дмитрием *Aske*, Александром Селивановым и Дмитрием *Oskes* запустил новый проект – периодическое издание «Code Red» (2005–2010), посвященное не только граффити, но и другим формам уличного искусства и дизайна. В том же году художник Игорь Поносов выпускает первый номер журнала «Objects»¹⁴ (всего вышли три номера), рассказывающий о российском уличном искусстве, включая такие его формы, как трафарет, стикеры, постеры и настенные росписи. Два года спустя московский райтер Филипп *Take* начинает издавать серию журналов «Iron Curtain» (2007–2008) – первый и единственный граффити-журнал, полностью посвященный рисованию граффити в метро и на пригородных поездах. Всего вышли восемь номеров. В редакцию также входили Артем *Ren*, *Sugar 18*, Стас *Scheme*.

В середине 2000-х граффити-журналы появляются и в других городах. Одно из крупнейших региональных изданий – журнал «Urban Roots», издаваемый граффити-художником Александром *Stan* Шимановым, который выходил в Нижнем

12 Такая классификация была предложена самими участниками граффити-сообщества в начале 2000-х. Первая волна охватывает период с середины 1980-х до начала 1990-х. Вторая волна начинается в середине 1990-х и завершается в 1998–1999 годах. В качестве основных признаков третьей волны принято отмечать формирование устойчивого сообщества, объединяющего граффити-райтеров из разных городов; появление масштабных фестивалей и граффити-джемов; активная репрезентация субкультуры граффити в масс-медиа.

13 Журнал «Hip-Hop Info» выходил с 1998-го по 2000 год. Всего за этот период были выпущены семь номеров.

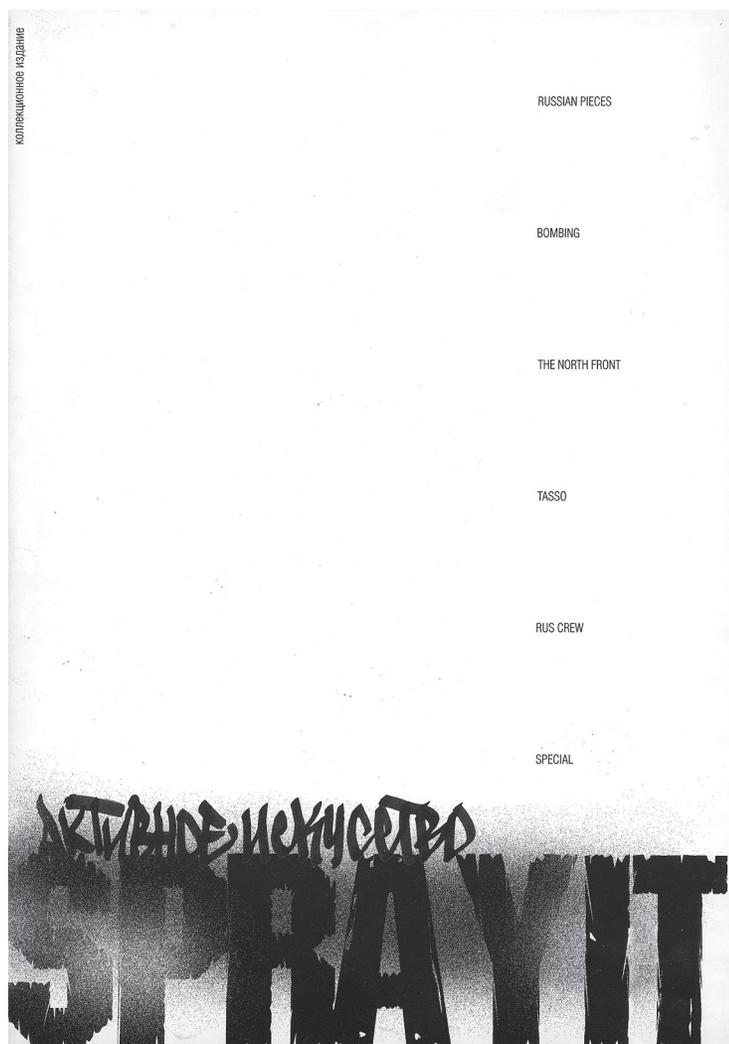
14 Со второго номера к работе над изданием присоединился Андрей Целуйко (*Zeaner, 310 squad*), который занимался написанием и редактурой большей части текстов.

Новгороде с 2006-го по 2012 год. Особое внимание в издании уделялось художникам из разных регионов России.

МАРИЯ УДОВИДЧЕНКО
КУЛЬТУРА ГРАФФИТИ-
ЗИНОВ...

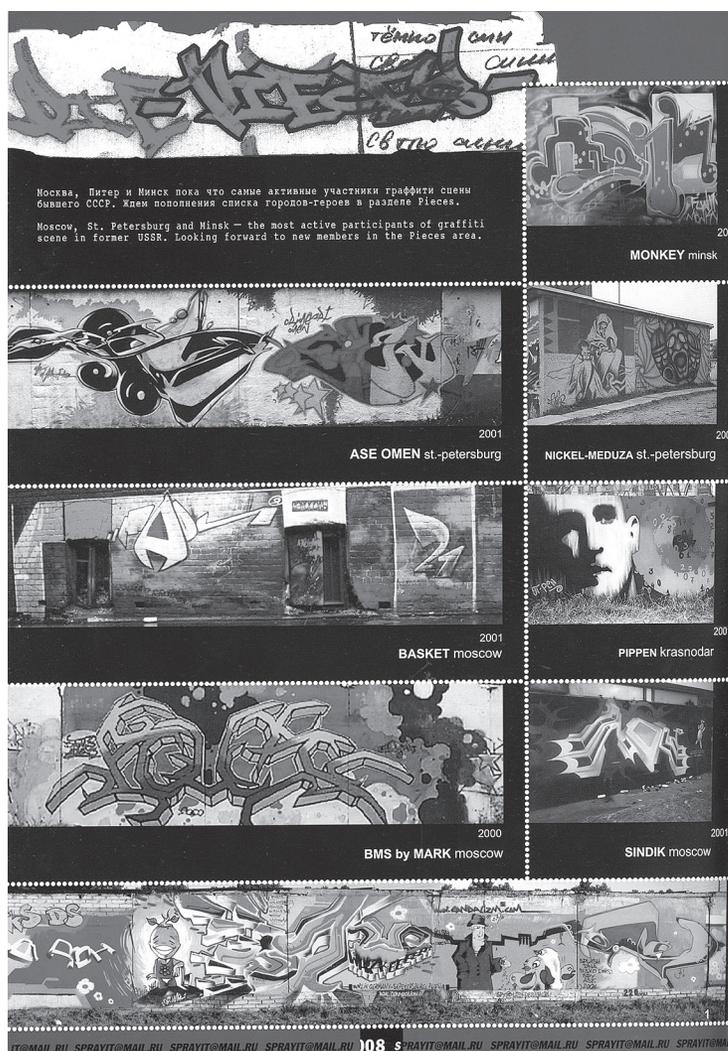
ПЕТЕРБУРГСКИЕ ГРАФФИТИ-ИЗДАНИЯ

В Петербурге первый граффити-журнал появился в начале 2000-х. Первопроходцами выступили участники граффити-команды *SPP (Saint-Petersburg Patriots)*, образовавшейся в 1995 году. Выпускаемый *SPP* журнал получил название «*SPRAY IT*». Это издание стало первым цветным российским граффити-журналом. За время существования «*SPRAY IT*» (2001–2002) вышли два номера, включавшие в себя подборку фотографий работ ведущих российских художников, статьи и интервью

Илл. 1. Обложка журнала «*SPRAY IT*» (2001. № 2). Коллекция Музея современного искусства «Гараж».

МАРИЯ УДОВЫДЧЕНКО
КУЛЬТУРА ГРАФФИТИ-
ЗИНОВ...

Илл. 2. Страница журнала «SPRAY IT» (2001. № 2). Коллекция Музея современного искусства «Гараж».

с участниками российской и европейской граффити-сцены, а также тематические блоки, посвященные таким формам граффити, как бомбинг¹⁵, теггинг¹⁶ и трейн-бомбинг¹⁷.

Важно отметить: это был двуязычный журнал, что говорит о том, что создатели рассматривали свое издание в качестве вполне репрезентативного материала для иностранной арт-среды. Упоминание о появлении в Петербурге граффити-журнала

- 15 От англ. *bombing* – бомбардировка. Направление граффити, где на первый план выходит нелегальность, количество рисунков, скорость их нанесения и выбор самых просматриваемых локаций. Для бомбинга чаще всего используются простые шрифты, яркие и контрастные цвета, среди которых особенно популярно сочетание черной и серебряной красок.
- 16 От англ. *tag* – метка. Подпись граффити-райтера и первоэлемент субкультурного граффити, представляющий собой шрифтовую композицию. Для нанесения тега может использоваться любой инструмент и любая поверхность. Процесс нанесения тегов называется теггингом.
- 17 От англ. *train bombing* – рисование на пригородных и городских электричках.

было опубликовано в британском «Graphotism»¹⁸, немецком «BACKSPIN»¹⁹ и польском «Braindamage»²⁰. Журнал воспринимался как издание, представляющее российское граффити-сообщество, что было особенно актуально во времена, когда интернет-общение еще не было столь популярным, а интерес к граффити и уличному искусству со стороны профессионального искусствоведения фактически равнялся нулю. Тираж каждого выпуска составлял около тысячи экземпляров, и сейчас печатные копии журнала сложно найти в свободном доступе. В основном номера «SPRAY IT» хранятся в частных коллекциях граффити-художников. Один печатный экземпляр второго номера есть в архиве Музея современного искусства «Гараж» в Петербурге²¹ и доступен широкому кругу исследователей.

Второе петербургское граффити-издание – черно-белый журнал «Пленэр», выходивший в 2005 году²². Учредитель и главный редактор «Пленэра» – художник и граффити-райтер Станислав *Elso* Леонтьев. Журнал посвящен петербургской граффити-сцене и уличному искусству; во вступительном слове редактора основные задачи издания обозначены следующим образом: «продвижение граффити, как искусства; осмысление эстетики и тенденций современного уличного искусства»²³. Интересно отметить, что в «Пленэре», помимо интервью с граффити-райтерами и художниками, появляются такие разделы, как «Дайджест», «Мастер класс» и «Разворот». «Дайджест» освещает основные новости из жизни граффити-сообщества, в разделе «Мастер класс» даются практические советы по изготовлению трафаретов, переливанию аэрозольной краски и созданию специальной насадки для получения тонкой линии. Интересен и раздел «Разворот», помещенный в центр журнала и содержащий художественные элементы: плакат художника *FAKEENGE*, раскраску с пригородными поездами, на которые можно наносить свои граффити, и шрифт-раскраску по цветам от граффити-художника и иллюстратора Станислава *DANGE*.

Создатель «Пленэра» выдерживает ироничный тон, начиная от (не)запоминающегося названия, заканчивая интервью с заместителем начальника службы пригородных перевозок Октябрьской железной дороги, рассуждающего о феномене граффити на поездах. Тираж издания составлял от двухсот до

МАРИЯ УДОВИДЧЕНКО
КУЛЬТУРА ГРАФФИТИ-
ЗИНОВ...

18 Полное название – «The International Graffiti Writers Publication». Журнал выходил с 1992-го по 2011 год.

19 Также «BACKSPIN Mag», бывший «Backspin Hip Hop Magazin». Выпускается с 1993 года.

20 Полное название «Brain Damage Aerosol Culture Magazine». Выпускается в Польше с 1997 года.

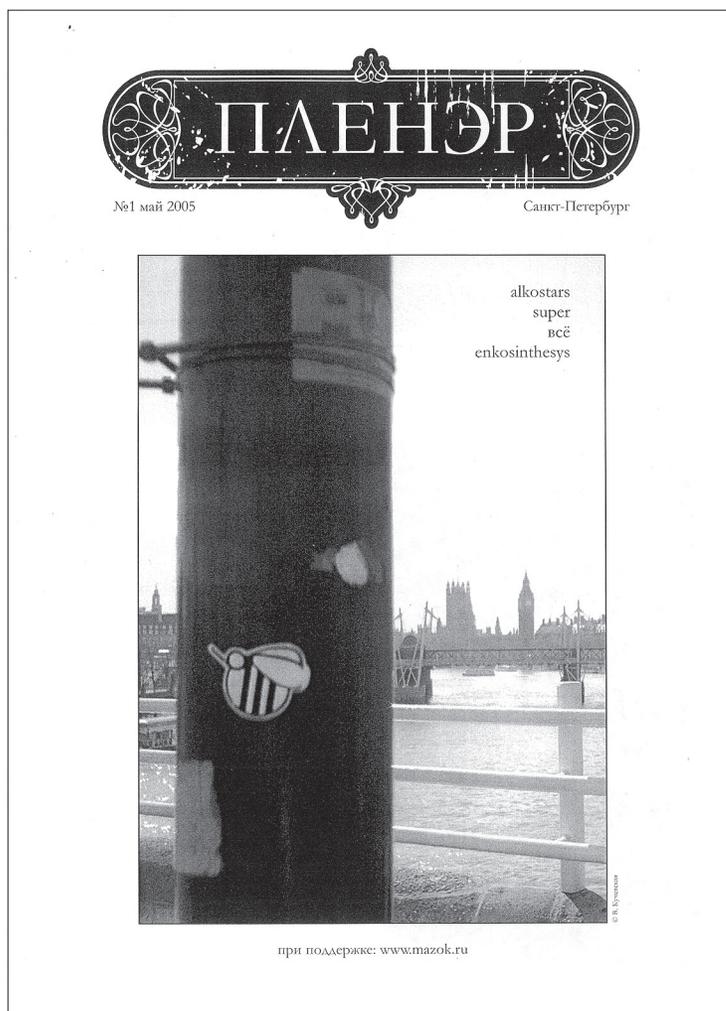
21 Ссылка на журнал «SPRAY IT» на сайте онлайн-каталога документов о российском современном искусстве из архивной коллекции Музея современного искусства «Гараж»: <https://russianartarchive.net/ru/catalogue/document/D8810>.

22 Всего вышли три номера журнала – в мае, сентябре и декабре 2005 года.

23 *Вступительное слово. От редакции // Пленэр. 2005. № 1. С. 2.*

МАРИЯ УДОВЫДЧЕНКО
КУЛЬТУРА ГРАФФИТИ-
ЗИНОВ...

Илл. 3. Обложка журнала
«Пленэр» (2005. № 1).
Коллекция Музея со-
временного искусства
«Гараж».

трехсот экземпляров, поэтому «Пленэр» больше напоминает зин²⁴. При этом надо отметить, что в «Пленэре» тексты преобладают над визуальной составляющей, а это совсем не характерно для классических граффити-журналов. Интервью, новостной дайджест, статьи о художниках делают это издание особенно ценным для исследователей, изучающих локальную сцену уличного искусства Петербурга середины 2000-х. Помимо частных коллекций, все три номера «Пленэра» хранятся в библиотеке и архиве Музея современного искусства «Гараж» в Москве и Петербурге²⁵.

24 Зин – сокращенное от англ. *magazine* (журнал) – малотиражное издание, часто изготовленное вручную с применением техники коллажа.

25 Ссылка на первый номер журнала «Пленэр» на сайте онлайн-каталога документов о российском современном искусстве из архивной коллекции Музея современного искусства «Гараж»: <https://russianartarchive.net/ru/catalogue/document/D8811>.

Фанкомания. Личность SUPER.

Несмотря на то, что граффити среда имеет достаточно четкую субкультурную модель восприятия и понимания, её сторонники и поклонники формируют сложные внутрисубкультурные течения. Иными словами, каждая граффити-активная часть современного общества на определенном этапе творческого развития становится частью того или иного социального объединения. Оно может собрать единомышленников со двора, школы, микрорайона. А может носить и более глобальный характер. Оригинальный пример тому FUNK FANATIX!

В 2004 году в Санкт-Петербурге появился новый "лейбл" FF, ставший союзом профессионалов с весьма плодотворным прошлым. Проект собрал лучшие музыкальные и творческие силы Петербурга. Прозвищной FUNK FANATIX на ранней стадии существования в уличном изобразительном искусстве занялся SUPER.

Свой первый уверенный творческий прорыв SUPER совершил в составе команды ZIGONE. Их атлас с FAT CAPS по праву причислен к "классике жанра". Шрифтовые стили ZT имели ярко выраженный проамериканский характер. Настенная живопись продвинутых сенсерамериканских гетто, о которой чаще всего упоминали информационные граффити-источники, была неформальным учебником для растущей молодежи того времени.

Позже, с появлением в 2001 году в Петербурге видеофильма DIRTY HANDS, образца 1998 года, SUPER стал приверженцем реального рисования. Новые потоки информации формировали новые идеи, мировоззрения, стилевые решения. В творческом амплуа появились оттенки западноевропейского стиля. В "июльский" период своей карьеры, SUPER превзошел абсолютное большинство коллег в "индустриальном зачете"! В одиночку он оставил немало хаптов городских и железнодорожным службам Санкт-Петербурга и Москвы.

Одним из ключевых моментов биографии SU стал тур Хельсинки - Стокгольм, отмеченный рисованием в шведской поездке. Надо отметить, что за всё своё пребывание за границей он рисовал в полном одиночестве, без поддержки местных коллег. Впрочем, удача не отвернулась от него в течение трёх акций, но в итоге пришлось провести некоторое время под охраной шведских блюстителей порядка.

Впрочем, деятельность Российских служб охраны социального спокойствия ему также известна не понаслышке - закономерное следствие повышенной художественной активности.

2005 год SUPER начал в основном составе команды 158. В прошлом - у него были весьма серьезные конфликты с NITRO и SOFER, пересдвинаны 158. Все трения возникали на почве жесткой конкуренции. Но теперь всё осталось в прошлом, и 2005 год станет особенным в деятельности команды. К тому же, SUPER планирует отработать новый стилевой подход. Ему грезятся яркие сочетания старославянской граффити и среднеевропейской акриловой латиницы.

Красочность работ для FUNK FANATIX будет по-прежнему радовать столичную молодежь. Особенно теперь, когда FF из проекта превратился в движение, а их ряды пополнили профи из Москвы (SNEK, NAMEK, POLY), Питера (DAVE, DANGLER), Барнаул (SNAK), появились новые перспективы, идеи и методы их воплощения.

www.funkfanatix.ru

страница 9

МАРИЯ УДОВЫДЧЕНКО
КУЛЬТУРА ГРАФФИТИ-
ЗИНОВ...

Илл. 4. Страница журнала «Пленэр» (2005. № 1). Коллекция Музея современного искусства «Гараж».

Еще одним петербургским граффити-изданием является зин «Lux Mag.zine» (издатель – граффити-райтер Aroe), вышедший с 2012-го по 2016 год. За это время были выпущены пять номеров: первые три – в электронном виде, четвертый и пятый – в печатном. Коллектив издателей описывает себя как «объединение людей, связанных общей идеей, интересами и взглядами на жизнь». Это читается в отборе и подаче материала: лайфстайл-фотографии, наполнении текстовых блоков, отсутствии подписей к фотографиям граффити – все это предполагает известность всех представленных художников для читателей. Электронный формат позволил сделать журнал довольно объемными – pdf-версии первого и второго номеров содержат более ста разворотов. Во всех выпусках представлены несколько основных разделов, посвященных теггину, серебряным и цветным шрифтам; фоторепортажи из

МАРИЯ УДОВИДЧЕНКО
КУЛЬТУРА ГРАФФИТИ-
ЗИНОВ...

граффити-туров по различным европейским городам; интервью и автобиографические тексты. Отдельно хочется выделить раздел «Old Stuff», где собраны обширные подборки фотографий граффити и теггинга первой половины 2000-х.

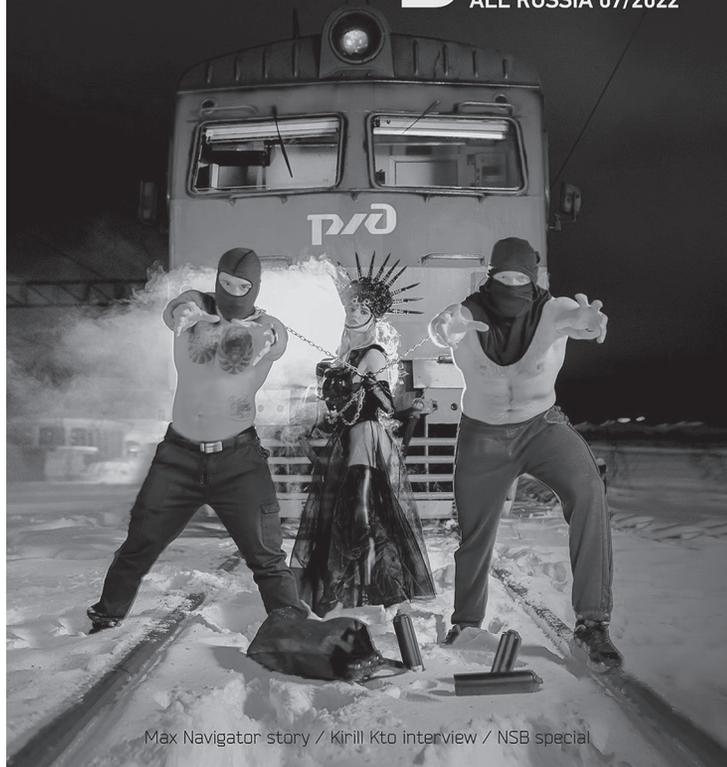
Илл. 5. Разворот журнала «Lux Mag.zine» (2014. № 4. Номер экземпляра 83 из 100). Коллекция Музея современного искусства «Гараж».

Следующим граффити-изданием, выходящим в Петербурге параллельно с «Lux Mag.zine», стал журнал «Petrograff», первый номер которого появился в 2011 году. Это самое крупное периодическое издание, посвященное граффити и уличному искусству в Петербурге. На сегодняшний день вышли семь номеров, самый свежий из которых был выпущен в январе 2022 года. Создатель журнала, граффити-райтер Станислав Срасе, начал рисовать в первой половине 2000-х и с тех пор является значимой фигурой в российском граффити-сообществе. Имея огромный опыт независимого уличного рисования, с 2010-х он сотрудничает с различными культурными проектами, направленными на продвижение и популяризацию субкультурного граффити и уличного искусства в целом.

Рассматривая контекст появления «Petrograff», надо отметить, что на тот момент в России выходили несколько периодических журналов о граффити и уличном искусстве, но полно-

Petrograff

ALL RUSSIA 07/2022

МАРИЯ УДОВЫДЧЕНКО
КУЛЬТУРА ГРАФФИТИ-
ЗИНОВ...

Илл. 6. Обложка
последнего выпуска
«Petrograff» (2022.
№ 7). (с) petrograff.ru.

ценного издания, посвященного в первую очередь граффити-сцене Петербурга, не было. Издатель «Petrograff», Станислав решил заполнить эту нишу и «самому взять *fame*»²⁶, создав издание, рассказывающее о локальной сцене и ее месте в российском и международном контексте. Поэтому первые два номера, вышедшие в 2011-м и 2012 годах, были посвящены исключительно Петербургу. Однако уже с третьего номера в «Petrograff» начали публиковаться материалы, присланные художниками из разных городов России, и сегодня это издание уверенно можно назвать межрегиональным.

В процессе подготовки первого выпуска Станислав изучал другие издания, чтобы создать универсальный журнал, включающий информацию как о классическом граффити, так и об уличном искусстве и паблик-арт проектах. С момента появле-

²⁶ Из неопубликованного интервью автора со Станиславом, 28 ноября 2021 года.

МАРИЯ УДОВИДЧЕНКО
КУЛЬТУРА ГРАФФИТИ-
ЗИНОВ...

ния первого номера журнал фактически не претерпел изменений: издателю удалось сохранить разработанный для первого номера рубрикатор, формат издания и объем публикуемого материала. Количество страниц «Petrograff» может незначительно варьироваться от выпуска к выпуску и составляет в среднем 140–150. Каждый номер выходит тиражом 2000 экземпляров. Все обложки существующих выпусков оформлены в едином, узнаваемом стиле: все поле занимает одна тематическая фотография, дополненная названием издания, выходными данными и списком имен героев номера. Заметно выделяется только первый номер «Petrograff», дизайн которого решен скорее в эстетике малотиражного зина, отсылкой к которой могут служить черно-белая обложка, руковорный шрифт, декоративные элементы на разворотах.

MAX NAVIGATOR STORY

Max Navigator (Riga) 1991

Мы продолжаем писать об истории возникновения и развития российской граффити-культуры — не в наших привычных стенах от протаций. В этом номере Max Navigator преподаст свой урок истории и расскажет о том, как все начиналось в Калининграде, самом западном городе России.

Ветеран граффити-движения зарылся энергией свободы и творчества в далеком 1985 году. С тех пор Max Navigator не может остановиться: даже в солидном возрасте он находит время и возможность воплотить свои идеи на стенах, участвовать в фестивалях. Благодаря хип-хоп культуре, советский подросток открыл для себя новые горизонты и изменил жизнь — читайте об этом в интервью.

В каком году ты впервые услышал о граффити? Как это произошло?

В школе в 85-м году мы с друзьями в Калининграде были увлечены брейк-дансом. И в первом фильме о брейк-дансе Beat Street одна из сюжетных линий была о граффитчике. Вообще танцы в том фильме были сношительными, мы посекундно разбирали их на элементы и копировали движения. Детали одежды тоже копировали и пробовали скрестить на смешных советских пригравелях, но на меня лично максимальное впечатление произвела сцена с ночным граффити в подвале. Это был мощный пример борьбы с серыми бетонными стенами, которые нас окружали прямо как там — в Бронксе.

We continue to write about the history of the appearance and development of Russian graffiti culture — it is not our way to deviate from traditions. In this issue Max Navigator gives a history lesson and tells how it all started in Kaliningrad, the most western Russian city.

A veteran of the graffiti movement was infected with the energy of freedom and creativity back in 1985. Since then, Max Navigator has not been able to stop: even in his age he finds the time and opportunity to realize his ideas on the walls or participate in festivals. Due to hip-hop culture the Soviet teenager discovered new horizons and changed his life — read about it in the interview.

What year did you hear about graffiti first? How did it happen?

In high school in 1985 me and my friends in Kaliningrad were into breakdancing. There was the first breakdance movie called Beat Street and one of the storylines was about a graffiti artist. In general, the dancing in that film was stunning, we took it apart by seconds and copied the movements. We were copying the clothes too and tried to scratch on the funny Soviet turntables but the scene with the night graffiti in subway made the biggest impression on me personally. It was a powerful example of fighting the gray concrete walls that surrounded us just like they did there in the Bronx.

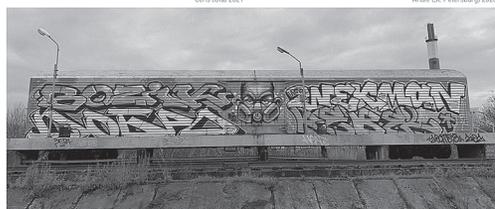
FREIGHT

Cens (Ufa) 2021

Andie (St. Petersburg) 2020

Book, Wolman, JDSFG, Rebel (St. Petersburg) 2019

Capus (St. Petersburg) 2021

Fjall (Ekaterinburg) 2020

Илл. 7. Разворот
последнего выпуска
«Petrograff» (2022.
№ 7). (c) petrograff.ru.

Каждый выпуск содержит эксклюзивные фотографии, статьи и интервью, архивные и исторические материалы о российской граффити-культуре и уличном искусстве. Блок с фотографиями включает разделы, посвященные различным формам граффити, включая теггинг, уличный бомбинг, репортажи с граффити-туров и трейн-бомбинг. Последний пользуется особой популярностью среди читателей — именно в него присылают больше всего материалов для публикаций. Каждый раздел носит оригинальное название — например, фотографии граффити-

ти на поездах и электричках публикуются под именем *Colored Steel* и *Silver Steel*, а подборка фотографий знаменитого граффити-монохрома – серебро и черный – обозначена как *Silver Walls*.

Текстовый блок содержит статьи и интервью с граффити-райтерами и уличными художниками. Особенно ценны развернутые интервью представителей «старой школы», художников первой и второй волны российского граффити, среди которых Вадим «Крыс» Мейкшан (Рига), райтер и музыкант *Fuze* (Санкт-Петербург), участники первой петербургской граффити-команды *SPP*, художница *Skaw* (Россия–Германия), калининградский художник Макс Навигатор и другие артисты, рассказывающие о зарождении и развитии граффити в России. Данные материалы дают интересную фактологию и позволяют проследить историю российского граффити, узнать, как формировалась и трансформировалась идеология граффити-райтеров, их технические навыки.

Со второго номера в журнале появился раздел, полностью посвященный уличному искусству, в котором в разных выпусках были опубликованы материалы о Стасе *Bags* (Санкт-Петербург), московском художнике *0331C*, команде «Осколки» (Санкт-Петербург), Кирилле Кто (Москва). Важной вехой в истории уличного искусства северной столицы становится 2013 год, когда в Санкт-Петербурге открывается Музей стрит-арта. При поддержке музея выходит третий номер «*Petrograff*», где отдельным блоком представлены тексты, посвященные истории развития российского уличного искусства, интервью с художником Пашей 183 и статья, сравнивающая современное уличное и советское монументальное искусство. В подготовке этого номера приняли участие искусствоведы и теоретики, что в дальнейшем стало традицией.

При этом «*Petrograff*» остается классическим граффити-журналом, где на первом месте по-прежнему материалы, связанные с нелегальной уличной активностью, а рубрикатор и верстка отсылают к классическим европейским изданиям с многолетней историей.

С первого номера большая часть текстовых материалов «*Petrograff*» публикуется на русском и английском языках, что делает доступной информацию о российском уличном искусстве и граффити за рубежом. Журнал распространяется не только на территории России и Украины, но также охватывает ряд европейских стран, среди которых Финляндия, Швеция, Эстония, Германия, Италия, где журнал продается в специализированных магазинах. Изначально планируя «*Petrograff*» как мультикультурное издание, для распространения Станислав выбрал не только специализированные, но и большие книж-

МАРИЯ УДОВЫДЧЕНКО
КУЛЬТУРА ГРАФФИТИ-
ЗИНОВ...

ные магазины – такие, как петербургские «Подписные издания» и магазин в Центральном выставочном зале «Манеж». Несколько номеров «Petrograff» можно найти в библиотеке и архиве Музея современного искусства «Гараж» в Москве и Петербурге²⁷. Журнал «Petrograff» упоминается в хронологии «Энциклопедии российского уличного искусства» наряду с другими событиями и явлениями, оказавшими влияние на развитие локальной сцены.

Параллельно с печатной версией журнала начиная с 2012 года Станислав развивает одноименный новостной сайт *petrograff.ru*, который сегодня является одним из крупнейших российских интернет-порталов, посвященных уличному искусству и граффити. Сегодня сайт «Petrograff» содержит два раздела, представляющих основной интерес для исследователей и художников: это «Блог» и «Издания» в разделе «Магазин». В «Блоге» свой рубрикатор, в котором есть разделы «Интервью», «Первые шаги», «Издания» и «Статьи». Рубрика «Первые шаги» посвящена тому, как начинали свой творческий путь известные сегодня российские художники. «Издания» – объемная подборка материалов по мировым граффити-изданиям, журналам и зинам. В разделе «Статьи» представлена подборка авторских текстов известных граффити-художников со всего мира, в которых они перечисляют своих любимых райтеров. Сайт обновляется с понедельника по пятницу, в среднем выходят три поста в день.

Сегодня печатные издания вынужденно конкурируют с интернет-ресурсами, позволяющими публиковать более объемные материалы. Однако, по наблюдениям автора статьи, для граффити-сообщества именно печатные издания и публикации в них представляют особую ценность. Это связано в первую очередь с тем, что подобные публикации исторически являются частью субкультуры. Поэтому, несмотря на экономические и политические события, печатные граффити-журналы продолжают выходить.

В то же время в России последние несколько лет в основном выходят зины. Этому способствует ряд факторов, среди которых основной – это финансирование. Сложная экономическая ситуация и отсутствие спонсорской поддержки возвращают художников к формату DIY-продукта, характерной чертой которого является малотиражность, небольшой объем, дешевая печать или ручное производство.

Второй важный момент, следующий из наблюдений автора статьи, говорит о смене поколений и ценностей в граффити-сообществе. Российские уличные художники, даже работающие нелегально, все чаще играют по правилам «большого ху-

27 В библиотеке и архиве Музея современного искусства «Гараж» в Москве и Петербурге хранятся три номера «Petrograff» (2012. № 2; 2013. № 3; 2016. № 5).

дожественного мира», выпуская оригинальные персональные каталоги-зины вместо публикаций в больших подборках традиционных граффити-журналов. Выпуском таких зингов сегодня профессионально занимается петербургское издательство «Invalid Books». Поколенческий фактор заключается в том, что новая генерация граффити-райтеров, выросшая в цифровую эпоху, не ощущает той ценности печатных журналов, которую последние представляли для их предшественников, являясь зачастую единственным источником информации о субкультуре, – и, как следствие, не заинтересована в их создании.

В России «Petrograff» на сегодняшний день остается единственным регулярно выходящим печатным изданием. Понимая и принимая сложность конкуренции печатного издания с онлайн-публиками, Станислав стремится сохранить возможность публикации печатной версии журнала как важного элемента субкультуры граффити. Для граффити-сообщества публикация в подобном издании является своего рода признанием, поскольку в печатную продукцию, выпускаемую часто за свой счет и ограниченным тиражом, попадают лучшие из лучших. Такой отбор позволяет выработать канон и стимулирует развитие сообщества, с одной стороны, увеличивая насмотренность начинающих райтеров, а с другой, – давая возможность заявить о себе, что является самой сутью субкультуры граффити, говорящей о себе «я существую»²⁸. Если проводить аналогию с искусством, публикация в граффити-журнале может быть приравнена к упоминанию в каталоге или академической статье. Также журналы служат дополнительным способом коммуникации и поддержания связей с локальным и зарубежным сообществом. Являясь физическим носителем, журнал может быть подарен или обменян на другое издание, что выгодно отличает его от эфемерной публикации в интернете. Эта витальная форма сохранения информации в печатном издании близка к коммуникативному духу самого граффити и одновременно компенсирует эфемерную природу уличного искусства, которое абсолютно незащищено в городской среде и может исчезнуть в любой момент. В этом случае публикация в журнале дает ощущение своеобразной архивации и прикосновения к вечности. Также для художников, существующих вне институционального контекста, создание журналов может рассматриваться как систематизация накопленного опыта и способ саморефлексии. В этом контексте хорошим примером являются тексты, рассказывающие о главных граффити-именах, истории возникновения и развития субкультуры, ее идеологии. Обращенные к участникам, они являются также попыткой комму-

28 *Граффити // Тезаурус. Краткий справочник по терминологии российского уличного искусства и граффити.* СПб.: Л-Принт, 2019. С. 10.

никации с неподготовленным зрителем и распространения влияния, что характерно для субкультуры, основная цель которой – экспансия в городское пространство.

Для исследователей знакомство с граффити-изданиями становится уникальной возможностью проникнуть внутрь этого закрытого сообщества, услышать голос уличных художников от первого лица и сформировать свой взгляд на эту субкультуру. Часто в текстах содержатся ответы на многие вопросы, занимающие не только исследователей, но и случайных прохожих: где граница между вандализмом и искусством, как уличное искусство и граффити соотносятся с городской рекламой, что мотивирует граффити-райтеров день за днем выходить на улицы, создавая шрифтовые рисунки, непонятные обывателю? Интервью с художниками, стоящими у истоков граффити-движения и независимого уличного искусства, позволяют понять контекст, влияющий на их творчество.

Витальная форма сохранения информации в печатном издании близка к коммуникативному духу самого граффити и одновременно компенсирует эфемерную природу уличного искусства, которое абсолютно беззащитно в городской среде и может исчезнуть в любой момент.

Возможно, научное сообщество не вполне серьезно воспринимает подобные издания, но автор данной статьи неоднократно использовала материалы из разных выпусков журнала «Petrograff» для своей научно-исследовательской работы. Информация, почерпнутая из интервью с граффити-художниками 1980–1990-х (2013. № 3; 2016. № 5), стали основой для доклада «Формирование и развитие культуры граффити в Петербурге 1990-х», подготовленного для научной конференции «Трансформация старого и поиски нового в культуре и искусстве 90-х годов XX века»²⁹ с последующей публикацией в одноименном сборнике. Также, материалы из журнала «Petrograff» были использованы при подготовке выпуска «Вы хотели пати? Натe!» подкаста «Искусство в городе: петербургские перформативные практики 1990-х»³⁰, представленного

29 Конференция прошла 28–29 января 2020 года в Музее искусства Санкт-Петербурга XX–XXI веков. См.: www.mispxx-xxi.ru/nauchnaya-konferentsiya-transformatsiya-starogo-i-poiski-novogo-v-kulture-i-iskusstve-90-h-godov-hh-veka/.

30 См.: <https://russianartarchive.net/ru/research/you-wanna-party-you-got-it>. Подкаст подготовлен на основании одноименного проекта «Искусство в городе: петербургские перформативные практики 1990-х» Анастасии Котылевой и Марии Удовыдченко.

на стенде Музея современного искусства «Гараж» на ярмарке «Cosmoscow» в 2021 году. Интервью с первым советским граффити-художником из Риги Вадимом «Крысом» Мейкшаном (2016. № 5) и уличным художником Кириллом Лебедевым (Кирилл Кто) (2022. № 7) стали важной составляющей списка библиографии для биографий этих художников, подготовленных автором статьи для публикации на портале Большой российской энциклопедии.

Материалы «Petrograff» и других неиндексированных граффити-журналов, среди которых «SPRAY IT» и «Пленэр», неоднократно использовались не только в академических исследованиях, но и для подготовки лекций, в архивной работе, проводимой автором в архиве Музея современного искусства «Гараж». Тексты и изображения, приведенные на страницах этих изданий, помогали в атрибуции фотоматериалов и уточнению персональных данных о художниках.

Такой персональный опыт говорит о том, насколько ценным источником информации могут быть подобные издания. Рассказать о них и обозначить их потенциал для исследовательской работы – одна из целей этой статьи. Еще несколько лет назад подобные издания было сложно найти в открытом доступе. Распространяясь внутри граффити-сообщества, эти журналы, как правило, выходят небольшими тиражами и со временем превращаются в артефакты, хранящиеся в частных коллекциях. Для того, чтобы сделать их видимыми и доступными для исследователей, было проделано немало работы. Сюда относятся просветительские проекты – такие, как Форум личного искусства, проводимый Институтом исследования стрит-арта в Москве и Петербурге с 2019 года. На первом форуме в Москве³¹ посетителям была представлена «Граффити-библиотека», подготовленная совместно с издательством «Invalid Books», где можно было ознакомиться с редкими субкультурными изданиями из частных коллекций. Также сегодня подобные издания можно найти в Библиотеке Фонда «RuArts» (Москва), архиве и библиотеке Музея современного искусства «Гараж» в Москве и Санкт-Петербурге, открытой библиотеке Института исследования стрит-арта, которая заработает в Петербурге в ближайшем будущем. Уже сейчас в фондах этих библиотек можно найти журналы «SPRAY IT», «Пленэр», «Petrograff», «Code Red», «Objects» и «Iron Curtain», малотиражные издания от «Invalid Books» и ряд других граффити-зинов (и самиздата) уличных художников.

31 Проходил 2–7 апреля 2019 года в образовательном центре Московского музея современного искусства: https://mmoma.ru/events/programma_foruma_ulichnogo_iskusstva/?p=1.

Жилищно-коммунальное искусство¹

ФОРМА И СУТЬ УЛИЧНОГО ИСКУССТВА

Антон Маке Польский (р. 1982) – художник, искусствовед, сооснователь сайта и движения «Партизанинг», преподаватель истории современного искусства, архитектуры, уличного искусства в Российском государственном гуманитарном университете.

Под уличным искусством принято понимать практики, генеалогически и стилистически связанные с развитием американского граффити, в том числе – трафаретные изображения, постеры, нанесенные на стены рисунки, реже скульптуры, несанкционированно размещенные на улицах города. Подобный взгляд, присущий большинству публикаций по данной тематике, предполагает редукцию стрит-арта исключительно к формально-эстетическим характеристикам. Если же посмотреть на этот феномен иначе, обращая внимание не только на его эстетическое измерение, но и на присущий ему этос, то границы уличного искусства – как стилистические, так и хронологические – значительно расширятся.

В целом уличное искусство можно описать через посредство таких определений, как маргинальное, независимое, низовое, общедоступное, антиэлитарное, народное. С самого начала стрит-арт был языком маргинальных слоев общества, пытавшихся при помощи своего наивного творчества обустроить (адаптировать под себя) окружающую городскую среду. Именно таким было граффити до того, как вчерашние подростки повзрослели – и, повзрослев, либо сделали из этого профессию (немногие), либо навсегда забросили подростковые увлечения (большинство). Таким оно было, пока стилизованные под граффити и стрит-арт работы не стали выставляться в галереях современного искусства и использоваться в рекламных кампаниях международных брендов, а городские власти, почувствовав потенциал, еще не перестали преследовать уличных художников и не начали нанимать их для росписи фасадов на политически безопасные темы.

В своем обзоре Московского биеннале стрит-арта (2016) критик Валентин Дьяконов пишет, что уличные художники сегодня оказались в значительно более привилегированном положении, чем те, кто закрашивает их работы, имея в виду двор-

1 Статья основана на результатах исследовательского семинара, идущего в рамках курса автора по уличному искусству и прикладной урбанистике для студентов РГГУ. Участники исследовательского семинара – студенты РГГУ Дарья Букина, Джамия Магомедова, Максим Ильин, Виктория Антошкина, Екатерина Лысенко, Ксения Шульгина.

ников и работников жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ). Действительно, кажется, что именно баффинг (закрашивание граффити) по духу куда ближе настоящему стрит-арту, чем представленные в Манеже инсталляции². В любом случае стоит признать: уличное искусство стремительно коммерциализируется и инструментализируется городскими властями в качестве способа украшения и обустройства городских территорий.

Сегодня можно с уверенностью констатировать, что стрит-арт перестает быть андерграундным течением. Он становится частью мейнстрима, стилем оформления модной одежды и аксессуаров, способом привлечения туристов и инструментом благоустройства неблагополучных районов. На этом можно было бы поставить точку, занявшись музеефикацией умершего явления³. Однако, как уже отмечалось выше, стрит-арт нельзя редуцировать исключительно к форме. Напротив, мы предлагаем рассматривать уличное искусство как антиформу, антиэстетику, как (народную, контркультурную, подростковую) *этику улиц*.

В общем, если взглянуть шире, как я это делаю в рамках общего курса по истории уличного искусства для студентов РГГУ, то мы найдем примеры уличного искусства и в Помпеях, где на стенах домов, выходящих на улицы, обнаружены рисунки и надписи горожан, использовавших их в качестве способа неформальной коммуникации. Средневековый площадной театр, движение хобо, баффинг и многое другое можно рассматривать как проявления уличного искусства, имеющие разную стилистику и форму, однако обладающие схожими социальными задачами и качествами. Наконец, сюда можно причислить различные авангардные практики радикальных художников, столетие назад призывавших выйти на улицы, чтобы подорвать авторитет элитарного (буржуазного, коммерческого, пропагандистского) искусства во имя более демократичного, народного творчества.

В массовом сознании (благодаря в том числе СМИ) под стрит-артом понимаются в лучшем случае красивые, но часто лишённые глубокого смысла официально нанесённые на различные городские поверхности фрески (муралы); а в худшем – пропагандистская роспись на тему «Крым наш» или реклама брендов в стиле граффити. Стоит ли нам покинуть эту территорию и отбросить дискредитированный термин? Или же имеет смысл постараться сконцентрироваться не на форме, а на

2 Дьяконов В. *Банда урбанистов. Вторая Биеннале уличного искусства «Артмосфера» в Манеже* // Коммерсантъ. 2016. 5 сентября (www.kommersant.ru/doc/3081268).

3 Сразу хочу оговориться, что смерть стрит-арта не столь тотальна, как может показаться: многие уличные художники до сих пор создают интересные, острые и живые работы в городе. Однако мы придерживаемся мнения, что это скорее исключения из общей печальной тенденции.

социальной сути явления и найти в современных (российских) городах примеры живого и настоящего уличного искусства?

В рамках нашего семинара, имевшего целью обнаружить примеры такого рода искусства, мы обратили внимание на так называемый феномен ЖЭК-арта (от «жилищно-эксплуатационная контора») – творческого обустройства городского пространства (простыми) жителями тех или иных районов и/или работниками ЖКХ. Сюда можно включить как самовольное «переблагоустройство» горожанами районной территории, так и наивное творчество работников ЖЭКов. В рамках нашего исследования мы задались вопросами: что это вообще за явление и стоит ли его рассматривать как искусство (в том числе уличное)? Каковы причины его возникновения и популярности? Какие типы ЖЭК-арта можно выделить? Чем мотивированы «художники» и как к этому относятся горожане? Является ли ЖЭК-арт исключительно постсоветским явлением или нечто подобное существует и в других частях света? Ну и, наконец, включая ЖЭК-арт в поле интересов искусствоведов, не начинаем ли мы процесс институционализации этого явления, за которым последуют выставки ЖЭК-артистов в Манеже, биеннале ЖЭК-арта, музей жилищно-коммунального творчества и так далее?

Сегодня можно констатировать, что стрит-арт становится частью мейнстрима, стилем оформления модной одежды и аксессуаров, способом привлечения туристов и инструментом благоустройства неблагополучных районов. На этом можно было бы поставить точку, занявшись музеефикацией умершего явления.

Наше исследование не претендует на полный охват и объективность. Оно является лишь попыткой по-новому взглянуть на сам феномен жилищно-коммунального «художества» и благодаря этому получить новую точку обзора уличного искусства вообще.

Типология ЖЭК-АРТА

Согласно многочисленным источникам в сети, возникновение термина связано с одноименным пабликом «ВКонтакте», открывшимся в 2014 году. Участники паблика долгое время коллекционировали найденные на улицах и в сети объекты народного благоустройства, после чего стали публиковать все

это онлайн. Участники сообщества считают, что правильнее было бы назвать это явление ТСЖ-артом (от «товарищество собственников жилья»), но термин ЖЭК-арт (или ЖКХ-арт) оказался более благозвучным, он и закрепился.

В рамках семинара мы изучили различные источники в сети, паблик-первоисточник «ВКонтакте», а также посетили ряд благоустроенных самими жителями дворов в московских районах Южное Бутово, Чертаново и в городе Железнодорожный. Мы взяли короткие интервью у прохожих, постаравшись узнать их отношение к этому явлению, и пообщались с самими ЖЭК-артистами.

Первой нашей задачей было дать классификацию этого явления. И наиболее общий вариант деления связан с авторством, а именно – ЖЭК-арт, сделанный 1) жителями; 2) работниками ЖЭКов и 3) смешанного авторства.

Наиболее яркий пример народного благоустройства был найден нами в Южном Бутово, где местные энтузиасты оформили не только двор своей новостройки, но и начали обустраивать соседние дворы. Местная администрация поддержала инициативу, а также – уже своими силами – начала работу по созданию «лучшего двора города». При том, что качество материальной инфраструктуры у второго типа благоустройства несколько выше, степень наивности представлений о «красоте» у обоих типов ЖЭК-арта в среднем примерно одного уровня. Народное обустройство, выполненное энтузиастами, имеет «домашний» характер и в целом похоже на попытку украсить свои «шесть соток» на придомовой территории. ЖЭК-обустройство дворников и районных администраций чаще тяготеет к историческим сюжетам, событиям и фигурам, связанным с патриотическим нарративом.

Что касается типологизации объектов, то студенты (участники семинара) выделили восемь наиболее часто встречающихся мотивов:

1. «Предтечи-клумбы» – преимущественно из шин, реже из бутылок, упаковок от йогурта или иного материала (вторсырья).

2. «Шинное искусство» – преимущественно лебеди, реже другие представители флоры и фауны.

3. «Мягкое царство» – мягкие игрушки, одиночные или садово-парковые инсталляции, состоящие из десятков старых игрушек.

4. «Зверьки» – реальные и вымышленные.

5. «Номо Insipiens» – человек неразумный во всем своем величии.

6. «Храм души» – религиозные объекты, тотемы.

7. «Городские групповые ансамбли» (например, дворы Южного Бутово).

АНТОН МАКЕ ПОЛЬСКИЙ
ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЕ
ИСКУССТВО

8. «ЖЭК-арт как современное искусство» (например, работа «Недетская площадка» в Музее стрит-арта 2017 года группы «Новые уличные»).

Нужно сказать, что подобные объекты универсальны и встречаются в разных районах и городах. Причиной тому может быть ограниченность в выборе материала (в конце концов, чаще всего это утилизация старых покрышек, упаковки, бутылок), а также определенные популярные тренды, тиражируемые в журналах по рукоделию, садоводству и самодельничеству. Наконец, это и вид своего рода соперничества: увидел в соседнем районе лебедей, почему бы самому/самой не сделать таких же, только еще красивее?

Илл. 1. Снегурочка.
Санкт-Петербург.
Фотография автора.

На основе анализа найденных нами объектов мы составили шкалу популярных в использовании материалов по восходящей: 1) манекены; 2) деревянные скульптуры; 3) мягкие игрушки; 4) росписи стен; 5) «мухоморы»; 6) пластиковые бутылки; 7) лебеди из шин; 8) шины.

Другой важной задачей семинара стал анализ генезиса этого явления, а также выяснение мотивации авторов. Изучив соответствующие материалы в сети и поговорив с жителями и ЖЭК-художниками, мы выявили ряд факторов, способствовавших рождению жилищно-коммунального искусства. Первый связан с урбанизацией и переселением в города жителей из деревень и поселков. Каменные джунгли больших городов не слишком комфортны, поэтому люди летом стремятся на дачи, а в городе пытаются – как могут – добавить немного уюта. Тут важно и отношение к придомовой территории, которая рассматривается людьми как часть их «вотчины», на которой если уж нельзя посадить картошку (хотя такое и не было редкостью в годы острого дефицита), то можно хотя бы разбить клумбу.

Второй фактор – это позднесоветский еще дефицит потребительских товаров, вынуждавший людей к их бриколажному домашнему производству из подручных материалов в прямом соответствии с поговоркой «Голь на выдумки хитра». Наиболее ярким примером художественного переосмысления такого рода самодельных предметов (которые, правда, в большей степени касались личного быта) является коллекция Владимира Архипова, объекты из которой периодически можно увидеть на выставках современного искусства, например, на проходившей относительно недавно триеннале в Гараже. Среди объектов: кровать-ванна, лопата, сделанная из знака «Дорожные работы» (с изображением лопаты), самодельный фартук из пакетов молока, шестиногий стул, летняя душевая кабина из дверей «Икаруса» и многое другое. Большинство этих объектов снабжены комментариями создателей, наглядно демонстрирующими, насколько велик креатив в ситуации тотальной нехватки базовых бытовых вещей.

Третий фактор – это бездействие властей, толкающее жителей на самовольное благоустройство. В самом деле, власти часто неспособны поддерживать городскую среду и дворы в надлежащем состоянии. Сегодня ситуация (по крайней мере в Москве) меняется, власти усиленно занимаются благоустройством, но стандартизация, например, детских площадок вынуждает людей составлять этим официальным площадкам конкуренцию с целью внести какое-то разнообразие и добавить больше человечности в окружающий ландшафт.

Два ярких примера такого самовольного благоустройства – это самодельная площадка Андрея Сальникова и озеленение

крыш Аллы Сокол. Первый пример из Москвы – улица Партизанская, где местный энтузиаст своими силами создал невероятный комплекс из дерева, «партизанского грузовика», корабля и других объектов, получивших большую популярность у всех детей из близлежащих районов. Городские власти в течение нескольких лет пытались снести эту якобы небезопасную площадку, представляющую угрозу монополии городской администрации на благоустройство. Второй пример из Санкт-Петербурга, где местная энтузиастка еще в 1990-е начала проект по озеленению крыши пятиэтажного дома. Ее стараниями было реализовано множество экологических проектов, в том числе благоустройство и озеленение территорий.

Илл. 2. Старик и старуха. Платформа «Троицкая», Подмосковье. Фотография автора.

Наконец, последним фактором является необходимость в творческом самовыражении. При этом самовыражаются здесь не только обычные горожане, но и работники ЖЭКов – в Москве чаще всего это мигранты из среднеазиатских республик. Приехав и получив в руки кисти, краски (чтобы замазывать граф-

фити и прочие надписи на стенах) и другие материалы для благоустройства территорий, они пытаются подойти к этому чуть более креативно, чем того требуют их служебные обязанности, добавляя свое видение красоты, уюта и комфорта. В качестве примера такого творчества работников ЖЭКов можно привести заборы из прутьев, огибающих растущие деревья; покраску всяческой городской инфраструктуры; объекты, созданные под впечатлением от уже имеющегося народного дворового творчества (те же лебеди, но уже сделанные дворниками), или наиболее близкое (и в прямом, и в метафорическом смысле) к стрит-арту явление – баффинг, закраска стрит-арта и граффити.

Баффингом вдохновлялись многие участники стрит-арт движения, особенно в Москве, где граффити уничтожается с особым рвением. Именно здесь были найдены наиболее креативные объекты (фотосерия Игоря Поносова), а также созданы работы, имитирующие баффинг – на улице (Кирилл Кто) и в галерейном пространстве (Миша Мост). Сюда же можно причислить некоторые работы киевского художника Саши Курмаза и серию работ Александры Галкиной «Закрась меня». Эстетизацией баффинга занимались художники и в других странах: например, одной из первых и наиболее успешных попыток такого рода стал короткометражный фильм американского художника Мэтта МакКормика «The Subconscious Art of Graffiti Removal» (2001).

Как мы уже отмечали выше, художники (особенно уличные) давно заметили ЖЭК-арт и находятся в диалоге с этим явлением. Ряд художников не скрывают, что черпают вдохновение из этого источника. Первый пример – работы художника Брэда Дауни, в последние годы много проводившего времени в России (и часто работающего в дуэте с Игорем Поносовым). Сам он называет свои работы спонтанными скульптурами – это объекты и инсталляции, сделанные на улице из попавшихся под руку предметов. В ход идут уже знакомые пустые бутылки или, например, плитка, упоминание которой вызывает у москвичей нервный тик.

Но еще более яркий пример – работы французского художника *The Wa* (товарища Брэда Дауни, так же, как и сам Дауни, живущего в Берлине). Речь идет о проекте под названием «Смекалка», который художник реализовывал в течение нескольких лет на постсоветском пространстве. *The Wa*, вдохновленный найденными в сети примерами смекалистости российских обывателей и работников ЖЭКов, делал своеобразные реплики или копии подобных работ: водостока из бутылок, качелей из пластикового стула на веревках, симбиоза капающего кондиционера и клумбы по соседству, требующей полива, и, конечно

же, лебеда из покрышки, которого художник, наконец-то, выпустил на волю – поплавать в фонтане.

Что касается самих ЖЭК-артистов, то в рамках семинара мы смогли разыскать одного такого энтузиаста, обустроившего прилегающую территорию при помощи подручных материалов – шин и картин малоизвестных художников. Не удивительно, что сам автор не воспринимает результаты своей деятельности как искусства. Не знаком ему и термин ЖЭК-арт – творчество тут во многом является спонтанным и нерефлексивным. Для авторов ЖЭК-арта их активность по обустройству территорий – это не искусство, а просто естественный результат жизни в городе.

СТРИТ-АРТ-БРЮТ

Одна из основных проблем, обсуждавшаяся на нашем исследовательском семинаре, – это сущностное определение ЖЭК-арта. Что это: современное народное уличное искусство или скорее форма низкой политики, связанная с идеями «права на город»? Можно отметить, что подобная постановка вопроса актуальна и для стрит-арта, который так же балансирует между искусством и неискусством, являясь не столько эстетическим, сколько социокультурным явлением, по крайней мере в своих истоках.

Наиболее интересный способ вписать ЖЭК-арт в нарратив современного искусства – это попробовать рассмотреть его как форму аутсайдерского искусства или как стрит-арт-брют. Термин «искусство аутсайдеров» был введен в англоязычный искусствоведческий дискурс арт-критиком Роджером Кардиналом в 1972 году в качестве расширенного эквивалента французского понятия «ар-брют», автором которого является художник-примитивист Жан Дюбюффе.

В своем тексте-манифесте 1949 года Дюбюффе противопоставляет конвенциональное искусство интересующим его различным формам нерегулярного творчества (в первую очередь творчества умалишенных). Он обрушивается с критикой на «одобренное искусство музеев, галерей и салонов – назовем его культурным искусством». Утверждая, что с позиций сторонников непрофессионального искусства «этот тип утвержденного искусства не будет казаться представителем искусства в целом, скорее просто деятельность конкретной клики: когорты интеллектуалов-карьеристов»⁴. Будучи сторонником наивного, непрофессионального, примитивного искусства, Дю-

4 DUBUFFET J. *L'Art brut préféré aux arts culturels* (<https://theoria.art-zoo.com/fr/l-art-brut-prefere-aux-arts-culturels-extraits-jean-dubuffet/>).

бюффе разоблачает монополию интеллектуалов на создание искусства и отмечает:

АНТОН МАКЕ ПОЛЬСКИЙ
ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЕ
ИСКУССТВО

«Истинное искусство никогда не бывает там, где его ожидают обнаружить: оно в том месте, где его никто не распознает, не назовет его. Искусство ненавидит быть признанным и называться своим именем; оно немедленно ускользает. Искусство – это человек, влюбленный в анонимность. Как только он разоблачается, как только кто-то указывает на него пальцем, он убегает»⁵.

Это противопоставление чистого и в чем-то наивного творчества системе высокоинтеллектуального элитарного буржуазного искусства объединяет многие радикальные направления антиискусства, начиная с авангардных практик дада и супрематизма и заканчивая тем же уличным искусством, балансирующим между творчеством и вандализмом. Другой важный момент, на который указывает в своем тексте Дюбюффе, связан с включением неискусства (антиискусства) в сферу актуального современного искусства. Этот диагностически важный парадокс наглядно демонстрирует, что, как только конкретные граффити, рисунки ребенка или душевнобольного начинают представлять интерес для арт-критиков и выставляться в музее, они с институциональных позиций становятся искусством, но, следуя логике самого Дюбюффе, перестают быть искусством истинным.

Примерно то же самое происходило в последние годы с уличным искусством. В момент своего становления оно рассматривалось самими участниками движения как независимая альтернатива бюрократизированному элитарному современному искусству. Но, как только стрит-артом заинтересовались рынок, институции, городские власти, это художественное движение подверглось внутреннему разложению и в итоге превратилось в еще одну разновидность производства эстетического товара. Можно сказать, что народное «еще-не-искусство» становится искусством в тот момент, когда осознает себя таковым (ЖЭК-артист узнает, что он художник), – но в этот же самый момент оно стремительно *перестает* быть искусством, превращаясь в объект купли-продажи.

Интересна также фигура Другого (аутсайдера, душевнобольного, дворника-мигранта, подростка с баллоном краски), которого использует арт-критик или современный художник, чтобы, с одной стороны, подорвать авторитет и легитимность институтов современного искусства, а с другой, – для легитимации собственных артистических амбиций в будущем. Искусство душевнобольных для Дюбюффе, как и творчество каких-нибудь африканских умельцев для многих западных художников, как

5 Ibid.

и ЖЭК-арт для стрит-артистов, интересно не само по себе, но как некоторая, еще более маргинальная группа, еще более другой Другой (всегда остающийся Другим, насколько близко мы к нему не приближались бы), на которого можно опереться в борьбе за собственное место под солнцем.

И здесь мы приходим к ряду этических сложностей, связанных с эксплуатацией образа Другого через противопоставление аутсайдерского искусства институциональному – как стратегии вписывания первого во второе. Следуя выявленной нами парадоксальной логике, самым правильным и последовательным будет иметь в виду, что искусство аутсайдеров является настоящим искусством, но при этом не говорить этого вслух.

Народное «еще-не-искусство» становится искусством в тот момент, когда осознает себя таковым, – но в этот же самый момент оно стремительно *перестает* быть искусством, превращаясь в объект купли-продажи.

Благо, пока ЖЭК-артисты редко называют себя художниками, а результаты своей деятельности – искусством. Но даже тогда, когда мы имеем дело с авторским рефлексивным отчетом в том, что украшение двора лебедем из шины является художественным высказыванием, это высказывание содержит некий нередуцируемый неэстетический избыток. Это не просто «недоискусство», валоризованное интеллектуалами, иронически эстетизировавшими само это «недо-». В нем всегда существует политическое измерение – будь то вполне артикулированная борьба за права определенного сообщества или не всегда отрефлексированная активность по творческому переосмыслению городского пространства. Здесь мы сталкиваемся с голосом, бросающим вызов монополии элит на принятие решений в городе.

ЖЭК-арт может быть рассмотрен как определенная форма тактического урбанизма (или партизанинга), то есть в качестве практики изменения городской среды не сверху (через городское планирование), но снизу – через локальные проекты перепланировки, инициированной самими горожанами. Сам термин «тактический урбанизм» отсылает к идеям Мишеля де Серто, который в своей книге «Изобретение повседневности» (1980) противопоставил стратегиям городского управления повседневные тактики горожан, связанные со специфическими способами чтения городского пространства и пользования им⁶.

6 См.: СЕРТО М. ДЕ. *Изобретение повседневности. Искусство делать*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Книга де Серто создана под влиянием идей Мишеля Фуко, который в свою очередь описал принципы властных отношений, основанных не на силе физического принуждения, но на языке, дискурсе. А язык и дискурс имеют и свое материально-пространственное измерение, они буквально воплощаются в городской среде. Следуя идеям Фуко, мы можем посмотреть на городское благоустройство (создание парков, уход за дворами и прочей инфраструктурой) как на проект по дисциплинированию горожан: все должно быть подчинено контролю, воле городских планировщиков, работающих в интересах доминирующего класса. Де Серто, соглашаясь с Фуко в том, как именно функционируют новые способы контроля (не через внешний надзор, но скорее через интериоризированную самодисциплину), подчеркивает важность спонтанного сопротивления этому контролю. Да, люди следуют определенным предписаниям, но делают они это по-разному, вкладывая собственный смысл в навязываемый им «текст» города. И именно эти повседневные, часто неосознанные практики по переинтерпретации городского ландшафта вызывают наибольший интерес.

С одной стороны, в ситуации в ЖК-артом мы имеем стратегии государства, играющие на разобщенности горожан, живущих в многоквартирных домах. Городские власти создают для них всю необходимую инфраструктуру, тем самым лишая жителей возможности самим организованно заняться обустройством района. А ведь совместное обсуждение проблем своего дома (двора, района) и последующее принятие самостоятельных коллективных решений – это лучший путь к формированию солидарных связей. То, что администрация обеспечивает наличие определенных благ (общественного транспорта, детских площадок и так далее), наделяет легитимностью ее право на единоличное принятие решений. Роль горожанина в такой схеме сводится исключительно к потреблению (парковых зон, площадок, скверов, общественного транспорта). Он лишается возможности на легальном уровне видоизменять эти пространства – решать, какая именно здесь нужна площадка (спортивная или игровая, деревянная или пластиковая, и нужна ли она тут вообще, или скорее здесь стоит построить беседку и оборудовать место для барбекю?).

С другой стороны, отсутствие легальных рычагов для самоуправления вовсе не ведет к тотальному контролю сверху. Здесь де Серто справедливо не соглашается с размышлениями Фуко, существенно уточняя положения последнего. Наоборот, это скорее способствует появлению множества самых различных практик свободы, не укладывающихся в нормативные формы поведения, но напрямую и не противопоставляющих себя им.

Это и шашлыки в парках, жарящиеся в мангалах (поскольку в парках запрещено разводить костры), и бегающие по вагонам от контролеров пассажиры, и интересующие нас формы самодельного дворового обустройства, и многое, многое другое.

Власти с опасением относятся к таким тактикам, рассматривая их как подрыв собственной монополии. Принятый в 2021 году закон, запрещающий использование покрышек в благоустройстве, многими был воспринят как конец истории ЖЭК-арта. Однако о финале говорить рано – ведь у горожан всегда есть возможность выбрать другие, более экологичные материалы для своего самодельного урбанизма.

Отсутствие легальных рычагов для самоуправления вовсе не ведет к тотальному контролю сверху. Это скорее способствует появлению множества самых различных практик свободы, не укладывающихся в нормативные формы поведения, но напрямую и не противопоставляющих себя им.

Выводы

Основываясь на результатах нашего исследования, мы пришли к выводу, что ЖЭК-арт тесно связан с советской традицией «сделай сам» (вызванной дефицитом) и некоторыми деревенскими рудиментарными практиками, реактуализировавшимися в ситуации городской атомизации в качестве компенсации отсутствия уюта и солидарности. Кроме того, ЖЭК-арт становится в ряде случаев ответом на недостаток официального благоустройства, в других – на стандартизацию благоустройства и нехватку участия горожан в легальных схемах по принятию решений на районном и городском уровне.

Мы выявили определенные тренды в ЖЭК-арте – несмотря на локальные различия, у этого явления много общих черт, что говорит и о схожих источниках вдохновения. Хотя многие отмечают, что ЖЭК-арт – типично (пост)советский феномен, некоторые близкие к нему практики могут быть найдены в самых разных уголках планеты, где люди обустривают свои районы из подручных материалов, используя различное вторсырье. Речь идет и о тех случаях, когда мы имеем дело не с ситуацией вынужденного дефицита (как в советские времена), а с сознательной экологической позицией (используй меньше, переиспользуй, перерабатывай).

ЖЭК-арт может быть рассмотрен как форма аутсайдерского искусства или стрит-арт-брют. Однако введение его в поле (современного) искусства (включая и уличную его разновидность) ставит ЖЭК-арт под удар, открывая дорогу дальнейшей институционализации и коммерциализации этого феномена. К сожалению, эти процессы отчасти уже происходят: городские власти копируют образцы народного обустройства, проводят различные конкурсы, выделяют бюджеты энтузиастам, готовым к сотрудничеству. Художники (особенно уличные) так же, как и районные чиновники, вдохновляются подобным наивным творчеством и начинают использовать в своей артистической деятельности различные элементы народной дворовой культуры (солидаризируясь с народом и подчеркивая тем самым свое маргинальное происхождение). Наконец, сама эта статья является противоречивым шагом: настаивая на маргинальном и антиэлитарном характере ЖЭК-арта, она способствует его институционализации. В связи с этим, в качестве шутки, мы настоятельно рекомендуем сжечь эти страницы после прочтения и сделать все возможное, чтобы на ЖЭК-арт обращали как можно меньше внимания со стороны арт-институций, а ЖЭК-артисты не узнали, что они тоже художники.

АНТОН МАКЕ ПОЛЬСКИЙ
ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЕ
ИСКУССТВО

НАТАЛЬЯ
КАШ

Практики солидарной экономики в уличном искусстве: пример пространства «10.203»

Наталья Александровна Каш (р. 1976) – искусствовед, историк дизайна, старший преподаватель кафедры истории и теории искусства Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна.

Важнейшим событием 2021 года для культурной жизни Петербурга – не только андерграундных творческих сообществ, но и всей художественной сцены города в целом – стало открытие пространства «10.203». Это творческое пространство заработало усилиями команды из пятерых уличных художников: Никиты *Dusto*, Максима *Ima*, Турбена *Turbo*, Сергея *Xeato* и Сергея *Kk*. У пространства преимущественная ориентация на граффити и стрит-арт, своя особая атмосфера и свое комьюнити, связанные с уличной субкультурой. Это первая в Петербурге площадка такого рода и направления. Очень важно, что «10.203» сразу заявила себя как новое независимое и неформальное художественное сообщество со своей особой стратегией взаимодействия с арт-рынком и особым способом существования в художественном поле. Творческое пространство «10.203» работает и как мастерская для резидентов, и как выставочная площадка.

Художники-резиденты готовят выставочные проекты – групповые и персональные – как на своей территории, так и в других городах. Так, например, в сентябре 2021 года в Петербурге прошла большая выставка петербургских уличных художников «Блеск и нищета», на открытие которой пришли больше семисот человек. В ноябре того же года одноименная выставка открылась в Москве с участием и петербургских, и московских уличных художников. Концепция выставки сохранилась, но изменились состав участников и экспозиция, адаптированная под московскую выставочную площадку.

Команда художников, работающих в «10.203», нашла собственный путь между радикальной независимостью (равно полному андерграунду) и коммерческим успехом. Как это оказалось возможным? Как можно вести экономическую деятельность, не подстраиваясь под требования рынка и не теряя свободу творчества, включающую свободу – а это особенно важно для уличного искусства – социального высказывания? Что должно меняться: институции, стратегии работы на рынке, управление творческим сообществом или экономика в целом?

НАТАЛЬЯ КАШ

ПРАКТИКИ СОЛИДАРНОЙ
ЭКОНОМИКИ В УЛИЧНОМ
ИСКУССТВЕ...

Илл. 1. Максим Има
на фоне коллективной
работы. Открытие вы-
ставки «Блеск и нище-
та» в Санкт-Петербурге.
25 сентября 2021. Фото-
графия автора.

В самой предметной природе изобразительного искусства заложено противоречие, которого – именно в такой форме – нет ни в литературе, ни в театре, ни в музыке. Произведение изобразительного искусства – во всяком случае в своих более-менее традиционных формах – это предмет собственности. И в качестве такого предмета оно имеет свою – как правило, немалую – цену. Оно как таковое *принадлежит* тем, кто в состоянии за него заплатить. И в этом (не столько культурно-социологическом, сколько экономическом) смысле оно элитарно. И одновременно, как того требует современная демократическая идеология, искусство – это достояние народа, доступное для всех в музеях, галереях, на улице или в сети. Джон Бёрджер писал в 1967 году:

«Картина или скульптура есть важная форма собственности – в том смысле, в каком это нельзя отнести к рассказу, песне, стихотворе-

рению. Ее ценность как предмета собственности придает ей ауру, являющуюся последним, опошленным выражением качества, некогда присущего предметам искусства во времена, когда их использовали в магических целях. Нашу последнюю, разодранную в лохмотья религию мы собираем по клочкам именно вокруг собственности, а в роли ее ритуальных объектов выступают произведения изобразительного искусства»¹.

Акционизм – уличное искусство и, шире, протестное искусство в целом – становится последним оплотом того «магического», о котором говорит Бёрджер. Все вышеперечисленные артистические направления можно рассматривать как формы сопротивления коммодификации, как попытки выйти за рамки территории, где произведение искусство желанно и ценно только в качестве объекта собственности. В протестном искусстве, понятом как социальное высказывание (то есть не только и не столько в качестве формально-эстетического выражения), всегда есть нередуцируемый избыток «сиюминутной жизни». Но арт-рынок и маркетинговые стратегии сегодня используют саму эту «жизнь» как уникальное торговое предложение (здесь можно вспомнить Бэнкси и его акцию на аукционе как попытку сопротивляться этим стратегиям²).

Современный художник – заложник этого противоречия. С одной стороны, он пытается создавать такие произведения, которые не могут быть апропрированы и аурализированы в указанном Бёрджером смысле. Искусство должно принадлежать всем, быть общественным достоянием – а где, как не в сфере уличного искусства, демократического по определению, это возможно в наибольшей степени? С другой стороны, какой художник не хочет славы, признания и денег? Как совместить успех, в том числе коммерческий, и свободу творчества? Один из выходов из этого противоречия – создать собственные правила игры. Что и делает команда пространства «10.203». Второй – менять саму «игру», то есть существующие экономические отношения. Уже несколько десятилетий дискуссия об изменении экономических отношений имеет глобальный, международный характер, хотя сами эти изменения проявляются пока в точечных, локальных инициативах и действиях, возникающих в самых разных странах.

Уже к концу XX века стало очевидно, что рыночная экономика не справляется с постоянно возникающими вызовами меняющегося общества. Назревает необходимость поиска альтерна-

1 БЁРДЖЕР Дж. *Фотография и ее предназначение*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. С. 204.

2 Речь идет о «Девочке с воздушным шаром» Бэнкси, которую на аукционе 2018 года приобрел анонимный покупатель. Как только слугитель стал снимать работу со стены, она стала самоуничтожаться при помощи искусно спрятанного в раме шредера. Впрочем, три года спустя, в 2021-м, полууничтоженная работа Бэнкси была продана на другом аукционе за рекордные 25,4 миллиона долларов. – *Примеч. ред.*

НАТАЛЬЯ КАШ

ПРАКТИКИ СОЛИДАРНОЙ
ЭКОНОМИКИ В УЛИЧНОМ
ИСКУССТВЕ...

*Илл. 2. Турбен Turbo.
Открытие галереи
«10.203» выставкой
«Неправда». 23 января
2021 года. Фотография
автора.*

тивной формы социально-экономических отношений. Зарождение и развитие нового типа экономических практик связано с неспособностью государства, с одной стороны, и рыночной гвернаментальности, с другой, удовлетворять возникающие социальные потребности. Различные концепции экономики солидарности зародились среди движений, стремившихся создать низовую экономику во время военных диктатур, которые доминировали в Латинской Америке в 1970–1980-е. В конце 1990-х получил распространение термин «экономика социальной солидарности» (*social solidarity economy*)³.

3 См.: Пяжников О.Н. *Социальная и солидарная экономика: возможности для устойчивого развития* // Экономические и социальные проблемы России. 2014 (<https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-i-solidarnaya-ekonomika-vozmozhnosti-dlya-ustoychivogo-razvitiya>); Она же. *Социальные инновации и практики социальной и солидарной экономики* // Экономические и социальные проблемы России. 2019 (<https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-innovatsii-i-praktiki-sotsialnoy-i-solidarnoy-ekonomiki>).

НАТАЛЬЯ КАШ

ПРАКТИКИ СОЛИДАРНОЙ
ЭКОНОМИКИ В УЛИЧНОМ
ИСКУССТВЕ...

*Илл. 3. Банки. Часть
экспозиции выставки
«Блеск и нищета» в
Санкт-Петербурге. 25
сентября 2021 года.
Фотография автора.*

В деле формирования новых экономических отношений в первую очередь важны не капитал и чисто экономическая эффективность, а люди – обычные люди и их ценности. Для социальной солидарной экономики главный приоритет – это не прибыль или рост организации, а благополучие людей и планеты. Можно сказать, что экономика социальной солидарности – это этические экономические отношения, основанные на общечеловеческих и личных ценностях конкретных экономических агентов. Солидарная экономика понимает значимость локального, использует демократическое управление и различные практики солидарности, совместного использования имущества и пространства, учитывает разные ценности и цели членов сообщества. Именно отсюда должны начинаться системные изменения. Под воздействием индивидуальных стратегий и выборов соучастников/соучредителей сообществ меняются и взаимоотношения с миром вообще и конкретны-

ми институциями в частности. Часто это очень естественные для людей стратегии взаимопомощи, которые не осознаются в качестве особых рычагов экономического управления. И тем не менее эти стратегии меняют локальные культурные поля, а значит, меняется – пусть и медленно – общая картина.

НАТАЛЬЯ КАШ
ПРАКТИКИ СОЛИДАРНОЙ
ЭКОНОМИКИ В УЛИЧНОМ
ИСКУССТВЕ...

Экономика социальной солидарности – это этические экономические отношения, основанные на общечеловеческих и личных ценностях конкретных экономических агентов.

Команда учредителей «10.203», по собственным словам, создала свое творческое пространство в первую очередь ради коммерческой деятельности (место, где можно творить и продавать работы, чтобы обеспечить себе заработок). Однако эта деятельность построена на принципах, отличных от принципов рыночной экономики. Пятеро друзей и коллег по цеху хотели найти пространство для мастерской, потому что работать с баллонами, нитрокрасками и большими форматами в домашних условиях неудобно. В этом же пространстве предполагались встречи с друзьями, граффити-райтерами, художниками. Было принято совместное решение, что пространство будет сниматься, обустраиваться и развиваться за счет равных вложений участников. По сути, формируется творческий кооператив. Его организаторы заявляют: «Команда этого проекта состоит из людей, объединенных концептуальными решениями, которым они все следуют»⁴. Уже здесь, в точке входа в проект, вырисовываются главные принципы солидарной экономики: добровольность участия, самоорганизация и самоуправление, коллективная экономическая и социальная ответственность за результаты деятельности.

Коллектив начал поиски пространства под свои потребности и собственные правила. Как отмечают сами художники, искусство, где стены имеют значение, без атмосферы места воспринимать невозможно. Такое место нашлось на территории общественного пространства «Eastcable» – реновированных бывших производственных корпусов ситценабивной фабрики «Воронин, Лютш и Чешер» (в советское время – ситценабивная фабрика имени Веры Слуцкой) на Васильевском острове. Именно здесь стала возможна корректная репрезентация творчества уличных художников. Ведь уличное искусство, помещенное в галерейное пространство, перестает быть уличным и превращается в искусство «уличной волны», теряет свою «магическую суть», в терминологии Бёрджера.

⁴ См. сайт проекта: <https://10203.space/ru/>.

НАТАЛЬЯ КАШ
ПРАКТИКИ СОЛИДАРНОЙ
ЭКОНОМИКИ В УЛИЧНОМ
ИСКУССТВЕ...

Для создателей «10.203» (названного по номеру производственного помещения, в котором оно расположилось) было важно сохранить аутентичность и дух уличного искусства: здесь граффити на стенах появляются специально к определенной выставке и существуют только во время ее проведения. Потом они закрашиваются, а на их месте появляются граффити нового выставочного проекта. Выставки сменяют друг друга в среднем раз в два–три месяца. Все мероприятия в «10.203» – со свободным входом и всегда с аншлагом. Получается, что организаторами пространства учитывается еще один важный принцип – социальная справедливость и доступность культуры для всех. Это значит, что речь идет не только о выгоде, которую получает местное сообщество граффити-райтеров, уличных художников, стрит-арт-хантеров, художественных критиков и любителей уличной культуры, речь идет о благе, которое получает общество в целом – создано пространство, где есть равный доступ к искусству для всех желающих.

Илл. 4. Виктор Забуга.
Выставка «Мыс Лисий
Нос». 1 августа 2020 года.
Фотография автора.

К моменту открытия пространства большая часть сооснователей «10.203» была известна далеко за пределами уличного сообщества. Это художники и кураторы, чьи имена достаточно давно звучат в культурном поле Петербурга. Турбен, *Dusto*, *Хеато* и *Ита* – участники фестивалей и больших выставочных

проектов, в том числе музейных. У Турбена, *Ima* и – чуть позже остальных – *Хеато* были персональные выставки. Максим *Ima* курировал уличные экспозиции у Западного фасада центрального выставочного зала «Манеж» под общим названием «Новые руины». Никита *Dusto* выступил куратором выставки в заброшенном здании под поселком Лисий Нос в августе 2020 года. *Dusto* подготовил цельную сайт-специфичную выставку, в которой участвовали девятнадцать петербургских и московских стрит-артистов и граффити-райтеров. Как утверждает сам художник, это выставка «без концепции», при этом – это самая концептуальная выставка 2020 года, использующая атмосферу и артефакты «заброса». Для Петербурга 2020-й – пандемийный – год стал расцветом бомбинга на «забросах», сталкеринга и стрит-арт-хантинга.

Эта выставка явилась квинтэссенцией происходящего в уличном секторе культурного поля Петербурга для людей, которые искали выхода для творчества, общения и свободы в не-местах⁵, истосковавшись в вынужденной изоляции и недоступности привычных мест и пространств. Успех выставки стал предысторией проекта «10.203» в новом для Петербурга формате творческого пространства, стартовавшего в январе 2021 года коллективной выставкой «Неправда». В ней приняли участие семнадцать уличных художников, а на открытие пришли больше 200 человек. На сайте проекта «10.203» говорится:

«Пространство для уличных художников чаще всего выступает транзитным пунктом. [...] “10.203” – это место коллективного творчества и площадка для выстраивания коммуникации внутри сообщества, которая перетекает в рефлексию определенных тем. [...] Основной целью “10.203” является поддержка, развитие локального художественного сообщества и продвижение российской уличной сцены в мире».

Здесь видно движение от потребностей самого коллектива, от личных ценностей к глобальным целям и ценностям. Вернее, видно, что эти цели существуют одновременно и дополняют друг друга. Происходит гармонизация экономических и социальных целей и интересов. В этом проявляется еще один принцип экономики социальной солидарности: основной двигатель здесь не конкуренция, а синергия. В основе культурного производства лежат в первую очередь дружеские связи. Солидарное взаимодействие всех членов сообщества, основан-

5 Термин французского социолога Марка Оже: Оже М. *Не-места. Введение в антропологию гипермодерна*. М.: Новое литературное обозрение, 2017. Не-места – это противоположность утопии: транзитные точки (аэропорты, вокзалы), транспорт, обезличенные торговые центры, лагеря для беженцев и так далее. Так же под это определение подпадают зоны отчуждения, возникающие в нашей социальной жизни: не-место лишает человека ощущения надежности и стабильного укрытия. Таким образом, заброшенное здание, «заброс», является не-местом.

НАТАЛЬЯ КАШ
ПРАКТИКИ СОЛИДАРНОЙ
ЭКОНОМИКИ В УЛИЧНОМ
ИСКУССТВЕ...

НАТАЛЬЯ КАШ

ПРАКТИКИ СОЛИДАРНОЙ
ЭКОНОМИКИ В УЛИЧНОМ
ИСКУССТВЕ...

ное на общих ценностях, ведет и к экономическим достижениям (студийные работы резидентов, работы с выставок продаются), и к достижениям творческих, культурных и социальных целей. Пространство «10.203» становится местом, в котором есть возможность (и она реализуется) для интеграции функций производства (совместного – самыми разными акторами) и потребления культурного продукта.

Самый важный, на наш взгляд, принцип солидарной экономики, который можно увидеть в проекте «10.203», – автономность. Работа пространства строится на собственных принципах организации и не зависима ни от государства, ни от бизнеса, ни от грантов. «10.203» существует на собственные средства его создателей, что позволяет им быть свободными в художественных высказываниях, темах, мероприятиях. Художники выстроили свое социальное поле, автономное от поля власти. И существует оно абсолютно параллельно государственному полю производства культуры.

В личной беседе один из сооснователей «10.203» просил не романтизировать их проект, потому что он был создан как возможность и творчески реализоваться, и заработать себе на жизнь искусством, не отвлекаясь на «нормальную» работу. Однако здесь нет противоречия. Важно, какие ценности, принципы организации и способы взаимодействия с миром лежат в основании проекта. Если самоорганизованное сообщество художников смогло органично соединить свои частные экономические цели с целями социокультурными, то такой проект может послужить примером для других.

Было ли ему хорошо? Грандиозная карьера и жизнь Джеймса Брауна¹

ИЭН
ПЕНМАН

Легендарная репутация Джеймса Брауна как самого заядлого работяги в шоу-бизнесе была наполовину бойкой похвальбой, а наполовину – умным пиаром. Выдалась тяжелая неделя на работе? Выступление маэстро вернет вам бодрость духа и утолит печали. Своему делу Браун отдавал не меньше сил, чем из его рядового слушателя высасывала какая-нибудь низкооплачиваемая работенка. Шоу-бизнес был занятием мужским: тяжелым трудом, где в одно мгновение мантия артиста эффектно развевается, а в следующее – он утирает ею пот со лба. Шоу стоило потраченных денег; а уж если Браун в чем и понимал, так это в деньгах: понимал их пользу и ценность – как финансовую, так и символическую. В тур он всегда брал с собой большой мешок наличных – на разные нужды: «подмазать» необходимых людей, сгладить конфликты, устранить возникшие на пути преграды. После смерти Брауна люди находили набитые долларами коробки, спрятанные в стенах его дома или закопанные на приусадебном участке.

Иэн Пенман (р. 1959) – британский музыкальный критик и эссеист, в конце 1970-х – один из основоположников нового стиля поп-музыкального журнализма, в который он внес элементы философии, критической теории, политики и культурологии.

1 Эссе из сборника текстов Иэна Пенмана «It Gets Me Home, This Curving Track» (London: Fitzcarraldo Editions, 2019). Перевод книги (под названием «Изгиб дорожки – путь домой») готовится к изданию в издательстве «Новое литературное обозрение». Мы публикуем незначительно сокращенную версию перевода. – *Примеч. ред.*

ПОЛИТИКА
ЗВУКА

Браун родился в 1933 году и уму-разуму учился в условиях музыкального бизнеса 1950-х – накрепко переплетенного с мафиозной гегемонией и черной бухгалтерией. Он верил в купительную силу упорного труда, как другие верили в силу крови жертвенного агнца. Как истинный адепт идеологии «американской мечты» и лозунга «добейся всего сам», он не видел причин, почему расовая принадлежность должна стоять на пути к лучшей жизни. Тяжелым трудом он обеспечил себе место под солнцем в условиях разделенного мира, его успех был результатом почти фанатичной целеустремленности и силы воли. Характер у Брауна тоже был достаточно тяжелый. Он никогда не хотел принимать отказа, о чем бы ни шла речь – выйти ли на бис, переспать с кем-то или присвоить чей-то гонорар. Ни в музыке, ни в своих затеях Браун не производил впечатления лощеного обольстителя с кольцом-печаткой на мизинце. Он был обделен обаянием заклинателя змей, присущим более позднему поколению соул-музыкантов. Если ключ к музыкальному соблазнению – сокрытие всех хитрых уловок за ширмой спонтанности и нарочитой небрежности, то Браун пошел по другому пути, напротив, акцентируя все то, что прочие артисты стремились спрятать. Слушая его классические хиты – «Cold Sweat», «Out of Sight», «Get Up (I Feel Like Being a) Sex Machine», – вы будто присутствуете на одной из генеральных репетиций, полных нервной энергии, каких-то выкриков, препирательств, указаний и профессионального жаргона. Вы буквально слышите, сколько усилий было вложено в этот подвижный, ухабистый грув.

Кажется, что музыка Джеймса Брауна целиком держится только на фронтмене и его наждачном, скрежещущем вокале – но если вы хотите постичь ее тайные глубины, то надо вслушаться в задний план, спуститься в котельный отсек песни, туда, где ритм-секция приводит всю конструкцию в движение. Если вы никогда не могли понять, зачем именно нужен бас-гитарист, включите «Sex Machine» и постарайтесь уловить заложенную в ее основу извилистую басовую партию Уильяма «Бутси» Коллинза; истинная гармония песни складывается здесь из баса и гитары, а отрывистый вокал Брауна ложится сверху дробью. Такая музыка – тяжелый труд в самом хорошем смысле слова: в ее звучании чуешь пот музыкантов, видишь их растянутые улыбкой губы. Она достает сразу до самого нутра, словно минуя разум; акценты в ней расставлены так, что их невозможно предугадать. У Брауна был свой, особый, подход к созданию гипнотических ритмов, игре мимо бита, – и назывался он «The One» («Тот самый»).

Видимо, именно к нему отсылает название недавно вышедшей биографии Брауна «The One» за авторством музыкаль-

ного публициста Р.Дж. Смита² – впрочем, оно несет в себе и дополнительное значение: «избранный, исключение из всех общепринятых правил». На пике карьеры Браун был клубком противоречий. Он проповедовал негритянскую революцию, но при этом искал расположения влиятельных республиканцев. Он наслаждался титулом «Лучший чернокожий бизнесмен года», но терял деньги на инвестициях и отказывался платить налоги. От своего родного города он ожидал любви и почета, в то время как среди жителей уже ходили толки о его неоплаченных счетах и несдержанных обещаниях. Он жаждал всеобщего уважения, но в личном общении вел себя как важный мафиози. Он хотел воплощать образ сильного отца, на которого можно положиться, но не особо рвался приобщиться к изнурительной ежедневной рутине воспитания детей. Официально у Брауна было девять детей от трех или четырех разных женщин (и отцовство еще нескольких отпрысков находится под вопросом). Браун стремился, в том числе и по политическим причинам, выглядеть полной противоположностью приходящему отцу-бездельнику, но дети его ставили в тупик – своим присутствием, непредсказуемостью, потребностью в нежности и ласке.

ИЭН ПЕНМАН

БЫЛО ЛИ ЕМУ ХОРОШО?
ГРАНДИОЗНАЯ КАРЬЕРА И
ЖИЗНЬ ДЖЕЙМСА БРАУНА

Браун как истинный адепт идеологии «американской мечты» и лозунга «добейся всего сам», не видел причин, почему расовая принадлежность должна стоять на пути к лучшей жизни.

Детство самого Брауна было ужасным, даже по меркам тех времен – вернее сказать, у него вообще не было настоящего детства. Едва выросши из колыбели, он попал на улицы, где и усвоил их важнейший закон: «Возьми свое любым путем». Подобно Ричарду Прайору³ и Билли Холидей⁴, Браун познал ценность любви и денег в борделе одной из своих тетушек. Возможно, как раз отсутствие настоящего детства (чувства безопасности, игр со сверстниками, неспешного формирования каких-то общих базовых установок) стало для Брауна пробелом в жизненном опыте и источником тревожности. Он не мог играть со своими детьми, потому что не научился этому, когда сам был ребенком. Для Брауна игра всегда была работой, но работа никогда не была игрой. Это отразилось и в его музыке: даже в самых откровенно жалостливых или жалобных

2 СМИТН Р.Дж. *The One: The Life and Music of James Brown*. New York: Avery, 2012. – Примеч. ред.

3 Ричард Прайор (1940–2005) – американский комик, актер, в начале карьеры – музыкант. – Примеч. ред.

4 Билли Холидей (1915–1959) – американская джазовая певица. – Примеч. ред.

песнях чувствуется норов, безумная, почти пугающая жесткость натуры.

Неблагополучное детство предопределило также и его отношения со взрослыми. По большей части Браун предпочитал компанию людей, которые подвизались в сомнительной сфере, где-то между упорным трудом и откровенными махинациями. Он любил потягаться остротой ума с теми, кто стремился его перехитрить. Ему нравились подлецы и прощелыги, особенно если они были белые и из южных штатов. (Одним из друзей Брауна – с кем на поверку он дружил дольше всего – был коварный и несокрушимый политик, южанин Стром Термонд⁵.) Он питал пагубную слабость к проникательным пройдохам, которым нельзя было доверять, а с семьей и участниками своей группы держался пренебрежительно, даже враждебно, и не хотел их понимать. В конечном счете это его и сгубило – как в личном плане, так и в финансовом.

Смит цитирует одного из товарищей Брауна, который называл его «чрезвычайно хитрым и коварным человеком, прилагавшим все возможные усилия, чтобы его не так поняли». При общении с Брауном любой расклад был проигрышным: если вы поддались его манипуляциям – вы тряпка, если пытались постоять за себя – вы зарвались и должны быть изгнаны. Когда люди, наконец, осознали, что им не победить, как тут ни крути, то многие просто ушли. Брауну никто был не указ. «Не вам решать, / что мне делать со своим бардаком!»⁶ – пел он (или даже настаивал, повторяя, как мантру). В начале пути это было про его презрительный отказ прислушаться к белым агентам и менеджерам, которые советовали приглушить кричащий «черный» вайб его манеры исполнения. Позднее это было уже про отказ бездумно следовать безопасной идеологической линии, заранее подготовленной для него влиятельными чернокожими. В определенных вопросах Браун доносил свои взгляды предельно четко. «Не надо ничего мне просто так давать (Откройте дверь, и я возьму все сам)»⁷ – это не столько название песни, сколько набросок программного документа. Браун назвался президентом фанка⁸, и в большинстве ключевых вопросов он был стоящим ото всех особняком черным консерватором: против наркотиков, за образование, против мятежей, за упорный труд.

Он призывал чернокожих не устраивать беспорядков. Он с большим подозрением относился к тем, кто оправдывал свое

5 Джеймс Стром Термонд (иногда транскрибируется как Турмонд, 1902–2003) – американский политик консервативного толка, почти пятьдесят лет был сенатором от Южной Каролины, в 1947–1951 годах – губернатор штата. – *Примеч. ред.*

6 «You can't tell me / how to run my mess!» – строки из песни Джеймса Брауна «Talkin' Loud and Sayin' Nothin'».

7 «I Don't Want Nobody to Give Me Nothing (Open Up the Door I'll Get It Myself)».

8 «Funky President (People It's Bad)» – название песни Джеймса Брауна. – *Примеч. перев.*

личное бездействие или неудачи коренящимся в обществе расизмом. По мнению Брауна, винить или хвалить в любой ситуации можно только себя самого. Мы есть то, что мы делаем: надо шагнуть навстречу враждебному миру и подчинить его своим желаниям. Брауну было неинтересно винить во всем белых, когда у него были счеты с самой судьбой. В этом смысле он цветов не различал. Никто и ничто не могло встать на пути его несгибаемой воли. Отчасти это было лишь игрой на публику, но в то же время имело и реальные последствия, провоцируя серьезное недовольство среди его основной, чернокожей, аудитории.

На выборах 1972 года Браун поддерживал Ричарда Никсона, который баллотировался на второй срок, а не его оппонента Джорджа Макговерна, потому что ему импонировала проводимая президентом политика «нового федерализма». Никсон называл поверхностной веру демократов в Большое правительство, а политика социальной справедливости, с его точки зрения, в реальности свидетельствовала о крайне снисходительном отношении к тем, кто находится на нижних ступенях социально-экономической лестницы. Никсон преподносил свою инициативу как способ направлять стартовый капитал туда, где ему и место – в распоряжение отдельных штатов и индивидов, а не Вашингтона. Это было созвучно «уличным» убеждениям Брауна: он не считал, что чернокожим полагаются какие-то особые поблажки. Любой черный мог, как сам Браун, осуществить свои мечты, если бы приложил к этому усилия. В представлении Брауна, разводиться людьми на деньги было более благородно, чем получать их просто так. (Он с недоверием относился к социальным пособиям и позитивной дискриминации, потому что эти меры были направлены на чернокожих граждан в целом, в то время как Браун считал себя особенным, несравненным, избранным – «Тем самым».) Браун не видел никакого противоречия в том, чтобы на публике рассуждать о *black pride* (гордости черных), а в частном порядке требовать за эту гордость гонорар. Когда растешь в нищете, привыкаешь идти на звон монет. У самого Брауна слова не расходились с делом: он финансировал разного рода бизнес в черных кварталах. Он выкупал и модернизировал радиостанции, продвигал других артистов, открывал сети быстрого питания, заточенные под вкусы и запросы чернокожей публики. Все делалось с особой демонической ноткой (в том числе, к сожалению, и бухгалтерская отчетность).

Браун продолжал поддерживать Никсона, даже когда черные демократы бойкотировали артиста, черные СМИ высмеивали его за якобы подхалимство перед белыми, а толпы его поклонников таяли на глазах. Позднее вышла очередная со-

ИЭН ПЕНМАН

БЫЛО ЛИ ЕМУ ХОРОШО?
ГРАНДИОЗНАЯ КАРЬЕРА И
ЖИЗНЬ ДЖЕЙМСА БРАУНА

ИЭН ПЕНМАН

БЫЛО ЛИ ЕМУ ХОРОШО?
ГРАНДИОЗНАЯ КАРЬЕРА И
ЖИЗНЬ ДЖЕЙМСА БРАУНА

рокапятка с навороченным подзаголовком в скобках: «You Can Have Watergate (Just Gimme Some Bucks and I'll Be Straight)» («Подавитесь своим Уотергейтом (Просто подкиньте мне бабла, и я исправлюсь)»). Для Брауна все всегда сводилось к одному: есть у тебя деньги или нет. Деньги для него были одновременно и мотиватором, и доказательством собственного прогресса. Именно деньги, а не социальные потрясения были ключом к свободе. Больше всего он гордился своим статусом «символа черного предпринимательства», собственным примером вдохновившего других чернокожих предпринимателей по всей стране открыть свое дело. «Брат, все, что задали, сделай»⁹, – пел Браун в «I'm a Greedy Man» («Я жадный человек»). Но на голом энтузиазме бизнес на плаву не удержишь, и одно за другим его начинания потерпели крах. Брауна прельщала идея быть председателем правления, но у него не было ни времени, ни необходимой дотошности, которых требовала эта должность. (Не шел ему на пользу и тот факт, что годы личностного становления застали его на гастролях, где он получил агрессивное представление о деловой этике, которому не учат в Гарварде: кольт 45-го калибра за поясом, пачка наличных вместо налоговой декларации – и дело в шляпе.)

В представлении Брауна, разводить людей на деньги было более благородно, чем получать их просто так. Браун не видел никакого противоречия в том, чтобы на публике рассуждать о *black pride*, а в частном порядке требовать за эту гордость гонорар.

Вернемся еще раз к цитате из предыдущего абзаца. Браун назвал себя символом черного предпринимательства. И как собственно символ он был просто блистателен: призывал публику оставаться верной себе, держаться с достоинством – даже несмотря на то, что империю на таких жизнеутверждающих общих фразах не построишь (хотя умение говорить громкие слова без особого смысла¹⁰ – неплохой навык для тех, кто желает податься в политику в наши дни). Кроме того, Браун должен был нести тот же крест, что и другие пришедшие к успеху черные, которые обнаруживали, что им недостаточно просто проявить себя в избранной ими сфере деятельности, – они еще должны были без перерывов и выходных служить примерами для подражания всем чернокожим. Такое кого угодно свело бы

⁹ «Now, brother, don't leave the homework undone».

¹⁰ Отсылка к названию песни Джеймса Брауна «Talkin' Loud and Sayin' Nothing». – Примеч. перев.

с ума – не говоря уже о том, что разным группам внутри общества примеры для подражания нужны были совершенно противоположные. Проложи себе путь к успеху, и кто-то скажет, что ты продался. Гни свою линию, и другие скажут, что ты недостаточно предприимчив. Приведи дела в порядок – прослышешь расовым врагом, который лишь снаружи черный, а в душе белый. Не следи за финансами, и все тяжело вздохнут: очередной бездельник.

В 1970-е, как раз когда коммерческие предприятия Брауна терпели убытки, в его карьере артиста тоже наметился кризис. Жанр соул-музыки, к формированию которого Браун в свое время приложил руку, переживал грандиозный ренессанс. О его популярности свидетельствовали рекордные цифры продаж, невиданная творческая смелость, а также успех проектов на стыке жанров, возникавших в процессе того, как чернокожие артисты – Марвин Гэй, Стиви Уандер, «The O’Jays» и многие другие – развивали и совершенствовали формат лонг-плей (LP), выпуская потрясающие, насыщенные, подобные сюитам альбомы, заключающие в себе целые звуковые миры. Браун начинал тогда, когда основной составляющей работы артиста считался концертный тур, а не запись в студии, а потому, возможно, ему была необходима моментальная обратная связь от аудитории. Все его лучшие хиты периода 1960–1970-х выходили в формате синглов на семидюймовых пластинках в пору, когда сорокапятки штамповали и потребляли, словно это были газетные передовицы. Все вместе эти сорокапятки составляли нечто вроде альтернативной новостной сводки или телеканала. Градом обрушиваясь на публику, они служили источником незабываемых крылатых выражений («Скажи громко: “Я черный и горжусь этим!”», «Встань с той ноги!»¹¹), а также рождали неожиданных чернокожих супергероев – таких, как Мистер Суперплохой и Пастор супернового сверхтяжелого фанка¹². Браун не мог (или не хотел) переключиться на LP-центричную модель творчества. Он делал свое дело, и делал его хорошо – и в какой-то момент просто перестал эффективно адаптироваться к происходящим вокруг переменам. Одно дело было отрастить афро и продвигать идеи *black pride* – все же эта миссия нашла отклик в одном из жизненно важных клапанов его колючего сердца. Но когда Браун пытался по сусекам наскрести горсть энтузиазма по поводу преходящих трендов вроде диско или рэпа, то результат выходил хилым и неубедительным – словно пародия на самого себя.

ИЭН ПЕНМАН

БЫЛО ЛИ ЕМУ ХОРОШО?
ГРАНДИОЗНАЯ КАРЬЕРА И
ЖИЗНЬ ДЖЕЙМСА БРАУНА

11 «Say It Loud – I’m Black and I’m Proud», «Get on the Good Foot» – названия песен Джеймса Брауна. – Примеч. перев.

12 «Super Bad» – песня Джеймса Брауна; «The Minister of New New Super Heavy Funk» – название сборника песен Джеймса Брауна. – Примеч. перев.

Браун привнес в американскую музыку новые формы, но формы эти расшевеливали тело и тормозили «Оно»¹³. Насколько они дотягивались до сердца – уже другой вопрос. Лучшие песни Брауна представляют собой восхитительные всполохи движения, энергии и жажды, но это не та музыка, которую слушаешь дома, чтобы в ней затеряться. Когда Смит пишет, что творчество современников Брауна «кажется завершенным, в то время как песни Брауна остаются таинственными», мне думается, что он ничего не понял. Музыка Брауна можно приписать много чего, но никак не таинственности. (И с таинствами она тоже никоим образом не связана.) Скорее это абсолютная противоположность таинственности: немного потренировавшись, любой слушатель сможет различить рев брауновского мотора в шуме транспортного потока. Наглости, трюков и уловок, характерных для шоу-бизнеса, Брауну было не занимать, и это несколько не упрек. Сложно ждать, что человек будет каждый вечер, год за годом, на протяжении всей жизни выть, кричать и голосить на концерте и что всегда это будет искренне – пусть даже многочисленным фанатам Брауна хотелось бы думать именно так.

Смит отмечает, что в 1980-е на живые выступления Брауна начала стекаться новая аудитория – более молодая, более модная и более белая, которая хотела увидеть группу, подарившую миру те самые убойные сорокапятки. По факту же они увидели музыкантов в смокингах и избитую концертную программу. Смит цитирует красноречивый случай, о котором рассказывал Бутси Коллинз – талантливый молодой басист, который некогда начинал в группе Брауна эпохи «Sex Machine», но вскоре устал от вечной гастрольной молотилки и покинул орбиту The J.B.'s, сперва подавшись в безумную империю Джорджа Клинтона, а потом прославился с собственным ансамблем «Bootsy's Rubber Band». Браун столкнулся с Бутси на гастролях, когда его собственные дела шли на спад, а у Бутси, наоборот, в гору. Все, что Браун имел сказать своему бывшему протеже, было: «И это ты называешь группой, пацан? У вас даже костюмы не одинаковые!» – и он не шутил.

Браун много чего мог изобразить, но только не ранимость, раскаяние или растерянность. Слабость и мягкость – не про него; он же Джеймс Браун! Он – «Тот самый» и всегда получает желаемое. В отличие от других страдающих соул-музыкантов – таких, как Марвин Гэй и Эл Грин, – Браун в своем творчестве был далек от церкви. Да, в некоторых песнях своей манерой он напоминал проповедника, но то было лишь притворство, дура-

13 Понятие из фрейдовского психоанализа; на русский переводится чаще всего как «Оно», реже – как «Ид». Иэн Пенман нередко его использует в своей книге. В русском переводе книги Пенмана, который готовится к публикации, употребляется вариант «Ид» (что там специально объяснено), однако в журнальном формате редакция «НЗ» предпочла более привычное «Оно». – *Примеч. ред.*

чество – точно так же он заимствовал фишки у дрэг-артистов и уличных чечеточников. Брауну не нужен был бог, ведь он поклонялся массивному алтарю самого себя. Его это было непоколебимо. В музыке Брауна не слышно напряжения, возникающего из конфликта плотского с религиозным, которое звучит в произведениях величайших соул-артистов; многие из них были несчастны в тисках этого противоречия, но нашли способ трансформировать душевную скорбь в песни о неземном блаженстве и непостижимости. В музыке Брауна не было ни капли странности, сладости, света. Ее рев всегда уверенный, решительный и категоричный.

Смит потрясающе метко описывает звучание Брауна, анализирует значение и расстановку его фирменных выкриков, вокальных фишек и риффов. Смит замечательно пишет о его работе (и игре) в студии, о том, как новая песня порой сама выливалась из импровизационного джем-сейшена, а порой над ней еще приходилось посуетиться. (Если термин «песня» вообще здесь уместен, учитывая, что характерная манера исполнения Брауна – это не столько пение, сколько увещание, декламация и экспромт, временами блестящий, а местами и на грани пестрой околесицы.) В то время это был революционный способ делать музыку (Майлз Дэвис, и не он один, мотал на ус), но Смит так и не касается вопроса о том, какова была заслуга в написании песен лично Брауна, а какой процент авторских лавров по праву должен принадлежать его музыкантам. На тех студийных сессиях никто ничего не фиксировал: Браун мог напеть какой-то рифф или выдать замысловатый афоризм, задавая настроение для будущей песни, а дальше дело было уже за группой. Из всего, что символизирует Браун, сегодня, после его смерти, наиболее ярко продолжает сиять именно его музыка: «То самое» звучание с его бурлящей, прыгучей, повторяемой фактурой. Если Браун и подобрался к рэпу, хип-хопу и другим территориям современного звучания, то сделал он это не с помощью своего великолепного вокала, а скорее посредством того, что доки по части диджеинга называют «брейками»: непревзойденной алхимии быстрого приготовления, состоящей из барабанов, баса, гитары и духовых. Здесь напрашивается параллель с Бобом Марли и регги 1970-х. Хотя высокие критики и посвящают Марли книги, в которых рисуют его прирожденным мистиком¹⁴ и идейным поэтом (этаким Че Геварой с «Гибсоном» в руках), именно его авангардный бриколаж из даба и словесных импровизаций поверх музыки оставил наиболее значимый след в культуре – а не левацкие проповеди о всеобщем единстве и взаимной любви.

ИЭН ПЕНМАН

БЫЛО ЛИ ЕМУ ХОРОШО?
ГРАНДИОЗНАЯ КАРЬЕРА И
ЖИЗНЬ ДЖЕЙМСА БРАУНА

14 «Natural Mystic» – название песни Боба Марли. – *Примеч. перев.*

Смит отмечает, что Браун никогда не воздавал своим музыкантам должного – ни в плане указания авторских прав, ни в плане гонораров; однако в итоге Смит опять-таки приходит к выводу: не будь Брауна, не было бы ничего вообще. Это абсолютно справедливо, когда речь идет о неподражаемом концертном шоу, созданном Брауном в 1950-е и начале 1960-х, которое ворвалось в дома нечернокожего населения Америки феерическим появлением Брауна в фильме «Шоу Т.А.М.И.» (1964). Что же касается студийных записей, с ними все не так однозначно. Временами Браун представлял одухотворенным дирижером хаоса, но также он мог и халтурить, работать без фантазии, механически выдавать фанк по шаблону. В период творческого застоя в 1970-е ему выпала прекрасная возможность вернуться в поле зрения публики, когда продюсеры одного из важнейших фильмов в жанре «блэксплойтейшн»¹⁵ хотели, чтобы именно Джеймс Браун сделал для него саундтрек. Браун насобирал каких-то ауттейков из своего студийного архива и даже не потрудился переработать их перед отправкой. Фреду Уэсли, который в то время был у Брауна бэнд-лидером, стало жаль босса (который, очевидно, очень устал, переживал трудный период и был слишком занят, чтобы выложиться на максимум), так что Уэсли сам написал, сыграл и свел все музыкальное сопровождение для фильма с нуля. Продюсеры были в восторге. Браун был в ярости – и тут же уволил Уэсли.

Поразительно, как Смигу удается держать повествование на плаву, когда по мере разворачивания история становится печальней, ожесточеннее и гаже. Я не мог прекратить читать эту книгу, пусть даже какая-то часть меня хотела, чтобы прекратились описываемые в ней события. Смит не занимается морализаторством. Его текст захватывает и не отпускает – прямо как музыка Брауна в лучших своих проявлениях. И лишь по прочтении вы, возможно, почувствуете себя слегка обманутыми оттого, что Смит не стал шире анализировать поведение Брауна. Пусть по тексту и не скажешь, будто белый автор осторожничает в суждениях, потому что взялся за жизнеописание великого кумира чернокожих, однако между строк все равно читается, что Смит узнал больше, чем хотел, пока расстегивал пуговицы и пряжки, пытаясь добраться до самого нутра этой нелегкой современной жизни. Если Браун как человек и разочаровывает его, то Смит никак этого не комментирует – он просто излагает факты, оставляя нас делать собственные выводы.

15 Созданная в рамках черной американской поп-культуры разновидность жанра так называемого «эксплуатационного кино», в которой ради быстрой популярности и окупаемости эксплуатировались расовые стереотипы. Афроамериканцы выставлялись в «блэксплойтейшн» склонными к насилию людьми, вовлеченными в основном во всевозможную нелегальную деятельность. В фильмах такого рода очень активно использовалась музыка соул и фанк. – *Примеч. ред.*

Большей частью выводы эти получаются нелестными для Брауна и всех тех, кто годами помогал создавать и поддерживать его образ. Браун обдирал музыкантов в своих группах – не по невнимательности, а умышленно, из злобы; он бил своих подружек и жен – не изредка, а регулярно, забавы ради, порой жестоко; он не уделял внимания детям, а потом отлучал их от семьи; он... В общем, где-то тут хочется отложить книгу и пойти переслушать музыку, чтобы напомнить себе, зачем вообще начал все это читать. Если, конечно, вам не отбило желание когда-то еще эту музыку слушать.

Не исключено, что все возникшие проблемы были следствием банальной ошибки в категоризации: блестящего шоумена взяли и объявили социально-политическим рупором. Важной номинальной фигурой он был вовсе не из-за песен, а сам по себе. Браун был черным, гордился этим и громко заявлял о себе; он был успешен и не стеснялся выставлять это напоказ в пору, когда даже самого кроткого и покладистого чернокожего запросто могли закрыть на ночь в кутузке. Это единственный аспект, где заносчивость Брауна действительно пошла во благо: он требовал положенного ему куска американского пирога. Но как то, что уместно на сцене – дикая раскрепощенность, чрезмерная претенциозность, безбрежная страсть, – может вписаться в серый лабиринт повседневной жизни? Когда вдобавок к званию феноменального шоумена получаешь еще и титул пророка, самооценка рискует раздуться так, что хозяину становится с ней не совладать.

И вот в возрасте 52 лет Браун, который за всю жизнь к наркотикам, можно сказать, не притрагивался, совершенно внезапно нырнул с головой прямо в пучину наркотического безумия: он заработал тяжелую и усугубляющуюся зависимость от фенциклидина (в народе известного как «ангельская пыль») – вещества, которого избегали все, кроме самых отчаявшихся уличных торчков. Даже до наркозависимости казалось, что Браун всегда находился в движении – крутился, делая одновременно миллион дел, а к отдыху относился как к очередному пункту в списке задач. Неожиданное пристрастие к фенциклидину и постоянное повышение доз превратили и без того легендарную раздражительность Брауна в настоящую паранойю. Он считал, что ФБР установило жучки в деревьях на прилегающем к его дому участке, чтобы записывать, что он говорит. Давняя любовь к оружию эволюционировала в манию палить во что попало. Всякого рода вещи, которые десятилетиями удерживались под контролем (и в тайне), в одночасье выплеснулись на всеобщее обозрение.

В один прекрасный день такое размахивание пистолетом в наркотическом угаре обернулось для Брауна опасностью получить реальный срок. Он угрожал людям, которые, как ему по-

ИЭН ПЕНМАН

БЫЛО ЛИ ЕМУ ХОРОШО?
ГРАНДИОЗНАЯ КАРЬЕРА И
ЖИЗНЬ ДЖЕЙМСА БРАУНА

казалось, воспользовались уборной в его офисе без разрешения, а потом долго пытался оторваться от местной полиции, протаскив погоню через границу штата. Когда его, наконец, удалось остановить, Браун вышел из своего пикапа, развел исполинскими ручищами и затянул «Georgia on My Mind». К тому моменту Браун уже скатился в расистскую конспирологию, которую сам же некогда порицал. (В былые времена он предпочел бы вовсе промолчать, чем давить на жалость.) Когда его все же посадили, общественность встала на уши: как Соединенные Штаты могли упечь за решетку кого-то вроде Джеймса Брауна! В какой еще стране это видано? Расизм никуда не делся! На деле все было менее драматично и более низменно. Брауну откровенно повезло не загреметь в тюрьму намного раньше. За один только предыдущий год его арестовывали семь раз. Помимо случаев домашнего (и другого) насилия, которые для него были в порядке вещей, агрессивного поведения и уклонения от уплаты налогов, у него поднакопилось и другие скелеты в шкафу. Десятилетиями всяческие неприглядности закапывались поглубже, спускались ему с рук и заворачивались в обертку из красивых слов.

Браун мог и не садиться в тюрьму – нужно было всего лишь подписать признание, и он отделался бы штрафом и показательной реабилитацией. Но, согласно его заторможенной логике, лучше было казаться упрятым за решетку мучеником, чем предстать перед поклонниками беспомощным наркоманом. А оказавшись в заключении, было лучше (и для продаж, и для его публичного образа) позорно напирать на свою расовую принадлежность и намекать на дискриминацию – хотя немало белых (включая его верного друга Термонда) делали все возможное, чтобы Браун остался на свободе. Он сам выбрал отправиться в тюрьму и извлечь выгоду из сложившейся дрянной ситуации, многозначительно подмигивая и сыпя намеками, что, мол, ни в жизнь никакая белая суперзвезда не подверглась бы подобным унижениям. Еще как-то раз Браун совершенно небедительно пытался прикинуться «бедным цветным дурачком», чтобы не закрывать задолженности по налогам. (И там тоже не было никакого заговора – без сомнения, все, что хотела взыскать с него налоговая служба, было справедливо, а может, еще и мало.) В своем нелепом письме в Белый дом Браун изложил смехотворно софистические аргументы: «Уклоняться от налогов можно только умышленно. А я-то ведь необразованный черный парень из бедной семьи – куда мне до многоумных намерений». Письмо было настолько изворотливым, что само же и подрывало собственный посыл.

Принимал ли, уставший и разочарованный в жизни, Браун фенциклидин, чтобы вновь почувствовать себя как в молодости? Интересен комментарий одного зависимого, что от этого

наркотика «получаешь ощущения, как от нервного срыва». После тридцати лет в качестве заводилы, олицетворения новой черной парадигмы, эталона фанка, на который все должны равняться, может быть, такой химический тайм-аут стал для Брауна средством сбросить безрадостное напряжение и на время перестать быть «Тем самым». Может, ему и нужен был нервный срыв – долгожданный отпуск от бесконечной жесткости, мачизма и необходимости всегда оставаться «включенным». Это не лишено логики: можно было удариться во все тяжкие, но при этом утверждать, что виной всему химический джинн из бутылки. То, что Браун являл собой воплощение фанка, еще не значит, что его внутренний жизненный устав не был беспощадно рационалистическим, милитаристским и крайне суровым. С самого начала у него все было тщательно срежиссировано и каждый вечер должно было воспроизводиться с математической точностью. (Участникам группы недостаточно было просто начистить ботинки – чистить их надо было до зеркального блеска, иначе им урезали зарплату.) Смит точно подмечает, что в выступлениях Брауна даже моменты наивысшего напряжения были на самом деле детально выверены и отрепетированы. Под расшитой звездами мантией шоумена он носил тяжеловесные, непробиваемые доспехи.

ИЭН ПЕНМАН

БЫЛО ЛИ ЕМУ ХОРОШО?
ГРАНДИОЗНАЯ КАРЬЕРА И
ЖИЗНЬ ДЖЕЙМСА БРАУНА

То, что Браун являл собой воплощение фанка, еще не значит, что его внутренний жизненный устав не был беспощадно рационалистическим, милитаристским и крайне суровым. С самого начала у него все было тщательно срежиссировано и каждый вечер должно было воспроизводиться с математической точностью.)

История Брауна, несомненно, иллюстрирует темную сторону американской мечты (параноидальную, отчужденную, саморазрушительную), которую можно наблюдать на примерах идеологически совершенно разных фигур – от Говарда Хьюза¹⁶ и Хантера Томпсона¹⁷ до Элвиса Пресли и Майкла Джексона. (Простое

16 Говард Хьюз (1905–1976) – американский бизнесмен, инженер-изобретатель, кинопродюсер. Известен нестабильной психикой, навязчивыми состояниями и эксцентрическим образом жизни. 37-й президент США Ричард Никсон называл его «самым могущественным человеком в мире». – *Примеч. ред.*

17 Хантер С. Томпсон (1937–2005) – американский писатель, журналист, которого считают одним из изобретателей полуавтобиографического жанра «новой журналистики». Считался культовой фигурой в американской контркультуре, в более зрелом возрасте поддерживал дружеские контакты с рядом голливудских звезд. По мотивам книг Томпсона снимались фильмы, самый известный – одноименный «Страх и ненависть в Лас-Вегасе» (1998). Алкоголик, наркоман, энтузиаст огнестрельного оружия, Хантер Томпсон покончил с собой в возрасте 67 лет. – *Примеч. ред.*

ли это совпадение, что Брауна и Томпсона обоих по-своему притягивал – одного как соратник, другого как заклятый враг – Ричард Милхауз Никсон?) Иметь все не значит быть счастливым; если на то пошло, это превращает тебя в бессменного дозорного на страже собственной жизни, отсматривающего записи с камер наблюдения на предмет налетчиков, недругов и туманных призраков. Браун умер одиноким стариком, стремление ни от кого не зависеть обернулось для него Мидасовым проклятием. Он продолжал ездить в туры до самого конца – впрочем, не совсем ясно почему: из любви ли к своему делу, или, может, от безысходности, или же по финансовым причинам – он сам себя перехитрил и уже не мог остановиться. Было ли ему весело? Знал ли он вообще, что такое веселье или удовлетворение? Браун натренировался улыбаться, петь и кричать «I FEEL GOOD» («МНЕ ХОРОШО»), когда, возможно, хорошо ему вовсе не было. И к кому было бежать, с кем поделиться осознанием, что ты сам выстроил себе тюрьму из всего того, что должно было привести к свободе?

Браун умер на том же клочке земли в Южной Каролине¹⁸, где и родился. На склоне лет он декорировал свою гостиную оковами африканских рабов и коробочками хлопка. Невольно задаешься вопросом: не слишком ли далеко невероятный жизненный путь в конце концов увел Брауна от изначальных ориентиров? «Для меня американская мечта стала реальностью», – замечает артист в одной из автобиографий. Он получил все, чего только желал, но жизнь, казалось, становилась лишь труднее, поганее и тоскливее. В этом смысле его жизнь прошла по известной, классической траектории: самый зяблый работающий в шоу-бизнесе пристрастился к наиболее низменным людским мечтам и стремлениям и в итоге дорого за это заплатил – собственной душой. Из басни о «Том самом» избранном можно извлечь немало уроков, и вот один из них: если во всем следовать за своим неумным «Оно», можно достичь бешеных, поразительных высот, но к финалу главный герой доберется глубоко одиноким и измученным.

P.S. Эта рецензия была написана в 2012 году, и я ни слова в ней не изменил, однако должен заметить, что с тех пор я прочел еще по меньшей мере три других биографии Джеймса Брауна – и в особенности описания последних лет его жизни. Все они по-разному отвечают на спорные вопросы вроде того, по-

18 Неточность автора. Браун умер в больнице в Атланте, в соседнем с Южной Каролиной (где он жил в последние годы) штате Джорджия. Дом Брауна в Бич Айленд располагался на границе с Джорджией, проходящей в тех местах по реке Саванне. Оттуда он поехал на прием к дантисту в Атланте, который, встревоженный физическим состоянием певца, направил его в госпиталь для обследования. Там Браун и умер два дня спустя. – *Примеч. ред.*

чему Браун угодил в тюрьму, как он подсел на фенциклидин и кто снабжал его этим наркотиком, а также кому могла быть выгодна его смерть. Можете начать с чтения главы о Брауне из отличнейшей книги Стэнли Бута «Масло ритма»¹⁹; потом советую обратиться к труду Джеймса Макбрайда «Убей их и уходи. В поисках настоящего Джеймса Брауна»²⁰; а затем попробуйте нагуглить исчерпывающий репортаж CNN 2019 года, где, помимо прочего, утверждается, что Брауна, возможно, убили и что его бывшая жена Эдриенн, может быть, умерла вовсе не от случайной передозировки лекарств. Сейчас наследие Брауна находится в щекотливом положении: с одной стороны, некоторые организации объявили его вдохновителем и кумиром чернокожих, с другой, против певца выдвинуты нешуточные обвинения в изнасиловании и побоях.

ИЭН ПЕНМАН

БЫЛО ЛИ ЕМУ ХОРОШО?
ГРАНДИОЗНАЯ КАРЬЕРА И
ЖИЗНЬ ДЖЕЙМСА БРАУНА

Перевод с английского Марии Ермаковой

- 19** BOOTH S. *Rhythm Oil: A Journey through the Music of the American South*. Boston: Da Capo Press, 2000. – Примеч. ред.
- 20** MCBRIDE J. *Kill 'Em and Leave: Searching for the Real James Brown and the American Soul*. New York: Random House, 2016. – Примеч. ред.

АЛИСА
ШИШКИНА,
ЕГОР
ФАЙН

«Похищенные революции»: феномен куволюций в Африке южнее Сахары*

Начиная с постколониальных и посткоммунистических исследований и заканчивая последними работами, посвященными «арабской весне», современная политическая наука так или иначе затрагивала процессы политической трансформации во всем их разнообразии. Политологи, однако, по-прежнему далеки от консенсусных оценок этого явления, в то время как новые варианты замены одних режимов другими, а также оригинальные формы самих этих режимов продолжают появляться беспрестанно. Иными словами, научное знание явно отстает от практического опыта.

«Арабская весна» начала 2010-х явила целую волну массовых протестов, революций и переворотов, которая в короткие сроки затронула десятки государств. Несмотря на то, что лишь в некоторых из них потрясения завершились сменой режима, она навсегда изменила политический ландшафт Ближнего Востока и соседних регионов¹, а инспирированные ею движения, в том числе и «Occupy Wall Street», сохраняли свою значимость еще

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году при поддержке гранта РФФ № 21-18-00123.

1 КОРОТАЕВ А., ИССАЕВ Л., МАЛКОВ С., ШИШКИНА А. *The Arab Spring: A Quantitative Analysis* // Arab Studies Quarterly. 2014. Vol. 36. № 2. P. 149–169.

АФРИКАНСКИЕ РУИНЫ БУДУЩЕГО

долго. Однако, несмотря на то, что «арабская весна», ее причины и следствия по-прежнему изучаются широко и активно, далеко не все ее аспекты удостоились должного внимания ученых.

В частности, сказанное верно в отношении египетской революции. Как известно, в начале февраля 2011 года протесты в Каире «вышли из берегов»: они стали чрезвычайно многочисленными и практически бесконтрольными². Тем не менее решающее слово оказалось отнюдь не за протестующими, а за верхушкой вооруженных сил, которая 10–11 февраля оказала мощное давление на президента Хосни Мубарака, фактически отказавшись защищать его режим. Вслед за этим последовала отставка главы государства. Несмотря на то, что в политической истории эти события трактуются как «египетская революция», в традиционном понимании этого слова каирские события революцией не были. Если не считать начавшегося в 2012 году недолгого президентства представителя «Братьев-мусульман» Мохаммеда Мурси, которое через несколько месяцев также закончилось переворотом, оппозиционные силы в Египте так и не успели вкусить власти. Настоящим же бенефициаром событий осталась египетская армия, которая под руководством нынешнего президента Абделя Фаттаха ас-Сиси сохранила былой *status quo*, ограничившись косметическим ремонтом старого режима.

ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ КАК ЭЛЕМЕНТ РЕВОЛЮЦИИ

Настоящая статья посвящена феномену своеобразного «похищения» революций армиями. Первейшим эмпирическим примером для нас выступает египетская революция, в ходе которой точку в народном возмущении поставило вмешательство вооруженных сил. Внешне дело выглядело так, будто военные доделали за протестующих их работу. Эта весьма редкая до той поры ситуация – которая даже породила новый термин, о чем говорится ниже, – в последнее десятилетие не раз была воспроизведена в Сахеле и Западной Африке, соседствующих с Египтом. Наряду с двумя египетскими переворотами 2011-го и 2013 годов в указанном контексте можно упомянуть события в Нигере (2010), в Буркина-Фасо (2014) и в Судане (2019). Разумеется, здесь перечислены отнюдь не все военные перевороты, происходившие на фоне протестов – и тем более далеко не все попытки произвести переворот. Кроме того, уместно подчеркнуть, что в течение последнего десятилетия мы почти не наблюдаем

АЛИСА ШИШКИНА,
ЕГОР ФАЙН

«ПОХИЩЕННЫЕ
РЕВОЛЮЦИИ»...

Алиса Романовна Шишкина (р. 1989) – политолог, ведущий научный сотрудник научно-учебной лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Егор Денисович Файн (р. 1998) – политолог, стажер-исследователь научно-учебной лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

2 SNIDER E., FARIS D. *The Arab Spring: US Democracy Promotion in Egypt* // Middle East Policy. 2011. Vol. 18. № 3. P. 49–62; OGBONNAYA U. *Arab Spring in Tunisia, Egypt and Libya: A Comparative Analysis of Causes and Determinants* // Alternatives: Turkish Journal of International Relations. 2013. Vol. 12. № 3. P. 4–16.

военных переворотов, которые происходили бы за пределами упомянутого региона. Собственно, эта диспропорция и послужила отправной точкой для нашего исследования.

Для описания специфических военных переворотов, подобных египетскому, был предложен новый термин «куволюция», впервые употребленный в 2011 году. Его создатель – эксперт в сфере международной безопасности Натан Торонто – одним из первых обратил внимание на особую роль, сыгранную военными в египетских протестах. Это позволило ему объединить в одном термине переворот (*coup*) и революцию (*revolution*), маркировав им особую революционную ситуацию: первым этапом в ней выступает революционная мобилизация гражданского населения, а вторым этапом оказывается военный переворот, инициаторы которого отчасти, но не до конца, удовлетворяют требования протестующих³. Именно в таком контексте понятие «куволюции» будет использоваться в нашей статье.

Революциям и военным переворотам посвящено немало научных работ. Так, Теда Скочпол и Джефф Гудвин, стремясь выявить политические факторы революций, делают следующий вывод: хотя наличие относительной бедности, профессиональных революционеров и многочисленного крестьянства играют важную роль, главным фактором оформления активной революционной коалиции все-таки выступает существование такой неопатримониальной диктатуры, которая отличается низким уровнем бюрократизации, массовой дискриминацией различных слоев населения и широким использованием репрессий. В подобных режимах контроль над коррумпированным чиновничеством и столь же коррумпированной армией относительно слаб, а это создает предпосылки для появления как низовой, так и верхушечной оппозиции⁴. Джек Голдстоун, также изучающий факторы, провоцирующие революции, обращает особое внимание на городские восстания, которые зачастую вызываются дороговизной продуктов и отсутствием работы (каирское восстание – типичный пример в этом отношении). Кроме того, по его наблюдениям, бунты в столицах никогда не обеспечивают победу революции: для успеха необходимы совпадающие по времени городские и сельские восстания⁵. Здесь уместно напомнить, что во время «арабской весны» восстания разгорались в основном в столичных центрах, а египетское восстание

3 См.: TORONTO N.W. *Egypt's "Coup-volution"* // Middle East Insights. 2011. February 16 (<http://blog.nus.edu.sg/middleeastinstitute/?p=621>).

4 SKOCPOL T. *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979; GOODWIN J., SKOCPOL T. *Explaining Revolutions in the Contemporary Third World* // Politics & Society. 1989. Vol. 17. № 4. P. 489–509.

5 GOLDSTONE J.A. *The Comparative and Historical Study of Revolutions* // Annual Review of Sociology. 1982. Vol. 8. № 1. P. 187–207; ИДЕМ. *Understanding the Revolutions of 2011: Weakness and Resilience in Middle Eastern Autocracies* // Foreign Affairs. 2011. Vol. 90. № 3. P. 8–16.

и вовсе ограничилось одной площадью в центре города. Возможно, именно такая «точечная» концентрация революционной активности позволяет вооруженным силам быстро перехватывать инициативу и брать власть.

АЛИСА ШИШКИНА,
ЕГОР ФАЙН
«ПОХИЩЕННЫЕ
РЕВОЛЮЦИИ»...

Во время «арабской весны» восстания разгорались в основном в столичных центрах, а египетское восстание и вовсе ограничилось одной площадью в центре города. Возможно, именно такая «точечная» концентрация революционной активности позволяет вооруженным силам быстро перехватывать инициативу и брать власть.

Что касается военных переворотов в их классическом понимании – то есть не сопровождаемых уличными протестами и революционной мобилизацией, – то ключевой площадкой для их исследования всегда оставалась Латинская Америка. Специалисты выделяют набор факторов, которые приводят к военным переворотам: среди них, в частности, состояние экономики, размер армии, уровень бедности, электоральные циклы и близость выборов⁶. Некоторые авторы обращают внимание на то, что перевороты чаще случаются в странах, которые политически нестабильны и экономически слабы, а также имеют малочисленное население и низкие темпы демографического прироста⁷. В свете нашего исследования особый интерес может представлять так называемый «эндшпильный» военный переворот: по смысловому наполнению этот термин близок к куволуции. У двух концептов, правда, есть серьезное отличие: фактически «эндшпильный» военный переворот обозначает лишь второй этап куволуции – смену власти вооруженным путем *после* массового восстания или коллективного протеста. Ученые, анализирующие перспективы демократизации после «эндшпильных» военных переворотов, заключают, что они, как правило, не ведут к демократизации и либерализации, а являются способом сохранить *status quo*⁸.

- 6 FOSSUM E. *Factors Influencing the Occurrence of Military Coups d'État in Latin America* // Journal of Peace Research. 1967. Vol. 4. № 3. P. 228–251; WELLS A. *The Coup d'État in Theory and Practice: Independent Black Africa in the 1960s* // American Journal of Sociology. 1974. Vol. 79. № 4. P. 871–887.
- 7 GASSEBNER M., GUTMANN J., VOIGT S. *When to Expect a Coup d'État? An Extreme Bounds Analysis of Coup Determinants* // Public Choice. 2016. Vol. 169. № 3. P. 293–313.
- 8 KOENIGER K., HOGER A. *Revolutions and the Military: Endgame Coups, Instability, and Prospects for Democracy* // Armed Forces & Society. 2021. Vol. 47. № 1. P. 148–176; CASPER B., TYSON S. *Popular Protest and Elite Coordination in a Coup d'État* // The Journal of Politics. 2014. Vol. 76. № 2. P. 548–564.

ИССЛЕДОВАНИЯ КУВОЛЮЩИЙ

Говоря о куволуции как о новом термине, важно иметь в виду, что обозначаемое им событие новизной не отличается. Военные перевороты такого типа, который интересует нас, происходят уже несколько десятилетий: в этой связи можно вспомнить, например, перевороты в Турции в 1971-м и 1980-м или в Мали в 1991-м. Таким образом, нельзя сказать, будто куволуции – совершенно новый феномен. Однако если взглянуть на их изучение, то нетрудно заметить, что занимающиеся этим авторы не разграничивают между собой «классический» и «куволуционный» переворот. В своей статье мы намереваемся исправить этот недосмотр, опираясь на набор кейсов из политической истории Африки.

Как уже говорилось, концепт куволуций остается практически не разработанным. Тем не менее после 2011 года он периодически появлялся в научной литературе. В частности, его активно продвигал Роберт Спрингборг, занимавшийся египетскими событиями. По его мнению, военный переворот, происходящий под занавес революции, всегда подразумевает прежде всего предупредительное действие, предпринимаемое с целью не допустить дальнейшей дестабилизации; при этом, однако, главная отличительная особенность подобного события состоит в том, что армия действует, по сути, от лица протестующих и выполняет их требования – осуществляя, таким образом, нечто среднее между переворотом и революцией. Спрингборг полагает, что факт куволуции свидетельствует о специфическом положении армии в регионе, где она «управляет, но не правит» («*ruling but not governing*»). В более поздних своих изысканиях этот специалист обращал особое внимание на то, что куволуция, поставив точку в правлении Мубарака, далеко не полностью уничтожила его режим: прежняя система продолжает существовать, но под управлением другого президента и с другим правительством⁹.

В последние годы термин упоминался и в латиноамериканском контексте, несмотря на то, что за минувшие полтора десятка лет в Южной Америке не произошло ни одного классического военного переворота (эквадорскую попытку 2010 года мы в расчет не берем, поскольку она провалилась). Тем не менее исследователей удивил политический кризис 2019 года в Боливии, который начался с массовых уличных выступлений, а закончился отказом армии разгонять протестующих. Поскольку в завершение этой истории военные заставили президента Ево

9 SPRINGBORG R. *Learning from Failure: Egypt* // MATEI F.C., HALLADAY C., BRUNEAU T. (Eds.). *The Routledge Handbook of Civil-Military Relations*. Abingdon: Routledge, 2012. P. 113–129; ИДЕМ. *Caudillismo along the Nile* // *The International Spectator*. 2016. Vol. 51. № 1. P. 74–85.

Моралеса покинуть свой пост, некоторые авторы назвали произошедшее куволуцией. В данном случае подобная концептуализация оказалась оправданной: ведь вооруженные силы выступили от лица протестующих и, более того, претворили в жизнь одно из их главных требований.

Итак, примеры куволуции уже зафиксированы, причем неоднократно, но, несмотря на это, о механизмах ее вызревания почти ничего неизвестно. Вероятно, одной из причин такого пробела выступает то, что ученые, пользующиеся интересующим нас термином, исследуют в основном взаимоотношения армии и общества. Это заставляет их концентрироваться на описании и последствиях произошедших катаклизмов, оставляя в стороне их предпосылки. Выходя за рамки такой парадигмы, мы в этой статье сфокусируемся на нескольких ключевых для понимания куволуции кейсах последнего десятилетия, а именно – на случаях Буркина-Фасо, Мали и Нигера. Разумеется, мы осознаем, что история, политика и культура каждой из этих стран самобытны, а происходившие в них потрясения отнюдь не копировали друг друга. Тем не менее базовой предпосылкой анализа выступает то, что в каждом из упомянутых кейсов явно присутствовал описанный выше паттерн куволуции – трансформации, которая, одновременно напоминая и народную революцию, и военный путч, в полной мере не была ни тем и ни другим.

АЛИСА ШИШКИНА,
ЕГОР ФАЙН
«ПОХИЩЕННЫЕ
РЕВОЛЮЦИИ»...

БУРКИНА-ФАСО

Катаклизмы, происходившие в 2014 году в Буркина-Фасо, можно считать одним из наиболее ярких примеров куволуции. Масштабная дестабилизация в Африке началась почти одновременно с событиями в Тунисе, Египте и Ливии. Первые протесты в Уагадугу вспыхнули в феврале 2011 года; это было студенческое возмущение, спровоцированное гибелью молодого человека Жюстэна Зонго, замученного полицейскими в городе Кудугу в 75 километрах от столицы. Мало того, что повод для беспорядков напоминал о тунисских событиях – в дальнейшем протестующие напрямую апеллировали к революциям в арабских странах, призывая начать «буркинийскую весну»¹⁰. Главным мотивом протестующих стало недовольство слишком долгим правлением президента Блэза Компаоре, находившегося у власти с 1987 года¹¹. В 2011-м, однако, здешний протест

10 См.: SNOULT L. *Popular Protests in Burkina Faso* // Pambazuka News. 2011. July 21 (www.pambazuka.org/governance/popular-protests-burkina-faso).

11 Подробное описание этих и последующих событий см. в статье: ПАНОВ А.А. «Блэз Компаоре – мертв, Тома Санкара – жив!»: образы, нарративы и дискурсы народного восстания в Буркина-Фасо (2014–2015 гг.) // Новое прошлое. 2016. № 4. С. 111–138.

так и не достиг кульминации, и поэтому подлинное повторение египетской кувольции в Буркина-Фасо состоялось лишь в 2014 году. Основными факторами народного негодования, как и в предыдущий раз, послужили несменяемость диктатора, корруппированность властей, низкий уровень жизни.

Сигналом к протестам выступил призыв одного из лидеров оппозиции развернуть в стране «черную весну» по образцу «арабской весны». Особенностью волны 2014 года стало то, что ею были затронуты не только рядовые граждане, но и политические элиты, ранее ориентировавшиеся на президента. Яблоком раздора послужила инициатива Компаоре добиться очередного переизбрания в 2015 году, изменив для этого Конституцию; она расколола правящую партию «Конгресс за демократию и прогресс», заставив часть ее лидеров примкнуть к противникам режима. Усилившаяся оппозиция учредила координационный комитет, который призвал население к массовым протестам. Первые акции начались весной 2014 года и продлились до осени, собирая десятки тысяч граждан в разных городах страны. Однако по-настоящему революционная ситуация начала складываться лишь с 21 октября, когда в Национальное собрание был направлен президентский законопроект о конституционных поправках.

В тот день молодежь начала блокировать дороги по всему Уагадугу, а уже через два дня демонстранты перекрыли главную автомагистраль страны. 28 октября был объявлен оппозиционерами днем гражданского неповиновения – тогда на улицы столицы под лозунгом отставки главы государства вышли более миллиона человек¹². Одновременно манифестации, протекающие в стычки с силовиками, проходили во всех крупных городах. Столкнувшись с беспрецедентной волной народного возмущения, власти объявили об отзыве своей конституционной инициативы, однако этот шаг уже не смог восстановить спокойствие – манифестации продолжались. 30 октября толпы протестующих ворвались в здания парламента и телецентра. В тот же день генерал Оноре Траоре, начальник генерального штаба вооруженных сил Буркина-Фасо, заявил о роспуске парламента, отставке правительства и введении чрезвычайного положения. По словам военных, 12-месячный переходный период должен был позволить им организовать демократические выборы и сформировать новые органы власти¹³. Наконец, утром 31 октября протестующие, которые, как и в предыдущие дни, собрались в центре столицы и других крупных городов,

12 *Burkina Faso: manifestation massive contre le régime de Blaise Compaoré* // Le Monde. 2014. 28 octobre (www.lemonde.fr/afrique/article/2014/10/28/burkina-faso-manifestation-massive-contre-le-maintien-au-pouvoir-du-president_4513770_3212.html).

13 Подробнее см.: HARSCH E. *Burkina Faso: A History of Power, Protest, and Revolution*. London: Zed Books, 2017.

также предложили армии принять власть на себя. В тот же день глава государства ушел в отставку и был вывезен президентской гвардией в Кот-д'Ивуар.

Пожалуй, главное сходство между двумя вёснами, «арабской» и «буркинийской», состоит в значительности той роли, какую в этих событиях сыграли силовики. В указанном плане события в Буркина-Фасо можно считать самой настоящей куволуцией, где революционная ситуация завершилась выступлением армии. Предпосылки для него закладывались еще в марте и апреле 2011 года, когда в стране проходили волнения, в которых участвовали сотрудники силовых структур – полиции, армии, президентской гвардии¹⁴. Эти всплески возмущения довольно быстро удалось подавить, но реакцией на них стала смена прежнего главы генштаба, на место которого пришел упоминавшийся выше полковник Траоре. Той же весной президент Компаоре возложил на себя обязанности министра обороны, чем на время обеспечил подконтрольность элитной президентской гвардии. Именно благодаря ее формированиям, состоящим из 1300 отборных военнослужащих, президент смог пережить потрясения «буркинийской весны». Но к 2014 году ситуация сильно изменилась: значительный сегмент президентской гвардии отказал президенту в поддержке. Таким образом, выраженной особенностью революции в Буркина-Фасо стало то, что власть после переворота не перешла к лидерам, возглавлявшим уличный протест: временно исполняющим обязанности президента оказался бывший офицер президентской гвардии. Именно военные в конечном счете стали наследниками прежнего авторитарного режима; позже их доминирование в политической системе упрочили премьер-министр Исаак Зиде и президент Мишель Кафандо. В 2015 году режиму опять предстояло смениться, но события предыдущего года вошли в историю как репликация «арабской весны» в Африке и, по мнению некоторых ученых, как пример типичной куволуции, где вторая фаза революционного процесса завершилась военным переворотом.

АЛИСА ШИШКИНА,
ЕГОР ФАЙН

«ПОХИЩЕННЫЕ
РЕВОЛЮЦИИ»...

МАЛИ

Малийскую революцию 2020–2021 годов тоже можно считать показательной иллюстрацией куволуции. В контексте малийской истории эти события на первый взгляд связаны с предшествующей волной потрясений, пришедшей на 1990–1991 годы: сходство проявляется, во-первых, в уровнях общественной мобилизации, а во-вторых, в том, какие этапы проходил воен-

¹⁴ См., например: *Мятеж военных в Буркина-Фасо охватил уже четыре города, к солдатам присоединились жандармы* // Газета.ру. 2011. 18 апреля (www.gazeta.ru/news/lenta/2011/04/18/n_1799689.shtml).

ный переворот. Тем не менее в плане политических смыслов и целей два упомянутых раунда дестабилизации заметно отличались друг от друга. Если в 1990–1991 годах протесты разворачивались под лозунгами демократии, многопартийности и свободы, то через три десятилетия лейтмотивами протестов стали требования порядка и справедливости, не сопровождавшиеся упоминаниями о демократии. Стоит также отметить, что малийские события 2020–2021 годов в ключевых аспектах напоминают египетский переворот 2013 года, который структурно подразделяется на революцию 30 июня и путч 3 июля: если на первом этапе каирских потрясений массы требовали демократии, то на втором этапе они были готовы довольствоваться порядком.

Революционные события в Мали развивались следующим образом. 29 марта 2020 года в стране состоялись парламентские выборы, которые были поистине долгожданными: первоначально их планировали на ноябрь 2018-го, а потом трижды переносили: на апрель 2019-го, июнь 2019-го и, наконец, март 2020-го. Сам по себе перенос даты выборов вызвал недовольство оппозиционных групп, и это уже не предвещало ничего хорошего. После второго тура Конституционный суд Мали частично отменил обнародованные 30 апреля результаты: в итоге более тридцати кандидатов от оппозиции лишились ранее обещанных им мандатов. Из-за этих манипуляций партия «Объединение за Мали», которую возглавлял президент Ибрагим Кейта, получила десять дополнительных мест в Национальной ассамблее, что позволило ей стать крупнейшей парламентской силой. Электоральная процедура сопровождалась и другими нарушениями¹⁵. В частности, среди факторов, способствовавших общественному раздражению и вызреванию революционной ситуации 2020 года, стоит отметить пандемию COVID-19 и обусловленное ею ухудшение экономической обстановки¹⁶.

Уже в мае 2020 года, сразу после избрания парламента, в Бамако и других крупных городах начались мирные демонстрации, на которых протестующие требовали отставки президента. В начале июня правительство попыталось запретить проведение массовых мероприятий, но, несмотря на это, оппозиционная акция 5 июня собрала десятки тысяч людей по всей стране. Недовольство политикой главы государства распространилось на армейские, чиновничьи и религиозные круги¹⁷.

15 *Elections Continue in Mali Despite Virus, Violence Fears* // Voice of America. 2020. April 19 (www.voanews.com/a/africa_elections-continue-mali-despite-virus-violence-fears/6187825.html).

16 См.: GOLUBSKI C., SCHAEFFER A. *Africa in the News: Impacts of COVID-19 on African Economies and Elections Updates* // The Brookings Institution. 2020. April 4 (www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2020/04/04/africa-in-the-news-impacts-of-covid-19-on-african-economies-and-elections-updates/).

17 *Who Is behind Mali's Surging Protest Movement?* // Voice of America. 2020. July 17 (www.voanews.com/a/africa_who-behind-malis-surging-protest-movement/6193002.html).

Довольно скоро многочисленные оппозиционные группировки сумели консолидироваться, учредив «Движение 5 июня – Объединение патриотических сил», неформальным лидером которого стал влиятельный религиозный деятель, «народный имам» Махмуд Дико¹⁸. Среди прочего объединенная оппозиция критиковала неэффективность государственного аппарата и его неспособность проводить реформы, а также присутствие в стране французских войск. После первой, июньской, демонстрации президент Кейта попытался сделать своим противникам ряд уступок, включая создание правительства национального согласия. Протестующие, однако, отвергли его предложения¹⁹.

Вскоре протесты стали насильственными. 9 июля, стремясь снизить градус напряженности накануне очередной пятничной демонстрации, президент заявил о роспуске Конституционного суда, который оказался в центре скандалов, связанных с фальсификацией итогов весенних выборов. Средство, однако, не сработало: 10–12 июля впервые за все время протестов столкновения манифестантов с полицией оказались кровавыми – 11 человек погибли и более 120 получили ранения. В те дни демонстранты захватили и подожгли здание Национального собрания Мали²⁰; ими были заняты несколько правительственных зданий, перекрыты три столичных моста, а на нескольких главных дорогах Бамако они начали поджигать автомобильные покрышки. Сразу после беспорядков несколько лидеров прошедших демонстраций, включая бывших министров, были арестованы. В том же месяце насилие в Мали подверглось осуждению со стороны Африканского союза, а также Организации Объединенных Наций и Европейского союза. В протестах последовал месячный перерыв, после чего демонстрации возобновились с удвоенной силой. Взаимное ожесточение нарастало, и 17 августа лидеры оппозиции объявили, что ежедневные акции протеста будут продолжаться до президентской отставки²¹.

На следующий день президент Ибрагим Кейта и премьер-министр Бубу Сиссе были арестованы восставшими солдатами, которых возглавил полковник спецназа Ассими Гойта. Еще через

АЛИСА ШИШКИНА,

ЕГОР ФАЙН

«ПОХИЩЕННЫЕ
РЕВОЛЮЦИИ»...

18 DÍAZ O.T. *Islamic Fundamentalism Framing Politics in Mali: From the Middle Ages to the Age of Pandemic* // KÄSEHAGE N. (Eds.). *Religious Fundamentalism in the Age of Pandemic*. Bielefeld: transcript Verlag, 2021. P. 149–178.

19 DIALLO T. *Thousands of Protesters Demand Mali President Step Down* // Reuters. 2020. June 19 (www.reuters.com/article/us-mali-politics-protests-idUSKBN23Q334).

20 *Tens of Thousands Protest in Mali amid Growing Opposition to Keita Presidency* // The New York Times. 2020. June 19 (www.nytimes.com/2020/06/19/world/africa/mali-protests-keita.html); DIALLO T., KONTAO F. *Mali Police Fire Gunshots and Tear Gas to Disperse Protesters* // Reuters. 2020. July 10 (www.reuters.com/article/us-mali-politics-idUSKBN24B2M9).

21 *Au Mali, l'opposition annonce de nouvelles manifestations contre le président Keita* // Le Monde. 2020. 18 août (www.lemonde.fr/afrique/article/2020/08/18/au-mali-l-opposition-annonce-de-nouvelles-manifestations-contre-le-president-keita_6049211_3212.html).

день лишившийся свободы Кейта объявил о роспуске парламента и о своей отставке, заявив, что не хочет удерживать власть ценой кровопролития. Путчисты, составившие «Национальный комитет спасения народа», сделали заявление для телевидения, в котором оправдывали смещение президента и премьер-министра многолетним дурным правлением, коррупцией, nepотизмом и ухудшением безопасности государства. Если значительная часть молодых граждан Мали встретила приход военных с надеждой, то многие представители среднего класса и интеллигенции не поддержали методы, которые новые лидеры применили для захвата власти. Ликование на улицах Бамако не помешало предсказуемому осуждению государственного переворота влиятельными внешними акторами. Африканский союз и Европейский союз заявили о своем неприятии действий путчистов и потребовали освободить свергнутого президента, Экономическое сообщество стран Западной Африки лишило малийскую делегацию представительства, а Совет Безопасности ООН принял резолюцию, осуждающую переворот.

25 сентября 2020 года комитет из путчистов, в который вошел и Ассими Гойта, назначил временным президентом страны бывшего министра обороны Ба Н'Дау. Это решение в основном было поддержано населением, а также оппозицией в лице «Движения 5 июня». В речи, произнесенной при вступлении в должность, Н'Дау пообещал бороться с коррупцией, не допускать фальсификации выборов и соблюдать международные соглашения. 5 декабря 2020 года новые власти учредили «Национальный переходный совет», призванный координировать ход преобразований; в него были приглашены и представители гражданского общества. Однако, если первоначально Н'Дау был послушным ставленником Ассими Гойты и министра обороны Садио Камары, то в первые месяцы 2021 года он начал противостоять как своим патронам, так и переходным органам власти. Конфликт завершился тем, что в мае того же года Ба Н'Дау и его премьер-министр Моктар Уан были взяты под стражу и отправлены на военную базу под Бамако, где объявили о своей отставке. Таким образом, за год в Мали произошли сразу два военных переворота, подготовленных одной и той же группой офицеров, что опять-таки позволяет вспомнить о египетских событиях 2011–2013 годов.

В целом малийский кейс воспроизводит ту же формулу, что и буркинийская куволуция: протестная мобилизация и революционный накал стремительно «разгоняются», происходит прямая и насильственная конфронтация оппозиционных движений с властью, а потом армия встает на сторону протестующих. Однако военные недолго остаются в лагере оппозиционных сил: и в Египте в 2013 году, и в Мали в 2021-м последующие действия

военных оказывались, по сути, реакционными и охранительными, хотя изначально именно армия обеспечивала смену режима. Интересно, что и в Буркина-Фасо в 2015 году президентская гвардия также предпринимала попытку военного переворота, похожего на прошлый египетский и будущий малийский.

АЛИСА ШИШКИНА,
ЕГОР ФАЙН
«ПОХИЩЕННЫЕ
РЕВОЛЮЦИИ»...

Малийский кейс воспроизводит ту же формулу, что и буркинийская куволуция: протестная мобилизация и революционный накал стремительно «разгоняются», происходит прямая и насильственная конфронтация оппозиционных движений с властью, а потом армия встает на сторону протестующих. Однако военные недолго остаются в лагере оппозиционных сил.

НИГЕР

Республика Нигер представляет еще один любопытный пример совмещения революции и военного переворота. Пожалуй, главная и самобытная особенность этого кейса в том, что он разворачивался еще до «арабской весны». В 2009–2010 годах эта страна погрузилась в конституционный кризис, который по своим причинам и особенностям весьма напоминал будущий буркинийский кейс. Его центральным персонажем оказался президент Мамаду Танджа, демократично избранный на свой первый срок в 1999 году. Надо сказать, что его второе избрание, состоявшееся в 2004-м, проходило уже более сложно и сопровождалось уличными протестами. Придя к власти, Танджа развернул широкую борьбу с бедностью и экономической отсталостью, активно взаимодействуя с различными международными структурами. В принципе, в годы его правления Нигер радовал международные организации, особенно в плане развития демократических институтов: в частности, глава государства санкционировал децентрализацию власти и начал проводить регулярные муниципальные выборы²². Подвело же его, как нередко бывает у венценосцев, стремление увековечить собственную власть. Зимой 2009-го, в день выборов в однопалатное Национальное собрание Нигера и за шесть месяцев до того, как он сам, согласно Конституции Нигера, должен был сложить полномочия, Танджа распустил парламент, объявив единственным источником нормотворчества президент-

22 MUELLER L. *Democratic Revolutionaries or Pocketbook Protesters? The Roots of the 2009–2010 Uprisings in Niger* // *African Affairs*. 2013. Vol. 112. № 448. P. 398–420.

ские декреты. 4 августа 2009 года власти провели наспех подготовленный референдум, результатом которого стал переход от полупрезидентской Пятой республики к полностью президентской Шестой республике²³. При этом по результатам народного волеизъявления учреждался трехлетний переходный период, который гарантировал действующему президенту еще три года власти, необходимые для подготовки новой Конституции страны. Несмотря на то, что оппозиция подвергла референдум бойкоту, властям удалось обеспечить поддержку своих инициатив большинством населения. Проведение этой акции было встречено международными акторами крайне негативно.

Предпосылки для последующего взрыва недовольства были довольно стандартными для этого региона. Нигер, большая часть которого занята пустыней, считается одним из беднейших государств Африки. Значительная часть населения страны традиционно живет на грани голода; президент Танджа за время его правления не раз критиковался за неспособность справиться с этим вопросом, причем в ответ он, как правило, отрицал само наличие в Нигере голодающих. Отчасти и по этой причине антиправительственные настроения распространились очень быстро²⁴. После голосования протесты, спорадически вспыхивавшие еще накануне референдума в мае и июне, сделались массовыми. Их поддержала 48-часовая забастовка, объявленная на промышленных предприятиях. 18 февраля 2010 года, после нескольких хаотических месяцев, военные под руководством генерал-лейтенанта Салу Джибо организовали военный переворот, в ходе которого президент Танджа был арестован, а его правительство распущено²⁵. Через два дня главная оппозиционная организация – «Координация демократических сил республики» – провела массовый митинг в поддержку армии, в котором участвовали десять тысяч человек. Между тем Джибо возглавил хунту, назвавшую себя «Высшим советом по восстановлению демократии»; спустя девять месяцев она подготовила и провела демократические выборы. Надо сказать, что международные организации поддержали приход нового правительства, рассчитывая на последующую демократизацию.

Таким образом, в случае Нигера мы имеем дело с воспроизведением уже знакомого цикла: инкубент, сроки правления которого истекают, предпринимает меры, направленные на сохранение власти любой ценой, которые в свою очередь приводят к протестной мобилизации и последующему под-

23 GRAHAM IV F.C. *What the Nigerien Coup d'État Means to the World* // Review of African Political Economy. 2010. Vol. 37. № 126. P. 527–532.

24 MOREIRA E., BAYRAKTAR N. *Foreign Aid, Growth and Poverty: A Policy Framework for Niger* // Journal of Policy Modeling. 2008. Vol. 30. № 3. P. 523–539.

25 Подробнее см.: BAUDAIS V., CHAUZAL G. *The 2010 Coup d'État in Niger: A Praetorian Regulation of Politics?* // African Affairs. 2011. Vol. 110. № 439. P. 295–304.

ключению армии. Разумеется, этот кейс отличается от рассмотренных выше тем, что взрывного роста протестов здесь не наблюдалось, а участие в них было относительно небольшим; однако стоит учесть, что протесты против правления Танджи регулярно возобновлялись и затухали с середины 2000-х.

АЛИСА ШИШКИНА,
ЕГОР ФАЙН
«ПОХИЩЕННЫЕ
РЕВОЛЮЦИИ»...

В случае Нигера мы имеем дело с воспроизведением уже знакомого цикла: инкубент, сроки правления которого истекают, предпринимает меры, направленные на сохранение власти любой ценой, которые в свою очередь приводят к протестной мобилизации и последующему подключению армии.

* * *

Анализируя описанные выше протесты, революции и перевороты, сложно не обратить внимания на то, как много параллелей между ними. В Буркина-Фасо, Мали и Нигере к настоящему времени властвуют авторитарные режимы, которые утвердились в результате военных путчей, увенчавших предшествующие протестные волны. В каждом из рассмотренных случаев детонатором, вызывавшим взрыв, служило желание не слишком выдающихся лидеров сделать свое правление вечным – несмотря на свою очевидную неспособность решить ни одну из мучающих их страны хронических проблем. Повсюду накал возмущения нарастал по мере того, как сопротивление режима становилось все более агрессивным. Когда участники противостояния обращались к насилию, на сцену выходила армия, тем или иным способом заставлявшая автократа и его клику покинуть посты. У власти оказывалась военная хунта, которая первоначально поддерживала оппозицию. В конечном же счете, спустя непродолжительное время происходил еще один переворот, теперь нацеленный на прекращение демократизации и смещение переходного правительства. Армия «похищала» революцию, надолго присваивая власть себе. Представленные здесь кейсы обнаруживают важный тренд, пока не получивший теоретического описания. Между тем классические теории революции и переворота не могут в полной мере объяснить происходящего в Мали, Буркина-Фасо и Нигере. Введение в научный оборот понятия «куволюция» позволяет хотя бы отчасти восполнить этот пробел.

ЛЕОНИД
ИСАЕВ,
ДАРЬЯ
БОБАРЫКИНА

«Курды Африки», или Как туареги остались без собственного государства¹

Леонид Маркович Исаев (р. 1987) – доцент, заместитель заведующего научно-учебной лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института Африки РАН.

Дарья Алексеевна Бобарыкина (р. 1998) – лаборант-исследователь кафедры африканистики и арабистики Российского университета дружбы народов.

С началом «арабской весны» процессы дезинтеграции и распада довольно быстро перекинулись из стран Ближнего Востока и Северной Африки на сопредельные регионы. Одним из таких стал Сахель, в максимальной степени ощутивший на себе негативное влияние арабских революций. Катастрофическая дестабилизация Ливии вновь придала актуальность так называемому «туарегскому вопросу». После освобождения Африки от колониальной зависимости социальная, политическая и экономическая маргинализация туарегов, имевшая место в Мали и Нигере, выступала важнейшим препятствием, мешающим нормальному политическому развитию этих стран. Одним из следствий «арабской весны» стало то, что она способствовала экспансии исламистской идеологии, распространение которой на северные районы Мали и Нигера вновь оживило тему туарегов. И это объяснимо, поскольку африканские туареги, подобно ближневосточным курдам, уже многие десятилетия остаются многочисленным этносом, проживающим на обширных территориях, однако лишенным не только полноценной государственности, но даже ограниченной автономии.

Постколониальный синдром

История туарегов изобилует восстаниями против любой власти, которая пыталась устроиться в Сахеле на постоянной основе. При французском владычестве военно-политические притязания колонизаторов постоянно порождали конфликты с местными кочевниками, самыми значительными и кровопролитными из которых стали битва при оазисе Тит (1902) и Каосенское восстание (1916–1917)². Туареги долго не прекращали бороться против Франции, которой удалось более или менее подчинить

1 Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году при поддержке гранта РНФ № 21-18-00123.

2 Подробнее см.: Давидчук А.С. *Борьба за независимость туарегов в контексте отношений между Алжиром и Мали (2012–2015 годы)* // *Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Сборник материалов Международной научной школы-конференции (23–25 сентября 2021 г.)* / Под ред. К.Л. Захаровой. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. С. 136–146.

их только к 1923 году. Однако с образованием Мали и Нигера в качестве новых независимых государств восстания не только не прекратились, но, наоборот, стали более мощными³. Наиболее крупные из них происходили в 1962–1964-м, 1990–1996-м, а также 2006-м и 2012 годах. Требования туарегов, как правило, включали в себя изменение территориальной организации власти (то есть независимость либо автономию и децентрализацию), обеспечение туарегскому меньшинству представительства в государственном аппарате, гарантии социально-экономических инвестиций в развитие туарегских территорий, обеспечение доступа к природным ресурсам – включая не только воду и пастбища, но и, например, залежи урана⁴.

Первые восстания, поднятые туарегами в постколониальный период, были вызваны политикой принудительной оседлости, которая навязывалась им властями молодых республик. Как известно, обретение африканскими странами суверенитета предполагало их дальнейшее существование в прежних колониальных границах, зачастую никак не учитывавших традиционное расселение этнических групп. Из-за этого туареги оказались разбросанными по нескольким независимым странам, их племена раскалывались, караванная торговля стопорилась, хозяйственный уклад разрушался⁵. В некоторых странах почти сразу начали консолидироваться радикально настроенные группы, готовые взяться за оружие ради восстановления территориальной целостности туарегских племен.

В 1960 году занимавшаяся деколонизацией Франция, игнорируя мнение туарегов, присоединила территории их традиционного расселения (так называемый Азавад) к только что сконструированному ею малийскому государству. (Позже этот факт станет причиной создания «Национального движения за освобождение Азавада» – организации, о которой речь пойдет ниже.) Местные жители обращались к президенту Шарлю де Голлю с просьбой сохранить для них созданную французами в 1957 году территориальную общину, называвшуюся Организацией коммуны сахарских регионов⁶. То обстоятельство, что они не были услышаны, через несколько лет, в 1962-м, повлекло за собой крупное восстание. Если этот элемент колониального наследия туареги готовы были принять, но им препятствовали, то другие его элементы, воспринимавшиеся

**ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА**

«КУРДЫ АФРИКИ», ИЛИ
КАК ТУАРЕГИ ОСТАЛИСЬ
БЕЗ СОБСТВЕННОГО
ГОСУДАРСТВА

- 3 См.: Балмасов С. *Восстание туарегов как продолжение ливийской войны* // Ансар. 2012. 13 февраля (www.ansar.ru/analytics/vosstanie-tuaregov-kak-prodolzhenie-livijskoj-vojni).
- 4 См.: GUICHAOUA Y., PELLERIN M. *Making Peace, Building the State: Relations between Central Government and the Sahelian Peripheries in Niger and Mali*. Paris: L'Institut de recherche stratégique de l'École militaire, 2018.
- 5 Чернега В.Н. *Франция и вооруженные конфликты в Африке* // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 4. С. 103–115.
- 6 SIMON J.P. *Organisation commune des régions sahariennes*. Center de Documentation Historique de l'Algérie. 2015 (http://alger-roi.fr/Alger/cdha/textes/55_organisation_regions_sahara_cdha_60.htm).

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
«КУРДЫ АФРИКИ», ИЛИ
КАК ТУАРЕГИ ОСТАЛИСЬ
БЕЗ СОБСТВЕННОГО
ГОСУДАРСТВА

туарегами негативно, напротив, внедрялись принудительно. К их числу среди прочего относились одобряемые бывшими колониями конституции, очень похожие на Основной закон французской Пятой республики. Ее главной особенностью выступала консолидированная президентская власть, в то время как многонациональным государствам, состоящим из разнородных племен, более подошла бы парламентарная форма правления⁷. Предложение же о создании в Сахаре федерации, время от времени выдвигавшееся туарегскими лидерами, систематически отклонялось, поскольку не отвечало запросам элит новоявленных африканских республик. Туареги в итоге были глубоко озабочены тем, что оставляемые уходящими колонизаторами управленческие схемы будут ущемлять права их этноса.

Первые выступления туарегов против нового порядка начались почти сразу после обретения Мали и Нигером независимости в 1960 году. Туареги незамедлительно начали настаивать на преобразовании молодых республик в федеративные государства, которые наделили бы их сообщества широкой автономией, в том числе и в поддержании экономических связей с туарегскими племенами в странах Магриба. Кроме того, жители пустыни предлагали предусмотреть более щедрое государственное финансирование регионов своего расселения. Наконец, они просили суверенные правительства освободить политических заключенных и провести честные выборы. (Эти настояния были особенно актуальны в контексте Мали, где режим первого президента Модибо Кейта с первых лет независимости начал преследовать оппозиционеров и искажать электоральный процесс⁸.) Новые власти, однако, не собирались прислушиваться к недовольным кочевникам: так, в ответ на первую волну возмущения малийское правительство лишь усилило репрессии в отношении племен, проживавших на плоскогорье Адрар-Ифорас, которое сделалось эпицентром протестов⁹. Как результат, в 1963–1964-м вялотекущий конфликт перерос в открытое вооруженное противостояние туарегов республиканским властям¹⁰. Затянувшийся на два года мятеж был подавлен правительственными войсками Мали, поддерживаемыми формированиями Марокко и Алжира: восставшие, не имевшие ни

7 См.: Давидчук А.С. *Указ. соч.*

8 NATHAN R. *Democracy in Early Malian Postcolonial History: The Abuse of Discourse* // *Canada Journal of Global Policy Analysis*. 2013. Vol. 68. № 3. P. 466–478.

9 Подробнее см.: LOUNÈS S. *Les Touareg veulent des Etats fédéraux au Mali et au Niger* // *Le Matin d'Algerie*. 2011. 12 juillet (www.lematindz.net/news/4563-les-touareg-veulent-des-etats-federaux-au-mali-et-au-niger.html).

10 См.: KISANGANI E.F. *The Tuareg's Rebellions in Mali and Niger and the US Global War on Terror* // *International Journal on World Peace*. 2012. Vol. 29. № 1. P. 59–97; BOILLEY P. *Les Touaregs Kel Adagh. Dépendances et révoltes: du Soudan français au Mali contemporain*. Paris: Karthala, 1999; NATHAN R. *Op. cit.*

общей стратегии, ни единого командования, оказались не в силах противостоять хорошо вооруженной регулярной армии¹¹.

Впрочем, необходимо отметить, что политическая ситуация, в которой оказались туареги в разных государствах, была различной. Если в Мали их полностью отстранили от управленческих рычагов, то в Нигере, напротив, они были даже кооптированы в состав правительства. В 1960–1974 годах, когда президентом республики был Аmani Диори, туареги занимали ряд министерских постов, включая пост министра по делам Сахары и кочевников. Эта практика поддерживалась и позже: так, с 1983-го по 1988 год обязанности премьер-министра Нигера исполнял туарег Хамид Альгабид. Кроме того, у туарегов имелась возможность выдвигаться на высокие посты в местной армии.

В целом же тем не менее крах колониальной системы привел к заметному ухудшению положения туарегов: трансформации нарушили традиционные социально-экономические связи, негативно повлияв на кочевой образ жизни. Экономика туарегов, основанная на караванной торговле, некогда была довольно прибыльным делом, но сперва приход чужаков-французов, с их «цивилизаторской миссией», а затем проведение в песках государственных границ вынуждали кочевников переходить к оседлому существованию. При этом они испытывали давление с двух флангов сразу: новые правительства, с одной стороны, игнорировали их проблемы и не желали вкладывать деньги в развитие туарегских регионов, а с другой стороны, проводили курс на «национализацию» туарегского населения, перековывая его в оседлых граждан любыми средствами, включая и принуждение¹².

ЛИВИЙСКАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ И НОВОЕ ВОССТАНИЕ

Следующий этап в истории туарегского движения пришелся на 1970-е. Он проходил под знаком сильнейшей засухи, охватившей север Мали в 1973–1974 годах. Результатом стихийного бедствия явилось резкое снижение урожайности, которое спровоцировало голод и последующий гуманитарный кризис, а также привело к географической изоляции туарегов и еще большему их отчуждению от центральных правительств¹³. Можно сказать, что катализатором нового витка противостояния между властью

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА

«КУРДЫ АФРИКИ», ИЛИ
КАК ТУАРЕГИ ОСТАЛИСЬ
БЕЗ СОБСТВЕННОГО
ГОСУДАРСТВА

11 См.: KEITA K. *Conflict and Conflict Resolution in the Sahel: The Tuareg Insurgency in Mali*. Washington, D.C.: United States Government Publishing Office, 1998; LECOCQ J.S. *“That Desert Is Our Country”: Tuareg Rebellions and Competing Nationalisms in Contemporary Mali (1946–1996)*. Doctoral dissertation. Amsterdam: Universiteit van Amsterdam, 2002.

12 KISANGANI E.F. *Op. cit.*

13 См., например: BOILLEY P. *Op. cit.*; TURRITTIN J. *Mali: People Topple Traoré // Review of African Political Economy*. 1991. № 18(52). P. 97–103.

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА

«КУРДЫ АФРИКИ», ИЛИ
КАК ТУАРЕГИ ОСТАЛИСЬ
БЕЗ СОБСТВЕННОГО
ГОСУДАРСТВА

ми Мали и туарегами Азавада стала комбинация экологических и экономических факторов.

В Нигере засуха послужила причиной государственного переворота 1974 года, совершенного группой офицеров во главе с полковником Сейни Кунче. После их прихода к власти в стране установилась военная диктатура¹⁴. Одним из первых действий Кунче на посту президента стало закрытие единственной в стране независимой газеты, выражавшей мнение оппозиции. В последующие несколько недель он использовал военных для разгона оппозиционных акций, включая мирные протесты демократически настроенной молодежи. Бывший президент Мамаду Танджа, а также ряд оппозиционных политиков оказались под арестом. Наконец, новые власти упразднили Министерство по делам Сахары и кочевников, что в свою очередь привело в 1976 году к попытке государственного переворота с участием туарегов, после провала которого последовала новая волна политических чисток. Лидеры туарегов, как и многие их приверженцы, были вынуждены искать убежище в соседней Ливии.

В 1970–1980-х между бунтующими туарегами и режимом Муаммара Каддафи в Ливии начал складываться неформальный союз. Принимая во внимание неприятие туарегами новых правительств в Мали и Нигере, а также раздражающее Ливию сохранение французского влияния в Сахеле, ливийский лидер видел в них инструмент, позволяющий укрепить его позиции в регионе. В результате ливийское правительство официально поддержало борьбу туарегов за независимость в Мали и Нигере, что еще более обострило ситуацию. Туареги в свою очередь использовали связи с ливийским руководством, чтобы получить доступ к современному оружию и разведывательной информации. Это позволило им упрочить свое положение в Сахеле. В 1980 году Каддафи издал специальный указ, которым предоставил молодым туарегам, живущим в Ливии, возможность пройти обучение в военных лагерях Джамахирии. Кроме того, туарегов стали использовать в личной охране ливийского диктатора. На руку Каддафи сыграла и вторая волна засухи, которая пришла на 1983–1986 годы и в результате которой в Ливию перебрались еще около 100 тысяч туарегов. Многие из них были интегрированы в национальную армию, послужив кадровой основой для формирования новых батальонов ливийских вооруженных сил – в том числе как называемого «Исламского легиона Каддафи»¹⁵.

Правда, к концу 1980-х мировой обвал цен на нефть и вызванная им дестабилизация ливийской экономики развернули

¹⁴ KISANGANI E.F. *Op. cit.*

¹⁵ Цуканов Л. «Большая игра» ливийских туарегов. Российский совет по международным делам. 2020. 11 июня (russiancouncil.ru/blogs/ltsukanov/bolshaya-igra-liviyskikh-tuaregov/).

миграционные потоки туарегов в обратную сторону. Правительства Мали и Нигера в тот период заявили о разработке переселенческих проектов для тех бывших беженцев, кто теперь решил вернуться домой. Впрочем, эти инициативы оказались сугубо пропагандистскими: для туарегов не было сделано ничего, а возвращаясь в родные места, они вновь сталкивались с враждебностью государства¹⁶. В ноябре 1987 года остававшиеся в Ливии туареги провели в Триполи конгресс, на который собрались бывшие члены распущенного к тому моменту «Исламского легиона»; спустя какое-то время некоторые из них возглавили различные группировки туарегов, добивающиеся освобождения Азавада. Вместе с тем с 1988 года малийские туареги начали возвращаться из Ливии на родину, чувствуя в себе потенциал, позволяющий поднять новое восстание¹⁷. В Нигере же уход президента Кунче, состоявшийся в 1987 году, повлек за собой смягчение режима и ослабление давления на туарегов. А новый президент Али Саibu предложил туарегским вождям принять участие в Национальной конференции, проходившей с июля по ноябрь 1991 года и призванной заложить основы демократического развития.

Наметившаяся, как показалось наблюдателям, новая политика в отношении туарегов в Нигере не привела, однако, к разрешению их многочисленных проблем. Возвращение почти 20 тысяч кочевников из Ливии нисколько не изменило их положения, поскольку обещанная новыми властями помощь до них так и не дошла. Как следствие, среди туарегов нарастали разочарование и фрустрация, постепенно выливавшиеся в протестные выступления. В мае 1990 года в ходе одной из таких акций, организованной молодыми туарегами, был убит военнослужащий армии Нигера. В ответ армейские подразделения устроили резню, в ходе которой были истреблены более трехсот туарегов¹⁸. Эти трагические события послужили сигналом к бунту туарегов Нигера, который сделался составной частью второго туарегского восстания в Сахеле. Основной ареной столкновений армии с повстанцами стали северные районы страны, расположенные вокруг городов Агадес и Арлит. Там сосредоточены предприятия по добыче урана; несмотря на довольно вялый характер военных действий, иностранных специалистов спешно оттуда эвакуировали, что нанесло ощутимый урон экономике Нигера¹⁹.

16 STEPHEN A.R. *Understanding Tuareg Insurgency in Northern Niger: A Study of Nigerien Movement for Justice* // International Journal for Social Studies. 2017. Vol. 3. № 10. P. 123–130.

17 KISANGANI E.F. *Op. cit.*

18 KRINGS T. *Marginalisation and Revolt among the Tuareg in Mali and Niger* // GeoJournal. 1995. Vol. 36. № 1. P. 60.

19 См.: SCHRITT J. *Janus-Faced Activists: The Social and Political Embeddedness of Civil Society in Niger* // Africa. 2020. Vol. 90. № 2. P. 357–376.

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА

«КУРДЫ АФРИКИ», ИЛИ
КАК ТУАРЕГИ ОСТАЛИСЬ
БЕЗ СОБСТВЕННОГО
ГОСУДАРСТВА

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
«КУРДЫ АФРИКИ», ИЛИ
КАК ТУАРЕГИ ОСТАЛИСЬ
БЕЗ СОБСТВЕННОГО
ГОСУДАРСТВА

Учитывая трансграничное расселение туарегских племен, поднятое ими в Нигере восстание практически сразу перекинулось на территорию соседнего Мали. Впрочем, довольно скоро при посредничестве Алжира «Национальное движение за освобождение Азавада» и правительство в Бамако подписали мирное соглашение. В соответствии с этим документом, вступившим в силу в 1991 году, повстанцам были предложены один пост министра, ряд иных должностей в государственной администрации, возможность интегрироваться в национальные вооруженные силы и почти половина государственного бюджета развития на следующие несколько лет. Договаривающиеся стороны предполагали, что запуску социально-экономического развития Северного Мали будет способствовать децентрализация власти²⁰.

Выполнению договоренностей, однако, помешали новые политические потрясения в Мали: после того, как в марте 1991 года в столице произошел очередной мятеж, взявшие власть путчисты заявили о своем неприятии подписанного с туарегами соглашения. Возглавлявший их полковник Амаду Тумани Туре запустил переговорный процесс заново, опять пригласив Алжир выступить в качестве посредника. В свою очередь туареги подготовились к новому этапу, консолидировав свои силы: их лидеры учредили «Объединение движений и фронтов Азавада», чем заметно укрепили свои переговорные позиции. Благодаря этому стороны довольны быстро договорились о прекращении огня и начале очередного раунда диалога²¹. Переходное правительство во главе с Амаду Тумани Туре предложило даже более масштабную программу децентрализации, способную удовлетворить не только туарегов, но и более широкие слои населения республики²². В результате между правительством, политическими партиями и «Объединением движений и фронтов Азавада» был подписан Национальный пакт, предусматривавший определенную степень автономии для туарегских регионов. Воспроизводя положения предыдущего, сорванного, соглашения, документ вновь приглашал туарегов в государственный аппарат и национальную армию. Помимо этого, трем северным регионам был обещан особый правовой статус, а также возможность создать собственную ассамблею, наделенную полномочиями взаимодействовать с внешними партнерами. В окончательном виде все перечисленное начало работать с 1992 года.

20 SOUR L. *The Strategy of Securitization in African Sahel: Regional Arrangements and Transnational Security Challenges* // International Journal of Political Science. 2015. Vol. 1. № 2. P. 11.

21 Подробнее см.: Филиппов В.Р. *Азавад – самопровозглашенное государство туарегов* // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 1. С. 214–227.

22 NORRIS C. *Mali – Niger: Fragile Stability*. Geneva: UNHCR Centre for Documentation and Research, 2001 (<https://digitallibrary.un.org/record/626346>).

ТУАРЕГСКАЯ МНОГОПАРТИЙНОСТЬ

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА

«КУРДЫ АФРИКИ», ИЛИ
КАК ТУАРЕГИ ОСТАЛИСЬ
БЕЗ СОБСТВЕННОГО
ГОСУДАРСТВА

Однако заключенное соглашение устроило не всех повстанцев: некоторые из них вновь взяли за оружие. План децентрализации вызывал опасения – туареги публично возмущались планируемым разделом всей их территории на коммуны. Из-за внутренних распрей «Национальное движение за освобождение Азавада» распалось на несколько фракций, причем противники и сторонники национального пакта сформировали отдельные группы. Более умеренные туарегские силы учредили «Народное движение Азавада», одним из главных политических требований которого было предоставление особого статуса северным регионам Мали. В этой связи его руководитель и бывший член «Исламского легиона» Ияд Аг Гали подчеркивал, что речь должна идти не столько о терминологии, сколько о сути: по его словам, «даже федерализм – это особый статус»²³. В свою очередь туарегские радикалы сформировали «Народный фронт освобождения Азавада» и «Революционную народную армию Азавада», которые настаивали на полной независимости земель туарегов²⁴.

Пока в Мали шли все эти процессы, в соседнем Нигере также предпринимались попытки снять напряженность во взаимоотношениях с туарегским меньшинством. Их инициатором выступал президент Али Саibu, затеявший ради этой цели упоминавшуюся выше Национальную конференцию. Однако спустя несколько месяцев, убедившись, что правительственное мероприятие никак не отразилось на их положении, туареги отказались признать ее результаты и в октябре 1991 года создали «Фронт освобождения Аира и Азавада». В этом объединении опять преобладали ветераны «Исламского легиона», которых возглавляли Мано Даяк и Рисса Аг Була. Фронт требовал автономии для туарегов, предоставлении им квот в органах власти и армии, бюджетных вложений в развитие северного Нигера, а также рабочих мест на урановых рудниках Арлита. Как подчеркивал один из его руководителей, Фронт «не выступает с требованием независимости, а лишь требует внедрения федеративной системы, при которой все нации получили бы свои территориально-административные единицы»²⁵.

Несмотря на то, что часть туарегов разочаровалась в Национальной конференции, это событие тем не менее положило начало демократическому процессу в Нигере. В апреле 1992 года, когда на президентских выборах в этой стране победил Махаман Усман, были инициированы мирные переговоры между

23 Цит. по: Ibid.

24 KISANGANI E.F. *Op. cit.*

25 Цит. по: NORRIS C. *Op. cit.*

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
«КУРДЫ АФРИКИ», ИЛИ
КАК ТУАРЕГИ ОСТАЛИСЬ
БЕЗ СОБСТВЕННОГО
ГОСУДАРСТВА

правительством и туарегами, проходившие под эгидой Алжира и Франции. Однако достижение намечавшегося компромисса сорвалось из-за междоусобного конфликта двух лидеров «Фронта освобождения Аира и Азавада» – Мано Даяка и Риссы Аг Булы. В июле 1993 года первый из них покинул созданное ими объединение, учредив собственный «Фронт освобождения Тамуста». Одновременно сторонники более жесткой линии на переговорах с центральным правительством, которых возглавлял Аттахер Абдельмуниң, создали «Революционную армию Северного Нигера». Их позиция предполагала предоставление полной автономии туарегским регионам Нигера и оспаривание всех уступок, на которые прежде пошел «Фронт освобождения Аира и Азавада». Как бы то ни было, к концу 1993 года этот Фронт и «Революционная армия Северного Нигера» вновь решили объединить силы, создав «Координационный совет вооруженного сопротивления», в который вошли оба недавних оппонента – Рисса Аг Була и Мано Даяк²⁶.

Таким образом, как в малийском, так и в нигерском случае национальный диалог начала 1990-х не смог погасить волну туарегского недовольства, что привело к очередному витку конфликта. Несмотря на подписанный Национальный пакт, уже в 1994 году в Мали разразилась кровопролитная война между самими туарегскими группировками, что сделало соблюдение ранее достигнутых договоренностей проблематичным. Одну сторону этого антагонизма представлял «Народный фронт освобождения Азавада», выступавший в альянсе с «Революционной народной армией Азавада» и «Арабским исламским фронтом Азавада» – еще одной партизанской группировкой, которая поддерживала договор 1991 года с властями Мали, а противостояло этому блоку «Народное движение Азавада». Главным выгодоприобретателем в этой распре, как и следовало ожидать, оказалось центральное правительство, которое поддержало более умеренную сторону в лице «Народного движения Азавада». В результате именно это объединение и одержало победу, вынудив прочие группы подписать большое мирное соглашение 15 декабря 1994 года и заключить нескольких мирных пактов локального уровня. Что касается замирения малийских туарегов с центральными властями, то его удалось добиться только через два года: отмечая это событие, в марте 1996-го туарегское племя мира провело в Томбукту церемонию, в ходе которой были уничтожены 3600 единиц повстанческого оружия²⁷. После этих

26 KISANGANI E.F. *Op. cit.*

27 КОРТАЕВ А.В., ЛЮКУМОВИЧ Я.Б., ХОХЛОВА А.А. *Революционные события в Мали (1960–2021 гг.) // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Революционные процессы в африканской макрорегии нестабильности и их глобальный контекст* / Под ред. Л.Е. ГРИНИНА, А.В. КОРТАЕВА, Д.А. БЫКАНОВОЙ. М.: Учитель, 2021. С. 336.

памятных событий малийские власти пытались преодолевать проблему туарегского сепаратизма, понемногу внедряя начала федерализации, но получалось у них плохо. Спустя десятилетие в Мали вспыхнуло очередное туарегское восстание.

Параллельно урегулированием своих внутренних конфликтов занимались и туареги Нигера. В марте 1995 года они консолидировались в рамках единой структуры под названием «Организация вооруженного сопротивления». Выдвинутые ею требования включали самоуправление для территорий, где традиционно жили туареги, предоставление им семи портфелей в правительстве Нигера и пятнадцати кресел в парламенте, резервирование за туарегами половины командных должностей в армии, выделение четверти национального бюджета для северных регионов. Именно с этой организацией власти договорились о перемирии. К соглашению, однако, отказался присоединиться Мано Даяк, занявшийся вместо этого сколачиванием очередного варианта революционной армии нигерских туарегов. Уход этого лидера в «автономное плавание» привел к преобразованию «Организации вооруженного сопротивления» в новую коалицию, названную «Союзом сил вооруженного сопротивления» и изображавшую себя единственным органом, который способен гарантировать мирные соглашения 1995 года с туарегской стороны. Однако и на этот раз умиротворение провалилось: в начале 1996-го в Нигере разразился конституционный кризис, вызванный непримиримым противостоянием между президентом Махаманом Усманом и премьер-министром Хамой Амаду и завершившийся, как водится, очередным государственным переворотом 27 января 1996 года.

**ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЬКИНА**

«КУРДЫ АФРИКИ», ИЛИ
КАК ТУАРЕГИ ОСТАЛИСЬ
БЕЗ СОБСТВЕННОГО
ГОСУДАРСТВА

Мнимость единения

Третье туарегское восстание, развернувшееся в 2006 году, сразу же сделалось международным. Во-первых, в зоне Сахеля появился новый интернациональный актер в лице «Аль-Каиды в исламском Магрибе» (запрещенной в России). А во-вторых, уже на первых его этапах сложился альянс туарегов Мали и Нигера, вобравший в себя военизированные формирования из обеих стран. (Второе туарегское восстание тоже охватывало Мали и Нигер, но тогда координация между туарегами двух стран была гораздо слабее.) Вместе с тем стоит отметить, что движение северных народов Мали трудно было назвать единым: в нем все чаще проявлялись «серьезные противоречия между туарегами и арабами, а также конфликты туарегов и арабов с более оседлыми народами фульбе и сонгай, не говоря

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА

«КУРДЫ АФРИКИ», ИЛИ
КАК ТУАРЕГИ ОСТАЛИСЬ
БЕЗ СОБСТВЕННОГО
ГОСУДАРСТВА

уже о столкновениях между ними и “Аль-Каидой”» (также за-
прещенной в России)²⁸.

Попытки погасить очередное туарегское восстание были предприняты незамедлительно. В 2006 году благодаря усилиям алжирского президента Абдель Азиза Бутефлики правительству Мали удалось договориться о заключении мирного соглашения с инсургентами, которое было подписано в малийском городе Кидаль. По итогам договоренностей для региона была разработана специальная инвестиционная программа, контроль над исполнением которой возлагался на специально созданный координационный совет. Правительство Мали также согласилось вывести свои войска из туарегских городов и интегрировать повстанцев-туарегов обратно в вооруженные силы²⁹. Туарегам, однако, предложенного показалось недостаточно, и это сразу же заставило наблюдателей усомниться в том, что договор будет соблюдаться. В мае 2006 года бывшие комбатанты 1990-х, которых возглавил Ибрагим Аг Баханга, учредили новую туарегскую организацию – «Демократический альянс за перемены», – сразу же обвинившую Бамако в нарушении договоренностей и потребовавшую перейти к федеративной системе. Этот демарш обернулся новыми мятежами, в центре которых оказались малийские города Кидаль и Менака.

Как не раз случалось в Сахеле, одновременно с малийскими в середине 2000-х восстали и нигерские туареги. Они требовали от властей равноправного распределения доходов от природных богатств страны, а также доступа к постам в вооруженных силах и государственном аппарате³⁰. Их возмущение собственным положением стало одним из факторов, способствовавших зарождению третьего восстания, которое очень быстро распространилось по всему региону Сахеля. Обострение ситуации побудило президента Мали Амаду Туре встретиться с Муаммаром Каддафи; стороны договорились провести в Триполи встречу глав государств, на территориях которых проживают туареги. Но собрать это представительное мероприятие не удалось, что обернулось еще большей эскалацией конфликта. На этой стадии туарегские формирования под руководством Ибрагима Аг Баханги захватили город Тинзауатен на границе Мали с Алжиром, потребовав вывести малийские войска из одноименного региона и выделить туарегам дополнительные бюджетные субсидии³¹.

28 Там же. С. 341.

29 KISANGANI E. F. *Op. cit.*

30 Нечитайло Д. А. «Ансар ад-Дин» – «туарегский талибан». Институт Ближнего Востока. 2013. 25 января (www.iimes.ru/?p=16625).

31 SOUR L. *Op. cit.*

Военные вылазки, впрочем, не мешали бурному организационному брожению в туарегском стане. В начале 2008 года бывший лидер «Фронта освобождения Аира и Азавада» Агали Аг Аламбо и бывший капитан армии Нигера, перешедший к повстанцам, Мохаммад Ашариф учредили новую группировку – «Движение нигерцев за справедливость», которое настаивало на «более справедливом распределении прибылей от урана». Имея связи с туарегами по всей территории Сахеля, Движение наиболее тесно взаимодействовало с малийскими повстанцами, получая от них политическое и военное содействие – в особенности от формирований, которые возглавлял Ибрагим Аг Баханга. Кроме этого, движение опиралось на помощь со стороны повстанческих группировок тубу, действующих на самом востоке Нигера, особенно от «Вооруженных революционных сил Сахары»³². Продолжая генерировать все новые организации, вскоре лидеры повстанцев объявили о создании «Альянса туарегов Нигера и Мали», официальным лидером которого был объявлен Хама Аг Сид Ахмед. Отличительной чертой новоявленного альянса стало то, что он более настойчиво, чем иные туарегские организации, продвигал «урановую проблему», и это неудивительно: зона Сахеля, которую стремились взять под контроль его лидеры, таит в себе богатые залежи урановой руды – пятую часть всех разведанных месторождений урана.

Противостояние туарегов с властями Мали и Нигера с переменным успехом продолжалось вплоть до конца 2000-х. Хотя в ходе этих распрей туареги нередко выступали единым фронтом, действуя поверх государственных границ, в конечном счете принцип *nation-state* возобладал: судьбы туарегов в разных суверенных государствах оказались различными. В Нигере мирные переговоры правительства с партизанами начались весной 2009 года – при посредничестве ООН, Алжира, Мали и Ливии. В начале мая 2009 года президент Мамаду Танджа посетил Агадес, где встретился с лидерами «Движения нигерцев за справедливость»; глава государства пообещал им всеобщую амнистию при соблюдении туарегами двух условий: разоружения и освобождения взятых во время конфликта заложников. Если второе условие было выполнено немедленно, то первое, как и следовало ожидать, в полном объеме выполнить не удалось³³. Тем не менее мирное соглашение между сторонами все же было подписано; оно положило конец длившемуся многие годы масштабному конфликту между правительством Нигера и туарегскими сообществами. В целом договоренности 2009

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА

«КУРДЫ АФРИКИ», ИЛИ
КАК ТУАРЕГИ ОСТАЛИСЬ
БЕЗ СОБСТВЕННОГО
ГОСУДАРСТВА

32 Подробнее см.: *Conflict Database: Niger*. Uppsala Conflict Data Programme. 2009 (www.pcr.uu.se/gpdatabase/gpcountry.php?id=118®ionSelect=1-Northern_Africa).

33 См.: ELISCHER S. *After Mali Comes Niger* // *Foreign Affairs*. 2013. Vol. 12. P. 392–406.

**ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА**
«КУРДЫ АФРИКИ», ИЛИ
КАК ТУАРЕГИ ОСТАЛИСЬ
БЕЗ СОБСТВЕННОГО
ГОСУДАРСТВА

года привели к «интеграции части туарегских боевиков в нигерскую армию и инкорпорации части туарегской контрэлиты в нигерский истеблишмент, а также к укреплению автономии северных областей страны и более удовлетворявшему их обитателей распределению доходов от их природных богатств»³⁴.

Ситуация в Мали развивалась по более сложному сценарию. Здесь надежда на достижение равновесия появилась лишь после того, как малийские власти вынужденно возобновили в 2010 году деятельность Верховного органа национального примирения и демократической консолидации. Эта структура, появившаяся еще в 1990-е, помогала интегрировать бывших туарегских комбатантов и мирное туарегское население в политическую, экономическую и социальную жизнь страны. Ее реанимация после длительного бездействия стала явным шагом малийских властей навстречу «Демократическому альянсу за перемены»³⁵. 11 января 2010 года в Алжире прошла встреча представителей группировок и племенных вождей малийских туарегов, входящих в Альянс. Однако от участия в мероприятии неожиданно отказался Хамада Аг Биби – неформальный лидер этой организации, – который заявил, что «встреча в Алжире не имеет отношения к альянсу», и предложил ее участникам не отождествлять себя с ним³⁶. Одновременно сторонники Аг Биби организовали альтернативную встречу в Бамако. В результате внутри Альянса наметился раскол на «умеренных» во главе с Аг Биби, готовых к сотрудничеству с малийским правительством, и «радикалов» во главе с Хама Аг Сид Ахмедом, жестко отстаивавших курс на политический суверенитет и контроль над месторождениями урана³⁷. Иначе говоря, малийскому правительству удалось не только расколоть ряды туарегов, но и добиться, пусть временно, взаимопонимания с их умеренным крылом.

«АРАБСКАЯ ВЕСНА» В САХЕЛЕ

Существенным отличием четвертого туарегского восстания от предыдущих оказалось комбинированное присутствие двух внешних факторов, обусловленных потрясениями «арабской весны». Первым из них стало укрепление исламистских групп-

34 КОРТАЕВ А.В., ЗИНЬКИНА Ю.В., ХОХЛОВА А.А., ЛЮКОМОВИЧ Я.Б. *Революционные и квазиреволюционные процессы в Нигере // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков...* С. 427–428.

35 Подробнее см.: BOUHLEL-HARDY F., GUICHAOUA Y., TAMBOURA A. *Tuareg Crises in Niger and Mali*. Paris: French Institute of International Relations, 2008 (www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/Sem_Tuaregcrises_EN.pdf).

36 Куделев В.В. *О некоторых итогах алжирской встречи туарегов*. Институт Ближнего Востока. 2010. 2 марта (www.iimes.ru/?p=10222).

37 Филиппов В.Р. *Туареги Мали: долгий путь к миру // Азия и Африка сегодня*. 2012. № 9. С. 46–51.

пировок, особенно заметное в первой половине 2010-х, а вторым – крах режима Каддафи, после которого в Мали пошел поток нелегального оружия из Ливии. Туареги, состоявшие в рядах вооруженных сил Джамахирии, после 2011 года в массовом порядке начали присоединяться к военизированным формированиям в Мали³⁸. «Импортированный радикализм вкупе с хлынувшим из соседних охваченных конфликтами стран оружием оказал существенное влияние на усиление военного потенциала туарегов»³⁹. В результате уже в апреле 2012 года повстанцы провозгласили создание государства Азавад.

Как отмечалось выше, во второй половине XX века многие кочевники, стремясь спастись от засухи и политического давления, покидали регион традиционного расселения и обосновывались в соседних странах. Так, в 1980-х в ливийской армии состояли около 12 тысяч туарегов⁴⁰. Кроме того, многие туареги попали в Ливию уже после начала ливийской революции, сделавшись наемниками Каддафи. Когда режим рухнул, все эти воины отправились по домам. Массовый исход вооруженных туарегов в сочетании с воздействием алжирских исламистов повлек за собой заметный рост политического насилия и террористической активности, а распространение оружия и внутренняя слабость стран Сахеля послужили предпосылками для новых туарегских восстаний⁴¹.

К 2012 году ситуация осложнилась появлением в туарегских рядах радикально настроенных групп, среди которых в первую очередь стоит выделить новообразованное «Национальное движение за освобождение Азавада» (НДОА) (эта организация не имела отношения к действовавшей в 1990-е группировке с таким же названием). Она была создана в октябре 2011 года из числа туарегов, вернувшихся из ливийской армии и решивших заняться туарегским вопросом на севере страны⁴². Своей целью движение считало создание независимого государства для сонгай, арабов, фулани и туарегов или как минимум получение автономии в рамках малийской республики⁴³. Кроме нее,

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЬКИНА

«КУРДЫ АФРИКИ», ИЛИ
КАК ТУАРЕГИ ОСТАЛИСЬ
БЕЗ СОБСТВЕННОГО
ГОСУДАРСТВА

- 38** Подробнее см.: KEENAN J. *The Dying Sahara: US Imperialism and Terror in Africa*. London: Pluto Press, 2013; MOSELEY W.G. *The Minimalist State and Donor Landscapes: Livelihood Security in Mali during and after the 2012–2013 Coup and Rebellion* // *African Studies Review*. 2017. Vol. 60. № 1. P. 37–51; SOLOMON H. *Mali: West Africa's Afghanistan* // *The RUSI Journal*. 2013. Vol. 158. № 1. P. 12–19; SHAW S. *Fallout in the Sahel: The Geographic Spread of Conflict from Libya to Mali* // *Canadian Foreign Policy Journal*. 2013. Vol. 19. № 2. P. 199–210.
- 39** КОРОТАЕВ А.В., ЛЮКОМОВИЧ Я.Б., ХОХЛОВА А.А. *Указ. соч.* С. 344.
- 40** DANJIBO N.D. *The Aftermath of the Arab Spring and Its Implication for Peace and Development in the Sahel and Sub-Saharan Africa* // *The Strategic Review for Southern Africa*. 2013. Vol. 35. № 2. P. 25.
- 41** LARÉMONT R. *After the Fall of Qaddafi: Political, Economic, and Security Consequences for Libya, Mali, Niger, and Algeria* // *Stability: International Journal of Security and Development*. 2013. Vol. 2. № 2. P. 1–8 (www.stabilityjournal.org/articles/10.5334/sta.bq).
- 42** JALALI M. *Tuareg Migration: A Critical Component of Crisis in the Sahel*. Migration Policy Institute. 2013. 30 May (www.migrationpolicy.org/article/tuareg-migration-critical-component-crisis-sahel).
- 43** DOWNIE R. *Collective Insecurity in the Sahel: Fighting Terror with Good Governance* // *Georgetown Journal of International Affairs*. 2015. Vol. 16. № 1. P. 70–78.

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
«КУРДЫ АФРИКИ», ИЛИ
КАК ТУАРЕГИ ОСТАЛИСЬ
БЕЗ СОБСТВЕННОГО
ГОСУДАРСТВА

на первые роли в Мали вышли еще две радикальные группы: «Ансар ад-Дин» и «Движение за единство и джихад в Западной Африке», которые возглавили Ияд Аг Гали и Хамада ульд Мохамед Хейру соответственно. В отличие от НДОО, эти организации, выступая за создание государства туарегов на севере Мали, видели его основанным на нормах шариата. Не удивительно, что каждая из них имела связи с «Аль-Каидой в исламском Магрибе»⁴⁴.

Ситуация в туарегских районах Сахеля окончательно вышла из-под контроля в январе 2012 года, когда бывшие ветераны туарегских батальонов Каддафи атаковали город Менака на севере Мали. Выступая под знаменами НДОО, мятежники потребовали учреждения независимого анклава, вбирающего в себя земли туарегов на севере Мали и Нигера, а также на юге Алжира. После этой вылазки в феврале–марте того же года на севере Мали началась полномасштабная война, в ходе которой туареги вытеснили правительственную армию с этих территорий. Малийское государство не выдержало такой перегрузки; 21 марта диктатор Амаду Тумани Туре был свергнут группой младших офицеров, недовольных бессилием властей перед лицом туарегского восстания. Между тем 6 апреля 2012 года НДОО провозгласило независимость региона Азавад, объявив его столицей город Гао, а 26 мая подписало совместный меморандум с «Ансар ад-Дин», согласно которому стороны обязались совместно строить в Азаваде исламское государство, руководствующееся нормами шариата.

Однако почти сразу после подписания соответствующего меморандума НДОО подверглось критике со стороны секулярного сегмента туарегского сообщества, призвавшего денонсировать договоренности с «Ансар ад-Дин» из-за несовместимости политических принципов двух группировок и неприятия населением Азавада принципов «джихадистского государства». В результате 1 июня 2012 года альянс двух организаций распался, после чего исламисты из «Ансар ад-Дин» взяли под свой контроль города Гао и Томбукту⁴⁵. С середины 2012 года конфликт туарегов и правительства Мали перерос в противостояние трех сторон: туарегских объединений, центральных властей и радикальных исламистов – причем последние воевали как против первых, так и против вторых⁴⁶. Бои между туарегскими националистами и исламскими фундаменталистами быстро выявили силовое превосходство радикалов: как отмечали наблюдатели, решающую роль в разгроме туарегских сепаратистов сыграли

44 См.: LARÉMONT R. *Op. cit.*

45 Бобохонов Р.С. *Радикальные течения ислама в Африке: Ансар ад-Дин. Мали // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2020. № 6. С. 6–10.*

46 КОРТАЕВ А.В., ЛИОКУМОВИЧ Я.Б., ХОХЛОВА А.А. *Указ. соч. С. 347.*

именно вооруженные исламисты, а не малийская армия⁴⁷. Следует сказать, что альянс НДООА с исламистами не только ударил по туарегам в военно-стратегическом отношении, но и дискредитировал национально-освободительное движение Азавада в глазах международного сообщества и демократических стран. В итоге перспективы международного признания будущего туарегского государства, и без того зыбкие, стали еще туманнее.

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА

«КУРДЫ АФРИКИ», ИЛИ
КАК ТУАРЕГИ ОСТАЛИСЬ
БЕЗ СОБСТВЕННОГО
ГОСУДАРСТВА

Альянс с исламистами не только ударил по туарегам в военно-стратегическом отношении, но и дискредитировал национально-освободительное движение Азавада в глазах международного сообщества и демократических стран. В итоге перспективы международного признания будущего туарегского государства, и без того зыбкие, стали еще туманнее.

В начале 2013 года передовые отряды боевиков вплотную подошли к малийской столице; власти Бамако были спасены от краха государственности лишь благодаря контртеррористической операции «Сервал», предпринятой Францией в январе 2013 года (летом 2014-го ее сменила операция «Бархан»), и введению в страну крупного контингента Многопрофильной комплексной миссии ООН по стабилизации в Мали (MINUSMA)⁴⁸. После успешного наступления на исламистов, возглавляемого французами, между правительством и туарегскими группами севера в июне 2013 года было заключено временное мирное соглашение. Оно, однако, было нарушено в ноябре 2013 года – после того, как малийские солдаты застрелили нескольких туарегов, протестовавших против визита премьер-министра Мали в Кидаль. Положение в соседнем Нигере в то время выглядело более устойчивым, поскольку там географическое рассредоточение туарегов не позволяло им эффективно консолидировать свои усилия. Кроме того, нигерский президент Малика Махаммаду Иссуфу в очередной раз расширил представительство туарегов в органах власти, что позволило более успешно, чем это делалось в Мали, интегрировать их в политическую и социально-экономическую жизнь страны.

В июне 2013 года в Уагадугу, столице Буркина-Фасо, прошли переговоры между официальным Бамако и туарегскими повстанцами, удерживавшими под контролем город Кидаль,

⁴⁷ См.: DOWNIE R. *Op. cit.*

⁴⁸ Подробнее см.: МАМЕД-ЗАДЕ П. *Уязвимые в Сахеле: почему «Группа пяти» не может противостоять боевикам* // ТАСС. 26 июля (tass.ru/opinions/5405017).

**ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА**
«КУРДЫ АФРИКИ», ИЛИ
КАК ТУАРЕГИ ОСТАЛИСЬ
БЕЗ СОБСТВЕННОГО
ГОСУДАРСТВА

отбитый ими у исламистов. Результатом диалога стало соглашение, предусматривающее прекращение огня, разоружение туарегов, их отказ от притязаний на отделение и независимость, а также передачу Кидаля под контроль правительства Мали. Разумеется, оно не было выполнено. На протяжении последующих нескольких лет подобные соглашения снова подписывались и снова разрывались – в основном по инициативе туарегской стороны. Следует констатировать, что такого рода «миротворческий процесс» практически не затрагивает самой сути туарегской проблемы. Последняя, однако, никуда не делась и сегодня, и если правительство Мали не найдет для нее решения, то сепаратизм туарегов в сочетании с исламистской угрозой вполне может покончить с государственностью в этой стране.

Буркина-Фасо и террористический кризис в Сахеле¹

НАТАЛЬЯ
ЖЕРЛИЦЫНА

В последнее десятилетие международное сообщество напряженно следит за происходящим в Сахеле. Сложный характер кризиса в этом регионе со временем лишь усугубляется, превращая территории Мали, Буркина-Фасо, Нигера и Чада в неуправляемое пространство, находящееся во власти транснациональной преступности и глобального радикализма. И для соседних стран, и для Европы такая ситуация чревата нарастанием политической нестабильности, снижением безопасности и расширением нерегулируемой миграции. Хотя эпицентр нынешнего конфликта находится в Мали, а в других частях Сахеля положение не столь тяжелое, все страны региона в той или иной степени страдают от недееспособности государственной власти и вытекающей из этого нестабильности. По отдельности ни одна из стран региона не в состоянии адекватно реагировать на проблемы жизнеобеспечения, с которыми в настоящее время сталкивается их население.

Конфликт в Сахеле зачастую преподносится как совокупное следствие экспансии салафитской идеологии и распространения транснациональной преступности. Но, хотя упомянутые факторы действительно ощутимо влияют на безопасность, в основе конфликтов в этом регионе вовсе не обязательно лежат вопросы религиозно-идеологического или криминального плана. Стоит иметь в виду, что многие местные противоречия обусловлены разногласиями по поводу доступа к природным ресурсам, которые становятся все более острыми по мере того, как растет население и меняется климат. Конфликты из-за прав на землю в Сахеле могут возникать как между соседними общинами, использующими земельные ресурсы сходным образом, так и между общинами, ведущими разное землепользование – например, между земледельцами и скотоводами. Земля есть ключевой ресурс, обеспечивающий выживание в настоящем и будущем. Соответственно, доступ к ней приходится защищать любыми средствами, в том числе и обращением к боевикам-джихадистам – если иные альтернативы отсутствуют.

Наталья Александровна Жерлицына (р. 1966) – ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, доцент Российского университета дружбы народов.

1 Статья подготовлена в рамках гранта РФФ 19-18-00155-П «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

МНОЖЕСТВЕННЫЕ ФАКТОРЫ КОНФЛИКТА

Борьба за ресурсы в Сахеле накладывается на традиционные этнические противоречия. Поскольку пахотных земель становится все меньше из-за опустынивания, которое усугубляется всемирным потеплением, неочевые группы (догоны) все жестче конкурируют с кочевыми (фулани) за доступ к ресурсам, создавая предпосылки для неослабевающей напряженности. Как нередко бывает в Африке, корни этно-расовых разногласий уходят в колониальные времена, когда кочевые скотоводы Сахары и Сахеля (мавры, туареги, фулани, тубу, загава и другие) и оседлые земледельцы с юга оказались невольными соседями в искусственных границах государственных образований, созданных колонизаторами. При этом бывшие хозяева резервировали политическое господство за оседлыми группами, отводя кочевым группам подчиненное положение. Именно поэтому, например, в последнее время в центральных провинциях Мали – таких, как Мопти, – вооруженные отряды джихадистов терроризируют лидеров этнической группы догонов (в основном земледельцев), которых они обвиняют в поддержке малийского государства. Догоны в свою очередь создают отряды самообороны, бойцы которых нападают не только на экстремистов, но и на гражданских лиц, чаще всего из числа фулани-скотоводов, обвиняемых догонами в сотрудничестве с джихадистами. Насилие, набравшее обороты на протяжении нескольких лет, достигло пика в марте 2019 года, когда боевики-догоны в ходе только одной акции убили более 160 фулани, включая женщин и детей². Понимая, что государство не способно защитить их, фулани обращаются за помощью к исламистским вооруженным формированиям. Некоторые из них сами присоединились к джихадистам, которые были рады использовать напряженность для пополнения своих рядов. Межобщинный конфликт, начавшийся в центральной части Мали, позже перекинулся на Буркина-Фасо и Нигер. Сегодня похожие споры из-за земли генерируют насилие между фулани и мосси в Буркина-Фасо, а также между фулани, туарегами и дауссахаканами в Нигере. В одной из наиболее кровавых акций, проведенной 2 января 2021 года на западе Нигера, исламистские боевики убили более сотни мирных жителей в районе Тиллабери, недалеко от границы страны с Мали и Буркина-Фасо³.

Гуманитарная ситуация в Сахеле продолжает ухудшаться с начала 2020-х; прежде всего это происходит из-за сниже-

2 См.: АВВАС Т. *Countering Violent Extremism: The International Deradicalization Agenda*. London: I.B. Tauris, 2021. P. 137.

3 AFP: в Нигере исламисты убили в двух поселках 100 жителей // ТАСС. 2021. 3 января (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10401911>).

ния уровня безопасности, поскольку гражданское население все чаще подвергается нападениям со стороны как джихадистских групп, так и национальных сил безопасности, поддерживаемых международными воинскими контингентами. В течение 2020 года в Буркина-Фасо, Мали и Нигере были убиты почти семь тысяч человек⁴. В первых двух странах от рук местных ополченцев и национальных сил безопасности погибло больше гражданских лиц, чем из-за атак вооруженных исламистов: это жертвы карательных операций, которые правительственные войска проводят против населения, обвиняемого ими в поддержке исламистских группировок. Нынешнее положение в Сахеле можно назвать чрезвычайным – военные действия и дисфункции государства создают угрозу голода, побуждающую людей к массовым перемещениям внутри государственных границ и за их пределы. Сохраняется острая потребность в гуманитарной помощи в таких областях, как снабжение продовольствием и водой, медицинское и санитарное обслуживание, обеспечение жильем, предоставление образования, защита жертв гендерного насилия.

НАТАЛЬЯ ЖЕРЛИЦЫНА
БУРКИНА-ФАСО
И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ
КРИЗИС В САХЕЛЕ

Земля есть ключевой ресурс, обеспечивающий выживание в настоящем и будущем. Доступ к ней приходится защищать любыми средствами, в том числе и обращением к боевикам-джихадистам – если иные альтернативы отсутствуют.

С 2017 года Африканский центр стратегических исследований зафиксировал почти семикратное увеличение случаев насилия в центральном Сахеле, причем только в 2020-м число вооруженных атак увеличилось на 44%⁵. В 2019-м Буркина-Фасо пострадала от нападений джихадистов больше, чем любая другая страна Сахеля. Едва ли не ежедневные вылазки исламистов (и ответные акции ополченцев) вынудили сотни тысяч людей покинуть свои дома и привели к закрытию сотен больниц и школ по всей стране. Сегодня эта страна демонстрирует наиболее глубокий гуманитарный кризис в мире: с 2018-го по 2020 год число перемещенных лиц в ней выросло более чем в десять раз. Подобный рост, который с полным основа-

4 BRACHET J. *The Sahel, Europe's «Frontier Zone» for African Migrants*. Italian Institute for International Political Studies. 2021. March 3 (www.ispionline.it/en/publicazione/sahel-europes-frontier-zone-african-migrants-29307).

5 *The Impact of the Sahel Conflict on Cross-Border Movements from Burkina Faso and Mali towards Côte d'Ivoire and Ghana*. Mixed Migration Center Research Report. May 2021. P. 16 (<https://reliefweb.int/report/burkina-faso/impact-sahel-conflict-cross-border-movements-burkina-faso-and-mali-towards-c-te>).

нием можно признать беспрецедентным, заставляет проанализировать ситуацию в этом африканском государстве более детально.

АФРИКАНСКАЯ СТРАНА В УСЛОВИЯХ ДЖИХАДИСТСКОГО ВЫЗОВА

Буркина-Фасо – бедная страна, не имеющая выхода к морю, располагающая ограниченными природными ресурсами и отличающаяся выраженной слабостью государства. В 2022 году ее население оценивалось примерно в 22,7 миллиона человек при ежегодном приросте 2,59%. Вопрос, как прокормить динамично растущее население, для Буркина-Фасо, как и для ее соседей по региону, не имеет однозначного решения, особенно если принять во внимание слабость местной экономики, базирующейся на традиционном сельском хозяйстве, где заняты около 80% рабочей силы. Основной товарной культурой остается хлопок, хотя в последнее время все большее значение приобретает золотодобыча. Однако высокотехнологичная горнодобывающая промышленность явно не способна решить проблему занятости, с которой сталкивается Буркина-Фасо: она, конечно, помогает стимулировать экономику, но в целом ее эффект незначителен.

Относительная политическая стабильность, отличавшая республику в правление президента Блэза Компаоре (1987–2014), закончилась с его свержением и последующей дезорганизацией вооруженных сил и аппарата безопасности. В условиях нарастающего хаоса, в которых зона Сахеля находилась с 2012 года из-за восстания туарегов на севере Мали, поддержанного вооруженной исламистской группировкой «Ансар ад-Дин» и ее союзниками, распространение насилия на территорию Буркина-Фасо оказалось неизбежным. Для президентства Рока Марка Кристиана Каборе (2015–2022) готовность государства противостоять внешнему и внутреннему насилию оставалась вопросом критической важности. Его свержение в январе 2022 года стало результатом бессилия перед радикалами, усугубляющейся бедности и неспособности взять под контроль эпидемию коронавируса.

Наступление исламистских радикалов на Магриб и Сахель началось в 2012 году после падения в Ливии режима Муаммара Каддафи, свергнутого при военном вмешательстве НАТО. Послереволюционный ливийский хаос и сменившая его гражданская война способствовали дестабилизации прилегающих к Ливии территорий, куда устремились боевики-джихадисты и потекло оружие из разграбленных арсеналов Джамахирии.

К 2015 году Буркина-Фасо превратилась в эпицентр террористической активности в Западной Африке. В стране действуют несколько международных джихадистских группировок, среди которых выделяются две наиболее крупные – «Исламское государство в Большой Сахаре», остающееся подразделением запрещенного в России «Исламского государства», и «Ансар уль-Ислам». Первая из них в марте 2019 года стала частью «Провинции Западная Африка “Исламского государства”»⁶. В этом же ряду уместно упомянуть и еще одну международную группу поменьше, пытающуюся укорениться в Сахеле: это «Аль-Каида в исламском Магрибе», филиал «большой» «Аль-Каиды» (обе запрещены в России). Известно, что ее радикалы участвовали как минимум в двух крупных нападениях в Уагадугу: 15 января 2016 года – на ресторан «Саррусипо» и отель «Splendid», а 2 марта 2018 года – на посольство Франции.

Если «Исламское государство» и «Аль-Каида» на региональной сцене считаются «пришлыми» игроками, то «Ансар уль-Ислам» представляет собой продукт местных социальных, политических и культурных реалий. Эту организацию в 2016 году создал проповедник Ибрагим Малам Дико, уроженец провинции Сум, находящейся на самой границе Буркина-Фасо с Мали. Эти земли – заброшенная и депрессивная периферия, где отсутствие государства заметно на каждом шагу; неудивительно, что социально-религиозная проповедь имама Дико нашла здесь многочисленных последователей. Называя себя «защитником и освободителем» бедных, проповедник обещал, что «Ансар уль-Ислам» возьмет на себя функции бессильного государства. Успех был обусловлен его риторикой, оправдывавшей неприятие государства религиозными аргументами и сулящей социальную эмансипацию и экономическую справедливость обездоленным. Проповедник стал выразителем недовольства молчаливого большинства, не обладающего влиянием ни в политике, ни в экономике, ни в религии. Для заметной части граждан Буркина-Фасо поддержка «Ансар уль-Ислам» представлялась более предпочтительной, чем доверие национальному правительству или его международным партнерам. После того, как летом 2017 года Ибрагим Малам Дико умер, организацией продолжил руководить его брат Джафар.

Исламистские радикалы Сахеля базируются в отдаленном регионе Липтако-Гурма, находящемся на стыке границ Мали, Буркина-Фасо и Нигера. Методы ведения войны, применяемые в террористических атаках в Буркина-Фасо, можно охарактеризовать как нетрадиционные и асимметричные. Не имея сил вести обычную войну против национальных или международ-

6 Подробнее см.: Пономарев И. В. *Сегментированный терроризм в зоне Сахары – Сахеля. Период второй: 2016–2021 // Азия и Африка сегодня. 2022. № 2. С. 47–55.*

ных воинских формирований, экстремисты используют в основном вооруженные акции с участием единичных боевиков или небольших мобильных отрядов, а также атаки смертников. Только в 2021 году террористы убили на территории Буркина-Фасо более двух тысяч мирных граждан; более половины всех терактов были направлены против сил обороны и органов безопасности – военнослужащих, полицейских и жандармов, таможенников и прочих. Из-за распространения насилия около 1,85 миллиона человек в стране покинули свои дома и стали беженцами⁷.

Послереволюционный ливийский хаос и сменившая его гражданская война способствовали дестабилизации прилегавших к Ливии территорий, куда устремились боевики-джихадисты и потекло оружие из разграбленных арсеналов Джамахирии. К 2015 году Буркина-Фасо превратилась в эпицентр террористической активности в Западной Африке.

От террористических атак страдает не вся территория Буркина-Фасо, а только отдельные ее части: в основном они совершаются в северных районах, прилегающих к Мали и Нигеру и ставших местом базирования боевиков, а также в столице Уагадугу. Так, около 40% нападений – 91 инцидент из более чем 210, зарегистрированных с апреля 2015-го по декабрь 2018 года, – имели место в северной провинции Сум, колыбели и оплоте группировки «Ансар уль-Ислам»⁸. Не случайно именно эта провинция является местом рождения или проживания большинства из двух с половиной сотен человек, разыскиваемых Министерством безопасности Буркина-Фасо за участие в террористической деятельности. Следующей идет северная провинция Удалан, где были совершены около тридцати нападений⁹.

7 См.: *Over 20 Civilians Killed in Attack in Northwest Burkina Faso* // Aljazeera. 2022. July 5 (www.aljazeera.com/news/2022/7/5/at-least-22-killed-in-attack-in-burkina-faso).

8 GUICHANOVA Y., HÉNI N. *Comment le djihad armé se diffuse au Sahel* // The Conversation. 2019. February 24 (<https://theconversation.com/comment-le-djihad-arme-se-diffuse-au-sahel-112244>).

9 См.: ИСАЕВ Л.М., КОРОТАЕВ А.В., БОБАРЫКИНА Д.А. *Влияние «Арабской весны» на «Черную весну» в Буркина-Фасо* // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2022. № 1. С. 99–100.

МНОГОГРАННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

НАТАЛЬЯ ЖЕРЛИЦЫНА
БУРКИНА-ФАСО
И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ
КРИЗИС В САХЕЛЕ

Подъем экстремизма породил среди граждан Буркина-Фасо глубокое ощущение уязвимости и небезопасности, особенно на территориях, граничащих с Мали и Нигером. С 2016-го по 2018 год из-за опасений за свою жизнь этот регион покинули 895 учителей, что привело к закрытию 216 школ и оставило без обучения примерно двадцать тысяч детей¹⁰. Руководствуясь теми же соображениями, судьи города Джибо, административного центра провинции Сум, единогласно решили уехать в Угадугу и закрыть местный суд, приостановив свою деятельность «до дальнейшего уведомления». Вероятно, в будущем подобных должностных миграций будет все больше.

Еще одним следствием нарастания экстремизма в Буркина-Фасо стало обострение межэтнического противостояния. Из-за того, что среди боевиков немало людей из фулани и туарегов, представители этих этнических групп нередко подвергаются стигматизации. Атмосфера психоза, естественным образом сгущающаяся в обществе, подвергает серьезному испытанию социальную сплоченность граждан страны, порождает недоверие и обостряет разногласия между сообществами, которые еще десять лет назад могли находить общий язык. В выигрыше от этого, несомненно, оказываются джихадистские группировки.

Далее, разгул экстремизма еще более углубил пропасть между населением и властью. К традиционным претензиям граждан, адресуемым чиновникам и включающим коррупцию, злоупотребление экономическими, политическими и судебными полномочиями, а также бедственное состояние социальной инфраструктуры, в последнее десятилетие добавилось грубейшее беззаконие, демонстрируемое силовыми структурами в тех регионах, которые более всего страдают от вылазок джихадистов. Жители страны сообщают об исчезновениях, немотивированных арестах и даже внесудебных казнях своих родственников, которые обвинялись или подозревались силами безопасности в причастности к террористической деятельности. В 2018 году неправительственная организация «Human Rights Watch» опубликовала отчет о ситуации в Буркина-Фасо с говорящим названием: «“Днем мы боимся военных, а ночью – джихадистов”: злоупотребления со стороны вооруженных исламистов и сотрудников правоохранительных органов»¹¹. Обитатели провинций,

10 THURSTON A. *Escalating Conflicts in Burkina Faso*. Dakar: Rosa Luxemburg Stiftung, 2019. P. 31–33 (https://rosaluxna.org/wp-content/uploads/2021/12/01_2019_EscalatingConflicts_web.pdf).

11 *Human Rights Watch*. «By Day We Fear the Army, By Night the Jihadists»: Abuses by Armed Islamists and Security Forces in Burkina Faso. May 2018 (<https://reliefweb.int/report/burkina-faso/day-we-fear-army-night-jihadists-abuses-armed-islamists-and-security-forces>).

наиболее страдающих от терроризма, оказались между молотом и наковальней: будучи заподозренными в сотрудничестве с властями, они делают объектами мести террористического подполья; будучи обвиненными в поддержке террористов, они рискуют лишиться свободы или даже жизни от рук сил безопасности. Эта дилемма углубляет отчуждение обычных граждан от людей в униформе – хотя хорошо известно, что без слаженного взаимодействия и доверия между ними борьба с терроризмом неизменно обречена на провал.

Другим показателем немощи государства и беззащитности граждан стало появление в стране групп народной самообороны. Местные инициативы в области безопасности реализуются через оформление самостоятельных объединений, представляющих собой что-то вроде «народных дружин»: примерами может служить работа «Коглевеогос» («Kogleweogos») на плато Мосси и в Сахеле, а также «Дозос» («Dozos») на западе страны. «Коглевеогос» возникли в ответ на нехватку личного состава сил безопасности: в Буркина-Фасо один жандарм приходится на 1800 жителей, что ниже стандартной нормы, требующей наличия одного жандарма на каждые 400 жителей¹². Официальная полиция, помимо кадрового голода, испытывает также недостаток оснащения, которое во многом отстает от уровня современных угроз. Объединение «Дозос» учреждено на базе традиционного охотничьего братства, которое действует в нескольких странах, включая Кот-д'Ивуар, Мали и Гвинею. В Буркина-Фасо объединение «Коглевеогос» юридически признано правительством, его члены носят собственную униформу и имеют членские билеты. И власти, и население признают, что это импровизированное ополчение вносит заметный вклад в поддержание мира, особенно в сельских и пригородных районах. Обычно члены организации занимаются бытовыми вопросами типа хищений частного имущества, животных или транспорта: они в состоянии возвращать людям не только велосипеды или мотоциклы, но и автомобили. Если владелец украденного не находится, то по истечении определенного времени ополченцы передают имущество полиции. Они приходят на выручку силам правопорядка и в тех случаях, когда в подведомственном районе случается террористическая атака. Так, в мае 2018 года члены «Коглевеогос» задержали четырех нападавших, которые подожгли школу в селении Бафина, а также троих их предполагаемых сообщников, передав злоумышленников жандармерии. И это лишь один из множества примеров. Об эффективности дружинников и доверии, которым они пользуются у населения, красноречиво свидетельст-

12 LAZARIDES N. *Burkina Faso: Jihadists' Ethnic Strategy and the Kogleweogo Problem* // *Terrorism Monitor*. 2019. № 17(23). P. 3–5.

вует следующий рассказ двух жителей отдаленного района Уагадугу: «Люди теперь доверяют “Коглевеогос” гораздо больше, чем полиции и жандармам. Если есть кража или проблема, лучше позвонить “Коглевеогос”, потому что они скоро придут, вор будет арестован и наказан, а украденное добро будет возвращено»¹³.

НАТАЛЬЯ ЖЕРЛИЦЫНА
БУРКИНА-ФАСО
И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ
КРИЗИС В САХЕЛЕ

Обитатели провинций, наиболее страдающих от терроризма, оказались между молотом и наковальней: будучи заподозренными в сотрудничестве с властями, они делаются объектами мести террористического подполья; будучи обвиненными в поддержке террористов, они рискуют лишиться свободы или даже жизни от рук сил безопасности.

Однако по мере того, как группы самообороны набирают авторитет и наращивают силу, увеличиваются и опасения, что они сами в какой-то момент могут стать угрозой социальному миру. Такое действительно происходит в случаях, если подобные ополчения выходят из-под контроля государственных властей: здесь типичны, скажем, примеры отрядов «маи-маи» в Демократической Республике Конго. Деятельность «Коглевеогос» иногда граничит с нарушением прав человека: подчас они игнорируют презумпцию невиновности, право на справедливое судебное разбирательство и тому подобные базовые вещи. Кроме того, ополченцы конкурируют с государственными структурами в реализации права на осуществление правосудия, пытаясь в некоторых случаях подменять даже судей. Иначе говоря, без неослабного государственного надзора и надлежащей правовой подготовки «Коглевеогос» и другие подобные организации способны вскоре сами превратиться в опасные источники напряженности.

СИЛОВОЕ РЕАГИРОВАНИЕ НА КРИЗИС И ЕГО ДОПОЛНЕНИЯ

Среди мер, принимаемых властями Буркина-Фасо в борьбе с терроризмом, выделяются военные и невоенные способы. Как и большинство правительств в подобных ситуациях, местная власть отреагировала на участившиеся террористические

13 DUPUY R., TANGUY Q. *Self-Defense Movements in Burkina Faso: Diffusion and Structuration of Koglweogo Groups*. Paris: Noria Research, 2018 (<https://noria-research.com/self-defence-movements-in-burkina-faso>).

атаки энергичной демонстрацией силы: в районе Сахеля, особенно в провинциях Сум и Удалан, были развернуты крупные воинские контингенты. Правительственная стратегия предполагала проведение в 2018–2022 годах реформы национальных вооруженных сил. Одновременно власти активизировали военное сотрудничество с Мали и Нигером, а также французским антитеррористическим контингентом, дислоцированным в этих двух странах. Министерство обороны Буркина-Фасо в одиночку или совместно с соседями предприняло несколько масштабных акций, направленных против джихадистов (операции «Панга», «Отапону» и «Ндуфу»). Например, в марте–апреле 2017 года совместно с армией Мали ими проводилась операция «Панга», целью которой было обнаружение террористических группировок и пресечение их деятельности вдоль тысячекilометровой границы, разделяющей два государства. В этой операции были задействованы более 1300 военнослужащих, двести единиц техники, десять вертолетов, бомбардировщики «Mirage 2000» и разведывательные беспилотники «Reaper». Помимо нейтрализованных и захваченных террористов, властям Буркина-Фасо были переданы десятки подозреваемых¹⁴.

Буркина-Фасо вносит вклад – как финансовый, так и военный – в функционирование сил «G5 Sahel», созданных при ее участии в феврале 2017 года Нигером, Мали, Мавританией и Чадом для более эффективного противодействия международному терроризму и транснациональной организованной преступности. Буркина-Фасо также всесторонне сотрудничает с Многопрофильной комплексной миссией Организации Объединенных Наций по стабилизации в Мали (The United Nations Multi-dimensional Integrated Stabilization Mission in Mali, MINUSMA). Стоит отметить, что отправка профессиональных воинских контингентов для поддержки этих международных организаций нелегко дается стране, которая сама сталкивается с беспрецедентными вызовами на собственной территории.

Поскольку посредством одних только силовых мер разрешить террористический кризис невозможно, правительство Буркина-Фасо параллельно выдвинуло ряд невоенных инициатив, нацеленных на предотвращение террористического насилия путем устранения его первопричин. Например, начиная с 2017 года власти реализовали амбициозную «Чрезвычайную программу для Сахеля» объемом в 414,9 миллиарда франков Африканского финансового сообщества¹⁵. Трехлетний проект

14 CAMPANA A. *Between Destabilization and Local Embeddedness: Jihadist Groups in the Malian Conflict since 2015*. Montréal: Centre FrancoPaix, 2018. P. 25.

15 DERIDDER M., PELCKMANS L., WARD E. *Reversing the Gaze: West Africa in the Tension between Migration, Development and Security in the EU* // *Anthropologie & développement*. 2020. № 51. P. 26.

представлял собой комплексный ответ на террористическую угрозу; его социально-экономическая составляющая предусматривала меры по борьбе с бедностью и расширению доступа людей, живущих в Сахеле, к основным социальным услугам. Наряду с совершенствованием административного и управленческого аппарата предполагалось также укрепление силовых структур для обеспечения ими эффективного отпора террористическим группам.

Что касается других невоенных мер кризисного реагирования, то ими стали международные проекты, реализуемые в Сахеле США, Францией и Экономическим сообществом стран Западной Африки (ЭКОВАС). В частности, американская программа «Voice of Peace» стоимостью в 24,9 миллиона долларов направлена на борьбу с экстремистской риторикой, наводнившей социальные сети и общественные радиостанции, а также на продвижение прав человека, демократии и мира. Этот проект реализуется неправительственной организацией «Equal Access». В рамках проекта «Поддержка трансграничного сотрудничества в Сахеле», финансируемого рядом западных стран, Франция пытается укрепить безопасность и отладить управляемость в регионе Липтако-Гурма, отличающемся особенно сложной террористической обстановкой. Несколько невоенных инициатив реализуются и на субрегиональном уровне. Так, постоянный секретариат «G5 Sahel» создал Группу по предотвращению радикализации и борьбе с насильственным экстремизмом (Cellule de Prévention de la Radicalisation, CELLRAD). Она занимается сбором информации, позволяющей странам-членам отслеживать радикалистские и экстремистские тренды на своих территориях. Наконец, еще одной субрегиональной инициативой, которая более глобально нацелена на предотвращение конфликтов в регионе, является механизм раннего предупреждения ЭКОВАС.

Борьба с терроризмом в Буркина-Фасо затронула законодательную и судебную ветви власти: так, в рамках противодействия терроризму в декабре 2017 года был создан особый судебный центр, специализирующийся на пресечении террористических актов. Одновременно в Уагадугу оборудовали тюрьму строгого режима для содержания лиц, подозреваемых в причастности к террористической деятельности. Учитывая сильную корреляцию между подъемом экстремизма и усилением межэтнических противоречий, внимания заслуживает и такой шаг властей Буркина-Фасо, как создание Национального наблюдательного комитета по предотвращению и урегулированию межобщинных конфликтов. Этот орган, созданный в декабре 2015 года, призван объединить заинтересованных акторов, представляющих государственные и частные институции,

НАТАЛЬЯ ЖЕРЛИЦЫНА
БУРКИНА-ФАСО
И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ
КРИЗИС В САХЕЛЕ

которые участвуют в предотвращении и урегулировании межобщинных конфликтов по всей стране. В его обязанности входит сбор, анализ и распространение данных о напряженности в местных сообществах. Далее, для содействия общенациональному умиротворению правительство создало еще одну специальную структуру – Высший совет по примирению и национальному единству. Функции этого органа предполагают проведение расследований, призванных пролить свет на экономические и политические резонансные преступления, совершенные в Буркина-Фасо с момента обретения независимости; предполагается, что такая деятельность будет способствовать отправлению правосудия и пачификации, необходимым для поддержания мира и укрепления национального единства. На те же задачи ориентирован и учрежденный в 2017 году Высший совет по социальному диалогу – трехсторонний орган, состоящий из тридцати членов, представляющих работодателей, работников и правительство¹⁶. Однако все упомянутые проекты, будь то по борьбе с вооруженным экстремизмом или по стимулированию социально-экономического развития, имеют существенный недостаток: они демонстрируют отдачу далеко не сразу.

Если же говорить об инициативах европейских стран – таких, например, как Объединенные силы «G5» в Сахеле (FC-G5S), – то в них основной упор делается на параметры безопасности, а развитие региона по большей части остается без внимания. Правительства стран Сахеля постепенно приходят к выводу, что за инициативой FC-G5S на деле стоит желание не столько примирить и развить Сахель, сколько удержать террористические очаги и миграционные потоки подальше от границ Европы. Неудивительно, что недавние военные перевороты в Мали в мае 2021 года и в Буркина-Фасо в январе и сентябре 2022 года имели четко выраженную антизападную направленность: их инициаторы и сторонники требовали сменить внешнеполитический курс и вывести французские контингенты. Так, подполковник Поль-Анри Сандаого Дамиба, возглавлявший военных, которые захватили власть в Буркина-Фасо весной нынешнего года, заявлял: «Несмотря на предпринятые до сих пор усилия по борьбе с терроризмом в Буркина-Фасо, целостность территории страны находится под угрозой»¹⁷. Этот офицер, годом ранее опубликовавший книгу «Западно-африканская армия и терроризм: неопределенные ответы», излагая свое видение борьбы с радикализмом в Сахеле, ставил

16 NEVIE I., KAGO E., THOR C. *Migration and Land-Use and Land-Cover Change in Burkina Faso: A Comparative Case Study* // Journal of Political Ecology. 2019. Vol. 26. № 1. P. 619.

17 Цит. по: Буркина-Фасо намерена диверсифицировать партнерские отношения в целях борьбы с терроризмом // ТАСС. 2022. 5 апреля (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14287049>).

под сомнение антитеррористические стратегии, использованные до сих пор¹⁸.

НАТАЛЬЯ ЖЕРЛИЦЫНА
БУРКИНА-ФАСО
И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ
КРИЗИС В САХЕЛЕ

* * *

Пример Буркина-Фасо показывает, что радикализм укореняется прежде всего на тех территориях, которые можно назвать забытой периферией: государство отсутствует здесь не только в военно-силовом, но и в социально-политическом смысле. В рассмотренном случае это прежде всего приграничная зона вдоль границы с Мали и Нигером, которую государство, расписавшееся в своей беспомощности, отдало на своеобразный «аутсорсинг» главам местных общин с их ополченцами, а также контрабандистам. Именно в таких местах находят убежище боевики радикальных организаций: в той среде, в которой местные сообщества постоянно конфликтуют с государством и между собой, предоставляемые ими услуги по обеспечению безопасности пользуются повышенным спросом. Пытаясь преодолеть замкнутый круг насилия и недоразвитости, политические элиты Сахеля обращаются как к силовым, так и мирным инструментам. Весь этот набор, однако, сработает только в том случае, если его будет подкреплять одновременное повышение дееспособности государственной власти, позволяющее ей удовлетворять базовые социальные потребности граждан – особенно в тех регионах, которые маргинализированы и потому уязвимы перед лицом воинствующего джихадизма.

18 См.: ДАМИБА Р.-Н.С. *Armées Ouest-Africaines et Terrorisme: Réponses Incertaines?* Paris: Les Trois Colonnes, 2021. В сентябре 2022 года, когда этот материал готовился к печати, подполковник Дамиба был отстранен от власти в ходе очередного военного путча. – *Примеч. ред.*

Федерация Родезии и Ньясаленда в исторической перспективе: белые начинают и проигрывают¹

«Моя работа легка, ибо Федерация Родезии и Ньясаленда – счастливая и процветающая страна».

Лорд ЛЛЕВЕЛЛИН, генерал-губернатор Федерации (1956)²

Андрей Александрович Захаров (р. 1961) – политолог, редактор журнала «Неприкосновенный запас», доцент Российского государственного гуманитарного университета.

В истории африканского федерализма недолговечному союзу, объединившему три британских владения в Центральной Африке, принадлежит особое место. Этот выдающийся продукт политического дизайна колонизаторов на протяжении десяти лет обеспечивал «проживание под одной крышей» самоуправлявшейся белой колонии Южная Родезия (ныне Зимбабве) и обделенных самоуправлением протекторатов в лице черно-белой Северной Родезии (Замбии) и черно-белого Ньясаленда (Малави). Понятно, что перед исследователем, подступающим к этой теме, незамедлительно встает вопрос: а какой, собственно, смысл копаться в этом, с позволения сказать, политическом антиквариате, едва ли способном заинтересовать кого-либо, кроме историков-африканистов? От британской колониальной империи на «черном континенте», как и от ее поселенческих экспериментов, уже давно ничего не осталось, а суверенные власти в Хараре, Лусаке и Лилонгве – как скорее всего и их подданные – едва ли помнят о давнишнем федеративном альянсе с соседями.

Тем не менее, несмотря на естественность этого изначально скептицизма, его трудно признать оправданным. В перспективе сравнительного федерализма странный конгломерат, просуществовавший с 1953-го по 1963 год, предлагает ценнейшую пищу для аналитических упражнений, обогащая осмысление таких сюжетов, как цели, дизайн, дисфункции федеративных объединений. Согласно ретроспективным признаниям специалистов, этот «самый неоднозначный эксперимент, предпринятый Британской империей в сфере государственного строитель-

1 Я благодарю Вадима Королькова за неоценимую помощь в подборе материалов, использованных в этой статье. Исследование выполнено в НИУ ВШЭ за счет средств гранта РФФ № 21-18-00123.

2 LORD LLEWELLYN. *Some Facts about the Federation of Rhodesia and Nyasaland* // *African Affairs*. 1956. Vol. 55. № 221. P. 266.

ства», оказался «экстраординарной ошибкой и исторической aberrацией»³: уже одного этого достаточно, чтобы присмотреться к нему повнимательнее. Более того, забегая вперед, стоит заметить, что уроки Федерации Родезии и Ньясаленда отнюдь не являются чисто «африканскими» – они сохраняют свою универсальную значимость для любого федералистского контекста независимо от исторических рамок, континентальной локации и цвета кожи задействованных в нем акторов. И, наконец, российского читателя едва ли оставят равнодушными установки некоторых апологетов этого стародавнего проекта, согласно которым черно-белая Федерация Центральной Африки была призвана среди прочего убедить международную общественность в том, что мирно разрешать проблему сосуществования разных рас в рамках одного государства способен не только Советский Союз⁴. Правда, советскую прессу подобные самонадеянные сопоставления, предлагаемые «буржуазными идеологами», ничуть не впечатлили: в ней Федерацию Родезии и Ньясаленда без лишних церемоний называли «искусственным строением», «величайшей из английских колониальных авантюр второй половины XX века»⁵.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ФЕДЕРАЦИЯ РОДЕЗИИ
И НЬЯСАЛЕНДА В ИСТОРИ-
ЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ...

ПАРТНЕРСТВО ВСАДНИКА И ЛОШАДИ

Исследователи с самого начала обращали внимание на то, что возникшее в 1953 году посреди Африки федеративное государство было союзом политически, экономически, социально неравноценных и непохожих частей. Британские поселенцы, как известно, осваивали африканские земли дискретно: где-то их было довольно много, а где-то не было совсем. Интересно, что в составе федеративного объединения, учрежденного в Центральной Африке, оказались территории как первого, так и второго типа. На момент создания нового государства расовая палитра трех территорий выглядела следующим образом: Южная Родезия – 138 000 белых и 2 010 000 черных; Северная Родезия – 37 000 белых и 1 890 000 черных; Ньясаленд – 4000 белых и 2 390 000 черных⁶. Собственно говоря,

3 НУАМ R. *The Geopolitical Origins of the Central African Federation: Britain, Rhodesia and South Africa, 1948–1953* // *The Historical Journal*. 1987. Vol. 30. № 1. P. 145.

4 Об этом писал, например, профессор Оксфордского университета Кеннет Кирквуд: KIRKWOOD K. *British Central Africa: Politics under Federation* // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1955. Vol. 298. P. 130.

5 См., например: Гейвандов К. *Центральная Африка: конец крупной авантюры* // *Азия и Африка сегодня*. 1963. № 3. С. 9.

6 Данные относятся к 1951 году; см.: KIRKWOOD K. *Op. cit.* P. 130. К 1956 году картина была уже несколько иной: на 175 000 белых в Южной Родезии, 64 800 в Северной Родезии и 6700 в Ньясаленде приходилось в совокупности около 7 000 000 черных (LORD LLEWELIN. *Op. cit.* P. 266).

за этими впечатляющими цифрами отчетливо проступает *idée fixe*, вдохновлявшая местных «отцов-основателей» на дерзкий административный эксперимент: в условиях начинающегося демонтажа британской колониальной империи им нужно было довольно срочно придумать какую-то схему, которая позволяла бы немногочисленному белому населению более или менее гармонично и, главное, надолго приспособиться к преобладающе черному контексту. Попутно нужно было исхитриться пресекать возможные эксцессы со стороны как верхов, так и низов. Сцилла и Харибда, между которыми предстояло проскользнуть, были не только политически осязаемыми, но и географически близкими: их являли, с одной стороны, террор доминирующего белого меньшинства в Южно-Африканском Союзе, с 1948 года воплощавшийся в политике апартеида, а с другой стороны, террор бесправного черного большинства в Кении, примерно в то же время вылившийся в восстание «мау-мау».

Интересно, что создатели новоявленной федерации не просто верили в чудо – они были убеждены в успехе своего предприятия. Так, британский генерал-губернатор Родезии и Ньясаленда рассуждал в 1956 году следующим образом:

«Мы отнюдь не “страна черного человека”, подобная Уганде или Золотому Берегу, куда люди из Великобритании приезжают лишь на работу, через короткое время возвращаясь домой, Но в то же время мы и не “страна белого человека”. И африканцы, и европейцы, и индийцы находятся здесь на равных правах, и каждая группа имеет право голоса в государственном управлении. В этой федерации никто не пытается навязывать верховенство одной расы над другой»⁷.

Испытывая вполне законное недоверие к системе апартеида и предвидя ее будущее сбой, британские чиновники и значительная часть белых поселенцев ориентировались не на разделение рас, а на их амальгаму; со временем, считали они, политическое представительство, связанное с цветом кожи, скорее всего вообще удастся упразднить. Но идти в это будущее было нелегко, поскольку мнения Вестминстера и белых общин обеих Родезий и Ньясаленда совпадали далеко не полностью. Этим был обусловлен двойственный характер задачи, вставшей перед колониальными властями. Как писал один из комментаторов-современников, «с одной стороны, им нужно убедить африканцев в том, что у федерации есть преимущества, а с другой стороны, необходимо доказать местным евро-

7 LORD LLEWELLIN. *Op. cit.* P. 269. Как и в соседней Южной Африке, индийцы в федерации попадали в категорию «цветных»; ее общая численность в двух Родезиях и Ньясаленде составляла 19 000 человек (Kirkwood K. *Op. cit.* P. 130).

пейцам, что доверие со стороны африканцев по-настоящему важно»⁸. Последнее обстоятельство оказывалось особенно значимым в свете фундаментального недоверия, питаемого черными элитами к новорожденному проекту: они не без оснований подозревали его инициаторов в очевидной корысти. «Африканцы быстро поняли, что учреждение федерации будет означать еще больший контроль над ними со стороны белых поселенцев»⁹.

Сложность ситуации усугублялась тем, что межрасовое партнерство виделось здравомыслящим политическим элитам делом не завтрашнего и даже не послезавтрашнего дня: с ним, по их мнению, нельзя было торопиться, поскольку неконтролируемый «взрыв политического участия»¹⁰ – приток неискушенных масс в политику – угрожает разнести в щепки всю социальную систему. По словам наблюдателя, хорошо знавшего местную ситуацию, «среди европейцев бытует мнение, согласно которому участие в голосовании требует особых и сложных навыков, которые есть далеко не у всех»¹¹. В сущности говоря, ту же самую позицию издавна отстаивали английские либералы; чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к творчеству Джона Стюарта Милля и его сподвижников¹². Более того, сходство подобных аргументов с теми, что высказывались, скажем, в дискуссиях, касающихся английского Билля о парламентской реформе 1832 года¹³, тоже бросается в глаза. Но, хотя особо бесцеремонные британские публицисты той достопамятной поры и пытались трактовать общественные классы как подобия непримиримо противостоящих друг другу «рас», настоящего расового конфликта Британские острова тогда, разумеется, еще не знали. Как следствие, в XIX веке либеральные круги Англии располагали и временем, и пространством для намечаемого маневра; а вот в XX веке у либеральных (или не слишком либеральных) кругов Центральной Африки не было ни того ни другого. Именно поэтому правильная по сути логика обернулась электоральным абсурдом, в конечном счете и

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ

ФЕДЕРАЦИЯ РОДЕЗИИ
И НЬЯСАЛЕНДА В ИСТОРИ-
ЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ...

- 8 MASON P. *Prospects and Progress in the Federation of Rhodesia and Nyasaland* // African Affairs. 1962. Vol. 61. № 242. P. 19.
- 9 ROSBERG C. *The Federation of Rhodesia and Nyasaland: Problems of Democratic Government* // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1956. Vol. 306. P. 98.
- 10 Термин *participation explosion* в начале 1960-х предложили Габриэль Алмонд и Сидни Верба: ALMOND G., VERBA S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Boston; Toronto: Little, Brown and Company, 1965. P. 2.
- 11 MASON P. *Op. cit.* P. 18.
- 12 См., в частности: Милль Д.С. *Рассуждения о представительном правлении*. Челябинск: Социум, 2006. Гл. VIII («О расширении избирательного права»); TEN C.L. *Democracy, Socialism, and the Working Classes* // SCORUPSKI J. (Ed.). *The Cambridge Companion to Mill*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 372–395.
- 13 Подробнее об этом см., в частности: CANNADINE D. *Victorious Century: The United Kingdom, 1800–1906*. London: Penguin Books, 2018. P. 153–166.

погубившим федерацию. Да и можно ли было ожидать чего-то другого, когда «весь белый электорат Центральной Африки по численности [был] примерно эквивалентен электорату одного избирательного округа в Соединенном Королевстве»?¹⁴ Что же касается чернокожих граждан трехзвенного союза, то они в подавляющем большинстве вообще не имели доступа к избирательным урнам, причем расовые основания даже не были здесь на первом плане, поскольку главными ограничителями электоральных прав выступали образовательный и имущественный цензы – вполне «либеральные» по своему духу приспособления. Один из видных деятелей Южной Родезии рассуждал на эту тему:

«Организовать африканское представительство в нижней палате парламента [будущего федеративного государства] будет не просто. Хотя у нас и имеются интеллигентные и цивилизованные африканцы, а также есть определенное число образованных африканцев, подавляющее большинство из них все еще сущие дикари»¹⁵.

Как же эта федералистская аномалия появлялась на свет, какие процессы и акторы способствовали ее рождению? Стоит отметить, что первые предложения о слиянии двух Родезий прозвучали еще в 1915-м: инициативу тогда проявила «Британская южноафриканская компания» – структура, основанная в 1889 году Сесилем Родсом для колонизации региона. Предпринимателей, что вполне понятно, интересовали прежде всего пути сокращения административных издержек. Но мощная поселенческая община Южной Родезии, которая в ту эпоху добивалась самоуправления, отвергла этот план как противоречащий собственным интересам; элиты Солсбери боялись, что реализация их амбиций в случае слияния затормозится. Комиссия под председательством Хилтона Янга, учрежденная британским Министерством по делам колоний и работавшая в 1927–1929 годах, вторично обратилась к той же теме, на этот раз официально оценив сближение Южной Родезии и Северной Родезией как желательное, прежде всего в экономическом плане. Интересно, что на этот раз белые Южной Родезии заявили о поддержке интеграционных планов – в 1923 году их земля все-таки получила статус самоуправляющейся колонии, – но зато теперь оказались не в восторге белые из Северной Родезии и Ньясаленда: для их общин, которые представляли собой выраженные меньшинства (причем во втором случае речь шла едва ли не о статистической погрешности), перенесение в места их проживания южно-родезийской политики расовой сегрегации представлялось сущим

14 Kirkwood K. *Op. cit.* P. 140.

15 Сэр Годфри Хаггинс цит. по: KENDLE J. *Federal Britain: A History*. London; New York: Routledge, 1997. P. 135.

кошмаром. Поселенцам удалось договориться между собой только к 1936 году, когда в Виктория-Фолс встретились делегации Законодательного совета Северной Родезии и основных политических партий Южной Родезии, рекомендовавшие Лондону продумать форму, механизмы и график объединения двух стран. Официально идея мотивировалась прочными экономическими связями между двумя владениями, а также стремлением учредить в центре Африки мощное государство, основанное на британских культуре и традициях.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ФЕДЕРАЦИЯ РОДЕЗИИ
И НЬЯСАЛЕНДА В ИСТОРИ-
ЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ...

Межрасовое партнерство виделось здравомыслящим политическим элитам делом не завтрашнего и даже не послезавтрашнего дня: с ним, по их мнению, нельзя было торопиться, поскольку неконтролируемый приток неискушенных масс в политику угрожает разнести в щепки всю социальную систему.)

Британское правительство, однако, прислушалось к ней лишь в 1948 году. К тому моменту было несколько причин, способствовавших активизации «федералистов из Уайтхолла». Во-первых, Лондон не хотел, чтобы политический класс Южной Родезии попал под влияние националистов-африканеров, которые после войны пришли к власти в соседней Южной Африке и явно тяготились колониальным правлением¹⁶. «Учредить федерацию означает воздвигнуть бастион, сдерживающий распространение расовой политики Южно-Африканского Союза на соседние территории», – отмечал американский исследователь¹⁷. В то время, когда чудовище апартеида, к немалому ужасу британского политического класса, начало вставать в полный рост, этот мотив был более важным, чем может показаться из дня сегодняшнего. Один из британских чиновников, занимавшихся родезийским вопросом, в 1950 году писал:

«Одной из наших первейших целей выступает сдерживание Южной Африки, которое блокировало бы распространение ее влияния и суверенитета на север. Если мы умышленно или нечаянно передадим британские общины на востоке и в центре континента под крыло [Южно-Африканского] Союза, то вся наша предшествующая работа в Африке будет провалена. [...] Миллионы африканцев окажутся под ярмом»¹⁸.

16 McKenna A. (Ed.). *The History of Southern Africa*. New York: Britannica Educational Publishing, 2011. P. 192.

17 Rosberg C. *Op. cit.* P. 98.

18 Цит. по: Hyam R. *Op. cit.* P. 154–155.

Во-вторых, грядущую интеграцию стимулировал послевоенный экономический бум: в Южной Родезии шла стремительная индустриализация, попутно подталкивавшая вперед развитие горнорудной промышленности «медного пояса» Северной Родезии и сельского хозяйства Ньясаленда. Товарно-денежные связи между регионами становились все более прочными, а необходимость координировать экономическую политику делалась все более насущной. Между тем местные рынки сбыта оставались ограниченными, а производители остро нуждались в более внушительном государственном конгломерате, способном не только экономически конкурировать с местным колоссом в лице Южно-Африканского Союза, но также запускать большие инфраструктурные проекты и получать крупные заграничные займы¹⁹.

Наконец, в-третьих, интеграция в колониях подогревалась нуждами деколонизации, раскаты которой после Второй мировой войны становились все громче. Стараясь подходить к делу ответственно, Лондон стремился позаботиться о будущей самодостаточности и, следовательно, жизнеспособности владений, которым предстояло вскоре отправиться в автономное плавание. Выступая в начале 1949 года, премьер-министр Клемент Эттли формулировал эту задачу так:

«Нашей целью должно стать вовсе не создание великого числа мелких политических образований, технически независимых, но на деле изолированных и хрупких; вместо этого нам надлежит продвигать новые методы и принципы ассоциации и интеграции»²⁰.

Разумеется, на первый план при таком подходе выходили федеративные схемы, с которыми британцы уже не раз экспериментировали – заинтересованные наблюдатели видели в этом «извечную британскую склонность обращаться к “федеральной панацее” ради решения вековых имперских проблем»²¹.

Интересно, однако, что мнением самих африканцев, которых вроде как вознамерились защитить от апартеида, никто особо не интересовался – несмотря на звучавшие иногда заявления об обратном. В то время как обе Родезии стремились к сближению под давлением белых поселенцев и горнорудных компаний, успешно лоббировавших собственные интересы в Лондоне, нищий и черный Ньясаленд, где европейцы практически не жили, оказался членом союза лишь потому, что британское правительство сочло недопустимым расточительством дальнейшее обособленное управление существующей

19 Подробнее см.: GANN L.H. *Central Africa: The Former British States*. Englewood: Prentice-Hall, 1971. P. 139–140.

20 Цит. по: KENDLE J. *Op. cit.* P. 123.

21 НУАМ R. *Op. cit.* P. 145.

на субсидии и дотации миниатюрной территорией²². В свете сказанного не удивительно, что Южная Родезия, на которую приходились три четверти электората будущей федерации, рассматривала протектораты в качестве бесправной и зависимой периферии, а лишенные избирательных прав миллионы коренных жителей практически не учитывались в политических калькуляциях колонистов. Первый премьер-министр объединенного государства, сэр Годфри Хаггинс, занимавший свой пост в 1953–1956 годах и выступавший главным архитектором федеративного проекта с родезийской стороны, сравнивал отношения между белыми поселенцами и чернокожими с «партнерством всадника и лошади»²³. В конечном счете, после долгих закулисных дискуссий – о некоторых из них будет сказано ниже – план федерализации, которому, как и полагается, предшествовал довольно оживленный торг всех заинтересованных сторон, воплотился в жизнь 1 августа 1953 года. Это было сделано новым, пришедшим к власти в 1951 году, консервативным правительством, невзирая на громкое недовольство чернокожих во всех трех владениях, а также на то, что европейское население составляло в британской Центральной Африке мизерную долю, совокупно не превышавшую 5%.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ФЕДЕРАЦИЯ РОДЕЗИИ
И НЬЯСАЛЕНДА В ИСТОРИ-
ЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ...

Первый премьер-министр объединенного государства, сэр Годфри Хаггинс, выступавший главным архитектором федеративного проекта с родезийской стороны, сравнивал отношения между белыми поселенцами и чернокожими с «партнерством всадника и лошади».

БЕЛОЕ – ЧЕРНОЕ – ЧЕРНО-БЕЛОЕ

Сделав эскизный набросок интересующей нас федералистской драмы, стоит более подробно рассмотреть ее внутренние пружины. Как уже говорилось, федеративная государственность утвердилась на берегах Замбези после нескольких неудачных (или отложенных) объединительных попыток. Местным локомотивом интеграции с самого начала выступала наиболее развитая Южная Родезия, белые поселенцы которой в 1923 году добились-таки от Вестминстера внедрения системы «ответственного правительства» (*responsible government*), означавшей

22 См.: DIKSHIT R.D. *The Political Geography of Federalism: An Inquiry into Origins and Stability*. New Delhi: The Macmillan Company of India, 1975. P. 180–187

23 Ibid. P. 202.

довольно широкое самоуправление территории. При этом экономические интересы многих южан теснейшим образом были связаны с соседней Северной Родезией, где находились обеспечивавшие их благосостояние медные, хромовые и цинковые шахты. Это обстоятельство, несомненно, поддерживало объединительный порыв. Помимо экономических выкладок, в пользу интеграции говорили и разделяемые белыми Солсбери политические резоны. Местную поселенческую общину, которая, будучи довольно многочисленной, твердо держала в руках рычаги управления колонией, с определенных пор все больше начинала тяготить опека со стороны далекой метрополии. По этой причине «одним из главных мотивов, побуждавших здешних белых настаивать на более тесной ассоциации, было желание устранить или хотя бы урезать контроль Соединенного Королевства над местной политикой и местным администрированием»²⁴ – прежде всего в отношении черных.

Настроения белого сообщества Центральной Африки ощутило подогрели сдвиги во внутренней политике послевоенной Великобритании: в 1945 году к власти там пришли лейбористы, которых консервативно настроенные поселенцы откровенно недолюбливали, подозревая их в избыточной озабоченности благополучием африканцев. И хотя различные белые фракции без устали сражались между собой, отстаивая собственные проекты прекрасного – и, разумеется, преимущественно белого – будущего, их разногласия отступали на второй план перед консолидированным желанием отодвинуть Лондон от вмешательства во внутренние дела «белой Африки». Упомянувшийся выше Годфри Хаггинс, до объединения руководивший Южной Родезией на протяжении двух десятилетий, стяжал немалые симпатии в поселенческих кругах, когда в одной из публичных дискуссий, проходивших накануне федерализации, заявил, что глухота британского правительства к нуждам белых колонистов вполне может толкнуть последних на «революционный путь» – взяв за образец североамериканские колонии Великобритании XVIII столетия. Надо сказать, что к примеру «отцов-основателей» США местные политики апеллировали не раз.

Фактически, как констатирует кембриджский историк Рональд Хайм, от того, куда именно – на юг или на север – пойдет Южная Родезия, зависела судьба всей британской политики в южной части африканского континента. Дрейф на север означал бы более тесную сплоченность родезийских территорий под дисциплинирующим контролем Лондона, не позволяющим бесшабашным поселенцам окончательно «распоясаться», презрев нужды чернокожих. Дрейф на юг повлек бы за со-

24 Kirkwood K. *Op. cit.* P. 132.

бой постепенное поглощение южнородезийской «самоуправляющейся колонии» могучим Южно-Африканским Союзом и новую победу расизма, который после 1948 года расширял свои плацдармы на континенте. Причем «какой-то из этих исходов казался неизбежным, поскольку страна была слишком маленькой и отрезанной от моря, чтобы выжить в одиночку»²⁵. Иначе говоря, поселенцев требовалось заинтересовать первым вариантом и отвлечь от второго. Однако инструментарий, который Вестминстер мог задействовать для решения этой двуединой задачи, был весьма скуден.

Теоретически допустимым считалось полное слияние двух Родезий в одно государство, и поселенцы, возможно, позволили бы убедить себя в его приемлемости, но в Лондоне понимали, что с такой опцией никогда не согласятся африканцы, ибо политика сегрегации, насаждаемая из Солсбери, в этом случае распространилась бы вширь. Далее, частичная амальгама, предполагавшая изолированное вхождение в Южную Родезию только индустриального «медного пояса» Северной Родезии, представлялось грубой «вивисекцией», на которую никогда бы не пошли северо-родезийские поселенцы – кстати, их лидер Рой Веленски, который станет вторым (и последним) премьер-министром будущей федерации, с 1948 года категорически отказался от слияния двух Родезий, настаивая на их федеративном союзе. Наконец, конфедеративная лига двух владений, базирующаяся на сотрудничестве без уступки суверенитета, едва ли могла привлечь Южную Родезию, которая от этого сценария вообще ничего не получала. Рассмотрев весь набор представленных на тот момент альтернатив, Хайм подытоживает: «Таким образом, становилось ясно, что единственным вариантом, на который могут согласиться все стороны, выступит федерация»²⁶. Федеральная схема была предпочтительнее унитарного устройства еще и потому, добавляет Джон Кендл, что она «позволила бы составным частям будущего государства самостоятельно контролировать политику в отношении африканского населения, а это представлялось очень важным для чернокожих жителей Северной Родезии и Ньясаленда»²⁷.

Имея на руках довольно плохие карты, Лондон решил не испытывать терпения белых общин, дав зеленый свет процессу интеграции Южной Родезии с Северной Родезией. Правда, за эту уступку колонистам пришлось заплатить: они вынуждены были согласиться на включение в интеграционный проект и дотационного Ньясаленда, который Уайтхолл, воспользовавшись случаем, просто решил отдать «в хорошие руки» – по-

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ФЕДЕРАЦИЯ РОДЕЗИИ
И НЬЯСАЛЕНДА В ИСТОРИ-
ЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ...

25 HYAM R. *Op. cit.* P. 155.

26 *Ibid.* P. 157.

27 KENDLE J. *Op. cit.* P. 135.

путно избавив себя от расходов на содержание этой, как считалось, не слишком перспективной территории. (В английских владениях этот протекторат располагался буквально «на отшибе»: его граница с принадлежавшим португальцам Мозамбиком была протяженнее границ с соседними британскими юрисдикциями.) После того, как и в Солсбери, и в Лусаке с этой нечаянной «нагрузкой» согласились, правительство Великобритании окончательно благословило проект. В начале 1950-х в английской столице прошла серия конференций с участием представителей трех владений, на которых выработывалась оптимальная модель объединения. Интересно, что на первом таком форуме, состоявшемся в 1951 году, в делегации Южной Родезии не было ни одного чернокожего представителя; когда же на следующей конференции (1952) такая репрезентация от «самоуправляющейся колонии» все-таки была обеспечена, черные политики из Северной Родезии и Ньясаленда, напротив, вообще решили подвергнуть мероприятие бойкоту. Наконец, на финальной конференции (1953), где собрались уже все, белые политические элиты при посредничестве британцев смогли сговориться между собой – несмотря на солидарную критику федеративного проекта представителями черного населения всех трех(!) интегрирующихся территорий. Кстати, реагируя на это единодушие, британская пресса и британская публика в основном симпатизировали африканцам. Иначе говоря, уже у колыбели новорожденного государства было понятно, что путь его будет тернистым.

Кстати, тем, кто интересуется историей федерализма, полезно будет узнать, что в качестве эксперта на первую конференцию был приглашен профессор Оксфордского университета, сэр Кеннет Уэйр – один из классиков федералистской мысли XX века и автор знаменитой книги «Федеральное правление» (1946)²⁸, который незадолго до этого, в 1946–1947 годах, был вовлечен в процесс вхождения острова Ньюфаундленд в состав канадской федерации²⁹. Правительство Южной Родезии начало консультироваться с ним еще в конце 1940-х. Уэйра планируемые преобразования не впечатлили:

«Будет очень трудно создавать федерацию из территорий, отличающихся столь разными уровнями конституционного развития. Ньясаленд едва ли преуспеет в том, чтобы поднять свой статус до статуса Южной Родезии, но, пока не произойдет что-то подобное, Южная Родезия будет сталкиваться с неприемлемым сокращением собственной автономии. Кроме того, возникает проблема контроля бри-

28 См. перевод фрагмента его книги: Уэйр К. *Что такое федеральное правление. Федеральный принцип* // Неприкосновенный запас. 2021. № 5(139). С. 84–101. – *Примеч. ред.*

29 Подробнее о причастности Уэйра к созданию Федерации Родезии и Ньясаленда см.: KENDLE J. *Op. cit.* P. 135–136, 139–140.

танского правительства над политикой Северной Родезии в отношении африканцев. С конституционной точки зрения лучшим ответом на возникающие проблемы стало бы унитарное государство»³⁰.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ФЕДЕРАЦИЯ РОДЕЗИИ
И НЬЯСАЛЕНДА В ИСТОРИ-
ЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ...

Последующие события, по словам историка, подтвердили все эти предостережения.

Поскольку Южная Родезия как «самоуправляющаяся колония» обладала особым правовым статусом, там нужно было организовать референдум. Он состоялся в апреле 1953 года, причем в ходе голосования большинство местных избирателей (25 570 против 14 729) поддержало федерацию. В двух протекторатах такая процедура не требовалась: хватило простого одобрения вестминстерской инициативы местными законодательными ассамблеями. Сам британский парламент окончательно одобрил акт об учреждении федеративного союза в Центральной Африке в мае 1953 года 247 голосами против 221. Фактически, по итогам всей объединительной кампании Лондон согласился на утверждение в своей Центральной Африке тройственной конструкции: Южная Родезия – в руках белых, Ньясаленд – в руках черных, Северная Родезия – где-то посередине³¹. Творцы нового проекта нарочито закрывали глаза на то, что коренным жителям эта политическая новинка была откровенно не нужна, о чем в ходе конституционных дебатов 1949–1953 годов неоднократно и громко заявляли черные политики. (Точнее говоря, об этом факте ответственным лицам было известно, но англичане очень надеялись, что им все же удастся скорректировать настрой африканцев.) Естественно, главным раздражителем выступало то, что в выстраиваемом поселенцами и одобряемом колонизаторами федеративном здании гегемоном оказывалась Южная Родезия, твердо придерживавшаяся принципов расовой сегрегации. Ее местным обоснованием выступала «доктрина двух пирамид», предусматривавшая прогресс обоих основных сообществ, но только автономно друг от друга.

Одним из камней преткновения, затруднявших федеративный торг, стал вопрос о правовом статусе протекторатов и их политическом смысле. В ходе конституционных дебатов общественные организации чернокожих, действовавшие в Северной Родезии и Ньясаленде, без устали напоминали, что Великобритания не имеет никакого юридического права переуступить свою роль «протектора», опекающего эти территории, третьей стороне – а именно будущей федерации и стоящим за ней белым поселенцам из Солсбери, – поскольку королева Виктория в свое время заключала договоры напрямую с местными вождями, без посредничества каких-либо колонистов. Соответст-

30 BLAKE R. *A History of Rhodesia*. New York: Alfred A. Knopf, 1978. P. 249.

31 См.: MASON P. *Op. cit.* P. 20.

венно, британские протектораты в Центральной Африке, по логике чернокожих активистов, отнюдь нельзя было считать покоренными территориями, полностью утратившими, подобно типовой колонии, политическую субъектность. Вывод же из подобной диспозиции напрашивался сам собой: «Передача попечения над делами и землями африканцев из рук британской короны в руки нового федерального правительства или правительств составных частей федерации будет юридически ничтожной без согласия самих африканцев» – а соглашаться на это последние никак не собирались³². (Помимо всего прочего, ни в одном из африканских языков не было слова, соответствовавшего термину «федерация».)

Поскольку королева Виктория в свое время заключала договоры напрямую с местными вождями, без посредничества каких-либо колонистов, британские протектораты в Центральной Африке, по логике чернокожих активистов, отнюдь нельзя было считать покоренными территориями, полностью утратившими, подобно типовой колонии, политическую субъектность.

Негодование было настолько сильным, что в Ньясаленде, например, из 105 племенных вождей 85 поставили свои подписи под петицией против федерализации; в свою очередь Африканский национальный конгресс Ньясаленда считал федерацию неприемлемой, провозглашая эту территорию «африканским государством»³³ и настаивая на предоставлении ей такого же самоуправления, как в Южной Родезии³⁴. Позиция Африканского национального конгресса Северной Родезии была чуть мягче, но и тут до энтузиазма было далеко. Высокопоставленный английский чиновник, направленный сюда в 1952 году для зондажа общественного мнения, писал в Лондон: эмоциональное отрицание федерации африканскими элитами Лусаки базируется на том, что она «убивает всякие надежды на черное самоуправление – на решение по типу Золотого Берега, которое местный АНК собирался реализовать в ближайшие пять лет»³⁵. Действительно, победа, которую в 1951 года Кваме Нкрума и его «Народная партия конвента» одержали на выборах в Законодательное собрание Золотого Берега (после неза-

32 ROSBERG C. *Op. cit.* P. 101.

33 H. L. *The Future of the Central African Federation // The World Today*. 1955. Vol. 11. № 12. P. 541.

34 KIRKWOOD K. *Op. cit.* P. 138.

35 НУЖАМ R. *Op. cit.* P. 165.

висимости переименованного в Гану), оказала тонизирующее воздействие на черных националистов по всей Африке.

Архитекторы федерации осознавали опасность взаимного «недопонимания», присущего сторонам будущего союза. В свете этого в фундамент федерации закладывалась система мер, призванных блокировать слишком явное ущемление черного большинства³⁶. Прежде всего при самом федеральном парламенте создавался постоянно действующий Совет по африканским делам, состоящий из трех чернокожих членов (по одному от каждой территории) и трех поселенцев, назначенных представлять интересы большинства; этот орган был обязан подвергать экспертизе все законодательные инициативы ассамблей. Далее, если федеральный парламент все-таки принимал законы, ухудшающие положение африканцев, то вестминстерский парламент имел право ветоировать их. Свои предохранители имелись и на уровне составных частей федерации, где подобного рода эксцессы могли сниматься непосредственно колониальной администрацией – фактически через голову местных законодательных ассамблей (впрочем, трудно себе представить нормотворчество расистского толка, скажем, в Ньясаленде, где коренные жители составляли более 99%). Самой сложной была ситуация с «самоуправляющейся» Южной Родезией, но и здесь, согласно законодательству, дискриминации мог воспрепятствовать местный министр по отношениям с Содружеством. Правда – и на это не преминули указать скептики, – с 1923 года вето этого чиновника не применялось ни разу: «Оно не мешало Южной Родезии выстраивать систему сегрегации, которая по своей жесткости едва ли не превосходит апартеид Южно-Африканского Союза»³⁷.

Таким образом, участниками федеративного торга, сопровождавшего появление на свет и дальнейшую эволюцию задуманного в Лондоне конструкта, были:

– Политики, представляющие большинство белых, согласные играть по правилам метрополии и готовые, при сохранении поселенческого доминирования, не слишком обижать африканцев. Они ориентировали местное население на смутный идеал «взаимовыгодного партнерства», который предстояло воплотить когда-то в будущем. Объединяла их «Федералистская партия».

– Политики, представляющие меньшинство белых, не желающие поддерживать административно-территориальный эксперимент и настаивающие на безоговорочном господстве поселенцев. Их идеалом после 1948 года выступала Южная Африка с ее системой апартеида, а выразителем их мнений стала «Кон-

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ

ФЕДЕРАЦИЯ РОДЕЗИИ
И НЬЯСАЛЕНДА В ИСТОРИ-
ЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ...

36 Подробнее об этом см.: BAXTER G.H., HODGENS P.W. *The Constitutional Status of the Federation of Rhodesia and Nyasaland* // *International Affairs*. 1957. Vol. 33. № 4. P. 443–445.

37 H.L. *Op. cit.* P. 540.

федеративная партия», позже переименованная в «Партию Содружества».

– Политики, представляющие большинство черных, с разной степенью решительности – прежде всего в протекторатах, – отвергающие федеративный союз. Хотя изначально этот лагерь был пестрым, «вопрос о федерации прочно сплотил африканских националистов самых разных течений и направлений»³⁸, опорными точками которых сделались ответвления Африканского национального конгресса.

– Наконец, очень немногочисленная умеренно-либеральная белая и черная общественность, ориентированная на детальную выработку и последовательную реализацию доктрины «партнерства». При этом, правда, «белые либеральные организации того времени состояли из патерналистов, которые слепо верили в превосходство западной культуры и цивилизации и рассматривали африканцев как младших партнеров по политическому, экономическому и социальному совершенствованию общества»³⁹. Эта страта была слабее всех остальных и, не имея стационарной партийной трибуны, использовала в качестве своих рупоров немногочисленные общественные организации.

Главнейшим вопросом, вокруг которого велись споры, было взаимодействие белого и черного социумов. Все стороны, согласные участвовать в федеративном диалоге, соглашались в том, что та или иная разновидность сотрудничества неизбежна для выживания союза как единого образования. Но вот с четкими очертаниями грядущего «партнерства» действительно возникали проблемы. В доктрине, официально продвигаемой «Федералистской партией», признавалось, что африканцам должно быть обеспечено более широкое политическое участие, но при этом им следует оставить любые надежды на главную роль в партнерских отношениях.

Надо сказать, что в Южной Родезии, в отличие от протекторатов, не все черные лидеры с порога отвергали федерацию: если, например, будущий партизан и президент Роберт Мугабе сразу же заклеил ее как «инструмент, который будет использован для подавления [африканского] стремления к самоопределению и прогрессу», то его конкурент, тоже будущий партизан и вице-президент Джошуа Нкомо участвовал в лондонских переговорах 1952 года, проложивших ей дорогу. Южнородезийский активист, а потом министр независимой Зимбабве Натан Шамуярира постфактум так описывал надежды, связанные с имплементацией партнерства:

38 GANN L.H. *Op. cit.* P. 146.

39 МЛАМВО А. *From the Second World War to UDI, 1940–1965* // RAFTOPOULOS B., МЛАМВО А. (Eds.). *Becoming Zimbabwe: A History from the Pre-Colonial Period to 2008*. Harare: Weaver Press, 2008. P. 94–95.

«Новая партнерская политика, которую предстояло закрепить в федеральной Конституции, должна будет быстро покончить с сегрегацией, унижением и игнорированием, от которых мы страдали на протяжении сорока лет, [...] северным территориям она поможет сломать расовые барьеры, а белые южане, вдохновляемые партнерством, примут такие законы, которые позволят нам получить причитающуюся долю политической власти, экономических благ и социальной справедливости»⁴⁰.

Несмотря на то, что концепция партнерства была закреплена в федеральной Конституции, ее воплощение в жизнь сразу же начало пробуксовывать. Во-первых, африканское общественное мнение негодовало по поводу того, что с ним о внедрении партнерских отношений вообще не консультировались. Во-вторых, белые подходили к этой доктрине с настороженностью, опасаясь, что за утверждением равноправия может последовать неприемлемое требование черного самоопределения. Наконец, в-третьих, рекламируемое федерацией партнерство по сути своей распространялось вовсе не на общности, а сугубо на избранных индивидов, сумевших совладать с «зачатками цивилизованного поведения»⁴¹. К концу 1950-х даже те представители африканских элит, у которых теплились какие-то надежды, разочаровались в «партнерстве» целиком и полностью. Упомянутый выше Шамуярира, оценивая в 1961 году достижения федерации, писал:

«Первейшим провалом федерации стала неспособность воплотить принципы многорасового партнерства, на которых она основывалась. Спустя семь лет после заключения федеративного союза все ключевые должности федеральной гражданской службы заняты исключительно белыми. В кабинете министров из девяти человек только один черный. Принадлежащая правительству федеральная авиакомпания использует африканцев только в качестве уборщиков, водителей и прочего низового персонала. За исключением медицинской сферы, ни правительство, ни частные работодатели не практикуют равную оплату за равный труд. Если говорить о сферах ответственности региональных правительств, то здесь сохраняется вопиющая дискриминация, особенно в Южной Родезии. Посты в местной гражданской службе доступны только для людей европейского происхождения. Сегрегация в вопросах проживания настолько жесткая, что даже чернокожий член кабинета не мог бы поселиться в белом пригороде, где живут остальные министры. Африканским бизнесменам нельзя вести дела в центральных кварталах главных городов, для перемещения по стране требуются пропуска, а многие кафе и рестораны закрыты для черных»⁴².

40 Цит. по: IDEM. *A History of Zimbabwe*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 122–123.

41 Подробнее см.: ALBINSKI H. *The Concept of Partnership in the Central African Federation // The Review of Politics*. 1957. Vol. 19. № 2. P. 186–204.

42 Цит. по: MLAMBO A. *A History of Zimbabwe*. P. 123–124.

«Партнерство всадника и лошади», о котором упоминалось выше, явно не задавалось.

Наконец, присущая обеим сторонам диалога извечная боязнь того, что партнер тем или иным образом утвердит свое монопольное господство над политической системой, оборачивалась полнейшей неспособностью европейцев и африканцев выработать общую политическую идеологию, поскольку «и черные, и белые элиты рассматривали себя в качестве законных наследников империи»⁴³. Сохранение же узкокоммунальных паттернов политического представительства замыкало политическую деятельность в расовых рамках и мешало созданию «многоцветных» партий. Это был, если можно так выразиться, «трайбализм с вкраплениями белого», отчасти напоминавший всеобщий недуг постколониальных политических систем: аффилиации, обусловленные цветом кожи, здесь преобладали над аффилиациями, мотивируемыми общностью политических убеждений. До самого своего краха Федерация Родезии и Ньясаленда так и не смогла выпестовать мультирасовые партии. А это в свою очередь оборачивалось неустойчивостью всей политической системы. В целом же коллизию, связанную с партнерством, в своей «Истории Родезии» замечательно описал Роберт Блэк:

«Для европейцев “партнерство” означало экономический прогресс и подъем жизненного уровня, который обеспечивается усилиями обеих рас, в обозримой перспективе ведомых вперед белыми. Для образованного черного человека оно означало нечто другое; причем, невзирая на скептицизм белых, именно к его мнению прислушивались африканские массы всех трех территорий. “Партнерство”, к которому стремился образованный черный, означало гражданственность, равенство и, превыше всего, право распоряжаться собственной судьбой. Эти две концепции совсем не обязательно должны были конфликтовать друг с другом, но ход событий столкнул их, и этот конфликт оказался фатальным для федерации»⁴⁴.

НЕДОЛГОЕ ПРОЦВЕТАНИЕ И СОКРУШИТЕЛЬНОЕ ФИАСКО

В принципе, поначалу новорожденной федерации везло: экономические достижения союза признавали даже его недоброжелатели. Предпринятые за годы войны усилия по замещению импорта, с которым тогда возникли понятные сложности, дали свои результаты: в послевоенный период регион входил с диверсифицированной экономикой, в которой, помимо добычи

⁴³ GANN L.H. *Op. cit.* P. 138.

⁴⁴ BLAKE R. *Op. cit.* P. 283.

меди, а также цинка и хрома, набирали обороты строительство, сельское хозяйство, транспорт, туризм, сервисные отрасли. Регион стал привлекательным для инвесторов, причем не только южноафриканских и британских; как следствие, национальный доход вырос с 303 миллионов фунтов в 1954 году до 440 миллионов в 1959-м. Экспорт страны за первые шесть лет существования федерации увеличился на 74%⁴⁵. Правительство получило возможность реализовывать масштабные инфраструктурные проекты, самым известным из которых стала гидроэлектростанция Кариба на реке Замбези, возведенная в 1957–1959 годах руками итальянских строителей. В первые же послевоенные годы страна сделалась привлекательной для переселенцев, хлынувших сюда широким потоком: с 1946-го по 1951 год европейское население обеих Родезий увеличилось с 85 тысяч до 135 тысяч, причем с учреждением федерации бум продолжился. «Для усердных тружеников в нашем федеративном государстве отличные перспективы», – агитировал будущих иммигрантов генерал-губернатор федерации лорд Ллевеллин в 1956 году⁴⁶. И «усердные труженики» прислушивались; пиковым стал 1960 год, когда в Южной Родезии проживали 223 тысячи, в Северной Родезии – 76 тысяч, в Ньясаленде – 8,5 тысяч белых, то есть более 300 тысяч в совокупности⁴⁷.

Наибольшие выгоды федерация принесла, как и следовало ожидать, Южной Родезии. Ее экономика была самой диверсифицированной и передовой; кроме того, союз предоставил в ее распоряжение не только более крупные рынки сбыта, но и обширный пул рабочей силы, особенно из аграрного Ньясаленда. Выигрывала она и за счет ресурсной базы Северной Родезии, медный экспорт которой позволял финансировать дальнейшее совершенствование инфраструктуры по всей федерации. Подкосило этот бурный рост падение мировых цен на медь и другие металлы, начавшееся в конце 1950-х; инвестиции пошли на спад, приток квалифицированных рабочих рук из-за рубежа иссяк, экономика начала замедляться. На этом фоне в местных сообществах началось болезненное осознание того, что федерация – довольно дорогое удовольствие. Проблему вполне точно запечатлел сочувствующий американский наблюдатель:

«Две Родезии и Ньясаленд вынуждены были оплачивать работу федерального губернатора, губернаторов трех входящих в союз территорий, федерального и южнородезийского кабинетов министров, федерального парламента и южнородезийского парламента, двух исполнительных и двух законодательных советов Северной Родезии и Ньясаленда, а также мэров и муниципальных советов

45 См.: MLAMBO A. *A History of Zimbabwe*. P. 124.

46 LORD LLEWELLIN. *Op. cit.* P. 267.

47 См.: BLAKE R. *Op. cit.* P. 243–244.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ

ФЕДЕРАЦИЯ РОДЕЗИИ
И НЬЯСАЛЕНДА В ИСТОРИ-
ЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ...

в крупных городах – и все это для обслуживания населения меньше, чем в Лондоне»⁴⁸.

Нехватка денег усугубляла управленческий хаос, предпосылки которого изначально присутствовали в федеральной Конституции 1953 года; они были связаны с нечетким разделением сфер «федеральной», «территориальной» и «конкурирующей» компетенций – в особенности в плане политики, касающейся коренного населения⁴⁹.

Специальная правительственная комиссия под руководством Уолтера Монктона, в конце 1950-х сформированная в Вестминстере для проверки функционирования федерации, констатировала: учреждение в Центральной Африке союза трех британских владений «усугубило распространение воинствующего африканского национализма, предоставив ему консолидирующую цель – разрушение ненавистной федерации»⁵⁰. Такой диагноз трудно было считать чем-то неожиданным, поскольку умеренные политики из числа поселенцев изначально считали внутренние диспропорции и дисбалансы своего государства крайне опасными. Так, премьер-министр Южной Родезии Гарфилд Тодд в 1956 году высказывал мнение о том, что «у федерации есть примерно десять лет, чтобы добиться успеха – изолироваться от южноафриканского расизма и стать работающей демократией». Ньясаленд, населенный черными африканцами, он называл главной проблемой, «поскольку его принудили войти в федерацию вопреки оппозиции всего населения союзу с белыми поселенцами Южной Родезии, какие бы формы этот союз ни принимал»⁵¹.

Опасения южнородезийского деятеля оказались пророческими: именно Ньясаленд, отличавшийся ничтожной долей белого населения, послужил детонатором той мины, которая в конечном счете покончила с федерацией. В 1959 году националисты этой территории, которых возглавлял Хастингс Банда, пламенный борец за независимость своей страны и ее будущий бесценный диктатор, развернули кампанию так называемого «регулируемого насилия», вскоре перекинувшуюся на Южную Родезию. Беспорядки быстро были подавлены, поддержавшие их организации подверглись роспуску, 59 африканцев были убиты, а около 1500 арестованы. Власти ввели чрезвычайное положение, и федерация устояла: но беда была в том, что против нее, образно выражаясь, начала высказаться сама эпоха.

48 GANN L.H. *Op. cit.* P. 143.

49 См.: ВАХТЕР G.H., HODGENS P.W. *Op. cit.*

50 DIXON R.D. *Op. cit.* P. 183.

51 Цит. по: Меморандум представителя США в Совете по опеке ООН Мейсона Сиарса, 15 февраля 1956 года // *История Африки в документах, 1870–2000. Т. 2: 1919–1960* / Под ред. С. Мазова, А. Давидсона. М.: Наука, 2007. С. 49.

Мирный «захват» площадки ООН молодыми государствами, освобождавшимися от колониальной зависимости, резко менял настроения международного сообщества.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ФЕДЕРАЦИЯ РОДЕЗИИ
И НЬЯСАЛЕНДА В ИСТОРИ-
ЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ...

«К тому времени, когда состоялось голосование по Всеобщей декларации [то есть к 1948 году], членами ООН были 58 государств; в последующие несколько лет их совокупное число увеличилось настолько внушительно, что очень скоро афро-азиатский блок на Генеральной Ассамблее мог брать верх в голосованиях – правда, с помощью Советского Союза. Еще через несколько лет – в особенности после 1960 года, когда к ООН присоединились шестнадцать африканских государств, – он мог уже делать это без всякого постороннего содействия»⁵².

Применительно к английской Центральной Африке подобный поворот парадоксально выливался в то, что «здесьних африканцев зачастую стали изображать теми же красками, какими либералы и социалисты 1900-х рисовали буров – как храбрый народ, героически защищающий свое наследие от британского “варварства”»⁵³.

Наиболее пагубным для судьбы союза оказалось то, что к концу 1950-х спиной к нему повернулся довольно быстро разраставшийся чернокожий средний класс, разочаровавшийся в декларируемых властями Солсбери принципах расового партнерства.

Суть проблемы заключалась совсем не в том, что на всех трех федеральных территориях активно разворачивались и набирали популярность организации африканских националистов. Наиболее пагубным для судьбы союза оказалось то, что к концу 1950-х спиной к нему повернулся довольно быстро разраставшийся чернокожий средний класс, разочаровавшийся в декларируемых властями Солсбери принципах расового партнерства.

«Африканскую элиту воодушевляло наивно-оптимистичное убеждение, что господствующее белое население в состоянии реформировать себя. В 1950-е она позволила убедить себя в разумности собственного участия в мультирасовом и либеральном эксперименте “партнерства”, которой пропагандировался властями федерации»⁵⁴.

52 MOYN S. *The Last Utopia: Human Rights in History*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2010. P. 95.

53 GANN L.H. *Op. cit.* P. 144.

54 МЛАМБО А. *From the Second World War to UDI, 1940–1965*. P. 93.

Речь здесь идет о народившейся в условиях послевоенного экономического бума прослойке чернокожих, которые имели образование, занимались квалифицированным трудом и были экономически состоятельными – в нее входили клерки, учителя, проповедники, журналисты, врачи, адвокаты и прочая интеллигенция. Многие представители этого слоя, обладая избирательными правами, активно участвовали в деятельности таких ориентированных на диалог организаций, как, например, «Общество Козерога»⁵⁵. В отличие от других чернокожих, они с энтузиазмом отнеслись к учреждению федеративного союза, рассчитывая, что новое государство сумеет отучить Южную Родезию от ее сегрегационных обыкновений. Поселенческая иерархия, однако, не оценила их усилий, что позже самым негативным образом сказалось на судьбах федерации. Есть все основания согласиться с гипотезой, высказываемой специалистом по истории Зимбабве: «Если бы белый истеблишмент распахнул двери для образованной [черной] элиты, то подъем воинствующего африканского национализма удалось бы надолго отсрочить»⁵⁶.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения этого политически активного слоя, стал «кабинетный бунт» 1958 года, в ходе которого премьер-министр Южной Родезии Гарфилд Тодд, пытавшийся проводить политику гармонизации взаимоотношений между расами, был смещен с поста собственными коллегами-министрами. В вину ему ставилось попустительство в отношении черных националистов. Этот демарш белой реакции безвозвратно покончил с «политикой чаепитий», в которую до поры с энтузиазмом втягивались передовые чернокожие. После своего смещения Тодд создал новую организацию – «Объединенную партию Родезии», – но в конце того же года она проиграла выборы «Объединенной федеральной партии», которую возглавлял Эдгар Уайтхед. Эта победа окончательно убедила черных коллаборационистов в том, что сегрегация одолела партнерство, а их усилия оказались напрасными. В 1959 году новое правительство использовало всю свою мощь, чтобы подавить кампанию «регулируемого насилия», упоминавшуюся выше. Но пресечь радикализацию африканцев было уже невозможно: еще в декабре 1958 года, встретившись на Конференции народов Африки в недавно получившей независимость Гане, националистические лидеры двух Родезий и

55 Южнородезийское «Общество Козерога» было основано в 1947 году героем войны, полковником Дэвидом Стирлингом, для продвижения партнерства двух рас. Стирлинг не просто одобрял федеративный союз 1953 года, но предлагал расширить его за счет Кении, Уганды, Танганьики, Занзибара и Бечуаналенда (ныне Ботсвана). Такая грандиозная федерация, по его мнению, могла бы эффективно противостоять угрозам, исходящим от «африканеров, коммунистов, азиатских иммигрантов и черных националистов». См.: ВЛАКЕ R. *Op. cit.* P. 262.

56 МЛАМВО А. *From the Second World War to UDI, 1940–1965.* P. 93.

Ньясаленда договорились о консолидированной борьбе за роспуск федерации и последующее наделение ее обломков независимостью по принципу «один человек – один голос». Начавшиеся через пару месяцев волнения в Ньясаленде стали лишь первой ласточкой.

Дальнейшие события напоминали классическую цепную реакцию. Антифедералистское ожесточение чернокожего населения возбудило крайне правый фланг поселенческого истеблишмента, который тоже начал пересматривать свои былые установки относительно административно-территориального устройства Центральной Африки. Между тем кабинет Уайтхеда, который взял курс на быструю индустриализацию, благотворную для обоих расовых сообществ, обеспечил принятие в 1961 году новой Конституции страны, впервые предусматривавшей расширение избирательного права для африканцев и их прямое представительство в легислатуре (из 65 депутатских мандатов для коренных жителей резервировались пятнадцать). Поначалу Уайтхед даже преуспевал: мало-помалу расширяя права африканцев, он понемногу отодвигал от власти белых экстремистов, которые были разобщены – причем этот курс поддерживали бизнес, пресса и общество. Однако битва была уже безнадежной: ее успех связывался исключительно с сохранением федерации как целого, а к концу 1950-х правительство тори в Лондоне поставило на ней крест. В результате, «как только европейское меньшинство осознало, что уступки не умиротворяют черных националистов и не гарантируют сохранения федерального государства, они выступили против Уайтхеда»⁵⁷.

Радикалы-расисты опасались, что активность черных националистов так или иначе, но вынудит Великобританию наделить составные части Центральной Африки независимостью, причем с соблюдением всех правил мажоритарной демократии. По крайней мере правящим кругам Солсбери такой вариант казался категорически неприемлемым. В 1962 году выступавшая за сохранение *status quo* партия «Родезийский фронт», одолев более умеренных конкурентов, выиграла выборы в Южной Родезии, в результате чего в законодательных собраниях *всех трех частей* Федерации Родезии и Ньясаленда восторжествовали сторонники ее роспуска. На следующий год громкий эксперимент был официально завершен при полном единодушии трех сторон, а спустя еще два года, в 1965-м, белые поселенцы Южной Родезии, весьма огорчив Лондон, в одностороннем порядке провозгласили независимость своей страны от Великобритании – с сохранением принципов расовой сегрегации, разумеется. Скептицизм же тех африканских лидеров, которые с самого начала считали

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ

ФЕДЕРАЦИЯ РОДЕЗИИ
И НЬЯСАЛЕНДА В ИСТОРИ-
ЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ...

57 GANN L.H. *Op. cit.* P. 150.

федеративный союз Центральной Африки уловкой белых эксплуататоров, был подкреплен свежими аргументами.

НЕМНОГО ФЕДЕРАЛИСТСКОЙ ТЕОРИИ

Предпринятый выше анализ позволяет заключить, что в ходе создания недолговечной Федерации Родезии и Ньясаленда неоднократно и грубо были проигнорированы азы федералистской теории. «Отцы-основатели» нового государства как будто бы нарочно пренебрегали истинами, которые даже в то время считались общеизвестными и подтвержденными. Упомяну лишь некоторые из них.

Радикалы-расисты опасались, что активность черных националистов так или иначе, но вынудит Великобританию наделить составные части Центральной Африки независимостью, причем с соблюдением всех правил мажоритарной демократии.

Во-первых, здоровому федеративному союзу противопоказано наличие очевидного и бесспорного гегемона: его либо не должно быть вовсе, либо же его мощь должна уравниваться совокупным потенциалом остальных членов. Как отмечает Рональд Уоттс, «серьезный диспаритет в населении, размере территории и богатстве составных частей, безусловно, способствует возникновению стрессов внутри федерации»⁵⁸. Между тем сбалансировать влияние «тяжеловеса» в лице Южной Родезии двум протекторатам заведомо было не под силу – причем ни в политическом, ни в экономическом отношении.

В-вторых, федерация не рекомендована в тех случаях, когда ее составные части слишком не похожи друг на друга и не имеют сплачивающего их общего культурного, религиозного, ценностного багажа. Учитывая, что в рассматриваемой ситуации в общем федеративном доме предлагалось жить колонизаторам и колонизируемым, рассчитывать на единый цивилизационный фундамент никак не приходилось. В этой связи уместно вновь процитировать Уоттса: «Способность федеральных институтов генерировать определенное чувство позитивного консенсуса имеет ключевое значение для функционирования федерации»⁵⁹. В Федерации Родезии и Ньясаленда такой потенциал был, к несчастью, нулевым.

⁵⁸ WATTS R. *Comparing Federal Systems*. Montreal; Kingston: McGill-Queen's University Press, 1999. P. 111.

⁵⁹ Ibid.

В-третьих, обращение к федерации как к инструментальному приспособлению («средству») в обязательном порядке должно подкрепляться культивированием ее ценностной составляющей («цели»). Даниэль Элазар пишет об этом так: «Одно из предназначений федерализма – постоянно поддерживать эту смычку реального и идеального, возвышая прозу формулы “кто, что, когда и как получает” мессианским чаянием вечной справедливости»⁶⁰. Исторический опыт свидетельствует, что там, где элиты рассматривали федерализм лишь в качестве орудия собственных политических махинаций, федеративная оболочка оказывалась пустой внутри и потому недолговечной. В бытовании любой федерации важна федералистская культура, наличие четкого понимания той высокой значимости рассредоточения власти и поощрения свободы, ради которых, собственно, и должно затеваться федеративное строительство. Из проанализированного в настоящей статье федеративного проекта этот элемент напрочь выпал.

В-четвертых, федерации держатся на плаву благодаря федеративному торгу, в котором с равными шансами на успех участвуют все имеющиеся в них элиты, но в случае Центральной Африки подобное равноправие исключалось. В этой связи Михаил Филиппов и его соавторы указывают на неизменно сохраняющуюся «вероятность того, что ни один исход [федеративного торга] не может считаться стабильным, поскольку всегда возможны другие исходы, которые будут благоприятствовать иным командам акторов»⁶¹. В Федерации Родезии и Ньясаленда, однако, изначально утвержденный федеративный дизайн серьезной корректировке вообще не подлежал: внесение поправок в союзную Конституцию допускалось лишь через десять лет после ее вступления в силу. Кроме того, норма представительства, установленная для чернокожих в федеральных органах исполнительной и законодательной власти, не позволяла им полноценно отстаивать свои интересы и фактически выводила их сообщества из процедуры федеративного торга.

В-пятых, федеративная государственность с присущей ей дисперсией власти была придумана среди прочего для защиты меньшинств от посягательств и ущемлений со стороны большинства, и в этом плане она не раз доказывала свою эффективность. Так же и в Африке, по словам Майкла Бёрджесса, «локальное предназначение федерализма виделось в основном в предотвращении тирании какой-то одной группы населения

60 ELAZAR D.J. *Exploring Federalism*. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1987. Ch. 3 («Federalism as Means and End»). P. 84–85. (Элазар Д. *Федерализм как цель и как средство* // Неприкосновенный запас. 2015. № 1(99). 11–32. – *Примеч. ред.*)

61 FILIPPOV M., ORDESHOOK P., SHVETSOVA O. *Designing Federalism: A Theory of Self-Sustainable Federal Institutions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 34.

в гетерогенном обществе»⁶². Но в объединении двух Родезий и Ньясаленда привычная для федерализма протекция, оберегающая меньшинства, парадоксально преобразовалась в свою противоположность – в увековеченное доминирование белого меньшинства над черным большинством, которого даже в среднесрочной перспективе невозможно было сохранить ни политически, ни экономически, ни культурно.

В-шестых, любая «правильная» федерация представляет собой свободный союз объединяющихся территорий, но в изученном выше объединении по крайней мере один сегмент – Ньясаленд – оказался поневоле. Между тем, как указывает Кеннет Уэйр, учреждающие федеральную систему сообщества или государства «прежде всего должны иметь желание жить под властью единого и самостоятельного правительства. Это существенно. Если они не готовы зайти столь далеко, то вопрос о федеральном устройстве не актуален»⁶³. Кстати, трудно сказать, как сложилась бы судьба нового центральноафриканского государства, если бы британская колониальная администрация не настояла на включении этого небогатого и сплошь чернокожего владения в его состав.

В-седьмых, федеративные союзы, по мнению Уильяма Райкера, особенно эффективно цементируются двумя факторами, которые этот теоретик называл «условием обороны» и «условием экспансии». Если второе из них объективно объединяло обе Родезии и Ньясаленд, ориентируя все три территории на расширение внутреннего рынка, то со вторым была беда, поскольку восприятие внешних угроз в каждом из сегментов различалось:

«Южная Родезия опасалась черного панафриканизма, а Северная Родезия и Ньясаленд боялись белой гегемонии. Поскольку соответствующие региональные правительства тревожили противоположные вещи, у федерации не было твердой почвы, позволяющей сплотиться против общей опасности»⁶⁴.

В-восьмых, в федеративных государствах огромную роль играют партийные структуры особого типа, выходящие за рамки культурных, национальных, религиозных и прочих размежеваний, присущих многосоставным обществам. Отсутствие подобных партий крайне опасно, и опыт Федерации Центральной Африки, где так и не удалось сформировать межрасовые партийные структуры, сполна подтверждает это.

62 BURGESS M. *Federalism in Africa: An Essay on the Impacts of Cultural Diversity, Development and Democracy*. Montreal: Federal Idea – Quebec Think Tank on Federalism, 2012. P. 9 (БЁРДЖЕСС М. *Федерализм в Африке: о взаимоотношении культурного разнообразия, развития и демократии* // Неприкосновенный запас. 2020. № 5(133). С. 87–112. – Примеч. ред.)

63 WHEARE K.C. *Federal Government*. New York; London: Oxford University Press, 1947. P. 35.

64 RIKER W. *Federalism: Origin, Operation, Significance*. Boston; Toronto: Little, Brown and Company, 1964. P. 33.

«В тех местах, в которых определенные региональные группы не смогли обеспечить себе адекватного представительства в партиях и должного влияния на федеральные институты, зарождалось отчуждение, выливавшееся потом в сепаратистские движения – так было с восточными пакистанцами, сингапурскими китайцами или чернокожими Ньясаленда и Северной Родезии»⁶⁵.

Наконец, в-девятых, все перечисленное делало федерацию уязвимой перед лицом той чрезвычайно вредной разновидности федеративного торга, которая реализуется за рамками федеративных институтов. В таком торге нет ограничителей: он протекает в границах, где практически любое правило или установление, любой аспект федерального дизайна могут стать предметом переговоров и изменений⁶⁶. Фактически это такое обсуждение федеративного будущего, в котором под вопросом может оказаться даже сама целесообразность сохранения союза. Исторический опыт показывает, что федерации, допускающие подобное, не живут долго; убедительным примером здесь служит Советский Союз на исходе своих дней. Но за тридцать лет до распада СССР та же судьба – и по той же причине – постигла Федерацию Родезии и Ньясаленда.

* * *

Как и полагается, из представленной выше истории хочется вывести какую-то мораль. Это, кстати, не трудно сделать, несмотря даже на то, что в глазах среднестатистического российского читателя таинственные берега озера Ньяса и реки Замбези ранжируются где-то в одном ряду с торосами Антарктиды или пейзажами Марса. Однако политические спазмы и судороги, переживаемые сегодня нашим бедным миром, избавляют меня от необходимости подводить итоги. На наших глазах то федеративное государство, с которым мы волей или неволей знакомы лучше, чем с иными – я говорю, разумеется, о Российской Федерации, – разворачивает беспрецедентный эксперимент по центробежному перемещению собственных границ. На сегодня никто не знает, чем он завершится, но я уверен, что пищи для ума у нас будет более чем достаточно. И вот тут уж, действительно, всякое лыко в строку. Новая «федералистская» реальность, без сомнений, создаст плацдарм для новых сопоставлений, и тогда востребован будет любой, самый диковинный, опыт федерализма – пусть даже довольно экзотический и весьма обветшалый.

65 WATTS R. *Op. cit.* P. 111.

66 FILIPPOV M., ORDESHOOK P., SHVETSOVA O. *Op. cit.* P. 78.

ТАТЬЯНА
ВОРОЖЕЙКИНА

Закат бразильской «Новой республики»¹

В 2018 году победа Жаира Болсонару на президентских выборах, хотя и предсказанная предвыборными опросами, многими в Бразилии и за ее пределами была воспринята как фарс, как неожиданное несчастье, свалившееся на страну, которая на протяжении тридцати лет служила примером успешной политической демократизации. За несколько лет до этого невозможно было себе представить, чтобы малоизвестный праворадикальный политик, открытый сторонник военной диктатуры, 27 лет подвизавшийся в роли политического шута в палате депутатов федерального парламента, может не только завоевать, но даже претендовать на президентский пост. Тогда, четыре года назад, одной

1 Новой (или шестой) республикой называется период бразильской истории, начатый процессом демократизации в 1985 году.

ПРЕВРАТНОСТИ
МЕТОДА

из очевидных причин случившегося казалось снятие с предвыборной гонки под предлогом обвинений в коррупции ее бесспорного фаворита Луиса Инасиу Лулы да Силва – самого успешного президента новой, демократической республики, находившегося у власти в 2003–2010 годах².

Накануне нынешних президентских выборов Лула также занимал неизменное первое место в предвыборных опросах, опережая действующего президента на 10–15 процентных пунктов. Перед первым туром голосования, состоявшимся 2 октября нынешнего года, кандидатуру Лулу, согласно всем опросам, поддерживали порядка 46–48% избирателей, а «Datafolha» – наиболее влиятельная бразильская организация, изучающая общественное мнение, – давала ему шанс на завоевание половины голосов, то есть на победу уже в первом туре. Действующий президент Болсонару, согласно тем же прогнозам, получал 35–36% голосов³. И если в отношении Лулы предвыборные прогнозы в целом сбылись – он, получив 48,43% голосов, занял первое место и прошел во второй тур, – то потенциал Болсонару был ими существенно недооценен: он завоевал 43,2%, отстав от Лулы всего на пять процентных пунктов. Иначе говоря, перед вторым туром, который намечен на 30 октября, двух претендентов разделяют только шесть миллионов голосов из 156 миллионов бразильцев,

имеющих право голоса⁴. В сочетании с неблагоприятными для поддерживавшей Лулу коалиции результатами выборов губернаторов, депутатов и сенаторов Национального конгресса Болсонару, как ни парадоксально, не только не выглядит проигравшим, но и получает целый ряд преимуществ перед вторым туром. Как написал колумнист ведущей бразильской газеты «Estado de São Paulo»: «Лула еще может выиграть, но болсонаризм уже победил»⁵.

Результат первого тура вопреки надеждам и прогнозам подтверждает не только непрерывность праворадикальной волны, поднявшейся в Бразилии в конце 2010-х, но и ее нарастание: в 2022 году Болсонару выступил как мощный избирательный локомотив, сумевший обеспечить электоральную поддержку своим союзникам, боровшимся за посты губернаторов, сенаторов и депутатов⁶. То, что недавно представлялось эксцессом, случайным отклонением от магистрали демократического развития, оборачивается глубоким кризисом основных институтов и инструментов демократии, которые на наших глазах выхолащиваются, становясь орудием открыто антидемократических и праворадикальных сил. Очевидна и включенность Бразилии в мировые закономерности: подъем консервативных праворадикальных партий и движений, охвативший в последние годы США и большинство стран

2 Лула оставил президентский пост 1 января 2011 года с рейтингом одобрения 87%. См.: GALLARAGA GORTÁZAR N. *Lula, una resurrección* // El País. 2022. 1 de octubre (elpais.com/internacional/2022-10-01/lula-una-resurreccion.html). (Левых политиков в Бразилии принято называть по именам: Лула, Дилма. – *Примеч. ред.*)

3 *Lula chega ao 1 turno com 50% dos votos válidos; Bolsonaro tem 36%*. Datafolha. Instituto de Pesquisas. 2022. 29 de setembro (https://datafolha.folha.uol.com.br/).

4 *Apuração e Resultados Eleições 2022* // Estadão. 2022. 2 de outubro (www.estadao.com.br/politica/eleicoes/2022/apuracao/primeiro-turno/).

5 GODOY M. *Lula pode até ganhar, mas bolsonarismo já venceu* // Estadão. 2022. 2 de outubro (www.estadao.com.br/politica/lula-pode-ate-ganhar-mas-o-bolsonarismo-ja-venceu/).

6 HELENO E. *Dos candidatos en la cola y un ganador anticipado en las elecciones de Brasil: el gran centro oportunista* // El País. 2022. 5 de octubre (https://elpais.com/opinion/2022-10-05/dos-candidatos-en-la-cola-y-un-ganador-anticipado-en-las-elecciones-de-brasil-el-gran-centro-oportunista.html).

Европы, не обошел стороной и ее. Недаром Болсонару восхищается Трампом как своим учителем. Кроме общих факторов, вызвавших эту волну – а именно, глобализации и структурного кризиса, ею порожденного, – в Бразилии гораздо большую роль играют проблемы внутреннего развития, приведшие бразильскую демократию к глубочайшему упадку за 37 лет, прошедших с момента ее восстановления. Этот упадок особенно показателен, поскольку процесс создания и укрепления здешних демократических институтов был общепризнанной историей успеха в Латинской Америке и за ее пределами.

* * *

Вообще история Бразилии последних пятидесяти лет представляет собой череду многократных и разнообразных успехов и провалов. Успехов, которые несли в себе семена последующих неудач, и провалов, выход из которых основывался на существенном обновлении экономических и политических структур. Первый успех такого рода – экономическая политика военной диктатуры, находившейся у власти с 1964-го по 1985 год. Эта хрестоматийная *success story*, ставшая уже избитым примером так называемой «авторитарной модернизации»: экономической трансформации, удачно осуществленной авторитарным режимом, который, как считается, таким образом подготовил социально-экономическую почву для последующей политической демократизации. (Попутно хотелось бы заметить, что это предельно упрощенная и в конечном счете неверная трактовка как процесса модернизации вообще, так и смысла

того, что произошло в Бразилии в годы господства авторитарно-бюрократического режима в частности.)

Бразильское «экономическое чудо» 1968–1973 годов выразилось в кратковременном экономическом рывке, позволившем стране преодолеть внутренний барьер индустриализации и перейти от ее «легкой» к «тяжелой» фазе. В течение этих пяти лет темпы роста ВВП в Бразилии превышали в среднем 10% в год, в то время как среднегодовые темпы роста промышленного производства составляли 20%. В основе подъема лежала крупномасштабная переориентация бразильской экономики на производство экспортной продукции в условиях благоприятной внешней конъюнктуры и главное – расширение внутреннего спроса на товары длительного пользования. Автомобильное производство, развернутое в Бразилии крупнейшими транснациональными корпорациями «Форд» и «Фольксваген», стало символом и мотором ее экономического процветания. Внутренний рынок для автомобилей и других дорогостоящих товаров обеспечивался целенаправленной государственной политикой перераспределения: путем концентрации доходов в руках меньшинства – 15–20% наиболее обеспеченных слоев населения, которые были способны приобретать товары, изготовленные по новейшим техническим стандартам. Одновременно на треть сократилась доля заработной платы в ВВП, что обеспечивалось фактическим разгромом профсоюзов, являвшихся влиятельной политической силой в 1950-е – первой половине 1960-х годов⁷.

Таким образом, экономический прорыв в Бразилии сознательно осуществлялся за счет большинства – трудящихся

7 Подробнее см.: Ворожейкина Т. Авторитарные режимы XX века и современная Россия // Вестник общественного мнения. 2009. № 4(102). С. 50–68.

ся и низкообеспеченных слоев населения в целом. Политически он поддерживался масштабными и изощренными репрессиями против левых и демократически настроенных политических деятелей, профсоюзных руководителей и активистов общественных организаций. Людей пытали, убивали, они исчезали бесследно. Именно бразильский военный режим 1964–1985 годов положил начало бессудным казням, систематическим пыткам и «исчезновениям» политических противников, а также деятельности «эскадронов смерти» – главного орудия так называемого «экстраофициального» террора. Правда, по прошествии времени эти практики стали казаться вполне вегетарианскими по сравнению с еще более чудовищными деяниями военных режимов, в 1970-е пришедших к власти в Чили, Уругвае и особенно Аргентине.

Социальной ценой бразильского «экономического чуда» стало резкое нарастание неравенства: успех экономической политики военного режима превратил Бразилию в страну с самым неравномерным распределением доходов в Латинской Америке. В 2002 году доля верхнего квинтиля самых богатых (20%) составляла 62,4%, а доля верхнего дециля (10%) самых богатых – 46,1% располагаемых доходов⁸. Почти 40% населения проживали за чертой бедности⁹.

Политической ценой явилось разрушение демократических институтов и создание на их месте институциональной структуры авторитарного режима. Разогнав в 1964 году представительные органы всех уровней, запретив политические партии и лишив политических прав большинство активных деятелей демократических и левых организаций,

в 1968-м военные создали псевдопредставительную систему, допустив к участию в федеральных и региональных выборах только две разрешенные партии: правящую партию «Национальный союз обновления» (Aliança Renovadora Nacional, ARENA) и оппозиционную партию «Бразильское демократическое движение» (Movimento Democrático Brasileiro, MDB). К системе реальной власти эти органы и эти выборы никакого отношения не имели. Пост президента каждые пять лет замещал генерал, старший по званию и выслуге лет в вооруженных силах; президент назначал губернаторов штатов, которых затем одобряли соответствующие законодательные собрания.

Кроме того, в отличие от латиноамериканских авторитарно-бюрократических режимов второго поколения (Чили, Уругвай, Аргентина), проводивших ультралиберальный экономический курс, бразильский режим был этатистским: в основе его экономической политики лежали государственный дирижизм и протекционизм по отношению к частному сектору. Государство выступало важнейшим партнером транснациональных корпораций и бразильских частных компаний: государственное регулирование экономики сыграло решающую роль в мобилизации внутренних и внешних накоплений и их привлечении в средне- и долгосрочные капиталовложения в производство. Государственный сектор в эпоху военного режима приобрел невиданную в истории Бразилии силу и самостоятельность, обеспечивая до 40% капиталовложений и около 50% занятости. В государственной собственности находились наиболее экстенсивные, капиталоемкие и

⁸ По данным: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>.

⁹ См.: COMISIÓN ECONÓMICA PARA AMÉRICA LATINA (CEPAL). *CEPALSTAT: Bases de Datos y Publicaciones Estadísticas* (<https://statistics.cepal.org/portal/cepalstat/perfil-nacional.html?theme=1&country=bra&lang=es>).

трудоемкие отрасли экономики: инфраструктура, металлургия, добывающая промышленность, производство вооружений, добыча и переработка нефти.

Таким образом, глубочайшее социальное неравенство, разрушение демократических институтов, насилие как основа отношений власти и общества, ведущая роль государства в экономике – все эти ключевые вещи стали платой за успешную экономическую модернизацию 1970-х. Достигнутый тогда успех обернулся длительной стагнацией в 1980–1990-е и нес в себе семена тех трудностей, с которыми столкнулась Бразилия в период демократизации.

* * *

Мирный переход от авторитаризма к демократии является второй бразильской историей успеха, вошедшей во все учебники политологии и транзитологии под неточным, на мой взгляд, названием «пакт элит». Соглашение о не прямых выборах президента Бразилии, на которых в марте 1985 года победил кандидат от оппозиции Танкреду Невеш, наряду со знаменитым «пактом Монклоа» в Испании, заключенным в 1977-м, считается примером удачной договоренности между правящими и оппозиционными группами элит, позволившей обеспечить постепенное «размягчение» авторитарного режима и его поэтапную трансформацию под контролем сверху, без потери управляемости и выхода на поверхность разрушительных социальных сил. Именно так воспринимается «пакт элит» в российской либеральной публицистике – как самый безболезненный и наиболее эффективный способ перехода от авторитарного режима

к демократии, в том числе и в российских условиях.

Я считаю, что это глубоко искаженная картина того, как в действительности осуществлялся переход к демократии в Бразилии (и в Испании тоже)¹⁰. Прежде, чем выходцы из авторитарного режима и лидеры оппозиции смогли договориться, на протяжении десяти лет в Бразилии развивалось мощное демократическое движение, которое вбирало студентов, интеллектуалов, неправительственные организации, ассоциации адвокатов и журналистов, влиятельную часть епископата католической церкви, а параллельно ему формировалось движение социальное, которое возглавили новые профсоюзы, возникшие на автосборочных предприятиях пригородов Сан-Паулу. Одним из руководителей демократического движения был будущий президент Бразилии Фернанду Энрики Кардозу – выдающийся ученый-социолог с мировым именем, который в 1968 году был поражен режимом в политических правах и на несколько лет изгнан из страны.

Когда на рубеже 1970–1980-х возникло демократическое движение, Кардозу начал искать союзников в первую очередь в рабочем движении, опираясь на которое демократическая оппозиция успешно расшатывала единство правящего блока. Профсоюзы возглавлял рабочий металлургического завода в штате Сан-Паулу Луис Инасиу Лула да Силва – выходец из самых низов бразильского общества, человек без образования, ставший основателем и лидером «Партии трудящихся» (Partido dos Trabalhadores, PT). Есть замечательная фотография, на которой два будущих президента – Кардозу и Лула – вместе стоят на трибуне на одном из

10 См.: Ворожейкина Т. *Прощание с авторитаризмом: уроки испанского* // Неприкосновенный запас. 2016. № 4(108). С. 56–72.

митингов. Это потом, после восстановления демократии, они разошлись по своим политическим «квартирам» и стали соперниками в борьбе за президентский пост: каждый из них представлял и олицетворял собственный проект развития страны.

Без мощного демократического и социального движения никакой «пакт элит» в Бразилии был бы невозможен. Представление некоторых российских публицистов о том, что суть процесса демократизации в этой стране заключалась в простом отказе бразильского правящего класса от привлечения военных к управлению страной, является в корне неверным. Для того чтобы это произошло, необходимо было наличие мощного внесистемного оппозиционного движения, выражавшего социальные требования трудящихся и «низов» в самом широком смысле, то есть большинства населения. Иначе говоря, нужно было постоянное давление со стороны общества, которое неуклонно подталкивало бы властные группировки внутри диктатуры к выработке компромисса с оппозицией. Постепенная трансформация авторитарного режима в Бразилии представляла собой историю десятилетней борьбы общества за демократию, а не закулисную сделку внутри правящего блока. Бразильский опыт свидетельствует в первую очередь о том, что переход к демократии может быть успешным лишь в одном случае: когда она становится делом всего общества, а не только его активного либерального меньшинства.

Тем не менее первые годы демократии в Бразилии обернулись экономическим и институциональным провалом. Экономические неудачи первого десятилетия гражданского правления

объяснялись стремлением сохранить ту этатистскую модель экономики, которая была столь эффективной в годы диктатуры и которая столь же очевидно исчерпала себя уже к середине 1980-х. Институциональный провал был связан с «проклятой» проблемой бразильской политики XX века, а именно – с включением в политическую систему тех людей, которых исключала система социально-экономическая. К решению первой части этой проблемы – созданию системы реально функционирующих демократических институтов – приступил в середине 1990-х Фернанду Энрики Кардозу, занимавший президентский пост в 1995–2002 годах. Еще будучи министром финансов, он в 1994-м осуществил успешный план денежной стабилизации, который позволил покончить с гиперинфляцией, разрушавшей национальную экономику в течение полутора десятилетий. Однако экономический успех, очень важный сам по себе, не был его главной задачей.

«Наша цель не в экономическом успехе, не в экономической реформе. Наша главная цель заключается в том, чтобы превратить государство и его институты из объекта частного присвоения в *общее дело* – в республику»¹¹.

Свою главную задачу Кардозу видел в том, чтобы отделить государственные институты от частных интересов правящих и господствующих групп, сделать эти институты *публичными*. Для этого он, во-первых, провел административную реформу, после которой большинство административных должностей (за исключением политических назначений) на всех уровнях – федеральном, региональном и муниципальном – начали замещаться по конкурсу.

11 CARDOSO F.H. *In Praise of Arts of Politics* // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. № 3. P. 10.

Во-вторых, была реализована экономическая реформа – либерализация и приватизация экономики, повысившая ее эффективность, позволившая существенно сократить государственное вмешательство и, следовательно, уменьшить влияние частных экономических интересов государственных чиновников. Что особенно важно, Кардозу проводил экономическую реформу постепенно, в течение двух своих президентских сроков, с помощью тех инструментов, которые ему предоставляла принятая в 1988 году новая Конституция страны.

Такая стратегия – имплементация экономической реформы путем достижения компромиссов в парламенте – была выбрана Кардозу сознательно. Экономическая трансформация осуществлялась через поиск консенсуса в обществе и политической системе; тем самым формировались и укреплялись демократические институты. В противоположность российским реформаторам, которым ради беспрепятственной либерализации экономики в 1993 году потребовалось силой оружия разогнать парламент, Кардозу принципиально продвигал экономические преобразования, переходя от одного «гнилого» компромисса к другому, нередко жертвуя логикой реформ и темпами экономического роста, но настойчиво добиваясь того, чтобы демократия и законность вошли в привычку. Несмотря на весьма скромные экономические достижения правительства Кардозу, предпринятая им институциональная реформа заложила основу для экономических достижений и социальной трансформации страны в следующем десятилетии. Укрепление демократических институтов в 1990-е постепенно превращало их в эффективные каналы политического представительства, позволявшие реально отстаивать

социальные интересы различных общественных групп, включая низшие, беднейшие слои населения.

* * *

Вторую часть формулы – интеграцию социально исключенных в политическую систему – в жизнь воплощал Лула. Два срока его президентства, пришедшиеся на 2003–2010 годы, стали не только историей бесспорного социально-экономического успеха, но и временем наивысшего подъема Бразилии как страны и общества за все тридцать лет демократического развития. В основе этого успеха лежала в первую очередь активная социальная и перераспределительная политика правительства: повышение на четверть минимальной заработной платы, вывод из тени неформальной занятости, распространение на низкодоходные слои населения банковского кредита, для которых раньше он был недоступен. Важнейшей и наиболее известной из этих мер стала программа «Семейный кошелек» («Bolsa Família»), в рамках которой семьям с доходом ниже определенного минимума выплачивалось небольшое ежемесячное пособие – при обязательном условии, что их дети регулярно посещают школу и прививаются от наиболее распространенных инфекционных болезней, в частности, от полиомиелита. Эта программа, запущенная в качестве эксперимента еще при правительстве Кардозу в 2000-е, была распространена на все страну: ее бенефициарами стали 13 миллионов семей, подавляющее большинство которых возглавляется женщинами. Помимо быстрого улучшения материального положения беднейших слоев населения, программа была нацелена и на более долгосрочный

эффект. Ей предстояло разорвать порочный круг, связывающий бедность и низкий уровень образования: чем больше детей бросают школу, чтобы зарабатывать и помогать своим семьям, тем меньше квалифицированных рабочих рук будет в экономике, когда они вырастут. В свою очередь дети таких родителей тоже будут вынуждены из-за бедности оставлять школу – и этот порочный круг воспроизводится из поколения в поколение. Разорвать его можно лишь одним способом: повышая в каждом последующем поколении уровень образованности.

Результатом перечисленных и других подобных мер правительства Лулы стало существенное сокращение неравенства в распределении доходов: с 2002-го по 2013 год доля верхнего квинтиля сократилась с 62,4% до 57,5%, а верхнего дециля – с 46,1% до 41,7% располагаемых доходов¹². Коэффициент Джини, продолжая оставаться самым высоким на континенте, снизился с 0,57 в 2002 году до 0,52 в 2012-м. Соответственно выросла доля нижних 80% населения. Еще более очевидно уменьшились в Бразилии бедность и нищета: часть населения, проживающая за чертой бедности, сократилась вдвое – с 38,8% в 2003 году до 18,5% в 2012-м¹³. Иначе говоря, свыше 30 миллионов человек смогли за одно десятилетие выбраться из бедности, выйти из теневой экономики выживания: у них первый раз в жизни появились автомобили и стиральные машины, банковские карточки, легальная зарплата, они впервые начали работать по письменному контракту. В Бразилии возник новый «средний класс», так называемый

класс «С», который, по данным официальной статистики, составляет около 50% населения. Этот социальный сдвиг принес и ощутимый экономический эффект: рост покупательной способности и потребления низших доходных страт повлек за собой резкое расширение внутреннего рынка, став одним из важнейших факторов экономического роста в 2000-е¹⁴.

Лула, таким образом, выполнил свое важнейшее предвыборное обещание. Вступая 1 января 2003 года в должность президента, он поклялся, что, когда он будет покидать свой пост, в Бразилии не останется голодающих и не будет семей, которые едят меньше двух раз в день. Благоприятная конъюнктура мирового рынка в 2000-е, высокие цены практически на все товары бразильского экспорта, включая сою, мясо, птицу, пшеницу, сахар и кофе, позволили правительству Лулы провести эффективное перераспределение и существенно снизить бедность, не затрагивая доходов самых богатых бразильцев и в целом интересов правящих и господствующих групп. Более того, в течение первого президентского срока экономическая политика левоцентристского правительства Лулы сохраняла преемственность в отношении тех принципов и направлений, которые были заложены предыдущим правительством Кардозу.

На рубеже 2000–2010-х казалось, что, наконец-то, решена – или по крайней мере решается – *центральная проблема* социального развития Бразилии, обусловленная поляризующим воздействием экономического роста на общество. На протяжении всей преды-

¹² По данным: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>.

¹³ COMISIÓN ECONÓMICA PARA AMÉRICA LATINA (CEPAL). *Perfil nacional socio-demográfico: Brasil* (https://statistics.cepal.org/portal/databank/index.html?lang=es&indicator_id=3328&members=1368,1365,222).

¹⁴ Средние темпы роста в 2003–2010 годах составляли 4%. Рассчитано по: <https://databank.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG/1ff4a498/Popular-Indicators>.

дущей истории страны большинство населения было лишено доступа к плодам этого роста, что в свою очередь превращало политические институты в верхушечные, не отражавшие жизненные интересы большинства – и потому крайне неустойчивые. Теперь, как представлялось, удалось удачно сочетать ранее несовместимое: либеральную, по сути, экономическую политику, жизнеспособные демократические институты, перераспределение и радикальный подъем уровня жизни беднейшей половины граждан. Более того, создавая каналы политического представительства для большинства и превращая их в эффективное средство отстаивания интересов этого большинства, правительство Лулы укрепляло одновременно демократические институты. В противоположность «порочному кругу», по мнению многих, возник самоподдерживающийся «благодатный круг». Особенно очевидным позитивное взаимодействие экономической, социальной и политической трансформации в Бразилии виделось на фоне происходящего в соседней Венесуэле. Там перераспределительная политика стала средством укрепления авторитарно-популистского режима и персоналистской власти, последовательно разрушавших и экономику, и демократию.

Однако основания этого «благодатного круга» оказались неустойчивыми: изменение мировой конъюнктуры из-за кризиса 2008–2009 годов и, как следствие, падение цен на товары бразильского экспорта резко ограничило возможности и далее проводить политику «сытых овец» и «целых волков». Левоцентристское правительство все больше опиралось на беднейшие слои населения, а средние слои начинали от него постепенно отдаляться. И Лула на президентских выборах 2006 года,

и особенно Дилма Русеф, сменившая его в 2010-м, пользовались наибольшей поддержкой у избирателей с самыми низкими доходами и в самых бедных штатах Северо-Востока страны. К концу 2000-х происходит очевидный социальный и географический раскол электората на «бедные» и «богатые» группы.

Дилма Русеф, преемница Лулы на президентском посту (2011–2016), пыталась продолжать политику перераспределения за счет увеличения бюджетных расходов, что не могло не привести к росту инфляции и общей экономической дестабилизации. На этом фоне в 2013 году разгорелся колоссальный коррупционный скандал, получивший название «Lava Jato» («автомойка») и до основания потрясший экономику, общество и политику Бразилии. Выяснилось, что за заключение контрактов с государственной нефтяной компанией «Petrobras» практически все крупные строительные и инфраструктурные фирмы давали взятки чиновникам, депутатам и сенаторам, губернаторам штатов. В коррупционные действия были вовлечены не только представители правившей тогда «Партии трудящихся» и ее политические союзники в парламенте, но и часть оппозиции. Скандал начался в конце первого срока Дилмы Русеф, непосредственно перед президентскими выборами 2014 года, на которых ей с большим трудом – во втором туре за нее проголосовали 51,6% (54,5 миллиона) избирателей – удалось переизбраться на второй срок. Победа, однако, оказалась пирровой: скандал привел к расколу правящей коалиции, полностью парализовал деятельность правительства и стал одним из важнейших факторов наихудшей с 1930-х экономической депрессии. В 2016 году палата депутатов и сенат Национального конгресса прого-

лосовали за отстранение от должности действующего президента – причем, несмотря на то, что лично против Дилмы никаких обвинений в коррупции не выдвигалось: она никак не была замешана в деле «Petrobras». Импичмент был объявлен на основании незначительных технических нарушений в бюджетной политике, допущенных правительством. В то же время против трехсот депутатов из 367, проголосовавших за ее отстранение, были возбуждены административные или уголовные дела, в том числе и по делу «Lava Jato». Против 60% сенаторов, поддержавших импичмент, также выдвигались обвинения в причастности к этому делу.

Импичмент превратился в социальный реванш тех сил, которые представляют традиционные правящие и господствующие группы Бразилии и которые четыре избирательных цикла подряд, с 2002-го по 2014 год, не могли оттеснить «Партию трудящихся» от власти электоральными средствами. Историческая попытка левоцентристских сил перевести социальные противоречия в институциональное русло, к сожалению, провалилась. Попытка решать институциональными методами социальные проблемы страны, где доходы крайне поляризованы, оказалась иллюзорной – как и надежда на то, что можно перераспределять доходы, не затрагивая интересов богатых, то есть без налоговой реформы.

* * *

Следует признать, что потерпел неудачу не только социально-перераспределительный проект Лулы, но и институцио-

нальный, «центростремительный», направленный на поиск компромисса проект Фернанду Энрики Кардозу. В основе глубочайшего политического кризиса, который разгорелся в стране с середины 2010-х и продолжается по сей день, лежало несколько структурных факторов, действие которых постепенно подтачивало демократические институты. Основная проблема заключается в крайней дробности партийной системы, которая сформировалась в Бразилии после возвращения к демократии. Все попытки провести политическую реформу и принять избирательное законодательство, которое предусматривало бы пропорциональную систему с открытыми списками, были похоронены по результатам голосований в конгрессе. (Политическим реформированием пытались заниматься все демократические правительства Бразилии, включая Кардозу, Лулу, Дилму и сменившего ее Мишеля Темера.) В стране по-прежнему действуют десятки политических партий, которые вступают друг с другом в самые причудливые коалиции как на федеральном уровне, так и особенно на уровне штатов¹⁵. Ни одна партия за всю историю Новой республики не смогла завоевать даже простого большинства на выборах в Национальный конгресс, и это не удивительно, если учесть, что в Бразилии нет нижнего барьера для прохождения в федеральный парламент и законодательные собрания штатов. Между тем, согласно федеральной Конституции 1988 года, для проведения любых реформ – экономических, социальных, административных – требуется квалифицированное большинство в две трети голосов. Поэтому все правительства демократичес-

15 В феврале 2022 года в Федеральном избирательном трибунале Бразилии были зарегистрированы 32 партии, тридцать из них получили места в палате депутатов на выборах 2 октября (www.tse.jus.br/partidos/partidos-registrados-no-tse/registrados-no-tse).

кой Бразилии, как правоцентристские, так и левоцентристские, вынуждены были опираться на широкие коалиции, состав которых постоянно менялся. Эта система получила название «коалиционного президентства».

Несущей конструкцией «коалиционного президентства» несколько десятилетий была «Партия бразильского демократического движения» (*Partido do Movimento Democrático Brasileiro*, PMDB) – старейшая в Бразилии, наследница единственной легальной оппозиционной партии времен военной диктатуры. PMDB была основным союзником как Кардозу, так и Лулы и Дилмы. Кроме PMDB, в правившие коалиции входили еще около десятка мелких партий, которые обеспечивали правительству необходимое большинство в Национальном конгрессе. Сохранение «коалиционного президентства» как правоцентристскими, так и левоцентристскими правительствами было вынужденным и обусловленным характером партийной системы и особенностями Конституции, предусматривавшей ключевую роль парламента в принятии решений. (Конституция 1988 года разрабатывалась, по существу, как конституция парламентской республики, однако давление военных и результаты плебисцита 1993 года обусловили сохранение президентской формы правления.) С одной стороны, это способствовало утверждению культуры политического компромисса, заложенной в период правления Кардозу, и было, несомненно, позитивным моментом. С другой стороны, PMDB, в которой значительное влияние имели региональные правящие группы традиционалистского толка, все больше паразитировала на этой системе, получая

привилегии, посты министров и вице-президентов. Лидер партии Мишель Темер дважды – в 2010-м и 2014 годах – избирался вице-президентом в паре с Дилмой Русеф. В 2016 году он присоединился к кампании по ее отстранению, в результате чего занял ее место, оставаясь президентом в 2016–2018 годах. Постепенно PMDB превратилась в «партию власти» в самом буквальном смысле этого слова. Это партия, у которой практически нет идеологии; партия, которая при любом правительстве входит во власть на правах младшего партнера; партия, в которой доминируют беспринципные политиканы, торговцы политическим влиянием. И это, кстати, отнюдь не единственная подобная партия в Бразилии. Партийный конгломерат, получивший название «*Centrão*» («Большой центр»), вобрал в себя политические партии без определенной идеологической ориентации, единственная цель которых – добиться близости к исполнительной власти. В него входят политики консервативной ориентации, депутаты-заднескамеечники (*parlamentares do baixo clero*), которые действуют исключительно в личных интересах и заняты по преимуществу обменом услугами в рамках переплетающихся клиентелистских сетей¹⁶. В момент импичмента блок «*Centrão*» насчитывал тринадцать партий, которые (за одним исключением) входили в базу поддержки правительств «Партии трудящихся» и занимали в них министерские посты; в дальнейшем состав этого конгломерата расширился за счет новых членов, обеспечивая очередному президенту парламентское большинство.

«*Centrão*» представляет собой зримое воплощение инволюции демократичес-

16 Примером этого, как говорят в Бразилии, политического физиологизма является парламентская фракция BVB (*da bala, do boi, da bíblia* – пуля, бык, Библия), объединяющая поверх партийной принадлежности сторонников владения оружием, аграриев и приверженцев евангелических церквей.

ких институтов в Бразилии. Культура политического компромисса, которая должна была обеспечивать политическую стабильность, обернулась своей изнанкой. Важнейший демократический институт – система народного представительства – постепенно выхолащивался и все больше становился прикрытием частных интересов. Стремление архитектора этой модели Фернанду Энрики Кардозу сделать государственные институты публичными, отделив их от интересов правящих и господствующих групп, оказалось на данном этапе иллюзией, разочарование в которой и является одной из важнейших причин нынешнего политического кризиса.

* * *

Проявлением этого кризиса и одновременно фактором его углубления стало сначала ослабление, а затем полное размывание политического центра. Его олицетворяла «Партия бразильской социал-демократии» (Partido da Social Democracia Brasileira, PSDB), созданная в 1988 году политическими деятелями либерального, демохристианского и социал-демократического направления во главе с Кардозу. После его ухода от власти в 2003 году партия долгое время оставалась ядром оппозиции левоцентристским правительствам «Партии трудящихся» как в парламенте, так и в обществе. Кандидаты от PSDB Жозе Серра, Жералду Алкмин и Аэсиу Невиш объединяли вокруг себя противников Лулы и Дилмы во втором туре президентских

выборов 2002-го, 2006-го, 2010-го и 2014 годов¹⁷. Однако с середины 2010-х влияние этой партии начинает стремительно падать. С одной стороны, будучи партией либеральной и центристской, она не подходила для того, чтобы в полной мере аккумулировать ту, зачастую иррациональную, ненависть к «Партии трудящихся», которая накапливалась в бразильском обществе¹⁸. С другой стороны, PSDB не смогла четко определить по ключевому вопросу об импичменте Дилмы. Характерна в это отношении позиция Кардозу, который до начала 2016 года выступал решительно против импичмента на том основании, что он будет разрушителен для институтов демократии:

«Что бы там ни было, страна должна отвечать за президента, которого она выбрала. Для того чтобы выразить свое отношение к нему и его партии, существуют выборы, которых необходимо дожидаться, дав президенту отработать свой срок»¹⁹.

Однако затем, по мере углубления политического кризиса, Кардозу изменил свою позицию, поддержав весьма слабые юридически аргументы сторонников импичмента. В 2018 году восходящая звезда PSDB – кандидат на пост губернатора ведущего штата Сан-Паулу Жоао Дориа – поддержал во втором туре президентских выборов Жаира Болсонару. Кульминацией этой печальной инволюции PSDB стали позорные 4,76% голосов, полученные тогда ее кандидатом Жералду Алкмином, а также сокращение почти вдвое (с 54 до 29) числа ее депутатов в Национальном конгрессе. В итоге одна

17 Жозе Серра набрал в 2002 году 39% против Лулы и в 2010-м 44% против Дилмы; Жералду Алкмин – 39% против Лулы в 2006-м; Аэсиу Невиш – 48% против Дилмы в 2014-м.

18 GALLARAGA GORTÁZAR N. *El odio visceral al PT resucita con furia en Brasil* // El País. 2018. 28 de octubre (https://elpais.com/internacional/2018/10/27/actualidad/1540656482_930109.html).

19 MARREIRO F. *FHC, um balde de água fria nos tucanos que querem impeachment* // El País. 2015. 19 de abril (https://brasil.elpais.com/brasil/2015/04/19/politica/1429471580_992063.html).

из трех наиболее влиятельных партий Бразилии, внесшая важнейший вклад в процесс демократизации, присоединилась к «Centrão» и вошла до сентября 2021 года в базу парламентской поддержки правительства Болсонару.

Второй составляющей политического кризиса стала метаморфоза, которую претерпела «Партия трудящихся» за тринадцать лет пребывания у власти. Эта партия была исключительным феноменом в политической истории не только Бразилии, но и всей Латинской Америки: она отличалась и от традиционных бразильских партий, и от большей части латиноамериканских левых. «Партия трудящихся» объединила в 1980 году новые профсоюзы, возникшие в 1960–1970-е на автосборочных предприятиях концернов «Форд» и «Фольксваген» в пригородах Сан-Паулу, ассоциации мирян католической церкви (так называемые «низовые христианские общины»), уцелевших участников городских партизанских движений против диктатуры²⁰, активистов многочисленных левых партий и организаций гражданского общества, деятелей культуры, университетских профессоров и католических священников. В 1990-е партия начала быстро наращивать политическое влияние, завоевывая посты мэров в ряде важнейших городов – Сан-Паулу, Белу-Оризонте, Порту-Алегри. Этому подъему, помимо неортодоксальной левой идеологии, в немалой степени помогала репутация «этичной» партии, партии «чистых рук», радикаль-

но отличавшейся от традиционных, насквозь коррумпированных партий Бразилии.

С приходом к власти на федеральном уровне во многих штатах и муниципалитетах «Партия трудящихся» неизбежно превращается в часть истеблишмента и подвергается тому, что Габриель Гарсия Маркес называл *desgaste del poder*²¹. Этому в особенности способствовала ловушка «коалиционного президентства» и неизбежный обмен услугами с партиями «Centrão». Первый крупный коррупционный скандал, связанный с этой проблемой, произошел в Бразилии в 2005 году и получил название «Mensalão» («месячное пособие»). Для того, чтобы каждый раз формировать в Национальном конгрессе коалицию сторонников того или иного правительственного законопроекта, «Партия трудящихся» создала нелегальный фонд, из которого платила взятки («месячные пособия») депутатам из других партий за «правильное» голосование. Это был вид «идеологической», если можно так выразиться, коррупции: замешанные в ней лидеры «Партии трудящихся» не положили в собственный карман ни одного сентаво, деньги были использованы сугубо ради «партийного дела». Когда эта история вскрылась, она стоила поста и дальнейшей политической карьеры ближайшему соратнику Лулы – главе его администрации Жозе Дирсеу, – который должен был стать следующим кандидатом в президенты. В 2013 году партия и ее лидеры, принад-

20 К ним, в частности, принадлежала Дилма Русеф, которая в 1968–1970 годах была участницей городской гегерии, членом «Вооруженного революционного авангарда Палмарес» (VAR-Palmares). В 1970–1972 годах она находилась в тюрьме, где подвергалась пыткам.

21 Испанское слово *desgaste* с трудом поддается адекватному переводу на русский; оно означает «изнашивание», «порчу», «ветшание». *Desgaste del poder* можно перевести как «разрушение властью». Подробнее см.: Ворожейкина Т. Фидель Кастро: «Я никогда не думал, что моя жизнь будет столь долгой, а мои враги – столь неразумными» // Новая газета. 2016. 30 ноября (<https://novayagazeta.ru/articles/2016/11/30/70729-fidel-kastro-ya-nikogda-ne-dumal-cto-moya-zhizn-budet-stol-dolgoy-a-moi-vragi-stol-nerazumnymi>).

лежавшие к ней чиновники и руководители государственных предприятий оказались в центре скандала «Lava Jato», упоминавшегося выше. Репутация «Партии трудящихся» как «чистой» политической силы рухнула: с этого времени обвинения в коррумпированности становятся действенным политическим оружием ее противников.

Кроме того, испытание властью привело к эрозии того, что всегда составляло главную силу «Партии трудящихся» – ее связи с народом, массами, гражданами. В июне 2013 года, накануне проведения в Бразилии Кубка конфедераций и за год до футбольного Чемпионата мира, на улицы крупнейших городов страны вышли сначала десятки, а затем и сотни тысяч человек, протестовавших против расходования государственных средств на строительство футбольных стадионов и спортивной инфраструктуры. Они требовали перенаправить эти деньги на улучшение образования, здравоохранения, городской инфраструктуры. Среди демонстрантов было много тех, кто в предыдущее десятилетие оказался основным бенефициаром социальной политики «Партии трудящихся». В частности, это были студенты – дети из семей упомянутого класса «С», которые только в последние годы вышли из нищеты и смогли впервые позволить себе холодильник, стиральную машину и даже подержанный автомобиль. На первый взгляд, картина была странной: эти люди выступили против правительства, которое очевидно сделало их жизнь лучше. Но объяснение, на мой взгляд, заключалось в самом беспрецедентном социальном прогрессе предшествующих двадцати и особенно

последних двенадцати лет. В центре протестных требований оказалась защита достоинства бразильцев: права на медицинское обслуживание без диких очередей; права на городской транспорт по цене, соответствующей его качеству; права на то, чтобы полиция не билась и не пыталась; права на политическую систему, избавленную от коррупции. Как ни парадоксально, эти выступления стали своеобразным доказательством успеха «Партии трудящихся»: население превратилось в граждан, которые захотели стать творцами собственной жизни. В стране, где футбол всегда был важнейшим национальным символом – и «опиумом народа», – люди открыто предпочли футболу собственное достоинство и благосостояние! Одно это красноречиво свидетельствовало, до какой степени изменилась страна. Но партия, проведшая к тому времени более десятилетия у власти, не смогла этого понять и просмотрела колоссальные сдвиги, произошедшие в обществе: «Партия улицы потеряла улицу, решив, что она ей больше не нужна»²². Из объединения трудящихся, интеллектуалов, студентов, активистов «Партия трудящихся» превратилась по преимуществу в партию тех, кто зависит от государства и не способен на политическую самоорганизацию и самовыражение²³.

По мере того, как тускнел былой авторитет «Партии трудящихся», она и ее лидеры все больше становились предметом раздражения для тех, кто считал ее ответственной за все беды: вездесущую коррупцию, глубочайшую экономическую депрессию, неэффективность политической системы. Очень

22 BRUM E. *La herencia más maldita del PT* // El País. 2015. 17 de marzo (https://elpais.com/internacional/2015/03/17/actualidad/1426609039_929834.html).

23 SINGER A. *Raízes sociais e ideológicas do lulismo* // Novos Estudos. 2009. № 85 (<https://novosestudos.com.br/produto/edicao-85/#591d62cfoe166>).

быстро изменился характер протестного движения: в 2015–2016 годах сотни тысяч человек выходили на улицы бразильских городов, требуя отставки Дилмы Русеф, выступая против ее социально-экономической политики и всего политического курса «Партии трудящихся». В этом выразалась, конечно, несомненная усталость общества от несменяемой власти, но вместе с тем из-под спуда выходила социальная ненависть консервативной Бразилии, вынужденной годами мириться с изменением социального статуса тех, кого она всегда считала низшими, своего рода «отбросами»: бедных, сексуальных меньшинств, борцов за сохранение амазонских джунглей, движений за права индейцев, чернокожих и бездомных. Их социальное возвышение было связано с преобразованиями, осуществленными «Партией трудящихся». Но ее активисты и сторонники, а также прогрессивные медиа, представители среднего класса, университетские круги – все те, кто преобладал в культурной и образовательной жизни общества, – просмотрели эту волну. «Откуда взялись все эти люди?» – спрашивали они себя; для них оказался полной неожиданностью массовый характер поддержки, которую получил Болсонару в 2018 году, поскольку они давно перестали думать о Бразилии как о консервативной стране²⁴.

* * *

Болсонару, как никто другой, сумел актуализировать эту ненависть, которая и катапультировала его на президентский пост. Исчезновение центра и ослабление левых позволили ему превратить

социальный реванш в политический. Более того, Болсонару смог сделать то, что не удавалось в течение всей истории Новой республики: создать вокруг себя правую коалицию и возглавить ее. В период военной диктатуры роль реальной правой партии выполняла армия. Считавшаяся правящей партией ARENA после 1985 года начала бесконечно дробиться; правые, несмотря на бесчисленные расколы, переименования и перегруппировки, так и не смогли сформировать сколько-нибудь устойчивые партийные структуры, в итоге обретаясь под крышей «Centrão». В 2018 году Болсонару выдвигался от «Социально-либеральной партии» (Partido Social Liberal, PSL), которая до этого десятилетиями прозябала на задворках бразильской политики и никогда не имела в парламенте больше одного депутата. Локомотив Болсонару втащил в конгресс 52 депутата от этой партии, сделав ее фракцию второй по численности после «Партии трудящихся», которая получила 54 места. В ноябре 2019-го президент Болсонару покинул PSL и в 2022-м баллотировался уже от «Либеральной партии» (Partido Liberal, PL), которая с его помощью тоже увеличила свой депутатский корпус до 99 парламентариев против 33 в 2018-м. Консолидация бразильских правых сил вокруг фигуры Болсонару еще продолжается, а реструктурирование партийно-политического пространства далеко не завершено. Но направление его уже очевидно: это укрепление правых и ультраправых политических партий и лидеров за счет в первую очередь центра.

В 2018 году Болсонару, подобно Трампу в 2016-м, выступил как антисистемный лидер, как непримиримый против-

24 GALLARAGA GORTÁZAR N. *Carol Pires: “Bolsonaro es fruto de la criminalización de la política”* // El País. 2022. 30 de septiembre (<https://elpais.com/internacional/2022-09-30/carol-pires-bolsonaro-es-fruto-de-la-criminalizacion-de-la-politica.html>).

ник *estado profundo* (*deep state*). Он смог капитализировать всеобщее возмущение повальной коррупцией, растущей преступностью, несменяемостью политиков. В ходе избирательной кампании, как и в течение всей предыдущей политической карьеры, Болсонару открыто защищал расистские, женоненавистнические, гомофобные позиции, оправдывал пытки и убийства как средства обеспечения безопасности. Он, в частности, прославился следующими публичными высказываниями: вас, говорил он женщине-депутату, «я не стал бы насиловать, потому что вы мне противны»; «военная диктатура должна была убить еще 30 тысяч человек, включая членов Конгресса и президента Фернанду Энрики Кардозу»; «пытать, а не убивать еще больше было ошибкой (диктатуры)»; «я не смог бы любить сына-гомосексуала и предпочел бы, чтобы он погиб в автокатастрофе»; «полицейский, который не убивает, не полицейский». Все это, однако, не помешало ему победить на выборах с 55% (58 миллионов) голосов во втором туре. Максимальную поддержку (около двух третей голосов) Болсонару получил в наиболее развитых регионах – на Юге и Юго-Востоке страны. За него массово проголосовали самые высокодоходные, образованные, урбанизированные слои населения. Особую роль в поддержке Болсонару играли и играют сторонники евангелических церквей, которых в Бразилии насчитывается 65 миллионов человек – почти треть населения²⁵.

От Болсонару, как и от Трампа, ждали, что, придя к власти, он остепенится, станет более умеренным. Но Болсонару-

президент в 2019–2022 годах практически не отличался от Болсонару-кандидата или Болсонару-депутата. Он продемонстрировал полное отсутствие эмпатии к жертвам пандемии: длительное время вообще отрицал опасность COVID-19, называя его «легким гриппом»; препятствовал мерам по социальной изоляции, вводимым губернаторами штатов; не спешил с закупкой вакцины. В результате подобного отношения Бразилия оказалась на одном из первых мест в мире по абсолютному числу умерших, составившему 680 тысяч человек. Эта бесчувственность, кстати, стала главным мотивом тех избирателей, которые отказались поддержать его на выборах 2022 года²⁶. Вместе с тем правительство Болсонару в 2020-м оказало помощь семьям с низкими доходами, занятым в неформальном секторе, – в размере 400 реалов (80 долларов США) в месяц. Такая же помощь выплачивалась, хотя и в меньшем объеме и не так регулярно, и в 2021-м. В конце 2021 года Болсонару закрыл знаменитую программу Лулы «Bolsa Família», заменив ее собственным начинанием «Auxílio Brasil» («Помощь Бразилии»). В августе 2022-го, непосредственно перед президентскими выборами, 20 миллионов бразильских семей начали получать ежемесячные выплаты в размере 600 реалов (115 долларов США). И по размеру пособия, и по охвату населения эта мера превосходит параметры программы Лулы. Однако, как представляется, попытка Болсонару изменить предвыборное соотношение сил путем раздачи денег не сработала: 56% получателей «Auxílio Brasil», по данным «Datafolha»,

25 CULLELL J.M. *Últimos rezos por la victoria de Bolsonaro: "Oh Señor, detén la avalancha del mal"* // El País. 2022. 26 de septiembre (<https://elpais.com/internacional/2022-09-26/ultimos-rezos-por-la-victoria-de-bolsonaro-oh-senor-deten-la-avalancha-del-mal.html>).

26 GALLARAGA GORTÁZAR N. *Bolsonaro, la destrucción como estrategia* // El País. 2022. 1 de octubre (<https://elpais.com/internacional/2022-10-01/bolsonaro-la-destruccion-como-estrategia.html>).

намеревались голосовать за Лулу против 28% за Болсонару²⁷.

Политика Болсонару на президентском посту в значительной мере определялась тем, что по мировоззрению он так и остался отставным военным, воспитанным в Академии вооруженных сил в «свинцовые годы» диктатуры. С этим связано его манихейское восприятие мира, где лично он возглавляет силы «добра» в борьбе с силами «зла», а также отношение к политическим противникам, с которыми невозможен компромисс и которые должны быть уничтожены²⁸. Отсюда главное – его глубочайшее недоверие к демократическим институтам. За четыре года он ухитрился рассориться практически со всеми из них: с Верховным судом, который неправильно, по его мнению, аннулировал обвинения в коррупции, выдвинутые против Лулы; с Верховным избирательным трибуналом, который защищал систему электронного голосования, нацеленную, как считал Болсонару, на избирательный подлог и лишение его голосов в 2022 году²⁹; даже с парламентом, в котором партии «Centrão» в первое время послушно следовали его воле – и где в 2021 году был поставлен вопрос о его импичменте. В этом смысле Болсонару был по-своему последователен: борьба с демократическими институтами и была для него борьбой с *estado profundo*. Его главными и единственны-

ми союзниками оставались военные: армейские офицеры занимали треть министерских постов в его кабинете, им он пытался передать подсчет голосов на выборах, а его кандидатами в вице-президенты и в 2018-м, и в 2022-м были отставные генералы. Режим военной диктатуры был и остается для Болсонару идеалом правления, и он изо всех сил пытается приблизиться к нему, несмотря на то, что вооруженные силы неоднократно заявляли о своей верности Конституции.

На этом фоне Лула стал символом защиты демократии для значительной части бразильского общества. Его, хотя и с оговорками, поддержала часть бразильского патроната. Для предпринимателей и банкиров Лула предсказуем, они хорошо знакомы с правилами, по которым он играет, и понимают, как он будет себя вести в случае победы на выборах – в отличие от подверженного внезапным сменам настроения Болсонару, линию поведения которого невозможно предугадать³⁰. Многие влиятельные политики центристской и правоцентристской ориентации призывали голосовать за Лулу. Его исторический противник Кардозу заявил: «Во втором туре я призываю голосовать за историю борьбы за демократию и включение социально исключенных»³¹. На пост вице-президента вместе с Лулой баллотируется Алкмин, который на

27 ИДЕМ. *El arma millonaria de Bolsonaro para arrancar votos a Lula: una paga para pobres* // El País. 2022. 20 de agosto (<https://elpais.com/internacional/2022-08-20/el-arma-millonaria-de-bolsonaro-para-arrancar-votos-a-lula-una-paga-para-pobres.html>).

28 ИДЕМ. *Bolsonaro, la destrucción como estrategia*.

29 Болсонару за полтора года до выборов объявил, что признает их результаты только в том случае, если он сам получит не менее 60% голосов.

30 RIVAS MOLINO F. *Lula intenta romper la desconfianza del empresariado brasileño ante su posible victoria electoral* // El País. 2022. 29 de agosto (<https://elpais.com/internacional/2022-09-29/lula-intenta-romper-la-desconfianza-del-empresariado-brasilenno-ante-su-posible-victoria-electoral.html>).

31 GALLARAGA GORTÁZAR N. *El presidente Cardoso y Ciro Gomes, que quedó cuarto el domingo, apuestan por el izquierdista mientras el gobernador de Minas Gerais, Estado crucial, respalda al mandatario de extrema derecha* // El País. 2022. 5 de octubre (<https://elpais.com/internacional/2022-10-05/bolsonaro-y-lula-logran-valiosos-apoyos-para-la-segunda-vuelta-electoral-en-brasil.html>).

протяжении десятилетий противостоял политике «Партии трудящихся». Два центристских кандидата, занявших в первом туре третье и четвертое места, Симоне Тебет (4,2%) и Сиро Гомес (3%), также призвали голосовать за Лулу во втором туре.

* * *

Результаты второго тура, намеченного на 30 октября 2022 года, покажут, хватит ли этой поддержки для победы Лулы. Но, какими бы ни были финальные итоги, они не изменят чрезвычайно тревожной и опасной политической ситуации в Бразилии. Кандидаты, представляющие крайние фланги политической системы – Лула и Болсонару, – в первом туре получили в сумме 91,6% голосов. Это свидетельствует о крайней поляризации общества: Лула завоевал большинство среди бедных и низкодоходных групп населения, в штатах Северо-Востока и в ряде крупнейших городов страны, включая Сан-Паулу, Порту-Алегри, Салвадор и Форталезу. Вместе с тем Болсонару существенно укрепил свои позиции по сравнению с 2018 годом: он набрал большинство в двух ведущих штатах Бразилии – Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро, – а их губернаторы объявили о поддержке инкумбента во втором туре. За Болсонару снова проголосовали самые богатые штаты Юга,

а также Центр и часть Северо-Запада, где его электорат составляют аграрии и разработчики полезных ископаемых, уничтожающие с его благословения амазонскую сельву.

Даже если Лула выиграет второй тур, ему будет противостоять Национальный конгресс, где союзники Болсонару контролируют как минимум 186 мест из 513 в палате депутатов, в то время как коалиция «Партии трудящихся», увеличившей свое представительство с 54 до 81 депутата, располагает только 116 местами. В сенате же, где 2 октября переизбиралась треть из 81 сенатора, ситуация еще хуже: у «Партии трудящихся» вместе с союзниками всего двенадцать мест. Очевидно, что в случае победы Лулы его правительство уже не будет правительством «Партии трудящихся», как в 2003–2010 годах: он с самого начала будет вынужден проводить крайне осторожную политику, лавировать между различными силами, что всегда чревато ослаблением поддержки в собственной партии и разочарованием ядерного электората. Крайне важно, чтобы победа «Партии трудящихся» вновь не стала пирровой, как в 2014 году. Чем бы ни закончились выборы, Болсонару останется серьезной угрозой демократии в Бразилии – причем даже если он откажется от своего намерения не признать такие результаты выборов, при которых не он будет объявлен победителем.

АЛЕКСАНДР
ПИСАРЕВ

Темные антропологии и история во тьме:

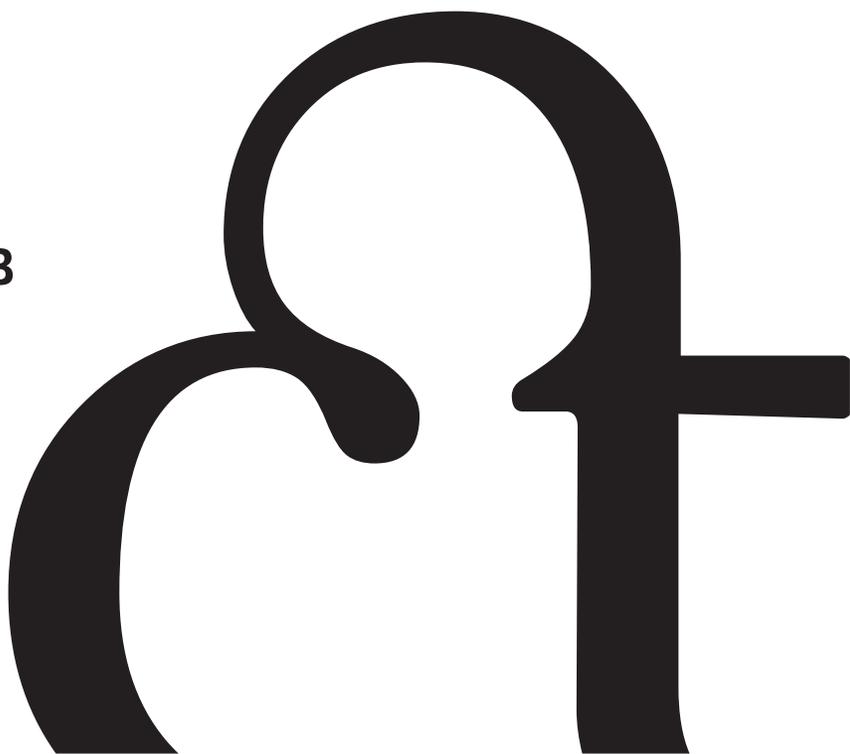
обзор российских
интеллектуальных журналов

Александр Александрович Писарев (р. 1988) – редактор, переводчик, преподаватель, младший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН.

В этот обзор попали преимущественно критические по тональности номера – критические одновременно по отношению к действительности и способам говорить о ней. «Логос» выпустил двухтомник о «темной антропологии» – маргиналиях современной антропологии и антропологических маргиналиях неолиберальной и постколониальной современности. «Ab Imperio» исследует исторические попытки заставить государство работать и обращается к обсуждению ответственности исторической дисциплины за аргументы, выдвинутые в пользу идущей войны.

**ОБЗОР
ЖУРНАЛОВ**

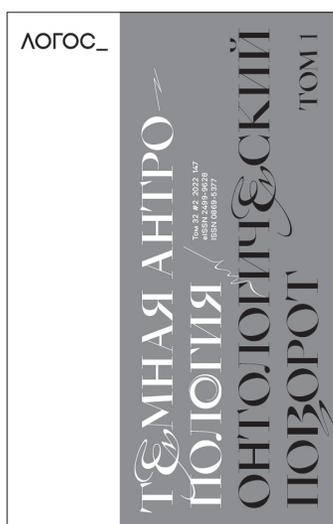
В первом томе «Логоса» (2022. № 2) обстоятельно обсуждается онтологический поворот в антропологии, его ограничения и возможное развитие. Это выражение появилось в лекциях антрополога Эдуарду Вивейруша де Кастру, прочитанных в Кембридже в 1998 году (в STS, заметим, это произошло несколько раньше и по иным мотивам), поэтому биографическое интервью с ним и открывает дискуссию. (Непосредственно номер открывает обзор Шерри Ортнер, но его лучше прочесть потом в качестве введения во второй том (2022. № 3).)

Онтологический поворот, по де Кастру, предполагал сравнение онтологических предпосылок разных антропологий, прежде всего современных и немодерных, или западных, в противовес господствовавшей в те годы эпистемологизации антропологии: изучать не только знания и классификации, но и *метафизики* разных народов (с. 67–68). Он выдвигает неожиданный тезис: туземная мысль должна пониматься как метафизическая в том смысле, что она озабочена метафизическими проблемами и вселенной. «Метафизика – один из способов жизнедеятельности всех человеческих и, кто знает, возможно, и нечеловеческих существ» (с. 70). Занимаясь метафизикой, антропология сама становится метафизикой, даже этнометафизикой.

Из интервью читатель также узнает о связях и расхождениях между антропологическими онтологиями и современными философскими проектами, об истоках центральной идеи де Кастру, – перспективизма – и о недооцененном позднем Леви-Строссе, перешедшем от структур к трансформациям (с. 85).

Подробнее тезис об антропологии как метафизике и его противопоставление эпистемологической рамке раскрывается уже в статье де Кастру. Примечательно, что, по его мнению, задача антропологии не объяснение другого мира, а умножение

нашего собственного путем признания возможностей мысли другого (с. 184). Онтологический поворот – «действие по предоставлению пространства для другого, [...] обязательство позволить туземцам, кем бы они ни были, выражаясь онтологически, делать это по-своему» (с. 183). Поскольку мы ограничены собственными онтологическими допущениями, задача антропологии – создавать условия для онтологического самоопределения другого, который является возможностью, угрозой или обещанием другого *мира*, содержащегося в его перспективе.

Мартин Холбрад вступает в полемику с де Кастру и оспаривает тезис об антропологии как онтологии или метафизике. Он обращает внимание на то, что антропология не объясняет и не интерпретирует – она должна *концептуализировать* (с. 133–136). Это предполагает особую чувствительность, своего рода интеллектуальную эстетику. Этапы и особенности процедуры Холбрад демонстрирует, анализируя примеры из работ Мосса и Эванса-Притчарда. В ходе концептуализации контингентность этнографических материалов превращается в формальный язык концептуальных отношений и разделений,

который *выражает* контингентное, а не обобщает. Морфологичность этой процедуры (с. 139), ее внимание к «контурам» концептуальных отношений и ее экспрессивность сближают антропологию с *искусством* (с. 162).

Тему перспективизма подхватывают Евгений Кучинов и Денис Шалагинов, обогащая эту идею техническим.

«Множественность точек зрения [...] дополняется гаптической множественностью линий технического действия. [...] Желательно понять точку зрения в качестве частного случая гаптического действия или технезы [...] техника – это действительно диакритическая черта, отличающая человека, черта раздвоения между культурой и природами, но проходит она *по всем видам*, не только *по homo sapiens*. То есть: все живые существа (а ограничений на *одушевление*, как мы знаем, в перспективизме нет) используют *одну и ту же технику*, но в *разных природах*» (с. 117–118).

Обсуждение фигуры техники в антропологии продолжает Денис Сивков. Он разбирает ряд версий онтологического поворота с точки зрения их способности объяснить то, что происходит в индигенном коллективе человеческих и нечеловеческих существ вследствие необратимых (пост)-колониальных *технологических изменений*. Персоналистские варианты анимизма Филиппа Дескола и де Кастру, опирающиеся на допущение существования личности, понимают коллектив как «не-контактный хронотоп, в котором время застыло, а пространство непроницаемо; здесь нет места колониальным товарам и технологическим новшествам западного мира» (с. 206) или же проникновение технологий остается незамеченным. Проекты Эдуардо Кона и Мортена Педерсена также наталкиваются на серьезные ограничения. Сивков показывает, что возможный выход из этой проблемы связан с переносом акцента на отношения

в реляционных онтологиях Нурит Бёрд-Дэвид и Элизабет Повинелли (с. 218).

Прежде чем переходить к следующему номеру журнала, стоит прочесть открывающий текущий том обзор Шерри Ортнер. Эта статья хорошо вводит в проблематику, которая скрывается за заявленной в теме двухтомника «темнотой» (пожалуй, это наиболее осмысленный вариант интерпретации этой ставшей чересчур расхожей метафоры) и задает контекст материалам второго тома. Ортнер пишет о трех направлениях в антропологии, развивавшихся на фоне подъема *тьмы* неолиберализма с 1980-х как экономической и гвернаментальной формации, обусловившей усиление расслоения среди граждан и стран. *Темные антропологии*, находящиеся под влиянием прежде всего Маркса и Фуко, занимаются изучением неприглядных сторон жизни в неолиберальных и колониальных обществах – неравенством, государственным насилием, безработицей, прекарностью, сокращением социальной политики, депрессией, ощущением безнадежности, апроприацией, навязыванием культурных норм, – а также структурных и исторических условий, которые их производят (с. 6–8).

Антропологии блага возникли во многом как сопротивление повороту к темным антропологиям (с. 22). В этих «позитивных антропологиях» тематизируются возможности, проекты и практики благой или счастливой жизни во тьме неолиберализма. Они включают как «более психологическую/медицинскую версию с ее акцентом на счастье и/или благополучии (и стремлении к ним), так и более моральную/этическую версию с ее акцентом на добродетели и благе (и стремлении к ним)» (с. 25).

Наконец, из антропологии блага вырастают *антропологии критики и сопротивления*, а также *активистская антропология*, набирающая популярность (с. 33). В этой связи необходимо различать работы,

где автор участвует в изучаемом противостоянии, и те, где он выражает солидарность с одной из сторон, но не участвует напрямую (с. 28). Ортнер выделяет три области этих антропологий: об условиях неравенства, власти и насилия в различных частях света, о переосмыслении капитализма как системы, о социальных движениях неоллиберального общества. Для многих из этих проектов важен поворот к *практикам*, инициированный Бурдьё, поскольку он порождает потенциал преобразования: «если мы создаем мир посредством социальной практики, то сможем разобрать его и переделать посредством социальной практики» (с. 31).

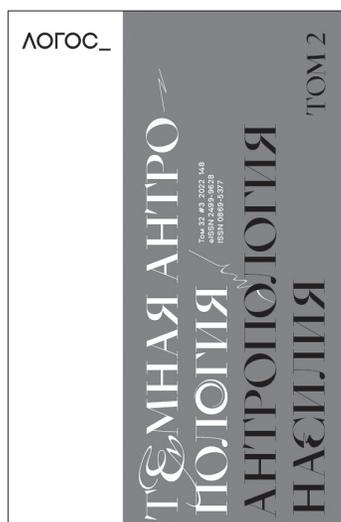
Собственно темным антропологиям и посвящен следующий номер «Логоса» (2022. № 3), сосредоточенный на теме насилия. Номер готовился в 2018–2021 годах, поэтому не отражает той конкретной остроты, которую приобрел вопрос о насилии сегодня. В редакционном предисловии подчеркивается:

«Выработанные в мирных условиях концепты проходят такую же проверку кризисом, как люди, техника и политические институты. Концепты, необходимые для интерпретации проблемы насилия, не являются исключением и станут вызовом для нашей методологии. Что будут значить наши прежние идеи о насилии *inter armae?*» (с. 29).

В этом смысле в текущих условиях номер о насилии стоит воспринимать не только как сумму результатов исследований и размышлений, но и как набор инструментов проблематизации и видения, а также тезисов для испытания на конкретном и настоящем материале ради его понимания.

Обсуждение открывается критикой идеи гибридной войны в статье Николая Ссорина-Чайкова. Он обращает внимание, что «гибридность в контексте современных войн используется в первую очередь для

описания врага, а не самоописания» (с. 35). Автор скептически оценивает эвристический потенциал понятия, но отмечает важный момент: «гибридность» новых войн делает проблематичным разграничение состояния войны и состояния мира. Ссорин-Чайков переносит это свойство на мир и на основе современных этнографий войны выстраивает концепт *гибридного мира* (с. 37). Это странное и враждебное пространство, номос, результат территориальных и понятийных различий. Он конституируется современными методами ведения войны, здесь война не похожа на войну, мир – на мир, и нет четких границ. Воля конфликтующих сторон реализуется через декларативный отказ от нее путем делегирования военных действий союзникам или частным контрагентам и пользования карательными инфраструктурами чужой территории, где систематически нарушаются гражданские права и не действуют механизмы ответственности (с. 45).

Примеры гибридного мира – военные действия с применением беспилотников на Ближнем Востоке, экстерриториальность гарнизонов и партизанских движений в Центральной и Западной Африке, ризоматические операции Армии обороны

Израиля. Стоит отметить, что одним из источников гибридной безопасности являются инфраструктуры безопасности, ориентированные на будущее и создаваемые в рамках предупреждения, профилактики и предотвращения будущих войн. Гибридный мир, создаваемый в рамках такого менеджмента угроз, – это пространство сосуществования актуальных и потенциальных угроз, где в пределе потенциальным врагом, комбатантом, партизаном может быть неопределенно широкое множество субъектов.

Игорь Чубаров и Юлия Апполонова продолжают размышления о меняющейся природе войн, тематизируя беспилотники в качестве социальных акторов, по-разному входящих в резонанс с разными традициями этики войны. Они обращают внимание на устройство дискурсов, оправдывающих применение дронов: в них, по умолчанию, западному индивидуализму, минимизации потерь, ценности жизни, экономической эффективности, инновационности и избирательности насилия противопоставляется незападная коллективность, этика самопожертвования, пренебрежение жизнью, неизбирательность убийств и расточительство. В этом смысле дрон – своего рода оператор сакрального насилия, концептуальный персонаж, меняющий правила военно-политической игры. В заключение Чубаров и Апполонова обсуждают *этику дронов*, которая могла бы лечь в основу осмысления «новых войн» международным правом (с. 90). Ее проблемное ядро – связь между агентностью дрона и этической ответственностью его оператора.

Насилие в своем многообразии не всегда получает однозначно негативную оценку. В этой связи отправной точкой размышлений должно быть различие двух *диалектически* связанных типов насилия – со стороны обладающих властью и со стороны угнетенных, бесправных и исключенных. Эту диалектику использует в качестве рамки анализа Оксана Тимофеева, ставя вопрос

об обосновании освободительного насилия. Она исследует его историческую генеалогию на материалах Сореля (всеобщая стачка), Батая (сакральное насилие), Бенямина (божественное насилие) и Фанона (борьба за освобождение колоний). Особое внимание Тимофеева уделяет Батаю, у которого появляется сюжет насилия нечеловеческого, важный в контексте проблематики антропоцена.

Хотя идея антропоцена предполагает относительно беспрепятственное распространение и даже повсеместность техники, с антропологической точки зрения такие трансферы вовсе не являются квазиуниверсалией. Так, Дэвид Грэбер на материале малагасийской культуры анализирует выявленный Марселем Моссом феномен *отказа* племен от заимствования у соседей практически полезных изобретений и навыков (интересный штрих к исследованию Сивкова) при осведомленности о них и понимании их полезности. Грэбер предполагает, что такой отказ от ценностей соседей – свидетельство политической зрелости – является структурным элементом выстраивания собственной культуры. Скажем, гомеровская Греция сознательно не перенимала ценностей централизованных и бюрократизированных торговых обществ Ближнего Востока. Заимствуя понятие у Грегори Бейтсона, Грэбер называет это *скизмогенезом*: самоопределение от противного, «творческий» отказ и неприятие. Признание конститутивности этого акта позволяет переосмыслить историю человеческих обществ.

Своего рода полемическим ответом на статью Грэбера является рецензия на его книгу «Заря всего. Новая история человечества» Дмитрия Кралечкина. Он обращает внимание на противоречия и недостатки подхода и метапозиции написания *всемирной истории человечества* как жанра и критикует попытку Грэбера разбить популярный нарратив сельскохозяйственной

революции в истории человечества апеллирующей к эмпирическим исключениям и отклонениям, а не предложением другого нарратива. Вдобавок антрополог восстанавливает руссоистский миф своей критической установкой по отношению к власти, в которой власть в конечном счете оказывается виновницей цивилизационного падения.

Нынешний год «*Ab Imperio*» посвятил теме «Становление и упадок государства как института и аналитической категории», соединяющей объектный и методологический аспекты. Ее проблемный узел связан с судьбой национального государства и возможностями, предлагаемыми постнациональными альтернативами. Общемировая тенденция, в разной степени затрагивающая государства, – кризис механизмов современного национального государства. Одновременно нациецентричные, спланированные обществом нарративы демонстрируют успешность в случаях таких интервенционистских и эффективных государств, как Китай и Израиль. Поэтому постнациональные альтернативы, смещающие акцент на права индивидов и множественную лояльность, ставят под вопрос основы современного государства, лишают его самоочевидности и предлагают формы, способные заменить его в будущем. Обсуждению этих реалий «*Ab Imperio*» и посвятит выпуски этого года.

Первый номер (2022. № 1) выстроен вокруг темы «Бесконечная история государственного строительства: кто и как заставлял власть работать». Блок «История», посвященный этой теме, открывает Юсуф Зия Карабичак с кейсом, посвященным внутреннему и международному контексту распада Речи Посполитой. В фокусе внимания – усилия короля Польши Станислава II Августа по укреплению и повышению эффективности государственных институтов и противодействие со стороны местной элиты и внешних сил, особенно Османской империи. При разнице мотивов этого сопро-

тивления и те и другие исходили из одного и того же аргумента защиты древних *свобод* страны от тирании, риторически вписывая ее в рамки борьбы Просвещения за свободу. При этом речь шла о свободе как групповых привилегиях, а не об универсальных правах для всех. В конечном счете, Речь Посполитая не смогла перейти к современному государству, избавившись от сферы частных групповых интересов монарха или знати, и добиться эффективности управления.

Вообще говоря, очищение современных институтов власти от частных интересов всегда происходило с переменным успехом, особенно если речь шла об удаленных местностях. Зачастую в таких случаях государство предпочитало передавать управление частной организации. Хороший пример такого решения раскрывает Роберт Киндлер. Первые два десятилетия после продажи Россией Аляски США (1867) земли по обе стороны северной части Тихого океана управлялись Аляскинской торговой компанией (*Alaska Commercial Company*). Компания была единственной властной инстанцией в этом регионе и эксплуатировала один из самых ценных тогда источников дохода – промысел морских котиков. Киндлер называет такой тип управления *фрагментированным суверенитетом* (с. 170).

Наталья Рыжова на материале истории провала «соевой революции» в СССР в начале 1930-х показывает, что расширение сферы государственного управления вплоть до вытеснения частного необязательно приводит к укреплению власти. Причиной неудавшейся организации массового выращивания сои, несмотря на благоприятность стартовых условий, стала несогласованность чересчур централизованных структур производства знания, экономического планирования и растениеводства. Центры знания (ВАСХНИЛ), не совпадая с центрами власти (Масложирсиндикат), попросту не могли контролировать выращивание сои (с. 220).

Продолжая обсуждение функционирования сталинского государства, Елизавета Хатанзейская обращает внимание на войну как маркер его дееспособности и эффективности. В фокусе ее внимания – период накануне начала Великой Отечественной войны, когда, формально не принимая участия во Второй мировой войне, РККА несла большие потери в ряде военных кампаний (Польский и Бессарабский походы, советско-финляндская война), из-за чего, помимо прочего, начался кадровый голод, обостренный репрессиями: младшие офицеры, не обладая нужными компетенциями, слишком быстро получали более высокие посты (с. 224). На материале архивов Архангельского военного округа Хатанзейская показывает институционализацию сбоя армии, усугубившую ухудшение морально-политического климата накануне 22 июня 1941 года.

Согласно новому Дисциплинарному уставу, принятому в октябре 1940 года для повышения дисциплины и управляемости низового звена (с. 235), офицерам разрешалось безнаказанно применять силу для поддержания дисциплины среди рядовых, при этом сами офицеры были подчинены столь же произвольной власти верхов, так как несли полную ответственность за неисполнение приказов независимо от объективных обстоятельств и препятствий. Фактически были легализовано насилие над рядовыми и безответственность командного состава. В результате функционирование армии как государственного института стало зависеть от сознательности каждого военнослужащего: институциональные отношения подменялись *межличностными*, армия переходила на «ручное управление», а автоматизированные и безличные социальные механизмы контроля, свойственные современному государству, не работали.

Первая же и сопоставимая по объему часть номера «Ab Imperio» посвящена не запланированной когда-то теме, а актуаль-

ной повестке, в частности, проблематической *связи* истории и войны. Ей посвящен большой международный форум в разделе «Методология и теория», который предваряет статья, посвященной истокам современного российского общества. Марк Липовецкий прослеживает эволюцию трикстера советского нонконформизма, бывшего альтернативой советской модернизации, в постсоветского циника в качестве линии генеалогии современного *нормативно цинического* российского общества, в котором с 2011–2012 годов цинизм управляющих со-
впал с цинизмом «безвластных» (с. 33, 38).

«Становясь нормативным, трикстер постепенно (не сразу!) утрачивает все, что делает его трикстером – амбивалентность, трансгрессивность, перформативность, лиминальность. В результате из-под эстетически привлекательной оболочки трикстера проступает его обратная сторона, которая вообще-то всегда присутствовала, только не бросалась в глаза – цинизм. И именно цинизм становится объединяющей позицией и даже своего рода идеологией для всех пришедших к власти постсоветских трикстеров» (с. 34).

Циник использует трикстерские стратегии уже не для подрыва, а для утверждения власти. Без жесткой системы ценностей трикстер теряет освободительный потенциал и становится аморальным:

«Цинизм предлагает не только власти, но и всему обществу фантомную защиту от вопросов морального выбора или моральной ответственности, представляя их как лицемерные и не имеющие отношения к действительности (“все так делают” и т.п.)» (с. 35).

Отсюда имитация институтов и провал механизмов современного государства, являющиеся общемировой тенденцией, но здесь доведенные до крайности. Средство борьбы с цинизмом, по Липовецкому, – статья этическим субъектом без оговорок (с. 45); а на

уровне интеллектуальных дискурсов – деконструкция холистских и потому манипулятивных категорий вроде «народа», «цивилизации», «исторической судьбы», отказ от эссенциализма и бинарного мышления.

Правда, не до конца ясно, почему фигуры трикстера и циника, фактически полагаемые как типичные или по меньшей мере определяющие фигуры общества, не являются эссенциализирующими и холистскими. Это сложная и явно болезненная для историков тема, которую следует поднимать. Неслучайно *деконструкция понятий* – одна из проблем, обсуждаемых форумом как насущные. В центре внимания его авторов – пересмотр исторических нарративов русистики на фоне печального успеха исторических аргументов в обосновании российской агрессии в Украине.

«Должно быть, что-то было не так с глобальной русистикой, если продвигаемая путинским режимом историческая политика не была сразу отмечена как опасная спекуляция с самого начала ее формирования в начале нулевых годов, а обсуждалась как легитимная теория. Поэтому кажется вполне уместным задать ряд вопросов историографии последнего времени» (с. 19).

Рамкой пересмотра нарративов русистики становится, таким образом, ответственность исторической дисциплины.

Одной из точек расхождения между дискуссантами стала оценка *методологического национализма*. Прежде всего объектом критики стало то, что сохранялось в установках историков, несмотря на все прогрессивные оптики вроде исследований исторической памяти или сравнительной истории, а именно: наделение групп – господствующих или угнетенных – стабильными свойствами, сохраняющимися с течением времени. Пресловутый «имперский поворот» в методологии оказался лишь стилистическим поветрием, настолько быстро все

откатилось к нациецентричным нарративам. В рамках национальной истории одна эссенциализированная группа в качестве Иного наделяется негативными свойствами, другая – статусом жертвы, лишенной исторической ответственности.

В дискуссии предлагаются и альтернативы подобному методологическому национализму, эссенциализирующему свои рабочие объекты. Они предполагают, что все несут ответственность за свои действия, но причины, допустившие эти действия, сложны и выходят за пределы одной группы. В таком случае группы ситуативны и динамичны, по-разному проявляют себя в разных ситуациях и не сводятся к воображаемому историком ядру. Спор в этом разделе развернулся, надо сказать, острый, звучат упреки в нечувствительности к связи между эпистемологической и политической позициями.

Попавшие в этот обзор выпуски журналов, помимо прочего, демонстрируют одну тенденцию: по-настоящему кризисное время не только активизирует и тематически заостряет эмпирические исследования, но и *предварительно* ставит методологические вопросы о том, какие подходы и понятия мы используем при осмыслении жизни своих обществ, государств и нечеловеческих соседей и посредников. Вероятно, общий знаменатель достаточно разнообразных исследовательских направлений, обсуждаемых в этих номерах, можно сформулировать так: прочь от априорного приписывания свойств предметам изучения (эссенциализации) и прочь от субстанциализации собственной позиции. Как императивы эти требования далеко не новость для академии, однако ситуация такова, что разнородные инерции в умах исследователей, популярные в обществе дискурсы и сами события беспрестанно обновляют их актуальность.

ПОЛИНА
КОЛОЗАРИДИ

Из России, из России, из России

*Из России с кодом. Миграции программистов
в постсоветскую эпоху*

Под ред. МАРИО БИАДЖОЛИ, ВЕНСАНА ЛЕПИНЭ
СПб.: Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге, 2021. – 606 с.

Весной 2022 года айтишники в очередной раз начали покидать Россию. Осенью 2022-го, когда я пишу данный текст, их отъезд стал еще более масштабным. Это массовое перемещение за границу своей страны пока не описано социальными учеными, и едва ли мы можем рассчитывать даже на точную статистику. Российское правительство отреагировало почти сразу: в университетах повысилось количество бесплатных мест для IT-специальностей, а для профессионалов в этой области стали выделять фантастические, особенно для военного времени, льготы вроде скидок на покупку жилья. Как подействуют эти меры – тоже сейчас не вполне понятно. Но можно обратиться к недавней истории и понять, что происходило с российскими айтишниками в 2000–2020-х. В этом помогает книга «Из России с кодом», выпущенная издательством Европейского университета.

НОВЫЕ
КНИГИ

БОЛЬШАЯ ПОЧИНКА

Авторы предлагают понимать IT-деятельность как работу по организации общественных отношений. Специалисты по программированию не просто создают код – они переводят социальные операции в технологические. Такой перевод связывает существующие порядки универсальным способом: ведь язык кода действует на всех устройствах одинаково. Где бы ни придумали алгоритм, в наших приложениях он будет работать одним, предсказуемым, образом. На деле эта универсальность мнимая. Она не создает единообразия. Ведь она наследует культурам, в которых коды возникают и реализуются. У айтишников есть условия труда, образование, семьи – и все это может влиять на код. Но в языках программирования нет указания на контекст производства. Книга «Из России с кодом» представляет собой что-то вроде большого метатекста, культурно-антропологического комментария к тому, что такое код, если он сделан специалистом из России.

На материалах семнадцати исследований авторы показывают, какие явления составляют культурно-исторический контекст написания кода (часть 1); как устроена современность повседневной жизни айтишников в России (часть 2); наконец, как инженеры и математики из СССР и России перемещались в другие страны мира и что с ними там происходило (часть 3). Во вступительной статье Марио Биаджолли и Венсан Лепинэ подчеркивают, что «Из России с кодом» – это международный проект: исследования велись в разных странах мира, и первое издание книги вышло на английском языке. В русскоязычной версии добавилось исследование Лилии Земнуховой об айтишниках в Лондоне.

Тексты написаны на материалах качественных исследований и отчасти продолжают разработку сюжетов, изложенных в книге «Фантастические миры российского хай-тека»¹. В «Мирах...» предметом интереса авторов были технопредприниматели, и IT-сфера там не затрагивалась. Зато обе книги начинаются с одного и того же исследовательского удивления: русские не умеют коммерциализировать свои технические навыки. Эта идея американского историка советской и российской науки Лорена Грэхема почти не подвергается сомнению в «Мирах...», но в «Из России с кодом» выглядит чуть менее экзотизирующей. Нежелание или неспособность коммерциализировать продукты своего интеллектуального труда уже не рассматривается как причуда русского Левши. В книге показано, что люди, которые живут и программируют в России (или уезжают из нее

1 Бычкова О.В., Гладарев Б.С., Хархордин О.В., Цинман Ж.М. *Фантастические миры российского хай-тека*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019.

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ

ИЗ РОССИИ, ИЗ РОССИИ,
ИЗ РОССИИ

Полина Колозариди (р. 1987) – исследовательница и преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Национального исследовательского университета ИТМО, координатор клуба любителей интернета и общества.

писать код в другие страны), различаются по происхождению, национальности, профессиональной специализации. Их объединяют элементы советского математического и/или инженерного образования, а также работа в IT-сфере.

Собственно профессиональные задачи IT-разработок в книге почти не описаны: сюжетами монографии становятся то гражданский активизм (в исследовании Ксении Ермошиной), то работа в больших корпорациях (в главе, написанной Дианой Курковски-Вест), то деятельность в стартапах и технопарках (изученных Александрой Симоновой). Во всех этих организациях люди занимаются технологизацией неких процессов, а их рефлексия по этому поводу описана разве что у гражданских активистов. Впрочем, и они, как предполагается, действуют против всего плохого (то есть неудобного) во имя всего хорошего и прогрессивного.

В некоторых статьях – например, в исследованиях Марины Федоровой о программистах Армии Израиля и «Яндекса» – вопрос о том, как эти люди пишут код, рассматривается несколько подробнее. Но за этим редким исключением тема технического задания остается за кадром. Такое равнодушие к содержанию работы айтишников оставляет читателя в некотором недоумении. Но зато авторы позволяют разглядеть за самой практикой написания кода социальные смыслы (в частности, переустройство связей между людьми) и предлагают обратить внимание на две проблемы.

Во-первых, производство технических решений нужно для общественной жизни. Но в традицию еще советского образования входит четкое разделение работы с людьми и работы с техникой. Пример живучести такой традиции приводит в одном из интервью собеседница Дианы Курковски-Вест:

«Когда работодатель Марины спросил у нее, хочет ли она занять менеджерскую позицию, она ответила ему: “Нет, нет, только не это! Я не могу работать с людьми” – и несколько раз повторила: “Я не могу людям говорить, что им делать”» (с. 455).

Во-вторых, IT-специалисты и сами оказываются трагически отделены, или – если воспользоваться гегельянско-марксистским словарем – отчуждены, от трудовых процессов, в которых они участвуют. Неважно, работают они над программой для распознавания лиц в метро или разрабатывают систему логистики брюквы. Как следует из той части книги, которая посвящена профессиональным сообществам айтишников в разных российских городах, они не могут проявить политическую волю, даже объединяясь друг с другом в процессе труда. В исследованиях, проведенных в Казани, Владивостоке, Сибири и «Сколково» (а также в московском «хакерспейсе»), видна по-

литическая неспособность айтишников влиять на условия и характер своей профессиональной деятельности на рабочем месте. Если они оказываются в ситуации, которая способствует совместному труду, они производят стартапы, а если нет – заняты исключительно воспроизводством существующих в университетах и на больших производствах практик. При этом новизна произведенного продукта, по умолчанию (в том числе в книге), считается чем-то благим, а повторяемость и масштабирование – скорее вторичным. Подробнее в этой проблеме позволяют разобраться те части книги, которые посвящены рефлексии труда айтишников как отдельного вида производства.

Российская специфика в обоих случаях связывается с тем, как устроены отношения между постановкой задачи и способами ее решения. Специалисты из России блестяще решают уже сформулированные задачи (и даже создают на этом собственный бренд, хотя не вполне успешно, как мы видим из главы, написанной Лилией Земнуховой). Но постановка задач – это дело других людей или сил. Инженерная и математическая добродетель – превращать управленческие цели в познавательные и технические, но не наоборот. Специфику этой особенности, корнящейся в советском образовании, описывает Ксения Татарченко. Она объясняет, как информатика стала одновременно наследницей кибернетики, создала собственный миф и институты, предполагающие, по задумке Андрея Ершова, «реализацию возможностей человеческого разума посредством тесной взаимосвязи, братства человека и машины» (с. 102).

Итак, задача «русского кода», если следовать этой линии интерпретации, – обратить порядок вещей в порядок технический. Код не в силах повлиять на ход вещей, но он может починить социальный порядок или хотя бы отдельные его элементы. Этот способ работы в IT противопоставляется свободному предпринимательскому подходу, распространенному в Кремниевой долине. Сам «глобальный» (скорее американский, чем европейский) подход к программированию в книге берется за норму и поэтому не критикуется. Чтобы восполнить этот пробел, можно почитать о том, как Евгений Морозов критикует «технический солюционизм»: иллюзорную идею о том, будто социальный порядок можно изменить, создавая техничные решения и делая реальность более подконтрольной на уровне личного, переконструированного в политическое².

И все же айтишники из СССР и России не марионетки-исполнители. Они тоже способны к сопротивлению существующему социальному порядку. Авторы введения описывают это

2 MOROZOV E. *To Save Everything, Click Here: The Folly of Technological Solutionism*. New York: Public Affairs, 2013.

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ
ИЗ РОССИИ, ИЗ РОССИИ,
ИЗ РОССИИ

как стремление изобретать самостоятельно: создавать что-то, опираясь на моделирование и научное знание, но создавать не в мире науки, а в мире практических действий:

«Столь непреклонная привязанность к модели изобретения может корениться не в увлеченности призрачной чистотой, а в отсутствии самого что ни на есть мирского доверия к коллективным формам организации – разновидности сотрудничества, которая необходима, чтобы изобретение стало инновационным продуктом» (с. 52).

Такая инженерная критика больших порядков отличается от гуманитарной и политической критик, которую мы встречаем в текстах XX века: критические теоретики – в диапазоне от Теодора Адорно до Жана-Франсуа Лиотара – не считали, что работа с техникой может стать основанием для самостоятельного политического действия. Разве что философия Жильбера Симондона, с его фигурой «технициста», позволяет понять возможности сопротивления инженерно-технической среды. Ведь, возможно, источник такой критики – это сама специфика труда в IT-деятельности.

ВСЕ ХОТЯТ БЫТЬ РОБОТАМИ

В книге уделено внимание коду как результату производственной деятельности. Ему посвящена первая часть: Ксения Татарченко в главе «До распада: культуры программирования в Советском Союзе» описывает исторический контекст; Ксения Ермошина в главе «За код и страну: гражданские хакеры в современной России» показывает, как эти самые хакеры производят «солюционизм» по-русски; а Марина Федорова в главе «От наблюдателя до ниндзя» рассказывает о разнообразии способов кодирования в «Яндексе» и объясняет, как из этого возникают сообщество и иерархия.

Устройство базовой проблемы очевидно для IT-сферы любой страны: программисты производят алгоритмы, которые делают ненужным сам труд программистов. Они лишают себя и своих потомков (или младших коллег) будущего, в котором они могли бы продолжать делать то же самое, что и сейчас. Программист обрекает следующего программиста на новые скитания в поисках того, что еще не технологизировано. Или – на выход из профессии.

Эта проблема не новшество из мира высоких технологий. Можно вспомнить один из центральных сюжетов марксизма: рабочий производит станок, который его заместит. Так же ай-тишники замещают себя техническими системами собственно-

го производства. Более того, разработчики все более сложных систем, в быту называемых «искусственным интеллектом», производят технические аналоги интеллектуальных и культурных практик. Они в свою очередь замещают элементы социальной жизни. Страхами по поводу подобных перспектив полна научная фантастика – от Франкенштейна до «Матрицы», не исключая теоретиков вроде Льюиса Мэмфорда или Шошаны Зубофф. В этих страхах перемешаны восставшие машины и алгоритмы, которые заменяют волю человека желаниями общества или государства, воплощенными через механизмы.

Что добавляет «русскость» кода в эту мрачную картину? На первый взгляд, ничего хорошего: лишенный рефлексии и политической агентности по поводу собственного типа производства русский айтишник выступает универсальным рабочим при станке. Но глава Марины Федоровой о том, как устроены сообщества в «Яндексе», дает несколько иную перспективу и даже вселяет надежду. Она уподобляет их читателям Библии: «сообщество “Яндекса” формируется с помощью практики чтения кода» (с. 123). Более того, в ходе этнографических наблюдений Марина выясняет, что есть два подхода к коду: инженерный и математический. Инженеры предпочитают популярный язык программирования C++, а «математики» скорее склонны писать код на языках высокого уровня, поскольку больше концентрируются на самой проблеме, а не на инструментах для ее решения». В главе показано, что через совместные практики формируются новые правила и стандарты, а значит, объединяясь не в практиках взаимодействия, а через код, айтишники могут менять исходные условия.

Конечно, объединение происходит не во всех корпорациях. Но, если противоречие заложено в способ производства, оно может быть основанием для рефлексии и изменений. Добавлю, что искать и исследовать эти изменения стоит в самом коде. В качестве примера можно привести проект технотеологии Михаила Куртова. Куртов, рассматривая становление графического интерфейса, показывает, как технические изменения привнесли в культуру явления, аналогичные возникновению христианства³. Такой подход переворачивает идею о том, что культуры локальны, а технологии – универсальны. Наоборот, программисты и инженеры разных стран, получается, произвели общее культурное изменение.

Правда, академические исследования нечасто работают с разными уровнями объяснений. Это потребовало бы учета социально-политических условий, не обращающего их в нечто трансцендентное. Такой подход встречается в акторно-сетевой

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ
ИЗ РОССИИ, ИЗ РОССИИ,
ИЗ РОССИИ

3 Куртов М. *Генезис графического пользовательского интерфейса: к теологии кода*. СПб.: Транслит, 2014. С. 88.

теории и в исследованиях науки и технологий (не чуждых авторам «Из России с кодом»). Но в этих теориях исследования помогают скорее обнаружить практическую проблему (например в работе Меткалфа и Мосса⁴, которые изучают, как в корпорациях понимают этику в работе с данными), оставляя более масштабные контексты за скобками. Возможно, если бы к эмпирическим исследованиям добавлялся более разработанный, но емкий социально-философский комментарий, это позволило бы сочетать разные типы знания.

Пример такого сочетания есть и в книге «Из России с кодом» – в главе-картографии, написанной Дмитрием Жихаревичем, где он цитирует Йохайю Бенклера:

«В целом при наличии такой IT-индустрии было бы ошибкой думать, что российская экономика – лишь немногим более чем огромная бензозаправочная станция. Столь же неверно считать, что IT – это просто отрасль среди других отраслей, так как ее влияние является фундаментальным как для экономики, так и для общества в целом» (с. 348).

Вообще Йохайя Бенклер важен для авторов этой книги. Его «Богатство сетей» цитируется в разных главах. В этой книге Бенклер утверждает, что, переходя к сетевому способу производства (от индустриального – то есть иерархического), хозяйство и общество станут богаче и лучше⁵. Такая привязанность к эсхатологической линейности времени, в которой нужно успеть перестроить социальные отношения, предполагает религиозный пафос последних времен. Сюжеты Бенклера наследуют скорее идеологическим сюжетам второй половины XX века – вроде « сетевого общества» в версии Мануэля Кастельса или «информационного общества» в духе футуролога Дэниела Белла.

Но, как миллениаристская (то есть ожидающая конца света и/или радикальных перемен) концепция может быть концептуальной рамкой для исследования социальных изменений, не вполне ясно. Ведь она уже предполагает и исход этих изменений, и их характер. Сам Дмитрий Жихаревич, объясняя, что Россия не только гигантская бензозаправка, впрочем, не раскрывает противоречие между неизбежностью экономических изменений и трагедией невозможности будущего (напомним, это ситуация, когда айтишник производит уничтожающий его алгоритм). Возможно, чтобы понять это сочетание, нужно изучить социальные идеалы самих айтишников.

4 METCALF J., MOSS E. *Owning Ethics: Corporate Logics, Silicon Valley, and the Institutionalization of Ethics* // *Social Research: An International Quarterly*. 2019. Vol. 86. № 2. P. 449–476.

5 См.: BENKLER Y. *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom*. New Haven: Yale University Press, 2006.

Этого немного касается Ксения Ермошина в статье о гражданских хакерах. Работа айтишников, о которых идет речь в этом исследовании, основана не на указаниях начальства, а на их личных представлениях о лучшем обществе, на беспокойстве за состояние страны. Гражданские хакеры, согласно Ермошиной, помещают код на место неработающего закона:

«С технической точки зрения разработчикам необходим набор элементов, которым они могут присвоить определенные значения – например, “истинное” или “ложное”. Они не могут написать приложение “против коррупции” вообще, но способны прописать набор конкретных небольших задач или вопросов, отвечая на которые, пользователь участвует в сборе данных о коррупции» (с. 172).

Получается, что программист не только воплощает в реальность поставленную задачу и способен договориться с другими программистами о новых правилах. Осознавая зазор между техническими и политическими нормами, он переносит свое осознание – в код, а затем – и для тех, кто будет пользоваться его продуктом. Но кто может быть этим пользователем? В конце концов, даже предполагая, что в сетевое общество попадут не все, стоит рассматривать не только способы попасть туда, но вслед за Вальтером Беньямином поглядеть на места, которые будут оставлены духом прогресса. Так вот, Россия, если следовать книге – и особенно ее финальным частям об исходе российских айтишников, – духом прогресса будет оставлена. Стоит проследить эту идею книги более внимательно.

ТЕБЕ НЕ В РАДОСТЬ, МНЕ НЕ В БЛАГОДАТЬ: ГДЕ МЕСТО ДЛЯ АЙТИШНИКА?

Почему важно, что айтишники, о которых идет речь в книге, российские? Что изменилось бы, будь они выходцами из Болгарии или Перу? Вроде бы Россия – одновременно правопреемница практик и культур СССР и при этом обладает собственной политической субъектностью. Соответственно, выходцы из нее будут носить в себе эту культурную неоднозначность, встраиваясь в якобы универсальную IT-среду современности. Но, нет. Идея универсальности ставится под вопрос уже самим оглавлением книги. В ней есть история государственного бренда Эстонии как страны-аватара электронной демократии. Рядом с ней – особенности израильских стартапов: их создают, к удивлению эмигрантов, не в университете, а в армии. По соседству – трагедия предпринимательской утопии Владивостока, прикрытой университетскими реформами федерального центра. Все разработки, возникающие в этих местах, разные,

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ
ИЗ РОССИИ, ИЗ РОССИИ,
ИЗ РОССИИ

у них не совпадают задачи и лишь отчасти совпадают методы. Короче говоря, никакой универсальной среды для жизни IT-сферы не существует. Получается, что носители сложных культур (всей России, городов своего происхождения, новых мест обитания) вынуждены действовать в ситуации не менее сложных технических и организационных культур (IT-работы с кодом). Их работа создает инфраструктуру жизни и смерти: от приложений для покупки билета в театр до военных разработок. Но, как сделать контекст видимым, как понять основания для этого производства, непонятно.

Ни в одной главе айтишные культуры не имеют рефлексивной самостоятельности. Недостает и контекста производства самих текстов книги «Из России с кодом». Если программисты кодят на своих, более или менее абстрактных языках, как устроены позиции социальных исследователей? Есть ли для них/нас напряжение между существованием общих концепций и конкретных сюжетов социальных изменений? В какой момент абстракция наблюдаемой реальности становится конкретикой этнографического наблюдения, которое соотносимо с теорией или тенденцией? Хотя умножение метатекстов не лучший писательский прием, здесь он был бы не лишним. Книге не хватает рефлексии не на уровне описания общих рамок и вопросов, а на уровне уточнения позиции составителей и авторов текстов (а возможно, и их представлений о читателях).

В конечном счете, «Из России с кодом» показывает, что можно вывезти программистов из России. Но мы не знаем, какая Россия потянется вслед за ними и окажется перенесенной. Ее способность к перенесению куда-либо остается загадкой – но она присутствует в коде. Способы рефлексии этой связи – задача не только для программистов, а для всех, кто силится понять процесс технологизации нашей жизни. Мы можем только надеяться, что этот комментарий к комментарию к «русскому коду» будет иметь смысл не только как метатекст, но как возможность сомневаться в ходе и устройстве закодированных вещей.

Рецензии

Это не то

ОКСАНА ТИМОФЕЕВА

СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2022. – 216 с.

Книга преподавательницы Европейского университета в Санкт-Петербурге Оксаны Тимофеевой представляет собой сборник небольших философских эссе. Это рефлексии над ключевыми событиями и процессами, происходившими в России на протяжении последних нескольких лет: необъявленная война с Украиной, флешмоб #янебоюсьсказать и движение *metoo*, капиталистическое отчуждение и деполитизация путинского режима, пандемия коронавируса, крах попыток построить гражданское общество и акты политического сопротивления.

Эссе выстроены в хронологической последовательности: начиная с военных действий в 2014 году и заканчивая протестами против уголовного преследования Юлии Цветковой в 2020-м. Последнее эссе сборника можно назвать размышлениями автора о собственном методе.

Несмотря на то, что большинство из вошедших в сборник текстов были так или иначе опубликованы в момент своего написания, книга, собравшая их под одной обложкой, вышла после начала так называемой «специальной военной операции» России в Украине 24 февраля 2022 года. Как рассказывала сама автор на петербургской презентации, сборник долго готовился, и начало военных действий помешало издательскому процессу, однако в итоге книга увидела свет.

Я читала книгу Тимофеевой одновременно с сообщениями о трагедии, происходящей в Украине; думаю, что это изменило

мою читательскую перспективу – в сравнении с той, что могла бы быть раньше. Исходя из этого я и буду выстраивать свои рассуждения.

Сегодня мне представляется, что книга Оксаны Тимофеевой является одновременно подробным описанием и анализом тех процессов, которые сегодня стремится отразить оппозиционно настроенная часть российского общества. Мы видим, что те идеологические кажимости, которые выступали условием возможности нашей повседневности все эти годы, перестали работать на сохранение социальной ткани в относительной целостности. В итоге огромное количество привычных практик стали предметом критического анализа для всех, кто так или иначе был в них задействован. В этом смысле момент публикации книги задним числом делает ее, возможно, одним из самых любопытных документов своей эпохи.

Итак, что же происходило все это время?

ВОЙНА В ЗОНЕ САКРАЛЬНОГО

Название сборника: «Это не то» – главное, что, на мой взгляд, отражает означавшую спайку между временем написания текстов, первый из которых датирован 2014 годом, и моментом публикации. Главным лейт-мотивом, объединяющим собой все эссе сборника, становится тема необъявленной войны.

«“Нет” – это парадоксальное “да” необъявленной войны, ее своего рода свидетельство наряду со случайно найденными, заблудившимися на территории другого государства военными, мертвыми телами с солдатскими жетонами или без них, могилами без надгробий или же негативными свидетельствами, свидетельствами отсутствия (“ушел и не вернулся”)» (с. 30).

Война ведется, однако на уровне официального дискурса у нее нет обозначения, и это особым образом задает перспективу, наделяя ее характерными слепыми пятнами. В дыру, оставленную на месте отсутствующего означавшего, введение которого смогло бы совершенно иным образом организовать контекст, на протяжении нескольких лет затягиваются погибшие солдаты, беженцы и прочие неуместные атрибуты происходящего с неопределенным статусом. Для официального дискурса эти объекты невидимы, их буквально не существует.

Тимофеева вводит фигуру «мирных обитателей тыла» (с. 36), в которой мы узнаем самих себя. Это диалектическая конструкция, поскольку одно из центральных рассуждений книги направлено на выявление диалектики войны и мирного существования. То, что мы принимаем за мирное существование с вынесенной вовне зоной насилия и сакрального, на деле является лишь изнанкой отрицаемой войны.

«Но в не-месте бессознательного внутреннее и внешнее совпадают, и якобы мирные территории, такие, как Петербург, оказываются не чем иным, как симптомом отрицаемой войны. Это не мирная территория, это тыл. Война была вытеснена, выдвинута вовне и тут же обнаружилась здесь, глубоко внутри» (с. 33).

Практики нашей повседневности оказываются симптоматичными по отношению к утверждаемому с каждым новым днем забвению, удерживающему насилие на безопасной дистанции и придающему ему сакральный статус.

КАПИТАЛИЗМ, СЕКС, ДЕПРЕССИЯ И ОТЧУЖДЕНИЕ

«В каком-то смысле наша повседневная реальность представляет собой отрицание, испуганное “нет” того, что происходит на самом деле» (с. 32). Тимофеева подробно анализирует логику и устройство этого «испуганного нет». Речь идет о системных процессах, превышающих способность отдельного человека от них абстрагироваться, декларируя свое неучастие. Капиталистическое отчуждение и деполитизация, коммодификация человеческих отношений, замыкание на частной жизни, бегство в болезнь и внутренняя эмиграция – все это в тех или иных формах составляло ткань нашего «мирного существования» на протяжении последних лет.

Опишу несколько фрагментов рассуждений Тимофеевой на темы любви и депрессии.

То, что мы часто принимали за любовь, на деле являлось лишь соответствием парадигме коммодификации сущего и, следовательно, человеческих связей. Согласно анализу Тимофеевой, война была тем, что на бессознательном уровне задавало координаты нашего воображаемого. Разъятые,

фрагментированные тела погибших на фронте солдат превращали наше желание во взаимодействие с рядом частичных объектов. Культура «потребления войны» через социальные сети привела к нормализации данного типа чувственности путем создания визуального экрана.

«В мире, где отношения между людьми обретают товарную форму, мы принимаем порно за секс, а мастурбацию – за любовь. Это общество одиночек, которые мечтают о любви и мастурбируют на порно, извергаясь на свалку частичных объектов, органов без тел и тел без душ. Вместо глубины взаимопроникновения – экран, визуальная репрезентация» (с. 109).

Что касается депрессии, то в описанный период истории российского общества она действительно выступала одним из самых распространенных означающих. С помощью его многие пытались описать собственный опыт душевного недомогания или шире – фрейдовского «недовольства культурой» как способа бытия в определенном социальном порядке.

Тимофеева ссылается на Марка Фишера и его работу «Капиталистический реализм», где одно из центральных рассуждений посвящено структурному анализу депрессии. Фишер показывает, что она является основным симптомом социальных и экономических процессов позднего капитализма. Можно добавить, что в контексте российского общества депрессия являлась скорее изнанкой авторитарной модели власти с сопутствующей ей тотальной деполитизацией, замыкающей человека на частной жизни. Дело не только в том, что мы не могли осознать социальную роль депрессии, но и в том, что сама идеологическая конструкция, в основе которой лежал акцент на индивидуализме, не позволяла этого увидеть.

В других эссе Оксана Тимофеева описывает прочие вариации отчуждения, каждая

из которых, разумеется, имеет свой ценностный аватар в идеологии позднего путинизма. С ними читатель может ознакомиться самостоятельно, я же ограничусь лишь двумя примерами, чтобы сохранить зазор для читательского любопытства.

«ЧТО СКАЗАЛ БЫ НА ЭТО ГЕГЕЛЬ?»

В последнем эссе сборника Тимофеева рассуждает о своем методе. Название книги – «Это не то» – можно читать и следующим образом: «это не то, чем кажется на первый взгляд». Методом борьбы с идеологическими кажимостями Тимофеева избирает гегелевскую диалектику, рассматривая, как в рамках сознания каж-дое понятие обнаруживает себя в своей противоположности.

«Уровень сознания – это пара противоположностей, и каждое “я” обнаруживает себя в своей противоположности, в ином, чем оно само: например, господство обнаруживает свою истину в рабстве, честность – в обмане, благородство – в низменности, а просвещение – в суевериях; [...] каждое “я” всегда уже есть “мы”, и такова вирусная природа языка: само общение – это форма заражения» (с. 197).

Это философское диалектическое сознание Оксана Тимофеева описывает с помощью метафоры вируса. Носители этого сознания должны стать «вирусом просвещения», задача которого – пробудить общество «от забвения мастурбации, войны и капитализма к сознательной жизни» (с. 112).

Из этого следует важный вопрос: как превратить настоящее в пространство праксиса вместо пространства отчужденного существования и «испуганного нет»?

Тимофеева делает ставку на бескомпромиссный тезис любой левой политики – идентификацию с угнетенными – и коллек-

тивные, горизонтальные формы организации сообщества, построенные на Эросе или либидинальных связях, создающих политические и творческие единства в противовес разрушению и замыканию.

«Логическая необходимость, с которой вирус здравого смысла будет распространяться и в конечном итоге победит, – всего лишь вопрос времени. Скорее поздно, чем рано. Наверное, мы этого не увидим, но пусть наше поколение ляжет брусчаткой моста, по которому дети сегодняшних иноагентов смогут перейти к более потребному будущему» (с. 120).

Однако сегодня мы видим, что эти практики, призванные преодолеть отчуждение, как минимум не сработали, а в пределе и вовсе обнаружили свой «сбитый прицел». Общественные дискуссии в среде оппозиции сегодня очень часто обретают столь неприятный для многих морализаторский характер и нередко выливаются в упоенное самобичевание. Нет ничего удивительного в том, что от этих процессов болезненной саморефлексии многие пытаются отстраниться посредством рационализации и взвешенного анализа, а то и полного воздержания от участия. Тем не менее мало кто станет спорить с тем, что подобные обсуждения улавливают некоторую истину, пусть и в искаженной форме. Кажется, мы все делали правильно, мы пытались, но почему же ничего не вышло? Признавая собственное бессилие, мы осуществляли эту трудную работу – подготовительные процессы демократизации, которые обязательно сыграют свою роль в новом обществе, – но теперь наблюдаем лишь усиление репрессий и умаление свободы? Как нам удавалось столь долго оставаться в неведении?

На мой взгляд, книга Оксаны Тимофеевой метко анализирует практики нашей

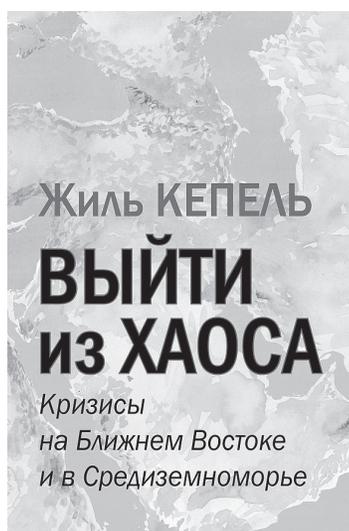
политической и социальной повседневности, а сам момент ее публикации подводит черту под привычными моделями поведения и ставит перед нами много новых и неудобных вопросов, ответы на которые нам еще только предстоит выработать совместными усилиями.

ВАЛЕРИЯ ЛЕВЧУК

Выйти из хаоса. Кризисы на Ближнем Востоке и в Средиземноморье

Жиль Кепель

М.: РОССПЭН, 2021. – 367 с. – 1000 экз.

Политическое востоковедение с полным основанием можно отнести к числу тех отраслей гуманитарного знания, которые в первой четверти нынешнего столетия переживают бурный рост. Удивляться этому, собственно, было бы странно: регион, последовательно генерировавший «Аль-Каиду», «арабскую весну» и «Исламское государство», не мог не стимулировать исследователей¹. Причем Ближний Восток

1 Обе упомянутые организации запрещены на территории Российской Федерации.

уже давно сохраняет репутацию такого предмета, где зарубежные и отечественные ученые трутся словно наперегонки: ведь русскоязычная школа изучения арабского мира издавна уважаема и солидна, а ее представители бесперебойно производят внушительный массив научной продукции. Иными словами, мотивированному русскоязычному читателю несложно найти интересную книгу об арабах и арабском мире – предложение сейчас весьма богато. Тем не менее при всем этом отечественном изобилии время от времени на рынке оказывается такая переводная книга, от которой буквально дух захватывает. Именно к такого рода выдающимся трудам стоит отнести работу видного французского арабиста, написанную в 2018 году и недавно появившуюся в русском переводе.

Жиль Кепель – профессор парижского Института политических наук (Sciences Po) – принадлежит к элите европейских исламоведов, а его книги, которых уже два десятка, переведены на двадцать языков². Несмотря на то, что в центре его научной экспертизы, как и принято у французских востоковедов, остается Левант, ученый работает широкой кистью, обозревая Ближний Восток и Северную Африку в целом. Несомненно, у директора Института востоковедения РАН Виталия Наумкина, написавшего предисловие к рецензируемой публикации, были все основания, чтобы назвать ее «одной из лучших в мировой научной литературе работ по современной истории арабского мира» (с. 5). Прочитав этот текст, я с удовольствием присоединяюсь к мнению российского академика.

Французский арабист предлагает многомерную и, главное, свежую трактовку той сумятицы, которая не оставляет Ближний

Восток и прилегающие к нему регионы на протяжении вот уже полувека. Как известно, эти территории не отличались спокойствием и прежде, особенно после того, как на карте мира появилось государство Израиль. Тем не менее за точку отсчета нынешней полосы ближневосточного беспорядка – «этот хаос распространился на весь мир 11 сентября 2001 года и достиг кульминации с созданием “Исламского государства” в 2014–2017 годах» (с. 17) – автор предлагает брать не 1948 год, а арабо-израильскую войну 1973 года, в ходе которой нефтедобывающие арабские страны впервые использовали углеводороды как оружие. Именно тогда египетские и сирийские улемы с одобрения своих властей провозгласили войну с израильскими джихадами, а баснословные цены на нефть позволили консервативным монархиям Персидского залива щедро его финансировать.

Последовавшее вскоре самоубийственное вторжение Советского Союза в Афганистан привнесло в эту динамику новые ноты: идея мусульманского джихада против неверных, которая после провалившихся попыток реанимировать ее в ходе двух мировых войн оставалась где-то на периферии исламского дискурса, зажила гораздо более бурной жизнью. В тот же период исламизация политики проявила себя и на иных территориях, где проживают мусульмане: иранская революция 1979 года дополнила возбуждение суннитской уммы агитацией шиитского мира. Интенсивное переосмысление собственных духовных и мирских практик, предпринимаемое обеими ветвями ислама, повышало в каждой из них градус пассионарности и наращивало конфликтный потенциал. В итоге

2 См. наиболее известные из них: КЕПЕЛЬ Ж. *Jihad: The Trail of Political Islam*. Harvard: Belknap Press of Harvard University Press, 2003; ИДЕМ. *The War for Muslim Minds: Islam and the West*. Harvard: Belknap Press of Harvard University Press, 2006; ИДЕМ. *Beyond Terror and Martyrdom: The Future of the Middle East*. Harvard: Belknap Press of Harvard University Press, 2010. Первая из этих работ издавалась на русском языке: КЕПЕЛЬ Ж. *Джихад: экспансия и закат исламизма*. М.: Ладомир, 2004.

к определенному моменту внутренняя мусульманская схизма, зародившаяся почти во времена Пророка, обострилась до такой степени, что вообще затмила арабо-израильский конфликт, сделавшись главным двигателем ближневосточных политических процессов.

В свою очередь, продолжает Кепель, это имело самые фундаментальные последствия не только для государств, населенных «благоверными», но и для всего остального мира. Исламская республика, утвердившаяся в Иране, первой обратилась к широкомасштабному использованию воинов-смертников во время ирано-иракской войны 1980–1988 годов; этот способ нашел многочисленных подражателей в суннитском лагере. Щедро финансируя в те дни афганских моджахедов – автор пишет, что за десять лет США вложили в это 4 миллиарда долларов, – американцы в 1980-е «не понимали ни значения суннитской политики исламизации, как ее видела Саудовская Аравия, ни форм, в которые эта политика выливалась» (с. 40). К концу этого десятилетия, по словам Кепеля, «исламизм уже всерьез и надолго обосновался в системе международных отношений» (с. 49). На первом этапе, однако, он был еще слаб: на всех трех фронтах джихада, открытых в 1990-е, а именно в Египте, Алжире и Боснии, воинствующих исламистов ждал провал. В книге каждый из этих кейсов обстоятельно и всесторонне анализируется.

Джихадисты, однако, отыгрались на втором этапе, связанном с деятельностью «Аль-Каиды». Руководители этой организации предложили принципиально новый метод борьбы с отступниками и «неверными»: заимствовав у шиитов Ирана и ориентированной на них «Хизбаллы» ширококомасштабное использование «живых бомб», они радикально переосмыслили их назначение. Источником новой разновидности терроризма теперь выступало

не государство, как было прежде в случае с революционным Ираном, для которого смертники всего лишь решали конкретные оперативные вопросы: Усама бен Ладен и его сподвижники «стояли за сложной структурой с размытыми границами, но максимально четкими задачами, не подлежавшими обсуждению, что ставило в затруднительное положение Запад с его набором средств и методов» (с. 79). Стратегия, использованная джихадистами на этом этапе, предполагала широкое и нарочитое освещение их действий в электронных СМИ. Театрализация терроризма была сознательно провокационной, поскольку смысл ее заключался в следующем:

«Заставить Запад направить свои войска в Афганистан, а после того, как они увязнут в этой ловушке, разгромить их, как это сделали двенадцатью годами ранее с советскими войсками. Бен Ладен и его окружение рассчитывали, разумеется, не на то, что атаки террористов-камикадзе 11 сентября сами по себе уничтожат США, а на то, что они запустят процесс, который в конечном счете сломит Запад» (с. 88).

Как известно, основатель «Аль-Каиды» был убит американским спецназом в 2011 году, накануне десятой годовщины разрушения «башен-близнецов», не дождавшись столь желанного исхода. Кепель же издал свою работу по-французски в 2018-м: он тоже тогда еще не мог знать, что очень скоро замысел «террориста № 1» будет посмертно и почти буквально воплощен в жизнь и «сионисты-крестоносцы» покинут Афганистан с тем же позором, с каким из него некогда уходили «советские кафиры». Но еще более тягостной ошибкой консолидированного Запада, как полагает автор, стало вторжение антитеррористической коалиции в Ирак, в конечном своем изводе не погасившее суннитский терроризм, а напротив, консолидировавшее и упрочившее его – подтолкнув появление

на свет зловещего «Исламского государства», которое положило начало третьему этапу джихадизма.

Начиная коалиционную операцию против Саддама Хусейна, США и их союзники рассчитывали устранить один из корней суннитского терроризма, апологетом и спонсором которого им представлялся иракский диктатор. Но на деле «американская оккупация Ирака в 2003–2011 годах привела к парадоксальному явлению – приходу к власти в Багдаде партий шиитов, клиентов Тегерана, заклятого врага Вашингтона» (с. 110). Тем самым была обещана дальнейшая эскалация взаимной ненависти двух мусульманских течений, наложившаяся на события начинавшейся «арабской весны». В 2010–2011 годах Ближний Восток и Северная Африка сделались ареной сразу нескольких революций, отличавшихся друг от друга накалом, продолжительностью и исходом. В книге предпринимается обстоятельный анализ шести основных революционных кейсов, подразделяемых автором на две категории. Для первой из них, куда относятся Тунис, Египет и Ливия, было характерно то, что носителя власти быстро свергали, а потом изгоняли, отправляли в тюрьму или убивали. Фактором, который объединял эти три страны, была относительная этническая и конфессиональная однородность их социумов, позволявшая различным сегментам, сражающимся с режимом, вступать во внутренние союзы и коалиции. Все эти государства были арабскими и суннитскими, что позволило им вопреки плачевым в целом итогам «арабской весны» избежать «трагических последствий кровавого раскола между суннитами и шиитами» (с. 116). Что касается второй группы, куда вошли Бахрейн, Йемен и Сирия, то она оказалась менее удачливой. Общества в этой тройке были расколота по религиозным линиям, и поэтому перспективы свержения тиранических режимов предопределялись тем,

удастся ли оппозиционерам выстроить межконфессиональные альянсы. Учитывая степень взаимного соперничества и даже ожесточения, типичную для взаимоотношений суннитов и шиитов в то время, подобные союзы не вызрели практически нигде: ни бахрейнцы, ни йеменцы, ни сирийцы, по сути, не представляли собой единого народа, способного совместными усилиями сокрушить ненавистный политический строй.

Для подробного рассмотрения всего этого революционного паяса автор резервирует едва ли не половину книги. Ожидания тех, кто хотя бы немного интересуется отшумевшими в 2010-х арабскими революциями, после чтения этого раздела будут вознаграждены: это по-настоящему пронизательный взгляд, сплетающий несколько параллельно разворачивавшихся сюжетов в единое полотно великого арабского катаклизма XXI века. (Говоря об этом, нельзя, впрочем, не признать, что всего через десять лет эту ближневосточную смуту основательно затмили некоторые другие нарративы.) Не собираясь пересказывать захватывающие авторские хроники «1001 революции» – все-таки рецензия есть жанр, заведомо скуповатый, – скажу лишь одно: этот материал в высшей степени достоин прочтения. Кстати, украшением этого раздела стала серия географических карт, выполненных в цвете и потому предельно наглядных. Издателям стоит выразить особую благодарность за то, что они в наш экономный век не поддались соблазну обойтись без этого украшения: книга, несомненно, стала бы дешевле, но столь же очевидно потеряла бы в выразительности и убедительности.

Именно с крахом провалившихся революций, в особенности сирийской, автор увязывает быстрое становление и краткосрочный триумф «Исламского государства». Дестабилизировав в 2003 году Ирак и передав власть в нем шиитскому большинству,

не преминувшему начать сведение счетов с долго угнетавшими его суннитами, США, пусть невольно, но мобилизовали тысячи радикалов, готовых присоединиться к немощному до поры «Исламскому государству».

«Когда волнения в Сирии переросли в вооруженное восстание, западные сторонники повстанцев сознательно закрывали глаза на нарастание салафитской и джихадистской его составляющих. Они продолжали цепляться за отжившие свое штампы и внеисторические сравнения, уподобля, например, происходящее в Сирии гражданской войне в Испании».

Результатом подобных aberrаций явилась полнейшая неспособность Запада «осознать масштаб тектонических сдвигов, происходящих в мусульманском мире» (с. 210–211). Погружаясь в историю «Исламского государства», автор напрямую увязывает деятельность этого образования с волной терактов, накрывшей Европу в середине 2010-х, а также показывает, как на его появление отреагировали ключевые региональные акторы. Он также детально разъясняет, кто и что приобрел (или потерял) после разгрома новоявленного «халифата», состоявшегося в 2017 году. Одним из очевидных выгодоприобретателей, как утверждается в книге, оказалась Москва.

Ничуть не симпатизируя Владимиру Путину, автор тем не менее полагает, что Россия выступила в Сирии более чем успешно, добившись целого ряда стратегических целей. Сирийская война серьезно повлияла на взаимоотношения Москвы с Израилем, Саудовской Аравией, Турцией и Ираном – и это как минимум! – вновь превратив ее в такого же реального «делателя» ближневосточной политики, каким она была до распада СССР.

«Если бы не вмешательство 30 сентября 2015 года, ничто не спасло бы Асада, балансировавшего на краю пропасти. Этот успех России повысил авторитет ее вооруженных сил в регионе и раздул портфель заказов ВПК, позволив вновь выпрямиться во весь рост на международной арене, что и представить себе было нельзя в конце прошлого века, в годы “черного десятилетия” Бориса Ельцина» (с. 304).

По-видимому, сказанное в значительной степени верно. Однако с того момента, когда французский востоковед издал свою книгу – напомним, она была написана в 2018-м, – история сильно убежала вперед, и то, что представлялось важным вчера, зачастую перестало казаться таковым сегодня, а вопросы, тревожащие нас в сию минуту, совсем не те, что волновали недавно. Не оказало ли, например, триумфальное взятие Алеппо и Пальмиры нежелательного влияния на державное самоощущение освободителей? Не могло ли чудесное спасение режима Башара аль-Асада убедить имперских романтиков в том, что власть в других странах можно не только спасать, но и менять посредством авиационных рейдов и «точечных» ракетных ударов? Не получилось ли так, что сирийские победы над джихадистами с их «халифатом», сами по себе вполне нужные и благородные, расшатали сдержки политического реализма в умах ответственных лиц? Наконец, не утратила ли Россия плоды всего наработанного на Ближнем Востоке, обратившись к демонстрации силы на своем Ближнем Западе? Я перечислил лишь несколько вопросов, на которые хотелось бы получить ответы профессора Кепеля. Причем, судя по всему, знаменитому востоковеду и вправду есть что сказать обо всем упомянутом, как свидетельствуют его недавние интервью, комментирующие текущие события³. Будем надеяться, что

3 См., например, интервью египетской газете «Аль-Ахрам», опубликованное летом нынешнего года: ALKAZAZ M., HANY H. *Interview: Russia-Ukraine War Is a Major Game Changer on the World Stage: Gilles Kepel* // Al-Ahram. 2022. August 12 (<https://english.ahram.org.eg/News/473070.aspx>).

его нынешняя работа не последняя из тех, что наш читатель увидит в русскоязычном переводе. Хотя по нынешним временам, прямо скажем, может быть всякое.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ, доцент факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения РГГУ

НЕ ТОЛЬКО МАК И НЕ ТОЛЬКО ВОЙНЫ

Афганистан: подлинная история страны-легенды

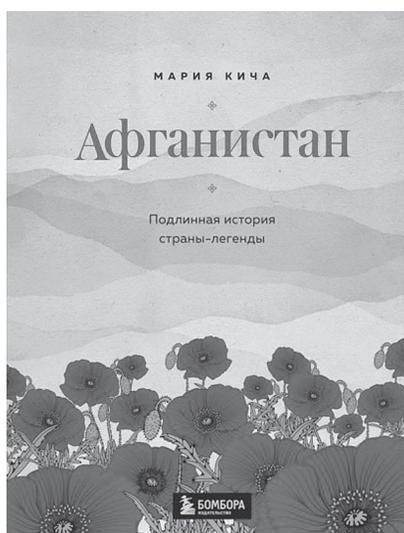
Мария Кича

М.: Бомбора, 2022. – 464 с. – 3000 экз.

Летом 2021 года многие из нас с неослабным вниманием следили за событиями в Афганистане: вывод военного контингента США и быстрый переход страны под контроль движения «Талибан» кого-то заинтриговали, а кого-то повергли в оцепенение. Стремительная афганская драма убеждала в том, что местный вооруженный исламизм несколько лет назад всего лишь взял передышку и только присутствие иностранных солдат не позволяло ему вновь развернуться во всю мощь. Теперь же время словно вернулось вспять, в конец 1990-х, когда те же талибы железной рукой насаждали на древней земле Афганистана свои суровые законы, изготавливаемые из причудливой смеси ислама и пуштунвали – традиционного свода норм, по которым издавна жили пуштунские племена.

Каким же образом современный Афганистан обзавелся непоколебимой репутацией «отсталой, нестабильной и опасной» страны – места, «где нет промышленности и образования, где не соблюдаются права человека и где царит будничное насилие» (с. 11)? О последней особенности, к которой сами местные жители, похоже, успели привыкнуть, автоматичес-

ки вспоминает чуть ли не каждый, едва заслышав об Афганистане – хотя еще полвека назад в эти края съезжались толпы хиппи, искавшие спокойствия, безмятежности. И если вдруг при упоминании этого географического названия вам на ум не приходит ничего, кроме бесконечных войн, бескрайних маковых полей и свирепых террористов, то рецензируемая книга настоятельно рекомендуется к прочтению. Дело в том, что Афганистан не всегда был таким: затянувшемуся периоду разрушений предшествовали совсем другие и менее известные этапы и события, которые тоже прочно вплелись в текстуру нынешнего афганского социума.

Афганистан очень давно стал объектом повышенного интереса солидных мировых игроков, как близких, так и не очень. Нередко эти игроки конфликтовали между собой из-за афганских земель, и это накладывало неизгладимый отпечаток на исторический путь страны. Причина равнодушия понятна: она кроется в географическом положении, сначала принесшим этой части «великого шелкового пути» процветание, а потом превратившимся в проклятие. Дело в том, что, доминируя в этой стране, можно оказывать действен-

ное и болезненное давление практически на все близлежащие государства, включая Индию, Пакистан, Китай, Турцию, Иран и республики Средней Азии. Подобная перспектива привлекала многих амбициозных правителей – и она же сделала Афганистан признанным «кладбищем империй». К этому соблазну добавляется и другой: афганский геополитический коридор, который охраняют, но не развивают, хранит в себе множество ископаемых, до разработки которых пока ни у кого не доходят руки. Конечно, география наделила здешние места не только плюсами, но и минусами, первейшим из которых следует признать нехватку воды. Естественные водные ресурсы для орошаемого земледелия не подходят, а создаваемые искусственно уничтожаются в каждом раунде частых войн. Известно, например, что во время советского присутствия в Кандагаре вырубали фруктовые сады, попутно уничтожив их оросительные системы, поскольку в садах находили укрытие моджахеды⁴.

Отправная точка авторского повествования располагается в седой древности, где-то еще до начала нашей эры, а конечная – в минувшем 2021 году. Рассказывая о доисламском периоде жизни афганцев, автор напоминает, что, согласно преданию, в Балхе родился, жил и умер Заратустра, основоположник зороастризма – и поэтому Северный Афганистан можно считать колыбелью этой религии. Важно отметить, что именно зороастризм обеспечил переход от многобожия к монотеизму, подготовив почву для последующего появления и распространения ислама. Впрочем, несмотря на такую религиозную родословную, нынешний Афганистан относится к странам с наибольшим процентом мусульманского населения: здесь нет даже сколько-нибудь влиятельного христианского меньшинства.

⁴ Подробнее см.: RASHID A. *Taliban: Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia*. New Haven: Yale University Press, 2010.

Первоначально Пуштунистан («страна пуштунов») находился в орбите Персии, перенимая ее культуру, обычаи, языки. После завершения походов Александра Македонского в этих землях оказались выходцы из материковой Греции, принесшие с собой эллинистическую культуру, однако вместе с падением Бактрийского царства она ушла навсегда. Империи сменяли друг друга, принося с собой новое население, вытеснявшее прежнее или вливавшееся в него, а вместе с людьми приходили и новые культуры. Только походы Чингисхана, говорится в книге, никак не обогатили этот плавильный котел. Более того, они отбросили афганские земли на сотни лет назад. Дело в том, что нашествие орды надолго укрепило децентрализованную кланово-племенную систему существования местных сообществ, так как она ощутимо повышала шансы на выживание в горах населения, спасающегося от монгольских набегов. При этом все имевшиеся на территории Афганистана крупные города, некогда соперничавшие с Багдадом, погибли вместе со своими просвещенными элитами.

С давних времен и до сих пор настоящий Афганистан – это мир деревень, каждая из которых являет собой самодостаточную социальную и экономическую единицу. Большинство жителей страны веками проживали именно в сельской местности. Власть в деревне выстраивалась по образцу семейных отношений: управляли ею старейшины кланов во главе с самым авторитетным патриархом. В деревнях также имелись малик (староста), отвечающий за связь с внешним миром и выплату налогов; мулла, управлявший религиозной стороной жизни; далак, посредничавший между мужским и женским мирами; мираб, отвечавший за пользование водой и функционирование оросительной системы.

Каждое сельское поселение было фактически замкнутым на себя самодостаточным миром. Интересно, что для взаимодействия и получения услуг в этом мире не использовались деньги: по большей части социальные обязанности выполнялись из уважения к односельчанам и следования традиции. С оседлым образом жизни в стране соседствовал кочевой быт. Кочевники неплохо уживались с обитателями городов, извлекая выгоду из обмена товарами на местных рынках; куда тяжелее выстраивались их отношения с деревнями, жителям которых не нравилось появление чужаков и их овец на родных пастбищах. Любой афганской власти на протяжении веков контроль над кочевниками давался нелегко: поскольку их сложно было сосчитать, налогообложение кочевого люда всегда оставалось большой проблемой. Кроме того, они охотно присоединялись к различным восстаниям.

Структуру страны можно назвать фрактальной: социально-политическое устройство Афганистана как будто воспроизводило архитектуру деревень, из которых он состоит. Правитель являлся скорее «отцом отцов», нежели монархом в европейском понимании слова. «Афганистан был не столько государством, сколько семейным предприятием», – так характеризуется этот порядок в книге (с. 113). Соответственно, понимание власти тоже отличалось от утвердившегося в Новое время на Западе: обязанностей перед населением у нее было гораздо меньше. Например, до XX века в стране отсутствовала полиция, а жители сами должны были заботиться о своей безопасности. Муллы, которые выполняли не только религиозные, но и образовательные функции, появлялись сами по себе, без государственного участия – напрямую из народной среды. Общая судебная система отсутствовала; все дела в каждом населенном пункте разбирала местная джирга – совет старейшин.

Попытка весьма преуспевшего в других своих начинаниях Ахмад-шаха, основавшего в XVIII веке современный Афганистан, создать всеобщую систему правосудия, провалилась: она предполагала личное обращение истцов к повелителю, но не многие отваживались беспокоить его. Эффективная самоорганизация на местах, которую демонстрировали афганцы, обесмысливала создание общегосударственных органов, так как они работали гораздо медленнее и требовали более затратных управленческих усилий.

Нам, однако, не стоит завидовать восточным правителям, так как для них потерять власть было куда проще, чем их западным коллегам. Порой выхода за рамки предписанного поведенческого шаблона, будь то в словах или в делах, оказывалось вполне достаточно, чтобы властителя отстранили от должности. Именно эту особенность, говорит автор, упускали из внимания все иностранцы, пытавшиеся управлять Афганистаном. Официальное провозглашение человека лидером в этой стране еще не делало его таковым *de facto*. Когда англичане вели с русскими «большую игру» за влияние в Центральной Азии, непонимание этого момента создавало им серьезные проблемы. Афганским авантюрам Британской империи в книге уделено много страниц, по которым, как мне кажется, вполне можно снять сериал о хитроумии Дост Мухаммедхана – афганского эмира первой половины XIX столетия.

Анализ исторических событий на страницах книги перемежается вставками из фольклорных или литературных источников соответствующей эпохи. Легендарные нарративы придают событиям легкий мистический налет, делающий и без того нескучное повествование еще более динамичным. Читателю словно предоставляется выбор: или придерживаться утвердившейся трактовки произошедшего, или же пред-

почесть более сказочный ее вариант. Если поговорки и легенды отражают традиционное мировосприятие афганцев, то литературные произведения – чаще всего стихотворные – многое могут сообщить, скажем, об отношениях человека и власти. Это особенно верно, если соотносить стихи с судьбами их создателей, которые чаще всего оказывались трагическими. Говоря о культуре, автор выделяет интегральный синтез, имевший место в XX веке: после Второй мировой войны афганская традиционная культура начала активно вестернизироваться. Под ритмы рок-н-ролла в страну пришел новый образ жизни: часть афганцев, пусть даже незначительная, начала жить на западный манер. В стране, кстати, даже появился свой «афганский Элвис Пресли». Тем не менее новые нравы не мешали тому, чтобы на праздниках в честь Дня независимости мужские команды продолжали соревноваться в перетягивании обезглавленной козлиной туши.

Книга снабжена терминологическим словарем, краткой хронологией недавней гражданской войны, базовыми статистическими показателями 2015–2021 годов и, *last but not least*, перечнем индустриальных и инфраструктурных объектов, которые СССР успел построить в Афганистане, пытаясь завоевать симпатии местных властей. Список, кстати, наглядно демонстрирует, в какой существенной мере современный Афганистан был сформирован Советским Союзом. Очень уместны и цветные вклейки с административным делением, вариациями государственного флага Афганистана в различные эпохи и портретами некоторых афганских деятелей. Произведение состоит из 29 глав, названия которых сформулированы настолько витиевато, что понять, о чем пойдет речь, до прочтения решительно невозможно (хотя в них и содержатся намеки). Наконец, завершают повествование пять причин,

объясняющих читателю, почему «афганский вопрос» остается очень важным для всех. Не вдаваясь в их детальный разбор, скажу просто: результаты пренебрежения Афганистаном, по заверениям автора, будут неутешительными.

«Афганистан сегодня занимает уникальную позицию – в центре мировой геополитики и одновременно на обочине цивилизации»: такими словами открывается эпилог (с. 437). Любовь, которая чувствовалась в авторском описании Афганистана с первых же страниц, по мере развертывания повествования постепенно уступала тревоге. Афганистан, говорится в книге – страна мифов, причем главным из них остается миф о его «непобедимости». Между тем дело совсем не в баснословной искусности пуштунских воинов – просто покорение страны чаще всего оказывалось для потенциального захватчика не целью, а только средством. Иностранцы уходили с афганской земли не из-за того, что их изгоняли: главной причиной становилось то, что их пребывание в Афганистане переставало быть нужным тем внешним силам, которые направляли сюда своих солдат. Таким образом, вопреки расхожему мнению моджахеды не победили СССР, а талибы не одолели США. Несмотря на все богатства природы, истории и культуры, поддерживающие любовь к этой земле, не стоит забывать, что современный Афганистан прочно ассоциируется с повсеместным нарушением прав человека, эксплуатацией детей, угнетением женщин, бедностью и террором. В начале XXI века здесь по-прежнему нет «типичного» государства, обладающего централизованной властью и универсальной правовой системой. Афганистану трудно войти в эпоху глобализации, сплывающую волевыми усилия отдельных государств, поскольку здесь очень долго не удается добиться сплочения даже внутринациональных воль. А от того, что настоящая государственность на эти

земли еще не пришла, страдают не только иностранные захватчики, но и сами афганцы.

МАРГАРИТА МЕДВЕДЕВА

Без видимых повреждений

Рэйчел Луиза Снайдер

М.: АСТ; CORPUS, 2021. – 432 с. – 2000 экз.

Серия «Анатомия современного общества»

Эта книга о явлении, которое совсем недавно в российском обществе горячо обсуждалось, а теперь как будто бы предано забвению, причем не потому, что оно исчезло – просто наш социум едва ли не в одночасье сделался принципиально другим.

«Домашнее насилие – это частное дело, оно никак не связано с другими формами насилия. [...] Раз нет видимых повреждений – нет поводов для тревоги. И, пожалуй, самое главное – если мишень удара не ты сам, то насилие не имеет к тебе отношения» (с. 15).

Вероятно, под этими словами, в которых автор изображает довольно типичную обы-

вательскую позицию, сейчас подписалось бы больше россиян, чем, скажем, год назад, ибо за этот период мы, вне всякого сомнения, подковались по части других, «неодомашненных» и более суровых, форм насилия. Тем не менее тема, которая поднимается в рассматриваемой книге, никак не затерялась на фоне прочего жизненного беспорядка; уже в первых строках автор напоминает, что в среднем по планете от рук сексуального партнера или члена семьи *ежедневно* погибают 137 женщин, а если добавить сюда детей и мужчин, то цифра станет еще более впечатляющей (с. 15). Иными словами, это потери практически военного масштаба, и потому о них нельзя не говорить – даже если информационная повестка активно выдавливает их на периферию общественного дискурса.

Несмотря на то, что в Америке случаи домашнего насилия составляют более 15% всех преступлений, эту проблему пока не принято обсуждать в полный голос. Журналистка Рэйчел Луиза Снайдер, несколько лет занимающаяся изучением этого уродливого явления, не согласна с таким положением вещей. Погружение в тему привело ее к убеждению, что насилию в домашних стенах можно и нужно противостоять: главное – привлечь к нему общественное внимание. Снайдер – довольно популярная фигура: она пишет для «The New Yorker», «The New York Times Magazine», «The Washington Post», «The New Republic» и других почтенных фламанов тиражной американской прессы. Журналистику и писательство она совмещает с преподаванием, работая в Американском университете в Вашингтоне. Материалом для представляемой здесь книги послужили несколько конкретных историй – резонансных преступлений, возбудивших американское общество. Соответственно, предпринятый Снайдер анализ актуален, конкретен и подкреплен десятками интервью.

Автор начинает с развенчания распространенного представления о том, что домашнее насилие меркнет на фоне иных его разновидностей, гораздо более ужасающих: согласно выявляемой ею закономерности, практически за всеми случаями массовых убийств в США фоновым образом обнаруживается предварительное применение силы в домашних стенах. Нередко, рассказывает Снайдер, расстрелу десятков людей предшествует расправа с собственными близкими. Именно так, в частности, было в случае Омара Матина, который в июне 2016 года застрелил 49 человек в ночном клубе в городе Орlando, штат Флорида. Статистика говорит, что домашнее насилие так или иначе фигурирует в 46% массовых расстрелов, а это подтверждает правоту людей, убежденных, что «частные случаи насилия имеют общественные последствия колоссального масштаба» (с. 17). В том же контексте автор упоминает и «снайпера» Джона Аллена Мухаммеда, который в октябре 2002 года на протяжении трех недель держал в страхе штаты Вирджиния и Мэриленд, а также округ Колумбия, стреляя в людей, как казалось, абсолютно бессистемным образом. В действительности же убийца, долго издевавшийся над своей женой, с которой уже не проживал вместе, после задержания сообщил полиции, что «наугад стреляя в случайных людей, надеялся скрыть свой истинный план – убить Милдред» (с. 19). Трагедий с такой подоплекой, по утверждению Снайдер, происходит множество, но публика о них не очень осведомлена. Дело в том, что в США «массовым расстрелом» считается убийство четырех или более людей и поэтому в большинстве своем подобные инциденты, но с меньшим числом жертв, освещаются только в местных или региональных новостях, будучи слишком «мелкими» для федеральной повестки.

Согласно автору, проведение журналистского расследования, посвященного

домашнему насилию, – нелегкая задача. Как известно, этика пишущего требует, чтобы о произошедшем могли высказаться обе стороны – как жертва, так и преступник; однако такой объективистский подход нередко создает угрозы тем, ради кого, собственно, материал и пишется – а эти люди и так находятся в зоне повышенного риска. В нескольких эпизодах Снайдер месяцы (или даже годы) продолжала беседовать с жертвой, а результата не было никакого, так как попросить о разговоре с насильником означало поставить под угрозу безопасность доверившегося журналистке человека: ведь в ситуации домашнего насилия избавление от мучителя не всегда равнозначно благоприятному исходу. Исходя из этого Снайдер ориентировалась на хрупкое равновесие между канонами журналистской этики и физической безопасностью тех, кто решился на беседу с ней: имена некоторых респондентов изменены, а информация об их личностях не раскрывается.

Домашнее насилие не похоже ни на какое другое преступление. Однако, сетует Снайдер, когда американские законодатели выделяют финансирование, призванное обеспечивать Акт против насилия над женщинами, суммы всегда оказываются мизерным. По мнению автора, будь все наоборот – если бы женщины избивали и убивали мужчин так же часто, как мужчины женщин, – отношение к проблеме было бы совершенно иным. Такое пренебрежение имеет давнюю традицию: ведь в истории человеческих сообществ применение силы в стенах домохозяйства почти никогда не считалось злом. На осень 2018 года, когда Снайдер писала эти строки, в мире существовало больше десятка стран, где избивание супруга или члена семьи не считалось преступлением: среди таковых в книге упоминаются, в частности, Египет, Гаити, Латвия, Узбекистан, Конго. Разумеется, в этом ряду оказывается и Россия, где «в 2017 году до-

машнее насилие, не приведшее к телесным повреждениям, было выведено из списка правонарушений» (с. 26). Что же касается США, то здесь позицию правозащитников и феминисток основательно ослабило президентство Дональда Трампа, который не только многократно и откровенно демонстрировал свою сексистскую враждебность к женщинам, но и стал фигурантом нескольких разбирательств, в центре которых были его сексуальные домогательства. В определенных слоях американского общества линия, которую проводит Трамп, пользуется популярностью – так что проблема насилия в американских домах очень далека от своего разрешения.

Цель книги, согласно авторскому замыслу, заключается в том, чтобы показать, как домашнее насилие выглядит изнутри и как с ним можно справиться. Каждая из трех частей посвящена какому-то одному глобальному аспекту темы. В первой поднимается самый трудный, по-видимому, вопрос: почему жертвы не уходят от тех, кто издевается над ними? В книге доказывается, что они не делают этого, потому что знают – любое резкое движение спровоцирует абьюзера:

«Они не уходят потому, что за многие годы нашли способы, которые иногда помогали успокоить разъяренных супругов: мольбы, упрашивание, задабривание, обещания, публичные проявления солидарности с агрессором в общении с теми самыми людьми – полицейскими, правозащитниками, судьями, адвокатами, членами семьи, – без помощи которых жертве вряд ли удастся выжить» (с. 82).

В принципе, считает журналистка, совсем не этот вопрос нам следует задавать. Ведь базовая проблема в действительности в другом: как защитить этих людей? Такой подход более чем актуален на фоне статистики, которой оперирует Снайдер: оказывается, в США в списке факторов, причиняющих преждевременную смерть,

домашнее насилие занимает вторую строчку для чернокожих женщин, третью – для индейских женщин, седьмую – для белых женщин. В целом же в Америке каждый год убивают двенадцать тысяч подвергающихся насилию женщин (с. 89). Разумеется, в это число не входят другие члены семьи, включая детей, которые оказываются для убийц «побочными потерями», а также сами агрессоры, которые, расправившись с близкими, лишают себя жизни. Не учитываются здесь и невинные прохожие: например, 26 прихожан техасской церкви, в которую пришел зять, намеревавшийся убить свою тещу – и в результате истребивший десятки людей. Однако в связи с тем, что «именно любовь отличает домашнее насилие от любого другого преступления» (с. 99), у вопроса о том, почему не уходит жертва, появляется обратная сторона. Почти никто не задумывается: а почему в разрушительном антагонизме остается абьюзер? Между тем парадокс домашнего насилия в том, что сами обидчики и агрессоры одновременно и сильны, и бессильны: доводя тезис до крайности, можно даже утверждать, что они находятся в столь же безвыходном положении, что и их жертвы.

Именно этому посвящена вторая часть книги, в которой домашнее насилие анализируется с учетом отношения к нему самих абьюзеров. По мнению Снайдер, исследователи слишком часто игнорировали их взгляды, беседуя исключительно с жертвами, правозащитниками и полицией. Между тем исключительно важно понимать, что представляет собой мужчина-агрессор, как он видит себя в обществе и позиционирует в собственной семье. Вопрос, можно ли отучить агрессора быть таковым, остается в центре авторских размышлений на протяжении всего повествования. Предложенные на него ответы подразделялись на три категории: полиция и правозащитники утверждали, что это невозможно; жертвы надеялись на положительный исход, а

сами абьюзеры считали, что такой сценарий вполне вероятен. С тем, что агрессия поддается регулированию и подавлению, согласны и занимающиеся этой темой специалисты – как теоретики, так и практики. В 1980-м в Сан-Франциско была запущена программа по перевоспитанию мужчин, склонных к жестокости, которая к 1984 году превратилась в курс «ManAlive» – рассчитанную на целый год реабилитационную практику, разделенную на три этапа. Автор рассказывает, как это работает:

«Первые двадцать недель мужчин подводят к осознанию, что они ответственны за свою агрессию. В течение следующих шестнадцати недель им прививают альтернативные навыки поведения в ситуациях, прежде вызывавших агрессию. А третья часть, которая также длится шестнадцать недель, обучает их стратегиям доверительного общения и сотворения полноценной жизни» (с. 170).

Как, несомненно, догадывается читатель, эта программа вдохновляется гендерной теорией и нейролингвистическим программированием.

К концу 1990-х у программы появились продолжатели, которые, однако, считали, что «ManAlive» неполна и нуждается в подкреплении иными элементами перевоспитания. Так на свет появилась программа «Resolve to Stop the Violence», обогатившая эксперимент из Сан-Франциско элементами восстановительного правосудия. Предусмотренные этой добавкой процедуры нацелены на примирение жертвы и агрессора. В целом восстановительное правосудие исходит из того, что почти каждый преступник способен осознать, какие страдания он причинил – и это позволяет ему «восстановить» своих жертв настолько это возможно. «Примирение, которое достигается благодаря встречам правонарушителей и жертв домашнего насилия, является главной целью этого подхода», – пишет

автор (с. 172). В ходе реализации упомянутой программы в штате Калифорния были выделены тюрьмы, куда еженедельно привозят пострадавших от домашнего насилия, которые на коллективных встречах с заключенными делятся своим опытом, рассказывая, как они продолжают жить с травмой. Многие из присутствующих на этих беседах мужчин впервые осознают, что травмы и жестокость могут иметь долгосрочные последствия. Под воздействием этих трагических историй сами заключенные начинают говорить о собственном опыте насилия: о том, как они отрицали свою вину, манипулировали партнерами и угрожали им, преуменьшали последствия своих поступков. «Иными словами, они видят мир чужими глазами» (с. 176). Впрочем, сетует Сандерс, за двадцать лет, прошедших с запуска этой успешной программы, ее опыт повторили менее чем в десяти тюрьмах, большинство которых находятся за пределами США.

Одно насильственное действие порождает другое. Бывший муж Снайдер, который всю жизнь служил в армии, говорил ей, что проблема заключается в том, что, кем бы ты ни был, пистолет в руке автоматически определяет, на чьей ты стороне: он лишает нейтральности. По мнению журналистки, жестокость, разлагающая «не только отдельных людей, но семьи, сообщества, города, страны», работает точно так же (с. 208). Согласно подходу «ManAlive», всякое общество формирует представления сильного пола о «мужской модели поведения». Если эта система ценностей в какой-то ситуации ставится под сомнение, наступает момент «рокового аффекта», когда жестокость оказывается *соблазнительным выбором*. В «ManAlive» такие мгновения также называют моментами активации «внутреннего убийцы» и исчезновения «подлинного Я». По свидетельствам выпускников программы, когда такое происходит, «достаточно совсем

маленького изменения, чтобы напомнить себе остановиться, выдохнуть, не обострять ситуацию» (с. 210). Как правило, абьюзеры, представленные в книге, преуменьшают собственную жестокость, рационализируют свою агрессию и обвиняют жертву: «Триада одного цикла – преуменьшение, рационализация, обвинения» (с. 219–220). Потом у них наступает раскаяние, следуют слезные извинения, обещания исправиться, признания в любви. Поразительно, но все агрессоры, по мнению автора, следуют этому универсальному сценарию.

Многие преступники, о которых рассказывается в книге, имели трудное детство и нередко видели, как их отцы неподобающе обращались с женщинами. Многие из них сами пострадали от сексуального насилия еще детьми. Большинство участников эксперимента оправдывали жестокость отцов, при этом демонизируя матерей. Один из руководителей программы «ManAlive», с которым побеседовала Снайдер, считает усвоение поведенческой модели отца-нарцисса типичным для домашних агрессоров. Мнение, что жертва сама провоцирует агрессию в свой адрес, до сих пор широко распространено. Подкрепляет его и то, что в жизни самих жертв зачастую царит беспорядок: они злоупотребляют алкоголем, наркотиками, экономически неблагополучны, асоциально себя ведут. В результате, констатирует Сандерс, абьюзеры в своем харизматичном нарциссизме нередко предстают обаятельными и нуждающимися в сочувствии, в то время как жертвы выглядят жалкими и отталкивающими. По этой причине, как констатируют правозащитники, насильникам и агрессорам сплошь и рядом удается обманывать систему, что делает их еще более опасными (с. 229). Разумеется, это мешает обществу справляться с насилием в домах и квартирах. Опираясь на эти соображения, автор предлагает вместо термина «домашнее насилие» использовать более точное понятие – отражающее

психологическую, эмоциональную, физиологическую специфику описываемых в книге ситуаций, – «терроризм со стороны интимного партнера» (с. 266).

В третьей части Сандерс описывает работу активистов, которые находятся на передовой борьбы с домашним насилием. Она подробно останавливается на реальных возможностях, имеющихся у этих людей: здесь анализируются выдвигаемые ими правозащитные инициативы, а также пути и способы их реализации. Автор особо подчеркивает, что превентивные программы гораздо выгоднее для общества, с сочувствием цитируя одну из подвижниц: «Наша деятельность требует минимальных затрат. В разы меньше, чем расследование убийства, судебный процесс и тюремное заключение» (с. 349). Ближе к концу затрагивается еще один любопытный нюанс, зачастую ускользающий от внимания публики, в частности, российской. В некоммерческих организациях, работающих с бытовым насилием, внимание журналистки обратили на то, что это не только женская проблема, как порой считается – намного сложнее мужчинам, которые терпят побои дома. (По разным источникам, на таковых приходится от 15% до 40% всех жертв домашнего насилия в Америке.) Представители этой невидимой группы редко просят убежища и редко обращаются в правоохранительные органы. Та же культура, которая убеждает женщин сохранить семью и любовь любой ценой, принижает и стыдит мужчин, подвергаясь домашнему насилию: она внушает им, что настоящие мужчины не могут быть жертвами. «Эта культура ограничивает и жертву, и преступника – и оскорбленного, и оскорбителя» (с. 372). Причем, отмечает Сандерс, у однополых партнеров в США ситуация обстоит не лучше: они тоже предпочитают избегать полиции или правозащитников, хотя, по статистике, в нетрадиционных парах уровень домашнего

насилия даже выше, чем у гетеросексуалов (с. 372). (Самый же высокий уровень насилия, по данным автора, фиксируется у трансгендеров и бисексуалов.)

Снайдер убеждена: домашнее насилие представляет собой проблему, поддающуюся решению, причем как в Америке, так и в других странах. Несмотря на то, что

в ее работе репрезентирован чужой опыт, оценка еженедельника «The New York Times Book Review», назвавшего этот труд «очень важной книгой» (с. 436), сохраняет свою актуальность и в российском контексте. Причем в нынешние времена – в особенности.

Юлия Крутицкая

Summary

The 145th *NZ* issue is, in the broadest sense, thematic. Most of its contents have to do, in one way or another, with the idea of “ruination” as a process, as well as with various aspects of the existence of “ruins”. Of course, what is meant here is not only and not so much physical ruins, the remains of architectural objects, but rather the destruction of established social structures and communities, political concepts and practices, the ruination and ruins of certain varieties of cultural consciousness. At the same time, some of the texts in this issue speak of politics and culture born from this kind of ruins. So the overall theme of the 145th *NZ* issue can be defined as follows: “The Ruins of Politics and Culture / Politics and Culture of the Ruins”.

The 145th issue opens with the Vladislav Inozemtsev’s essay “*The Collapse of «All Russia»*” in his regular column IMPERIAL CHRONICLES. It examines the current stage in the history of the Russian Orthodox Church, which, because of its ultimate transformation into an almost state-run institution, has ruined its own status as the “universal” church uniting the Orthodox Christians of the whole world, especially those from the so-called “Slavic countries”. The unconditional support of the Russian Orthodox Church for the Russian invasion of Ukraine has played a fatal role in this, alienating Orthodox churches outside the Russian Federation from it.

Alexey Levinson in his regular column SOCIOLOGICAL LYRICS publishes “*Ruin-22*”, talking about social ruination, about the consistent destruction of classes and social groups first in the USSR, and then in post-Soviet Russia – from the peasantry to the intelligentsia, from the nobility to the new “middle class”.

The first of the two texts in the POLITICS OF CULTURE section is Vladislav Degtyarev’s essay “*Cultural Ruin and Natural Ruin*”, where the reader is offered a brief outline of how the European cultural consciousness categorised architectural ruins – the “real” ones (that is, resulting from decline and destruction that occurred in the reality of history) and the “fake” ones (that is, objects *built as ruins to begin with*, ones that were never “whole”). The author’s reasoning focuses on the problem of historicisation of the destructive dialectics of “human activity” and “work of nature”. The second text is the article by *NZ* editor Igor Kobylin “*«Déjà Vu and the End of History»: Possibilities and Reality*”, where he continues the train of thought, started in the previous issue of the journal. Kobylin devotes his article to a discussion of the book “*Déjà Vu and the End of History*” by the Italian philosopher Paolo Virno, published in 2015. Kobylin focuses, in particular, on the eschatological perspective of capitalism, which claims to own all historical time in its totality, regardless of the destruction that history brings, as well as on capitalism’s claims to the role of its own “gravedigger” – the role which capitalism, according to the author, “historicises”.

Urban ruins, the remnants of industrial cities and of everyday urban life of the Soviet and post-Soviet period that are transformed by street art into socially significant contemporary art – these are the problems discussed in the first thematic selection of 145th *NZ* issue “STREET ART BETWEEN “GARAGE” AND THE UTILITY OFFICE”. This block opens with the article by Maria Udovydchenko, in which the author gives a brief outline of the history of Russian graffiti publications that are intended mainly for artists working in that genre. Anton *Make* Polsky talks about the so-called “housing and utilities” public art (or, from Russian, “ZHEK-art”) – a kind of folk, “everyday” version of street art and conceptualism. Natalia Kash gives a case of the “10.203” art-space activities.

The second thematic block “AFRICAN RUINS OF THE FUTURE” is devoted to neo- and post-colonial ruins – namely, the situation in Africa, which has developed after several stages of decolonisation and attempts of democratic reforms. In many countries of the continent the political, economic and social situation is close to desperate, and in some places there is a semi-hidden and sometimes even full-scale civil war going on. The first three texts are set in West and Northwest Africa. Alisa Shishkina and Egor Fine explore the phenomenon of the so-called “coup-volution”. It is a new term in political science, which denotes a dynamic change in the patterns of domestic and foreign policy of a state that happens not because of a *revolution*, but of a *coup*. This became relevant in some African countries during the time of the “Arab Spring”. Leonid Isaev and Daria Bobarykina tell the story of the Tuareg, who called “the African Kurds”: like the Kurds, the Tuareg did not manage to create their own nation state – either in the aftermath of

the collapse of colonial empires in Africa, or in the subsequent decades of conflict development in the regions, where they historically live. Ethnic and political crises in the sub-Saharan region that call into question the viability of states such as Burkina Faso are the subject of Natalia Zherlitsyna’s article. The piece by *NZ* editor Andrey Zakharov transports the reader to the south of Africa; the author tells the story of how the British authorities, preparing to leave the region in the late 1940s – 1950s, tried to create a sort of strange federation there, consisting of completely disparate regions and territories. This attempt, which went down in the history of federalism, predictably ended in failure.

Two reviews from the *NEW BOOKS* section connected to the topic of “post-colonial ruins of the future”. These are Andrey Zakharov’s review of the Russian translation of the book “*Away from Chaos. The Middle East and the Challenge to the West*” by the French orientalist Gilles Kepel, and Margarita Medvedeva’s reviews Maria Kicha’s work “*Afghanistan. The True History of the Legendary Country*”.

Tatiana Vorozheikina in her column *THE REVERSE OF THE METHOD* analyses the ruination of democratic procedures and centrist politics on the material of another continent – Latin America. This time the focus is on Brazil, where a presidential election of critical importance for the country is taking place. Two former presidents are vying for office, the far-left politician Luiz Inácio Lula da Silva and the right-wing populist Jair Bolsonaro, who is currently in power.

The 145th *NZ* issue features an excerpt from the book “*It Gets Me Home, This Curving Track*” by the British music critic and journalist Ian Penman. It is an essay on the great funk artist James Brown, where his biography is recounted

against the backdrop of black Americans' struggle for their rights and the political history of the United States in the 1950s–1970s. The Russian translation of Penman's book is scheduled for release by the New Literary Review publishing house at the end of 2022.

This *NZ* issue also includes the very first voluminous study/investigation by the historian Boris Sokolov, who traces the fates of Soviet writers, classic authors of socialist realism, during the Russian

Civil War. In his article "*Socialist Realist in the Camp of the White Warriors*", Sokolov provides substantial evidence that in 1919 the Soviet poet and literary functionary Nikolai Tikhonov served not in the Red Army, but rather in the anti-bolshevik army of General Nikolai Yudenich.

The 145th *NZ* issue concludes with the *RUSSIAN INTELLECTUAL JOURNALS' REVIEW* by Alexander Pisarev and the *NEW BOOKS* section.

www.eurozine.com

The most important articles on European culture and politics

Eurozine is a netmagazine publishing essays, articles, and interviews on the most pressing issues of our time.

Europe's cultural magazines at your fingertips

Eurozine is the network of Europe's leading cultural journals. It links up and promotes over 100 partner journals, and associated magazines and institutions from all over Europe.

A new transnational public space

By presenting the best articles from the partner magazines in many different languages, Eurozine opens up a new public space for transnational communication and debate.

The best articles from all over Europe at www.eurozine.com **eurozine**

Оформить подписку на журнал можно в следующих агентствах:

«Подписные издания»:
подписной индекс П3832
(только по России)
<https://podpiska.pochta.ru>

«МК-Периодика»:
подписной индекс 45683
(по России и за рубежом)
www.periodicals.ru

«Экстра-М»:
подписной индекс 42756
(по России и СНГ)
www.em-print.ru

«Ивис»:
подписной индекс 45683
(по России и за рубежом)
www.ivis.ru

«Информ-система»:
подписной индекс 45683
(по России и за рубежом)
www.informsystema.ru

«Информнаука»:
подписной индекс 45683
(по России и за рубежом)
www.informnauka.ru

«Прессинформ»:
подписной индекс 45683
(по России и СНГ)
<http://pinform.spb.ru>

«Урал-Пресс»:
подписной индекс: 45683
(по России и за рубежом)
www.ural-press.ru

Приобрести журнал вы можете в следующих магазинах:

В Москве:
«Московский Дом Книги»
ул. Новый Арбат, 8
+7 495 789-35-91

«Фаланстер»
М. Гнездиновский пер., 12/27
+7 495 749-57-21

«Фаланстер» (на Винзаводе)
4-й Сыромятнический пер., 1-6 (территория ЦСИ Винзавод)
+7 495 926-30-42

«Циолковский»
Пятницкий пер., 8
+7 495 951-19-02

В Санкт-Петербурге:
На складе издательства
Лиговский пр., 27/7
+7 812 579-50-04
+7 952 278-70-54

В Воронеже:
«Петровский»
ул. 20-летия ВЛКСМ, 54а
(ТЦ «Петровский пассаж»)
+7 473 233-19-28

В Екатеринбурге:
«Пиотровский»
ул. Б. Ельцина, 3
(«Ельцин-центр»)
+7 343 312-43-43

В Нижнем Новгороде:
«Дирижабль»
ул. Б. Покровская, 46
+7 831 434-03-05

В Перми:
«Пиотровский»
ул. Ленина, 54
+7 342 243-03-51